

НОВЫЙ РОМАН АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА "ПРАВДА О ДЕЛЕ ГАРРИ КВЕБЕРТА"

ЖОЭЛЬ ДИККЕР

ЗАГАДКА

НОМЕРА 622

CoRpus

Annotation

Автор бестселлеров “Правда о деле Гарри Квеберта” и “Книга Балтиморов”, лауреат Гран-при Французской академии и Гонкуровской премии лицеистов, Жоэль Диккер до сих пор считался “самым американским” из европейских писателей. Однако в “Загадке номера 622” он удивил всех, впервые избрав местом действия книги свою родину – Швейцарию. Местный колорит здесь не просто фон – завязкой для сюжета послужило “чисто швейцарское” убийство.

Писатель отправляется отдохнуть в роскошный горный отель, но вместо отдыха распутывает таинственное преступление, совершенное там много лет назад. В этой безумной истории есть все – труп на первой странице, любовный треугольник, блеф и театральные эффекты с участием богатых финансистов и наследниц русского дворянского рода. Кто убийца? Уж точно не тот (не та, не те), кого назначит на эту роль самый вдумчивый читатель. Интрига петляет, как серпантин в Швейцарских Альпах, 600-страничный роман держит в напряжении от первой до последней строчки. И не удивительно, что роман входит в десятку самых успешных книг, написанных на французском языке в 2020 году, а тираж его стремительно приближается к миллиону.

-
- [Жоэль Диккер](#)
 -
 - [Пролог](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)

- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23 Операция “Перевербовка” \(1/2\)](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25 Операция “Перевербовка” \(2/2\)](#)
- [Глава 26](#)
- [Часть вторая](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Глава 42](#)
 - [Глава 43](#)
 - [Глава 44](#)
 - [Глава 45](#)
 - [Глава 46](#)
- [Часть третья](#)
 - [Глава 47](#)
 - [Глава 48](#)
 - [Глава 49](#)

- [Глава 50](#)
 - [Глава 51](#)
 - [Глава 52](#)
 - [Глава 53](#)
 - [Глава 54](#)
 - [Глава 55](#)
 - [Глава 56](#)
 - [Глава 57](#)
 - [Глава 58](#)
 - [Глава 59](#)
 - [Глава 60](#)
 - [Глава 61](#)
 - [Глава 62](#)
 - [Глава 63](#)
 - [Глава 64](#)
 - [Глава 65](#)
 - [Глава 66](#)
 - [Глава 67 “Ле Дом”](#)
 - [Глава 68](#)
 - [Часть четвертая](#)
 - [Глава 69 Падение](#)
 - [Глава 70](#)
 - [Глава 71](#)
 - [Глава 72](#)
 - [Глава 73](#)
 - [Глава 74](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
-
-

Жоэль Диккер

Загадка номера 622

Моему издателю, другу и учителю Бернару де Фаллуа (1926–2018).

*Пусть всех писателей в мире жизнь сведет
однажды с таким выдающимся издателем*

© Moose Publishing – Paris 2020

© М. Зонина, перевод на русский язык, 2021

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2021

© ООО “Издательство Аст”, 2021

Издательство CORPUS ®

Пролог

Наутро после убийства

(Воскресенье, 16 декабря)

В полседьмого утра “Палас Вербье” был погружен во тьму. Снаружи еще не рассвело и валом валил снег.

На шестом этаже открылись дверцы служебного лифта. Оттуда вышел официант с завтраком на подносе и направился к люксу 622.

Подойдя, он заметил, что дверь приоткрыта. Сквозь щелку просачивался свет. Официант объявил о своем приходе, но никто не отозвался. В конце концов он решил войти, предполагая, что дверь открыли специально для него. Заглянув внутрь, он вскрикнул от ужаса. И тут же убежал – поднять тревогу и позвать на помощь.

По мере того как страшная новость распространялась по “Паласу”, на всех этажах зажигался свет.

В номере 622 на ковре лежал труп.

Часть первая
До убийства

Глава 1

Любовь с первого взгляда

В начале лета 2018 года, отправляясь в “Палас Вербье”, фешенебельный отель в Швейцарских Альпах, я был далек от мысли, что свой отдых мне придется посвятить распутыванию преступления, совершенного в этих стенах много лет назад.

Вообще-то я надеялся слегка развеяться после пары катаклизмов в личной жизни. Но прежде чем рассказать, что случилось тем летом, я должен вернуться к истокам этой истории, а именно к смерти моего издателя Бернара де Фаллуа.

Бернару де Фаллуа я обязан всем.

Мой успех и известность – его рук дело.

Благодаря ему меня стали называть *писателем*.

Благодаря ему меня стали читать.

Когда мы познакомились, я уже писал, но вообще не издавался. Он превратил меня в романиста, которого читают во всем мире. Этот вальяжный патриарх был одним из самых видных деятелей издательского мира Франции. Для меня он стал учителем и, прежде всего, несмотря на шестьдесят лет разницы в возрасте, близким другом.

Бернар умер в январе 2018-го, на девяносто втором году жизни, и я – как и приличествует писателю – сел сочинять о нем книгу. Я ушел в нее с головой, запершись в кабинете у себя дома, на проспекте Альфреда Бертрана, 13, в женевском квартале Шампель.

В таком состоянии я просто не выношу ничьего присутствия, за исключением Дениз, моей помощницы. Добрая фея Дениз любит нянчиться со мной. У нее всегда хорошее настроение, она составляет мне расписание, сортирует и систематизирует письма читателей, редактирует и вычитывает мои тексты. Помимо этого, ей случается забивать до отказа холодильник и пополнять запасы кофе. Ну и наконец, взяв на себя обязанности судебного врача, она может ворваться в мой кабинет, словно на борт корабля, вернувшегося из дальнего плавания, и буквально замучить меня полезными советами.

– Вон отсюда! – любезно приказывает она. – Пойдите прогуляйтесь по парку, проветритесь немного. Вы часами торчите взаперти!

– Я уже бегал рано утром, – сопротивляюсь я.

– Вам следует регулярно насыщать мозг кислородом!

От нее так просто не отвяжешься.

Эта перепалка стала нашим ежедневным ритуалом. Я послушно выходил на балкон, делал глубокий вдох, заполняя легкие свежим февральским воздухом, после чего, откровенно подкалывая ее, закуривал. Дениз ужасалась и удрученно заявляла мне:

– Знаете что, Жоэль, я, пожалуй, не буду выбрасывать окурки из пепельницы. Так вы поймете хотя бы, как много курите.

Все то время, пока я писал роман, я упрямо соблюдал поистине монашеский распорядок дня, состоявший из трех основных этапов: подъем на рассвете, пробежка, работа до позднего вечера. В каком-то смысле именно благодаря этой книге я и познакомился со Слоан, моей новой соседкой по этажу. Она переехала сюда недавно, но все обитатели дома только о ней и говорили. Лично я до сих пор еще с ней не пересекался. В то утро, подходя к дому после своего ежедневного марафона, я впервые увидел ее. Она тоже возвращалась с пробежки, и мы вместе вошли в подъезд. Я сразу понял, почему Слоан пользовалась таким успехом – это была молодая женщина, прелестная и обаятельная. Мы вежливо кивнули друг другу и скрылись каждый в своей квартире. Захлопнув за собой дверь, я застыл с открытым ртом. Этой мимолетной встречи мне хватило, чтобы немного в нее влюбиться.

Вскоре мной завладела неотвязная мысль – познакомиться со Слоан.

Первую попытку я предпринял практически на бегу. Слоан выходила бегать почти каждый день, но в разное время. Я часами бродил по парку Бертрана, уже не надеясь с ней встретиться. Потом внезапно она проносилась по какой-нибудь дальней аллее. Но как правило, я даже не пробовал угнаться за ней и отправлялся ждать ее в подъезде. Я топтался у почтовых ящиков и всякий раз, когда мимо проходили соседи, делал вид, что вынимаю письма. Потом наконец появлялась она, улыбалась мне на ходу, отчего я сразу таял и терялся, и пока я судорожно соображал, что бы выдать такого умного, она исчезала.

Наша консьержка, мадам Арманда, все мне про нее рассказала. Слоан – врач-педиатр, ее мать – англичанка, отец – адвокат, она два года прожила с мужем, но у них не сложилось. Работает в Университетской клинике Женевы то по дневному, то по ночному графику – теперь понятно, почему мне не удавалось вычислить ее расписание.

Поскольку пробежки не принесли желаемого результата, я решил изменить тактику и поручил Дениз понаблюдать в глазок за лестничной площадкой и предупредить меня, когда выйдет Слоан. Заслышав крики

Дениз (“Вот она!”), я, весь из себя расфуфыренный и благоуханный, выскакивал из кабинета и как бы случайно возникал на пороге. Но мы только здоровались, не более того. Как правило, она спускалась пешком, что тут же пресекало любую попытку пообщаться. Я шел следом за ней, но что толку? Выйдя на улицу, она мгновенно испарялась. В те редкие дни, когда Слоан садилась в лифт, я терял дар речи и в кабине воцарялось неловкое молчание. В обоих случаях я возвращался домой несолоно хлебавши.

– И что? – спрашивала Дениз.

– И ничего, – бурчал я в ответ.

– Ну вы и осел, Жоэль! Да придумайте же что-нибудь!

– Я стесняюсь.

– Хватит придуриваться! На экране телевизора вид у вас отнюдь не застенчивый!

– Потому что по телевизору вы видите писателя. А Жоэль совсем другой человек.

– Да ладно, Жоэль, какие проблемы: позвоните ей в дверь, вручите букет цветов и пригласите на ужин. Вам что, лень к цветочнику идти? Хотите, я этим займусь?

Как-то апрельским вечером я в одиночестве отправился на “Лебединое озеро” в Женевскую оперу. И в антракте, выйдя покурить, столкнулся со Слоан. Мы не успели толком поговорить, потому что прозвенел звонок на второе действие, и она предложила пойти выпить после спектакля. Мы встретились в кафе “Ремор”, в двух шагах от театра. Так Слоан вошла в мою жизнь.

Слоан была красивой, веселой и умной. Мало кто производил на меня такое впечатление. После того вечера в “Реморе” я несколько раз приглашал ее на концерт или в кино. Один раз потащил на вернисаж какой-то несусветной выставки современного искусства, откуда мы сбежали, умирая со смеху, и пошли ужинать во вьетнамский ресторан, который она очень любила. Пару вечеров мы провели в гостях друг у друга, слушая оперу и беседуя о судьбах мира. Я не мог оторвать от нее взгляда, она сводила меня с ума. Мне нравилось в ней все – как она моргала, как поправляла прядки волос, как мило улыбалась, смущаясь, как ломала пальцы с покрытыми лаком ногтями, прежде чем что-то у меня спросить.

Вскоре она уже занимала все мои мысли. Настолько, что я совсем забросил работу над книгой.

– По-моему, вы витаєте в облаках, бедный мой Жоэль, – говорила

Дениз, замечая, что за последнее время я не написал ни строчки.

– Это все Слоан виновата, – оправдывался я, сидя перед выключенным компьютером.

Мне не терпелось снова увидеться с ней и продолжить наши бесконечные разговоры. Я мог без усталости слушать ее рассказы о жизни и увлечениях, о прожектах и мечтах. Она любила фильмы Элиа Казана и оперу.

Как-то раз, довольно много выпив за ужином в квартале Паки, мы оказались в итоге в моей гостиной. Слоан рассматривала на полках книги и безделушки. Она надолго застыла перед пейзажем Санкт-Петербурга, который достался мне от двоюродного деда. Потом внимательно изучила крепкие напитки в баре. Ей очень понравилась рыбина, украшающая бутылку “Белуги”, и я налил нам по рюмке водки со льдом. Я включил радио на канале классической музыки, которую часто слушал по вечерам. Она ехидно спросила, угадаю ли я композитора. Подумаешь, дело, это был Вагнер. Слоан поцеловала меня под звуки “Валькирии”, обняла и прошептала “хочу тебя”.

Нашим отношениям суждено было продлиться два месяца. Два незабываемых месяца. Но мой роман о Бернаре понемногу одержал верх. Сначала я пытался писать ночами, пока Слоан дежурила в клинике. Но чем дальше, тем больше книга увлекала меня. Как-то вечером она предложила куда-нибудь пойти, и я впервые ответил ей отказом. “Мне надо работать”, – объяснил я. Тогда Слоан отнеслась к этому с пониманием. Она тоже порой задерживалась с пациентами дольше, чем предполагала.

Вскоре я снова отклонил ее приглашение. Она и тут не рассердилась. Поймите меня правильно: я наслаждался каждым мгновением, проведенным в ее обществе. Но мне казалось, что у нас с ней это навсегда и наши междусобойчики будут длиться вечно. Тогда как писательское вдохновение могло вмиг улетучиться, и я просто не имел права упускать его.

Наша первая размолвка произошла как-то ночью, в середине июня, когда, разжав объятия, я встал с ее кровати и оделся.

– Ты куда? – спросила она.

– Домой, – ответил я, как будто это само собой разумелось.

– Ты не останешься со мной?

– Нет, я хочу поработать.

– То есть зашел потрахаться и свалил?

– Мне надо хоть немного продвинуться, – возразил я с виноватым

видом.

– Ты что, так и будешь писать как заведенный! – разозлилась она. – Ты сидишь над романом все дни напролет, даже по выходным! Это уже ни в какие ворота не лезет! А меня совсем забыл.

Я чувствовал, что наша любовь грозит угаснуть так же стремительно, как вспыхнула. Надо было действовать. Поэтому несколько дней спустя, накануне отъезда в десятидневный промотур по Испании, я повел Слоан ужинать в ее любимый японский ресторан на крыше “Отеля де Берг”, со сказочным видом на женевскую гавань. Мы прекрасно провели время. Я пообещал ей, что роману о Бернаре предпочту “наш с ней”, без конца повторяя, как она мне дорога. Мы даже помечтали, что в августе вместе съездим в нашу обожаемую Италию. Вот только куда – в Тоскану или в Апулию? Мы договорились заняться отпускными планами, как только я вернусь из Испании.

Мы просидели в ресторане до часа ночи, пока он не закрылся. Хотя лето только начиналось, ночь выдалась очень теплой. За ужином меня не покидало странное ощущение, что Слоан чего-то от меня ждет. И только теперь, когда мы собрались уходить и я встал, а служащие поспешили вымыть террасу вокруг нас, Слоан спросила:

– А ты забыл, да?

– Что я “забыл”?

– У меня сегодня день рождения...

По моему оторопелому виду она поняла, что не ошиблась. И в ярости ушла. Я попытался удержать ее, рассыпаясь в извинениях, но она села в единственное свободное такси у входа в отель, а я остался стоять на ступеньках, один, как дурак, под насмешливыми взглядами парковщиков. Пока я добрался до своей машины, пока доехал до дома 13 на проспекте Альфреда Бертрана, Слоан уже успела вернуться к себе, отключила телефон и не пожелала открыть мне дверь. На следующий день я улетел в Мадрид и в течение всего моего пребывания там бесконечно оставлял ей сообщения и писал мейлы, но ответа не получил. У меня не было от нее никаких вестей.

Я вернулся в Женеву утром в пятницу, 22 июня, и узнал, что Слоан меня бросила.

В роли вестника выступила Арманда, наша консьержка. Она перехватила меня, как только я вошел в дом.

– Вам письмо, – сказала она.

– Да?

– От вашей соседки. Она не захотела опустить его в ящик, потому что

ваша помощница читает всю почту.

Я сразу вскрыл конверт. В записке было всего несколько строк:

*Жоэль,
у нас ничего не выйдет.
До скорого.*

Слоан

Ее слова ранили меня в самое сердце. Опустив голову, я поднялся к себе в надежде, что хотя бы Дениз скрасит на время мое существование. Дениз, милейшая особа, от которой муж ушел к другой, – символ современного одиночества. А лучшее лекарство от одиночества, как известно, общение с тем, кто еще более одинок! Но я столкнулся с ней на пороге своей квартиры. Дениз явно собралась уходить, притом что не было еще и двенадцати.

– Вы куда? – спросил я, даже не поздоровавшись.

– Здравствуйте, Жоэль, я же говорила, что сегодня уйду пораньше. У меня самолет в три часа.

– Самолет?

– Только не говорите мне, что опять все забыли! Мы же обсудили мой отпуск до вашего отъезда в Испанию. Мы с Риком летим на две недели на Корфу.

С Риком Дениз познакомилась по интернету.

Мы и правда говорили с ней об их поездке. У меня это совершенно вылетело из головы.

– Слоан меня бросила, – объявил я.

– Я знаю и очень вам сочувствую.

– То есть как *вы знаете*?

– Консьержка прочла письмо, которое Слоан ей для вас оставила, и все мне рассказала. Я не рискнула потревожить вас в Мадриде.

– И тем не менее решили уехать?

– Я не намерена отменять отпуск только потому, что от вас ушла очередная подружка! Да вы в два счета найдете ей замену. Вам все бабы глазки строят. Ладно, увидимся через две недели. Оглянуться не успеете! Кроме того, я обо всем позаботилась, голодать не будете. Смотрите!

Дениз поспешно повела меня на кухню. Узнав о моем разрыве со Слоан, она поняла, что я надолго засяду дома. Очевидно опасаясь, что в ее отсутствие я вообще прекращу принимать пищу, она накупила еды на полк

солдат, забив провизией все сверху донизу, от кухонных шкафов до морозилки.

После чего она ушла. Бросив меня в полном одиночестве. Я сварил себе кофе и сел за длинную стойку из черного мрамора, вдоль которой стояли в ряд высокие стулья, безнадежно пустые. На этой кухне могли поместиться десять человек, но увы, кроме меня тут никого не было. Я потащился в кабинет и долго маялся там, разглядывая наши со Слоан фотографии. Потом взял карточку из плотной бумаги, вывел на ней имя Слоан и, поставив дату, чтобы запечатлеть ужасный миг расставания, приписал: “22.6 – забыть этот день”. Но мне никак не удавалось выкинуть ее из головы. Все здесь напоминало о ней. Даже диван в гостиной, где я в конечном итоге развалился, напомнил мне, как всего пару месяцев назад на этом месте, вот на этих вот подушках, у меня начался самый потрясающий в жизни роман, который я умудрился пустить под откос.

Я буквально бил себя по рукам, чтобы не постучаться к Слоан и не позвонить ей. К вечеру мне стало совсем невмоготу, и я уселся на балконе, куря сигарету за сигаретой, в надежде, что Слоан тоже покажется и мы “случайно” увидимся. Но мадам Арманда, выйдя погулять с собакой, заметила меня снизу и, обнаружив все на том же месте, когда вернулась через час, крикнула, приближаясь к подъезду: “Зря ждете, Жоэль! Ее нет. Она уехала в отпуск”.

Я вернулся в кабинет. Мне просто необходимо было сбежать отсюда. Я полагал, что, оказавшись на время далеко от Женевы, перестану думать о Слоан. Мне хотелось спокойствия и безмятежности. И тут на столе, в ворохе записок о Бернаре, мне попалось на глаза упоминание о Вербье. Он обожал это место. Почему бы и мне туда не отправиться – насладиться альпийской тишиной и хоть немного прийти в себя. Какая прекрасная мысль. Я включил компьютер, вошел в интернет и почти сразу попал на сайт легендарного “Паласа Вербье”. Быстро прокрутив выложенные там фотографии, я понял, что нашел свое счастье: залитая солнцем терраса, бассейн с джакузи, вид на фантастические пейзажи, интимный полумрак в гостиничном баре, уютные салоны и роскошные люксы с камином. Самое оно. Я нажал “Забронировать” и быстро вписал даты.

Вот так все и началось.

Глава 2

Отпуск

В субботу, 23 июня 2018 года, на рассвете, загрузив чемодан в багажник своей машины, я двинулся в сторону Вербье. На горизонте вставало солнце, окутывая пустынные женевские улицы густо-оранжевой дымкой. Переехав Рону по мосту Монблан, я пронесся по цветущим набережным до квартала ООН и вырулил на автостраду по направлению к Вале.

Это раннее летнее утро привело меня в восхищение: небо переливалось чудесными красками, пейзажи по обе стороны шоссе виделись мне еще более буколическими, чем обычно, деревеньки, разбросанные среди виноградников над Женевским озером, так и просились на открытку. Я свернул с автострады в Мартины и поехал по узкой извилистой дороге, которая после Ле-Шабля вьется серпантинном вверх до самого Вербье.

Через полтора часа я прибыл на место. Утро только занималось. Следуя указателям, я выехал по главной улице прямо к “Паласу”. Он был расположен сразу за чертой города (в нескольких минутах ходьбы от него), но все же на достаточном расстоянии, чтобы почувствовать себя вдали от всего, любуясь восхитительным видом на Валь-де-Бань. “Палас Вербье”, типичный горный отель, с башенками и широкой покатой крышей, утопал в зелени, возвышаясь над стеной соснового бора.

В “Паласе” меня встретили очаровательные предупредительные сотрудники. Тут все буквально источало умиротворение, и мне сразу стало хорошо. Пока я заполнял формуляр на стойке регистрации, кто-то из служащих спросил:

– Вы ведь писатель, верно?

– Да.

– Ваше присутствие большая честь для нас. Я прочел все ваши книги. Вы приехали писать новый роман?

– Только не это! – засмеялся я. – Я приехал отдохнуть. Отпуск, отпуск, отпуск!

– Думаю, вам у нас понравится, мы приготовили для вас один из лучших люксов. Номер 623.

Портье, забрав мои чемоданы, сопровождал меня на шестой этаж. Следуя за ним по коридору, я смотрел, как мелькают двери с номерами.

Каково же было мое удивление, когда я обнаружил, что одного явно недостает: 620, 621, 621-бис, 623!

- Странно, – заметил я, – шестьсот двадцать второго вообще тут нет.
- Да, – ответил портье, не утруждая себя объяснениями.

Номер 623, оформленный в современном стиле, удачно контрастировавшем с общей атмосферой “Паласа”, превзошел все мои ожидания. Там была гостиная с большим диваном и камином, кабинет с видом на долину и просторный балкон. Из спальни с огромной кроватью дверь вела в гардеробную, за которой располагалась отделанная мрамором ванная комната с душевой кабинкой и гигантской ванной.

Обойдя свои владения, я задумался о странной истории с нумерацией комнат, которая не давала мне покоя.

– Почему же 621-бис вместо 622? – спросил я портье, когда он внес мои вещи.

- Вероятно, ошибка, – ответил он лаконично.

Трудно сказать, действительно ли он ничего не знал или намеренно умалчивал о чем-то. Во всяком случае он явно не испытывал особого желания продолжать этот разговор.

– Могу я еще чем-нибудь быть вам полезен? Если пожелаете, я пришлю вам служащего распаковать багаж.

- Нет, большое спасибо, справлюсь сам.

Я сунул ему чаевые, и он мгновенно испарился. Подгоняемый любопытством, я отправился осматривать коридор: не считая соседнего номера, других “бис” на моем этаже не наблюдалось. Забавно. Но я решил не думать об этом. В конце концов, я в отпуске.

В свой первый день в Вербье я прогулялся по лесу до горного ресторанчика, где и пообедал, любуясь великолепным ландшафтом. Вернувшись в отель, я не преминул испробовать термальный бассейн, после чего долго читал.

Вечером, перед ужином в ресторане “Паласа”, я зашел выпить скотч в баре. Сев у стойки, я завел беседу с барменом, который оказался неиссякаемым источником пикантных историй о постояльцах. Вот тут я впервые ее и увидел: женщина моих лет, очень красивая, судя по всему, без спутника, села у противоположного конца стойки, заказав “драй мартини”.

- А это кто? – спросил я бармена после того, как он ее обслужил.

– Скарлетт Лонас. Клиентка отеля, приехала вчера. Она из Лондона. Довольно милая. Ее отец – английский аристократ, лорд Лонас, не

слышали? Она идеально говорит по-французски, сразу видно, что образованная. Видимо, сбежала от мужа и скрывается тут.

В тот вечер я встретился с ней дважды.

Сначала в ресторане – мы ужинали почти рядом, нас разделяло всего несколько столиков. Потом совершенно неожиданно, около полуночи, выйдя покурить на балкон, я обнаружил, что она занимает соседний номер. А я-то считал, что совсем одинок в отливающей синевой ночи. У меня в руке была привезенная из Женевы фотография Бернара. Опершись на парапет, я закурил и печально посмотрел на снимок. Внезапно чей-то голос вывел меня из задумчивости: “Добрый вечер!”

Я подскочил. Она окликнула меня со смежного балкона. Я и не заметил, что она сидела совсем рядом, в летнем соломенном кресле.

– Извините, я вас напугала, – сказала она.

– Никак не ожидал, что кто-нибудь составит мне компанию в столь поздний час, – ответил я.

Она представилась:

– Меня зовут Скарлетт.

– Меня – Жоэль.

– Я знаю, кто вы. Писатель. Тут все только о вас говорят.

– Как правило, это дурной знак, – отозвался я.

Она улыбнулась. Чтобы она вдруг не исчезла, я предложил ей сигарету. Она кивнула. Я протянул ей пачку и поднес зажигалку.

– Что же привело вас сюда, писатель? – спросила она, затянувшись.

– Захотелось воздухом подышать, – ответил я уклончиво. – А вас?

– Мне тоже захотелось воздухом подышать. Я оставила свою лондонскую жизнь, работу, мужа. В поисках перемен. А кто это у вас на снимке?

– Мой издатель, Бернар де Фаллуа. Он умер полгода назад. Он много значил для меня.

– Сочувствую.

– Спасибо. Мне никак удастся поставить точку в этой истории.

– Должно быть, очень досадно для писателя.

Я заставил себя улыбнуться, но по моему лицу она поняла, что мне не до смеха.

– Простите, я неудачно пошутила.

– Не страшно. Бернар умер на девяносто втором году жизни, так что он имел полное право нас бросить. Мне придется привыкать к его отсутствию.

– Горе не подчиняется правилам.

Лучше не скажешь.

– Бернар был великим издателем. Но это еще не все. Он был великим человеком, наделенным массой достоинств, и в своей издательской карьере прожил несколько жизней. Сам писатель и редкий эрудит, он проявил себя умелым бизнесменом, невероятно харизматичным, с поразительным даром убеждения – стань он адвокатом, вся парижская адвокатура пошла бы по миру. В свое время Бернар возглавлял самые крупные издательские группы Франции, его побаивались и уважали, он водил дружбу со многими известными философами и интеллектуалами тех лет, ну и с действующими политиками тоже. Он царил над Парижем, а потом, с годами, отошел в тень, ничуть не утратив своего магического ореола – он создал собственное издательство, по своему образу и подобию – небольшое, скромное, авторитетное. Гениальный, любопытный, радостный, лучезарный – таким я узнал Бернара, когда он взял меня под свое крыло. О таком учителе я всегда мечтал. Его речь была блестящей, остроумной, живой и глубокой. Даже его смех был мудрым. Казалось, ему ведомы все тайные механизмы человеческой комедии. Рядом с ним хотелось жить, он сиял как звезда в ночи.

– Незаурядным человеком был, видимо, ваш Бернар, – сказала Скарлетт.

– Конечно, – подтвердил я.

– Писатель – все-таки захватывающая профессия...

– Вот и моя недавняя подружка так говорила, пока не познакомилась со мной поближе.

Скарлетт засмеялась:

– Я правда так думаю. По-моему, все жаждут написать роман.

– Не уверен.

– За себя я ручаюсь.

– Ну так вперед, – предложил я. – Вам понадобится всего лишь карандаш и стопка бумаги, и перед вами откроется мир, полный чудес.

– Я не знаю, с чего начать. Да и где взять идею для романа.

Я докурил и уже собирался вернуться в комнату, но она остановила меня, и я, признаться, не сильно расстроился.

– Как у вас рождается идея романа? – спросила она.

Я подумал, прежде чем ответить:

– Принято считать, что роман начинается с идеи. На самом деле роман начинается, прежде всего, с желания писать. Это желание захлестывает вас с головой, отвлекает от всего остального, и ничто не в силах ему воспрепятствовать. Эту вечную жажду я бы назвал писательским недугом.

Можно сочинить лучшую в мире интригу, но если вам неохота писать, она просто не пригодится.

– А как сочинить интригу?

– Хороший вопрос, доктор Ватсон. Начинающие авторы часто ошибаются, полагая, что сюжет состоит из собранных воедино фактов. Ну, выдумал персонажа, вписал его в некую ситуацию, и пошло-поехало.

– Действительно, – согласилась Скарлетт. – У меня, кстати, возникла как-то одна идея: девушка выходит замуж и перед первой брачной ночью убивает мужа в гостиничном номере. Но мне так и не удалось ее развить.

– Потому что это всего лишь нанизывание разрозненных фактов, как я и говорил. А ведь интрига по определению должна состоять из вопросов. Для начала представьте всю канву повествования в вопросительной форме. *Почему ваша героиня убивает мужа в первую брачную ночь? Кто она такая? Кто ее муж? Какова история их любви? Почему они поженились? Где они поженились?*

Скарлетт ответила, не задумываясь:

– Муж был невероятно богат и чудовищно скуп. Она мечтала о сказочной свадьбе с белыми лебедями и фейерверком, а получила дешевую вечеринку в захудалом отеле. Обезумев от ярости, она его убила. Если судьей будет женщина, она учтет смягчающие обстоятельства – ведь нет ничего хуже мужа-скупердяя.

Я расхохотался:

– Вот видите, стоило сформулировать историю в виде вопросов, как вам открылось бесконечное число возможностей. Из ваших ответов все персонажи, места и действия возникнут сами собой. Вы уже обрисовали в общих чертах образы мужа и жены. И даже продолжили интригу, воображая судебное разбирательство. А в чем, собственно, суть дела? В убийстве? Или в процессе над женой? Ее оправдают? Магия литературы заключается в том, что если любой факт, все равно какой, увенчать вопросительным знаком, он распахнет перед вами двери в пространство романа.

– Все равно какой? – недоверчиво переспросила Скарлетт, словно подначивая меня.

– Все равно. Давайте разберем конкретный пример. Если я не ошибаюсь, вы поселились в номере 621-бис?

– Совершенно верно.

– А я в номере 623. Ваша дверь идет следом за 621-й. Я прошел весь этаж и убедился, что номера 622 не существует. Это факт. Почему в “Паласе Вербье” на месте люкса 622 находится 621-бис? Вот вам и

интрига. И завязка романа.

Скарлетт радостно улыбнулась, явно увлекаясь игрой.

– Не обольщайтесь, – тут же осадила меня она, – возможно, этому найдется вполне рациональное объяснение. Иногда в отелях изымают тринадцатые номера в угоду суеверным клиентам.

– Если сразу обнаружится рациональное объяснение, – сказал я, – то интрига угаснет и роман не состоится. И вот тут на сцену выйдет писатель: чтобы роман осуществился, ему придется слегка раздвинуть границы рационального, подняться над действительностью, а главное, изобрести интригу там, где ее нет.

– И как бы вы поступили с нашим гостиничным номером? – спросила Скарлетт, сомневаясь, что правильно меня поняла.

– В книге писатель в поисках объяснения пойдет расспрашивать консьержа.

– Так пошли! – предложила она.

– Прямо сейчас?

– Конечно, прямо сейчас!

– Номер 621-бис – это наш фирменный знак, – сообщил консьерж, удивленный, что мы явились среди ночи с таким вопросом. – Когда отель строился, табличку с номером 621 по ошибке повесили на две двери. Конечно, чтобы уладить это недоразумение, достаточно было бы просто заменить одну из них на 622. Но тогдашний владелец “Паласа”, Эдмон Роз, опытный бизнесмен, предпочел добавить “бис” к цифрам 621.

Что, разумеется, заинтриговало клиентов, все стали проситься именно в этот люкс, воображая, что в нем есть что-то особенное. Трюк этот срабатывает до сих пор, и лишнее тому доказательство – тот факт, что вы не поленились спуститься в такой поздний час, чтобы узнать, в чем загвоздка.

Когда мы вернулись на шестой этаж, Скарлетт сказала:

– Значит, номер 621-бис – это ошибка строителей.

– Только не для романиста, иначе история закончится, толком не начавшись. В романе консьерж лжет, чтобы запустить интригу. А почему он лжет? Чем на самом деле интересен таинственный люкс 621-бис? Что там могло произойти, чтобы в отеле это так тщательно скрывали? Вы выстраиваете сюжет, отталкиваясь от обычной ситуации.

– И что теперь? – спросила Скарлетт.

– А теперь, – отшутился я, – копайте сами. Я пошел спать.

Я был далек от мысли, что только что испортил себе отпуск.

В девять утра меня разбудил стук в дверь. Я пошел открывать, это была Скарлетт. Она изумилась, увидев мою заспанную физиономию.

– Вы что, спали, писатель?

– Да, я же в отпуске. Может, вы слышали, это такой период, когда вас все оставляют в покое.

– Ну раз так, ваш отпуск закончился, – сообщила она, переступив порог с толстой книгой под мышкой. – Я нашла разгадку вашей так называемой интриги. “Почему в «Паласе Вербье» на месте номера 622 находится 621-бис?” А потому, что там произошло убийство!

– Что? С чего вы взяли?

– Рано утром я зашла в кафе в центре Вербье, чтобы опросить посетителей. И некоторые из них согласились со мной поговорить. Можно мне кофе, будьте добры.

– Простите?

– Кофе, *please!* Рядом с мини-баром стоит кофемашина. Вы заряжаете в нее капсулу, нажимаете на кнопку, и в чашку – о чудо! – льется кофе. Вы будете поражены.

Она совершенно очаровала меня. Я тут же послушно сделал нам два эспрессо.

– Ничто не указывает на связь между убийством и закавкой с номером 621-бис, – возразил я, протягивая ей чашку.

– Подождите, это еще не все. – Скарлетт открыла книгу, которую принесла с собой.

– Что это? – спросил я, садясь рядом с ней.

– История “Паласа”, – ответила она, перелистывая страницы. – Я отрыла ее в местной книжной лавке.

Скарлетт задержалась на снимке архитектурного плана отеля и ткнула в него пальцем:

– Шестой этаж. Нам везет! Посмотрите, вот наш коридор, и с номерами тут пока что все в порядке. Они преспокойно следуют друг за другом! И 622-й на своем месте, между 621-м и 623-м.

Я с изумлением убедился, что Скарлетт права.

– И что скажете? – спросил я, будучи уверен, что она уже придумала объяснение.

– Скажу, что убийство произошло в номере 622, и дирекция отеля решила просто стереть из памяти это событие.

– Это всего лишь гипотеза.

– И мы ее проверим. У вас есть машина?

- Да, а что?
- Ну так в путь, писатель!
- Что значит “в путь”? Куда вы намылились?
- В архивы “Нувеллиста” – это тут главная ежедневная газета.
- Сегодня воскресенье, – заметил я.
- Я позвонила в редакцию. Они работают по воскресеньям.

Мне нравилась Скарлетт. Только поэтому я и повез ее в Сьон, в часе езды от нас, где располагалась редакция “Нувеллиста”.

Дежурная на входе предупредила, что доступ в архивы открыт только подписчикам.

- Придется подписаться, – объявила Скарлетт, пихнув меня локтем.
- Я-то тут при чем?
- Давайте, писатель, некогда препираться, оформите, пожалуйста, подписку!

Я безропотно вынул кредитную карточку, и нас пропустили в архивный зал. У меня в воображении уже возник пыльный подвал, забитый снизу доверху стопками старых газет, но мы попали в небольшую комнату с четырьмя компьютерами. Все архивы были переведены в электронный вид, что нам сильно облегчило жизнь. Мы сели перед монитором, и нескольких ключевых слов, набранных Скарлетт, хватило, чтобы выскочила целая подборка статей. Она кликнула наугад и испустила победный крик. Интересующее нас дело обсуждалось на первой полосе. Под фотографией “Паласа Вербье” и припаркованных перед ним полицейских машин мы прочли:

УБИЙСТВО В “ПАЛАСЕ”

Вчера, в воскресенье, 16 декабря, клиент “Паласа Вербье” был найден убитым в номере 622. Тело обнаружил официант, когда принес завтрак.

Глава 3

Начало

Воскресенье, 9 декабря, за 7 дней до убийства

Самолет безнадежно застрял на летном поле в Мадриде. Командир корабля объявил по громкой связи, что ввиду сильного снегопада женеvский аэропорт закрыт, но очистка полосы много времени не займет. Они смогли взлететь максимум через полчаса.

Эта канитель для большинства его попутчиков оказалась лишь незначительным неудобством, но Макер Эвезнер, пассажир бизнес-класса, сидевший в первом ряду, явно очень расстроился. Непрерывно поглядывая в иллюминатор, он залпом выпил принесенный стюардессой бокал шампанского, чтобы скрасить ожидание. Макер нервничал. Что-то случилось. Он был уверен, что задержка рейса вызвана отнюдь не снегопадом – просто они наконец его выследили. И арестуют сейчас прямо на борту. Почему-то он не удивился. Его загнали в угол как крысу. Отсюда не сбежишь. Внезапно Макер увидел, что к его самолету мчится полицейский автомобиль с включенной мигалкой. У него екнуло сердце. Вот он и попался.

•

Накануне, во второй половине дня.

Центр Мадрида, квартал Саламанка

Макер и Перес вышли из метро на станции “Серрано”. Они вычислили информатора и, забрав у него документы, поспешили в метро – этот путь показался им надежнее. Но, выскочив из вагона, Перес почему-то решил, что за ними следят. Поднимаясь по лестнице на улицу, он убедился, что прав.

– Не оборачивайся, – велел он Макеру. – Нас уже какое-то время ведут два типа.

По его голосу Макер понял, что дело плохо. Притом что их учили подмечать все странности вокруг. Такая рассеянность дорого им обойдется.

Макер почувствовал прилив адреналина.

– Иди направо, – сказал Перес. – Я налево. Встретимся попозже в квартире.

– Я тебя не брошу!

– Быстрее! – велел Перес. – Делай, что я говорю! Список-то у тебя!

Они разделились. Макер быстрым шагом пошел направо. Рядом таксист как раз высадил клиента, и он поспешно сел в освободившуюся машину. Шофер тронулся с места, и Макер обернулся: Перес исчез из виду.

Макер попросил высадить его на площади Пуэрта-дель-Соль и растворился в толпе туристов. Он забежал в магазин одежды и появился оттуда полностью преобразившимся – на случай, если они уже располагали его приметам. Не понимая, как поступить, он в конце концов позвонил по экстренному номеру. Он воспользовался им впервые за двенадцать лет. Неподалеку от квартала Ретиро он зашел в телефонную будку и набрал номер, который знал наизусть. Он назвал себя, и его переключили на Вагнера, который сообщил ему неприятную новость:

– Переса арестовала испанская полиция. Но им нечего ему предъявить. Тем более у него дипломатический паспорт.

– Список у меня, – сказал Макер. – Мы не ошиблись – это был он.

– Отлично. Сожгите список и в точности следуйте протоколу. Сейчас возвращайтесь к себе, а завтра, как и планировалось, улетайте в Женеву. Не волнуйтесь. Все будет нормально.

– Хорошо.

Прежде чем разъединиться, Вагнер заметил с каким-то даже радостным оживлением, что никак не вязалось с серьезностью ситуации:

– Кстати, раз уж вы позвонили, о вас пишут в прессе. Читайте, что это официальное подтверждение.

– Знаю, – ответил Макер, раздраженный легкомысленным тоном собеседника.

– Поздравляю!

И разговор на этом прервался.

Следуя полученным инструкциям и приняв все меры предосторожности, Макер вернулся на съемную квартиру и сжег список. Он ужасно корил себя за то, что согласился на эту командировку, наверняка последнюю. Да, и несомненно, лишнюю. Ему было что терять: жену, беззаботную жизнь и карьеру. Через неделю он станет президентом их семейного банка, одного из крупнейших частных банков Швейцарии. Кто-то, видимо, проболтался, и информация о его назначении появилась сегодня в воскресном выпуске “Трибюн де Женев”. Все тут же бросились писать ему поздравительные сообщения. Все, за исключением его жены Анастасии, которая осталась в Швейцарии. Под разными предлогами он не брал ее с собой в такого рода поездки.

•

Полицейский автомобиль, несущийся по летному полю мадридского аэропорта, миновал его самолет и, не останавливаясь, поехал дальше по дороге для спецтранспорта. Ложная тревога. Макер, расслабившись, откинулся на спинку кресла. Наконец самолет вздрогнул и медленно покатился к взлетной полосе.

Когда через пару минут они наконец оторвались от земли, Макер, почувствовав себя в безопасности, испустил вздох облегчения. Он попросил водку с орешками и выудил свежий номер “Трибюн де Женев” из кипы предложенных газет. В разделе экономики он обнаружил свою фотографию:

**В СУББОТУ МАКЕР ЭВЕЗНЕР БУДЕТ
НАЗНАЧЕН ПРЕЗИДЕНТОМ ЭВЕЗНЕР-БАНКА**

Прочь сомнения! Макер Эвезнер, единственный наследник семьи Эвезнер, в 41 год возглавит самый крупный частный банк Швейцарии. Эту информацию нам косвенно подтвердил один из его топ-менеджеров, пожелавший остаться неизвестным. “Только Эвезнер может управлять Эвезнер-банком”, – отметил он.

Макер заказал еще одну рюмку водки, которая его и добила. Он задремал.

Ему казалось, он закрыл глаза всего на несколько минут, но, очнувшись, понял, что самолет уже заходит на посадку. За бортом виднелись резные контуры Женевского озера и городские огни. Шел сильный снег, в воздухе кружились белые хлопья. Зима пришла рано, и вся Швейцария вмиг побелела. Рейс из Мадрида приземлился в Женеве одним из первых после длительного перерыва в полетах из-за погодных условий.

В полдесятого вечера самолет коснулся только что расчищенной посадочной полосы. Макер с чемоданчиком в руке быстро выбрался из хитросплетения коридоров аэропорта, который он знал как свои пять пальцев. В зоне прилета он с беспечным видом продефилировал мимо таможенников, не задавших ему ни единого вопроса.

Из-за метели, застопорившей авиаперелеты на целый час, на выходе из аэропорта в ожидании редких пассажиров стояла длинная вереница такси. Макер сел в самую первую машину. Водитель отвлекся от газеты, которую как раз долистал до конца.

– Шоссе Рют, Колоньи, – сказал Макер.

Пристально посмотрев на пассажира в зеркало заднего вида, таксист помахал свежим выпуском “Трибюн де Женев”:

– Это же про вас пишут, да?

Макер усмехнулся, польщенный тем, что его узнают.

– Про меня.

– Какая честь, месье Эвезнер, – воскликнул водитель, уважительно глядя на него. – Не каждый день ко мне садится звезда финансового мира.

Макер, рассматривая свое отражение в окне, не смог сдержать улыбки. Вот он и достиг пика карьеры. К черту мадридские страхи: опасность позади, его ждет светлое будущее. Он предвкушал завтрашний день в банке. Ему прямо не терпелось увидеть, как вытянутся у них рожи! Даже если его назначение на должность президента было решено несколько месяцев назад, сегодняшняя статья не пройдет незамеченной. Все тут же начнут его обхаживать. Осталось потерпеть пару дней – в субботу вечером, во время Большого корпоративного уикенда Эвезнер-банка в Вербье, его изберут главой этого достославного учреждения.

Такси поехало по улице Сервет, потом по улице Шантпуле к мосту Монблан. Берега озера переливались всеми цветами радуги. В ореоле снежинок вздымался величественным плюмажем знаменитый фонтан “Же д’О”, символ города. Женева, сверкающая сквозь снежную дымку рождественской иллюминацией, выглядела феерически. Вокруг все казалось таким спокойным и безмятежным.

Теперь они ехали по набережной Генерала Гизана в сторону Колоньи, фешенебельного пригорода Женевы, где Макер жил со своей женой Анастасией в великолепном особняке с парком и видом на озеро.

На кухне Эвезнеров в этот момент их домработница Арма проверила жаркое из телятины, которое томилось уже несколько часов, окруженное ее любовью и заботой. В самый раз. Она бросила восхищенный взгляд на статью в газете, лежавшей рядом на столешнице, – ей приятно было готовить в хорошей компании. Вот и официальное подтверждение: в следующую субботу хозяина изберут президентом банка! Она так им гордилась. Она вообще-то не работала по выходным, но, углядев вчера газету со статьей в своем любимом кафе, решила встретить его ужином по возвращении из Мадрида. Арма знала, что он будет один, потому что его жена уехала на уикенд к подруге (медем Анастасия не любила оставаться в одиночестве в их большом особняке, когда Макер уезжал в командировку). Арме было грустно при мысли, что он вернется в пустой дом и ему не с кем будет отпраздновать эту прекрасную новость.

Завидев фары машины, она выбежала ему навстречу, не успев даже накинуть пальто, хотя шел снег.

– Про вас написали в газете! – возопила она, гордо размахивая статьей перед носом Макера, вылезавшего из такси.

– Арма, – удивился он, – что вы здесь делаете в воскресенье?

– Я не хотела, чтобы вы вернулись в темный дом и к тому же остались без ужина.

Он тепло улыбнулся ей.

– Вы теперь официальный *Президент!* – ликовала Арма.

Таксист вынул из багажника чемоданчик Макера, она сразу схватила его и поспешила в дом. Когда такси выехало за ворота, в свете фар появился мужчина. Водитель затормозил и опустил стекло.

– Я сделал все, как вы велели, – доложил он незнакомцу, которому, казалось, снегопад был нипочем.

– Вы показали ему статью?

– Да, я в точности следовал инструкциям, – торжественно поклялся таксист, в ожидании вознаграждения. – Я притворился, что узнал его, как вы и просили.

Мужчина с довольным видом вручил ему несколько стофранковых купюр, и таксист немедленно уехал.

Макер сел за стол на кухне, и Арма подала ему щедрый кусок жаркого. Он был встревожен. Главным образом из-за Анастасии. Он отправил ей сообщение, предупредив, что уже в Женеве. Она ответила лаконично:

Рада, что твоя поездка прошла хорошо. Поздравляю со статьей в “Трибюн”. Вернусь завтра, побаиваюсь садиться за руль в такой снег.

Макер задумался, кто кому врет. Сам он блефовал уже двенадцать лет. Двенадцать лет он сгорал от желания поделиться с ней своим секретом.

Арма прервала его размышления.

– Я так рада за вас, мисье, – сказала она. – Я чуть не прослезилась, когда увидела статью. *Президент банка!* В Мадрид вы ездили по работе?

– Да, – солгал Макер.

Мысли его явно были далеко, и он не обращал никакого внимания на Арму. В конце концов она принялась чистить кастрюли, ругая себя на чем свет стоит. Вот дура, надо было ей лезть со своим ужином! Она-то думала, что доставит ему удовольствие. В кои-то веки провели бы вместе вечерок. Но ему на нее плевать с высокой колокольни. Он даже не заметил, что она

побывала у парикмахера и нарисовала ногти. Арма решила уйти.

– Если я вам больше не нужна, мисье, я пойду домой.

– Конечно, идите, Арма, и спасибо за вкуснейший ужин. Не будь вас, я лег бы спать на голодный желудок. Вы просто сокровище. Кстати, вы не забыли, что будете мне нужны на следующие выходные?

– На все выходные? – испугалась Арма.

– Ну да, я же уезжаю на Большой корпоративный уикенд нашего банка, и жен не приглашают. Меня мучает совесть, что снова придется бросить тут Анастасию. Два уикенда подряд это уж чересчур... Вы же знаете, она терпеть не может сидеть в одиночестве в этом огромном доме. Вы могли бы даже переночевать в комнате для друзей... ей так будет спокойнее.

– Но вы же отпустили меня со следующей пятницы, – напомнила Арма. – Я собиралась уехать до понедельника.

– Ах, черт возьми, я совершенно забыл! Вы не могли бы отменить поездку? Пожалуйста, я должен быть уверен, что с Анастасией дома кто-то есть. И потом, она, возможно, захочет пригласить гостей, хорошо бы вы занялись хозяйством и приготовили ужин. Я вам заплачу вдвойне за каждый час, проведенный здесь с пятницы до вечера воскресенья.

Она бы, конечно, не согласилась ни за какие коврижки. У нее были намечены очень важные дела на тот уикенд. Но поскольку она ни в чем не могла отказать мисье, пришлось ей уступить скрепя сердце.

Когда Арма ушла, Макер заперся в своем будуаре, как он его называл, – небольшой комнатке на первом этаже, служившей ему кабинетом. Там он снял со стены картину (акварель с видом Женевы), за которой скрывался небольшой сейф. Он набрал шифр, известный только ему, и открыл дверцу. Внутри лежал один-единственный предмет – тетрадь. Последние несколько недель он рассказывал на ее страницах свою тайную жизнь. На всякий случай. Пусть хоть кто-нибудь о ней узнает. С недавних пор он чувствовал, что за ним следят. Пасут. События в Мадриде, похоже, подтверждали его правоту. За эти двенадцать лет ему часто приходилось рисковать. Поэтому он и принял решение обо всем написать, чем черт не шутит.

Макер пролистал тетрадь – первые страницы были сплошь покрыты столбцами цифр и денежных сумм, как в заурядном бухгалтерском отчете. Если тетрадь попадет в чужие руки, злоумышленник подумает, что это, например, незадекларированные доходы. Но цифры нужны были для отвода глаз. Следующие страницы, пустые на первый взгляд, были на самом деле густо исписаны. Для пущей надежности Макер пользовался

симпатическими чернилами. Этот прием был стар как мир, но лучше пока ничего не изобрели; вооружившись перьевой ручкой без чернил, он окунал кончик пера в воду с лимонным соком, и по мере того, как он писал, его исповедь испарялась на глазах. Страницы казались девственно чистыми. Если когда-нибудь ему захочется восстановить невидимый текст, достаточно будет поднести тетрадь к источнику света и тепла, и его история сразу проявится.

Поначалу это упражнение давалось ему с трудом, но вскоре он набил руку, и дело пошло быстрее – даже не видя текста, Макер писал вполне разборчиво. Он открыл тетрадь, по загнутому уголку нашел место, где остановился, и окунул перо в мисочку с разбавленным лимонным соком. Он не заметил тени, съездившейся совсем рядом в темноте парка, – кто-то внимательно наблюдал за ним в окно будуара.

Неизвестный простоял неподвижно больше часа, не спуская глаз с Макера. Он смотрел, как тот пишет, потом убирает тетрадь в сейф за картиной и выходит из комнаты – наверняка уже спать, учитывая поздний час.

Тогда незнакомец тоже растворился во тьме, бесшумно и незаметно прокрался к ограде и перемахнул через нее. Снег, который валил не переставая, любезно засыпал его следы. Выйдя на шоссе Рют, он сел в машину, припаркованную на обочине. Вокруг было пусто. Он завел мотор, отъехал на достаточное расстояние и остановился, чтобы позвонить.

– Он вернулся и ни о чем не подозревает, – заверил он своего собеседника. – Я даже попросил таксиста, чтобы он поговорил с ним о публикации в газете.

– Отличная идея, спасибо!

– Как вам удалось протолкнуть такую статью? К тому же с фотографией!

– У меня хорошие связи. Бедняга, завтра он рухнет с небес на землю!

В километре оттуда, в доме Эвезнеров, вскоре погасли все окна. Макер заснул сном праведника в своей громадной постели, положив рядом с подушкой прославляющую его статью. Он никогда не чувствовал себя таким счастливым.

Ему и в голову не приходило, что проблемы только начинаются.

Глава 4

Тревожные новости

Понедельник, 10 декабря, за 6 дней до убийства

6.30 утра. Макер с трудом проснулся по звонку будильника и не сразу сообразил, что он дома. Протрав глаза, он вздрогнул, вспомнив, что произошло в Мадриде. Затем, осознав наконец, что находится в полной безопасности в своей спальне, решил еще немного поваляться. Все шло хорошо.

Ставни он оставил нараспашку и, взглянув в окно, убедился, что еще не рассвело и идет сильный снег. У него не было ни малейшего желания вылезать на мороз. Закутавшись в одеяло, он подумал, что имеет право поспать еще пару минут, и закрыл глаза.

В то же самое время на улице Корратри, в центре Женевы, его секретарь Кристина, образец пунктуальности, переступила порог величественного здания Эвезнер-банка. Она начала тут работать полгода назад и с тех пор приезжала в банк ежедневно в полседьмого утра, когда охранники только открывали двери: во-первых, желая продемонстрировать начальству служебное рвение, но главное, чтобы успеть просмотреть нужные досье до того, как ее начнут дергать и задавать вопросы.

Сегодня, чтобы не застрять на заваленных снегом улицах, она пришла пешком. Надев сапоги и сунув в сумку лодочки, Кристина спустилась из квартала Шампель, где находилась ее квартира, в спящий город.

Клерки из службы приема, все до одного влюбленные в нее, восхищенно смотрели, как она идет в элегантном приталенном пальто по просторному холлу банка, – мало того что красавица, так еще трудолюбивая и преданная делу.

– Доброе утро, Кристина, – приветствовали они ее стройным хором.

– Здравствуйте, – улыбнулась она, вручив им пакет с круассанами из соседней булочной.

Тронутые таким вниманием, молодые люди рассыпались в благодарностях.

– Видели воскресную газету? – спросил один из них, откусив разом половину круассана. – Вы станете секретарем президента!

– Я очень рада за месье Эвезнера, – сказала Кристина. – Он этого заслуживает.

Она направилась к лифтам и поднялась на шестой этаж, в отдел управления активами. В конце длинного коридора с обитыми штофом стенами находилась приемная, ведущая в кабинеты ее боссов – Макера Эвезнера и Льва Левовича.

Приемная была тесной и неудобной. Кроме ее рабочего стола, стоявшего прямо на проходе, сюда с трудом втиснули шкаф и массивный ксерокс. Но Кристина сама пожелала тут обосноваться. Во всех отделах банка, включая управление активами, секретари сидели все вместе в просторных комфортабельных офисах. Но она предпочитала находиться поближе к своим непосредственным начальникам.

В банке Кристина быстро стала незаменимой – она вкалывала не покладая рук и никогда не отлынивала от работы. Умная, проницательная, обаятельная. Всегда в чудном настроении, всегда готова оказать услугу. Она умело фильтровала звонки, тщательно сортировала почту, организовывала встречи и следила за распорядком дня.

Лев Левович сразу произвел на Кристину неизгладимое впечатление. Он был одним из самых почитаемых банкиров Женевы. Его ценили за исключительную деловую хватку и одновременно побаивались. Дерзкий обаятельный красавец лет сорока, с киношной внешностью и царственной осанкой. Он был до отвращения безупречен, бесконечно одарен, бегло говорил на десяти языках, вызывая всеобщий интерес и жгучую зависть. Дела своих клиентов он знал в мельчайших деталях, как никто разбирался в рынках и умел предугадать их движение. Даже когда биржи падали, его клиенты обогащались.

К тому же Левович не был тут своим человеком, то есть не являлся отпрыском женевской знати. Начав с нуля, он упорно трудился и достиг вершин, чем заслужил не только уважение власть имущих, став, впрочем, одним из них, но и симпатию мелких клерков.

Замкнутый и деликатный, он поддерживал вокруг себя атмосферу тайны, никогда не хвастался своими достижениями, предпочитая, чтобы о них сообщали журналисты и любители посплетничать. Будучи персональным советником всяких толстосумов, он водил дружбу с сильными мира сего, приятельствовал с президентами, не забывая при этом о собственном скромном происхождении, и никогда не отказывался выслушать нуждающихся, прийти на помощь неимущим и проявить великодушие к тем, кому это было необходимо.

В Женеве его имя было у всех на устах, и все набивались ему в друзья. При этом Лев был человек одинокий, сам по себе. Он круглый год жил в гигантских апартаментах на пятом этаже роскошного “Отеля де Берг”, на

берегу Женевского озера. О личной жизни Левовича никто ничего не знал, друзей рядом с ним никто не видел, единственный, кому он доверял, был его водитель и мажордом Альфред Агостинелли, преданный и надежный. На завидного жениха заглядывались все девушки из высшего света Женевы, а именитые семейства Европы мечтали, чтобы его выбор пал на одну из их наследниц. Но Левовичу, судя по всему, было вообще не до того. Его сердце считалось неприступной крепостью – поговаривали, что он ни разу ни в кого не влюблялся.

Лев Левович приходил в офис каждое утро ровно в семь. Но сегодня без двадцати восемь его еще не было. Притом что он жил в десяти минутах ходьбы от банка, так что снегопад не мог стать причиной его опоздания. Пытаясь найти убедительное объяснение его отсутствию, Кристина предположила, что у него назначена встреча вне банка. Просмотрев расписание своего начальника, она обнаружила, что сегодняшняя страница пуста вплоть до четырех часов, – на соответствующей строке он сам вывел заглавными буквами – она узнала его почерк – загадочные слова: очень важная встреча. Кристина удивилась: как правило, она сама записывала все дела. А это свидание Лев явно добавил в последний момент. Что бы это значило? Она была заинтригована.

Внезапно из коридора донесся чей-то голос, хотя в это время на их этаже всегда бывает безлюдно. Она насторожилась и, чтобы лучше слышать, вышла на цыпочках из кабинета. На лестничной площадке стоял Сিনিор Тарногол, член совета банка. Видимо, он поднимался пешком в свой кабинет на седьмом этаже и остановился перевести дух. Он говорил по телефону достаточно откровенно, будучи убежден, что в такую рань можно не опасаться чужих ушей.

Кристину он заметить не мог, и она спокойно слушала его разговор.

Она была ошарашена.

Ничего себе новости!

Глава 5

Отпуску конец

В редакции “Нувеллиста” Скарлетт распечатала все статьи, посвященные убийству в номере 622. И выяснила, что преступление так и не раскрыли. В машине по дороге в Вербье она с жаром убеждала меня написать об этом роман.

– В “Паласе” произошло убийство, писатель! С ума сойти! Я прямо вижу – уютная гостиная, все постояльцы отеля под подозрением, полицейский допрашивает свидетелей у пылающего камина.

– Послушайте, Скарлетт, чего вы добиваетесь? Хотите заново открыть дело? Найти разгадку, притом что полиции это не удалось?

– А что такого! Вы лучше, чем полицейский, вы писатель! Мы вместе проведем расследование, и вы напишете роман!

– И не подумаю, – поспешно предупредил я.

– Да ладно... Я уверена, что Бернар заказал бы вам роман об этом преступлении.

– Нет уж, дрянной детектив в мои планы не входит!

– Хватит ворчать! Тут есть даже роман в романе: как мы пришли к заключению, что номер 622 поменяли после того, как там было совершено убийство. Вам что, не интересно, почему консьерж нам вчера солгал?

– Не особенно.

– Ну пожалуйста! А я вам помогу.

– Вы мне поможете? Вы ни одной книги не написали.

– Я буду вашим ассистентом.

– У меня уже есть помощница, и, поверьте, вы бы не захотели оказаться в ее шкуре.

– Значит, теперь у вас две помощницы.

– Я вообще-то в отпуске, мне надо отдохнуть.

– На том свете отдохнете.

– Слушайте, мне некогда. У меня полно дел.

– Неужели? Каких это?

– Сегодня днем, например, я записан на массаж, после чего собираюсь отправиться в спа-салон, погрузиться в джакузи и окончательно разомлеть.

– Отличная программа, писатель! Приведите себя в чувство, наберитесь сил! Чем полнее вы расслабитесь, тем лучше будет ваша книга! Просто скажите, как мне вам помочь.

Выдержав долгую паузу, я наконец удостоил ее ответом:

– Вы должны найти факты, которые позволят нам выстроить эту историю от начала до конца.

Скарлетт просияла:

– Значит, вы согласны!

Я улыбнулся. Конечно, согласен, хотя бы ради того, чтобы провести с ней побольше времени.

Во второй половине дня, пока Скарлетт собирала материалы для расследования, я лениво наслаждался прелестями гостиничной бальнеотерапии. Вернувшись в номер, я обнаружил, что Скарлетт полностью завладела им, прикрепив на стену все статьи о нашем деле, которые ей удалось откопать.

– Как вы сюда попали? – поинтересовался я.

– Попросила администратора открыть мне дверь.

– И он согласился?

– Я представилась вашей ассистенткой. Ассистентка знаменитого писателя, на минуточку! Их аж в дрожь бросило! Лучше посмотрите, что я нашла!

Я сел в кресло, и она показала на лист бумаги с названием: Эвезнер-банк.

– Вам известен Эвезнер-банк в Женеве? – спросила Скарлетт.

– Ну разумеется, это один из крупнейших частных банков Швейцарии. Он находится на улице Корратри.

– А имя Макера Эвезнера вам что-нибудь говорит?

– Нет, но, судя по фамилии, он имеет отношение к банку.

– Bravo, Холмс!

Она протянула мне статью из “Трибюн де Женев”, опубликованную за неделю до убийства. Я прочел заголовок:

В СУББОТУ МАКЕР ЭВЕЗНЕР БУДЕТ НАЗНАЧЕН ПРЕЗИДЕНТОМ ЭВЕЗНЕР-БАНКА

– Макер Эвезнер должен был стать президентом банка, – пояснила Скарлетт, – сменив на этом посту своего отца Абея Эвезнера, умершего годом ранее. Вот только вопреки тому, что говорится в статье – никогда нельзя верить печатному слову, – его назначение вовсе не было предрешено.

– С чего вы взяли?

– Это оказалось непростой задачей, но мне все же удалось припереть к стенке вчерашнего консьержа. Он признался, что на подобные вопросы директор “Паласа” велит отвечать этой байкой про ошибку в нумерации. Ведь убийство в отеле – это дурной тон. А директора мне повидать не удалось, потому что он по чистой случайности отлучился на пару дней. Думаю, они не жаждут, чтобы кто-нибудь совал нос в это дело. Короче, консьерж уже работал “Паласе”, когда произошло убийство. Сначала он твердил, что ничего не помнит, но несколько купюр успешно вылечили его от амнезии. В общем, в то время у Макера Эвезнера был весьма серьезный конкурент в лице Льва Левовича, тоже банкира, довольно блестящего типа, которого в “Паласе” все прекрасно знали. Он был правой рукой Абея Эвезнера.

– Отца Макера, правильно?

– В точку, – подтвердила Скарлетт. – С нашим консьержем разоткровенничался как-то Эдмон Роз, тогдашний директор “Паласа”, который был, видимо, очень близок с этим Левовичем. В выходные, когда произошло убийство, в отеле царил непривычное оживление.

– Подождите, Скарлетт, – перебил ее я, – мне за вами не поспеть. Какая связь между “Паласом Вербье” и банком?

– Большой уикенд.

– Большой уикенд? Что это такое?

– Это многолетняя традиция Эвезнер-банка. Их ежегодный выездной корпоратив. В декабре все сотрудники банка получали приглашение провести два дня в Вербье. Их расселяли прямо здесь, в “Паласе”. Днем у них было свободное расписание, и все катались на лыжах, гуляли и играли в керлинг. В субботу вечером в бальном зале отеля давали праздничный ужин.

Тут-то и происходили всякие торжественные церемонии и делались официальные объявления о повышении по службе, передаче полномочий или выходе на пенсию.

– Значит, убийство произошло в один из таких корпоративных уикендов?

– Да. И не абы в какой! Смотрите!

Скарлетт показала мне другую статью из “Трибюн де Же-нев”. Она вышла почти за год до убийства. В ней шла речь о церемонии прощания с Абедем Эвезнером, состоявшейся в начале января в женевском соборе Святого Петра. Под фотографией трех мужчин, иллюстрировавшей статью, я прочел: “Члены совета Эвезнер-банка Жан-Бенедикт Хансен, Орас Хансен и Сিনিор Тарногол”.

– Что еще за совет банка? – спросил я, заметив, что Скар-летт написала эти слова на отдельном листке и повесила его на стену, как будто это что-то важное.

Она победоносно улыбнулась:

– Я задала себе тот же вопрос. И вот что мне удалось выяснить. В то время внутренняя иерархия банка имела форму пирамиды: в основании – простые клерки, чуть выше – начальники отделов, над ними – юридическая служба, следом – менеджеры среднего звена, потом младшие директора и на самой верхушке, над всей этой братией, царил совет банка, состоящий из четырех человек, в том числе вице-президента и президента. Если верить статье, пост президента традиционно переходил от отца к сыну. А это означает, что президентами и вице-президентами неминуемо оказывались отец и сын Эвезнеры, сменяя друг друга из поколения в поколение.

– По логике вещей, Макер Эвезнер должен был стать президентом после смерти отца.

– По логике вещей да. Но взгляните на фотографию трех оставшихся членов совета на похоронах Абея Эвезнера – Макера среди них нет.

– Почему?

– Не знаю. Но все равно, исходя из информации, которую мне удалось найти в интернете, перед смертью Абель Эвезнер изменил устав. Он поручил совету банка избрать его преемника, дав им на все про все около года. Объявление имени нового президента было назначено на первый Большой уикенд после его смерти, то есть именно на те выходные, когда и произошло убийство.

Глава 6

Президентская гонка

В течение нескольких месяцев, предшествовавших убийству, выборы преемника Абеля превратились в захватывающую сагу, за развитием которой следила вся Женева. Все началось в январе, в первые дни нового года, когда легендарный Абель Эвезнер, возглавлявший банк последние пятнадцать лет, уже в довольно почтенном возрасте умер от рака. Все полагали, что после объявления о его кончине президентство автоматически перейдет Макеру, единственному сыну Абеля. С момента основания семейного банка три столетия назад Эвезнеры передавали бразды правления от отца к сыну.

“Только Эвезнер может управлять Эвезнер-банком” – постоянно слышали сотрудники и клиенты, как будто сам этот факт был гарантией экстраординарного качества банковских услуг. Но на этот раз, незадолго до смерти, Абель Эвезнер указал в своем завещании, что традиция сыновней эстафеты будет похоронена вместе с ним и следующего президента назначат за его заслуги, а не просто за фамилию. Эвезнер-отец с помощью нотариуса расписал всю процедуру в мельчайших деталях. Способ избрания президента банка будет отныне отвечать строгим правилам: 1) на трех членов совета банка возлагается задача избрания четвертого, то есть президента, 2) совет не имеет права выбрать кого-то из оставшейся троицы, ему следует в обязательном порядке назначить нового человека, и, наконец, 3) во избежание спешки решение будет объявлено только во время традиционного Большого уикенда в конце года, и новый президент вступит в должность не ранее 1 января.

Последняя воля Абеля Эвезнера прозвучала как гром среди ясного неба. Это не нарушило работы почтенного заведения, но все стояли на ушах. Многочисленным сотрудникам, от клерков до топ-менеджеров, вдруг почудилось, что им выпал редкий шанс получить доступ на банковский Олимп. И все они засучили рукава, рассчитывая заслужить благосклонность членов совета. Доходы банка мигом подскочили – никто больше не брал отпусков по болезни, а некоторые даже решили не брать отпусков вообще.

Лихорадочное безумие, царившее вокруг выборов преемника, передалось всему городу. Эвезнер-банк считался одной из крупнейших институций Женевы, а его президент входил в число самых видных фигур в

городе. Известие о том, что пост президента впервые не займет прямой наследник, будоражило умы.

Шли недели, всеобщее возбуждение достигло апогея. Наконец наступил декабрь. Все гадали, кто же составит компанию Жан-Бенедикту Хансену, Орасу Хансену и Синиору Тарноголу в совете и будет вершить судьбы Эвезнер-банка.

В понедельник, 10 декабря, в пол-одиннадцатого утра, Макер Эвезнер появился наконец на улице Корратри и с гордостью и восхищением взглянул на фасад внушительного здания банка:

БАНК ЭВЕЗНЕР & СЫН ОСНОВАН В 1702 ГОДУ

Он войдет туда с гордо поднятой головой. А как же! В ближайшие дни все будут говорить и думать только о нем. Главное, сохранять хладнокровие и держаться поскромнее. Помнить, что до субботы еще возможны варианты. И, разумеется, даже не заикаться о том, что президентом станет он и это ему давно известно. Скорей бы уже суббота. Еще каких-то шесть денечков, и об этом объявят официально. Терпение.

Макер еще раз восхитился фронтоном родного банка и глубоко вдохнул бодрящий воздух зимнего утра. На снегу сверкали солнечные блики, синева неба слепила глаза.

Он пожалел, что не встал сразу, как проснулся, – думал, закроет на минутку глаза, но тут же снова провалился в сон. Его все ждали, и такое опоздание не пройдет незамеченным. Будущий президент крупнейшего частного банка Швейцарии не может позволить себе так поздно являться на работу. Он и так никогда не был ранней птичкой, но это уже перебор! Сегодня он сошлетя на снежные завалы, но даст себе зарок, что в новом году, после официального назначения, будет приходить в банк одним из первых.

Отворив массивную парадную дверь, всю в позолоте и арабесках, Макер Эвезнер с важным видом проследовал в просторный холл. Он чувствовал, что на него обращены все взгляды. Клерки из службы приема почтительно приветствовали его. “Доброе утро, месье Эвезнер!” – протянули они, чуть склонив головы.

Макер сразу понял, что они смотрят на него иначе. И внезапно ощутил себя важной птицей. Все, с кем он пересекался, поздравляли его, заискивающе здоровались и заговорщически подмигивали. Скоро он станет

начальником всех этих людей – отныне их подхалимаж предназначался ему по праву. Самые ревностные льстецы не поскупились даже на “господина президента”.

Он сел в лифт с кучкой подлиз, которые аж извивались от подобострастия. Жалкие холоуи! – думал Макер, наблюдая эту пляску святого Витта. Но его не проведешь – некоторые из них переметнулись на его сторону в последнюю минуту, опасаясь поначалу, что совет не утвердит кандидатуру наследника. Он понимал, что порой его не принимали всерьез, особенно после того, как в прошлом году отец принял на смертном одре это решение. Желание *daddy*, чтобы сын прошел процедуру избрания на пост президента вместо того, чтобы просто назначить его самому, в первый момент огорчило его. Лучше бы отец, как все его предшественники на протяжении трех столетий, без затей передал ему власть. Тогда он стал бы президентом прямо сейчас, ну да, а что! Зачем обрекать его на предвыборную тягомотину. Но потом Макер понял, какими соображениями руководствовался отец, выражая свою предсмертную волю: он хотел укрепить его легитимность! Его выберут президентом за талант, а не за фамилию! Это испытание сделает его только сильнее. Отец все предусмотрел.

На шестом этаже Макер, распушив хвост, предстал перед своей секретаршей, ожидая торжественного приема. Но Кристина встретила его с убитым видом.

– Месье Эвезнер, наконец-то! – воскликнула она.

– Что такое, Кристина? – усмехнулся Макер. – Вы будто привидение увидели.

– Не знаю, как вам и сказать...

– Сказать мне что? – спросил Макер с обольстительной улыбкой. – Если вы о моем назначении, то воскресный номер газеты вас опередил.

Макер фыркнул и зашел в свой кабинет, скинув теплое зимнее пальто. Кристина последовала за ним, и поскольку она по-прежнему растерянно молчала, Макер нахмурился:

– Я волнуюсь за вас. Вы так побледнели. Надеюсь, вы здоровы?

Помешкав, она решилась:

– Месье Эвезнер, президентом банка выберут не вас.

– Что вы несете? Вы статью читали?

– Это фальшивка! – пролепетала Кристина. – Президентом будет Лев Левович!

Ее слова ошарашили Макаера. Он застыл как громом пораженный.

– Вы это о чем?

– Левович будет избран президентом, – повторила она. – Мне очень жаль.

– Вот гад! – пробормотал Макер.

Он ринулся в кабинет Левовича, чтобы потребовать объяснений, но Кристина его остановила.

– Левович еще не пришел, – сообщила она. – Я пробовала связаться с ним всеми возможными способами, но безуспешно. Я ужасно беспокоюсь, мне необходимо с ним поговорить. Вы не знаете, где он сейчас?

Макер, пытаясь сохранять самообладание, принял безразличный вид:

– Не надо зря обнадеживать бедного Левовича. Он, разумеется, не будет президентом банка. Зачем вы распространяете эти идиотские сплетни? Представьте себе, я в курсе, кто уведомил журналистов – это член совета банка, близкий мне человек, он давно заверил меня, что...

– Это ваш кузен Жан-Бенедикт Хансен? – перебила его Кристина.

– Простите, что? – раздраженно буркнул Макер. Он терпеть не мог, когда подчиненные прерывали его на полуслове.

– Член совета банка и близкий вам человек – это месье Хансен, да? – переспросила Кристина.

– Да, Жан-Бен, – подтвердил Макер. – А что вы имеете против?

– Сегодня утром я слышала телефонный разговор Тарногола с Хансеном. Тарногол убеждал его, что вас нельзя выбирать ни в коем случае, это было бы нарушением последней воли вашего отца. Из-за того, что произошло в Вербье пятнадцать лет назад. Он сказал, что ваш отец так вам этого и не простил и что если бы он хотел, чтобы вас избрали президентом, то сам бы и назначил вас напрямую. Насколько я поняла из их беседы, на заседании в пятницу совет утвердил кандидатуру Левовича.

– Нет, нет и нет, – поспешил возразить Макер. – Жан-Бен никогда не подложит мне свинью.

– Я тоже так подумала, – сочувственно сказала Кристина, – и поэтому дождалась Хансена у двери его кабинета, чтобы задать ему этот вопрос. К сожалению, оказалось, что я все правильно поняла. Я очень сожалею, месье Эвезнер. По-моему, это несправедливо.

Отказываясь верить, что этот ужас может быть правдой, Макер бросился наверх, чтобы расспросить Жан-Бенедикта. Кабинеты директоров располагались на седьмом этаже. В самом конце длинного коридора следовали одна за другой четыре двери. Первая вела в кабинет президента (пустовавший после смерти Абея Эвезнера). За ним находился кабинет вице-президента, который должен был бы уже полтора десятка лет занимать Макер, но вследствие событий пятнадцатилетней давности там

хозяйничал Сিনিор Тарногол, человек сомнительный и загадочный, большую часть своего времени мотавшийся между Швейцарией и Восточной Европой. Затем шли офисы двух других членов совета – Ораса Хансена, представителя младшей ветви рода Эвезнеров, и его сына, сорокалетнего Жан-Бенедикта, ровесника Макера.

Жан-Бенедикт ходил кругами по кабинету и с опаской поглядывал на дверь, ожидая, что к нему с минуты на минуту, как только Кристина все ему расскажет, в ярости ворвется Макер.

– Вот же сучка пронырливая! – выругался вслух Жан-Бенедикт.

Двумя часами ранее, придя в банк, он застал Кристину перед дверью своего кабинета. Стоило ему появиться, как она буквально набросилась на него:

– Это правда? Вы не выберете Макера Эвезнера на пост президента?

Жан-Бенедикт побледнел.

– Откуда вы знаете? – заорал он. – Кристина, черт побери, вы что, шпионите за членами совета? Этого еще не хватало!

– Что за ерунда, – запротестовала Кристина. – Вы бы лучше попросили Тарногола особо не распространяться, если не хотите, чтобы ваши секреты становились общим достоянием. Как вы можете так поступать со своим кузеном?

– Это вас не касается, Кристина, – сухо отрезал Жан-Бенедикт. – Мне кажется, вы выходите за рамки своих полномочий. Поэтому я попросил бы вас помалкивать и ничего не сообщать Макеру.

– Хотите, чтобы я заткнулась? И пусть он узнает эту новость в субботу вечером, в присутствии всех сотрудников банка? Какое унижение!

– Все немного сложнее.

– Ну я же не могу вести себя как ни в чем не бывало!

– Почему вы вообще что-либо должны ему докладывать! У вас совсем разум помутился от любви к Макеру, это, в конце концов, непрофессионально! Ради бога, Кристина, попридержите язык! В противном случае вас ждут серьезные неприятности, помяните мое слово.

– Пусть каждый делает то, что считает нужным! – заключила Кристина и демонстративно вышла.

Он проводил ее мрачным взглядом и отвернулся, только когда она села в лифт. Редкая зануда. Ах, как он ругал себя, что согласился взять ее на работу! И все из желания кое-кому услужить. Он сразу нашел ей подходящий пост, прямо как по заказу. Потом она изъявила желание сидеть в приемной под тем предлогом, что не может должным образом исполнять свои обязанности в общем офисе, в окружении всех остальных секретарей.

А он во всем ей попустительствовал, любезность проявлял, и вот как она его отблагодарила.

Внезапно дверь кабинета Жан-Бенедикта распахнулась, и на пороге возник Макер.

– Жан-Бен, скажи, что это неправда! Скажи, что совет не выберет Левовича президентом!

– Приношу тебе свои извинения, – огорченно проговорил Жан-Бенедикт, глядя в пол.

В комнате воцарилась леденящая душу тишина.

Потрясенный Макер рухнул в кресло и закрыл глаза, словно не желая смиряться с реальностью. Его отстранили от президентства в семейном банке! Какой позор! Какое унижение! Что скажут люди? Что скажет его жена? До сегодняшнего дня он считался в Женеве большим человеком только потому, что был наследником Эвезнер-банка. Но теперь, когда его кинул отец, кинули партнеры, он превратится в посмешище всего города. Его мир рухнул. Прощайте, почести и подхалимаж. А он уже воображал, как в парадном зале совета директоров – святая святых банка – его портрет воцарится рядом с портретом его предка, Антиоха Эвезнера. Интересно, что бы сказал Антиох обо всем этом.

Антиох Эвезнер основал Эвезнер-банк в Женеве в 1702 году, для коей цели он решил одолжить денег у младшей ветви семейства, этих ужасных кузенов Хансенов, а у них, как известно, зимой снега не выпросишь. Они бежали из Франции в Швейцарию после Варфоломеевской ночи, но Эвезнер считал, что лучше бы уж их тогда прикончили, потому что вместо того, чтобы просто дать ему ссуду, они потребовали взамен долю в банке.

Поэтому у Антиоха не оставалось другого выбора, кроме как согласиться с требованием Хансена, сохранив за собой контрольный пакет. Но, не доверяя ему и опасаясь путча, Антиох решил создать совет банка и передал почти половину своей доли сыну Мельхиору, чтобы на законном основании ввести его в совет в качестве вице-президента банка, выучить премудростям ремесла и таким образом обеспечить ему пост главы банка после своей смерти. Но кузен Уилфрид, хоть и младший партнер, чтобы не оказаться одному против двух Эвезнеров, пошел тем же путем, отдав половину своей доли старшему сыну, который тоже вошел в совет. После чего, в надежде положить конец междоусобной войне, наносившей значительный ущерб репутации банка, Антиох и Уилфрид договорились, что в совет войдут только четыре человека, владеющие всем уставным

капиталом: два Эвезнера (отец и сын), держатели контрольного пакета, и два Хансена – как младшие партнеры, которые в качестве компенсации за второстепенный статус будут получать щедрые дивиденды. Это решение позволило Эвезнерам сохранить полный контроль над банком, из поколения в поколение передавая паи от отца к сыну, тогда как Хансены, побочная ветвь рода, навсегда остались на заднем плане.

В течение десяти поколений, благодаря завидной семейной плодовитости, Эвезнерам удалось ни разу не нарушить порядок передачи власти, установленный в 1702 году Антиохом, поскольку у каждого президента имелся хотя бы один отпрыск мужского пола (патриархат, никуда не денешься). Вот и Огюст, дед Макера, став президентом банка, назначил вице-президентом своего сына Абеля, отца Макера. Когда дедушка Огюст умер, Абель, понятное дело, передал пост вице-президента своему единственному сыну Макеру, двадцати шести лет от роду.

Это случилось полтора десятилетия назад, но Макер все как сейчас помнил. К тому времени Большой уикенд в “Паласе Вербье” стал уже многолетней традицией, и перед субботним балом, который считался кульминацией уикенда, он в торжественной обстановке получил из рук отца полагающуюся ему долю акций, что, согласно правилам, установленным триста лет назад Антиохом Эвезнером и Уилфридом Хансеном, возводило его в ранг вице-президента.

Но Макеру Эвезнеру не пришлось позаседать в совете банка, поскольку у него возникла дурацкая идея – никто так и не понял, с чего вдруг – уступить свою долю некоему Синиору Тарноголу, мутному бизнесмену родом из Санкт-Петербурга, пожелавшему заняться инвестициями в Швейцарии. Абель Эвезнер, узнав эту новость, разумеется, сделал все возможное, чтобы выкупить акции сына. Сначала он оспорил сделку в суде, но безуспешно, поскольку она была оформлена по всем правилам. Тогда Абель попытался договориться с Тарноголом, предложив за драгоценные акции астрономическую сумму, но тот отказался. В результате Тарногол вошел в совет вместо Макера, к тому же в должности вице-президента, нарушив таким образом трехсотлетний порядок, установленный Антиохом Эвезнером, который предусмотрел все, чтобы обеспечить главенство своей фамилии в банке, – все, за исключением вероятности, что кто-нибудь из Эвезнеров осмелится однажды продать свою долю.

Голос Жан-Бенедикта вернул Макера в печальную действительность.

– Левович лучше справится с управлением, – заявил он. – Да и факты налицо – он добивается блестящих результатов, и клиенты его обожают.

– У меня был неудачный год, это правда, – признал Макер, – но тебе прекрасно известно почему. В январе умер отец, решив в последний момент не назначать меня своим преемником напрямую...

– Либо просто не назначать тебя своим преемником, – отважился Жан-Бенедикт.

– Что ты имеешь в виду?

– Вряд ли отец простил тебе твою выходку пятнадцатилетней давности. Какая муха тебя укусила?

– Не важно, ты не поймешь.

– Но ведь рано или поздно ты мне все расскажешь? Ты вообще соображаешь, что натворил? Ты нарушил пакт Эвезнеров, продав свои акции!

– А ты мне врал весь год, – перешел в атаку Макер, – уверяя, что совет выберет меня президентом. А сам вонзил мне нож в спину! Я думал, мы друзья!

– Я не предавал тебя, Макер! – воскликнул Жан-Бенедикт. – Я никогда тебе не врал! Ты мой родственник и друг, ты что! Уже в январе совет решил, что ты займешь место отца. Мы все были за тебя. Никому и в голову не приходило, что кто-то другой может стать президентом. Не только из уважения к традициям, но и для того, чтобы клиенты лишней раз убедились в стабильности банка. Но проблема в том, что твои показатели неуклонно снижались. В течение всего года. Я, как мог, старался помочь тебе, я защищал тебя с пеной у рта! В июне, когда члены совета забеспокоились, ознакомившись с твоими промежуточными результатами, я нанял тебе персональную ассистентку!

– Мне и Левовичу! – уточнил Макер.

– Не надо, ты прекрасно знаешь, что Кристину взяли лично для тебя в надежде, что с ее помощью ты выкарабкаешься. А чтобы тебя не унижать, мы сделали вид, что она должна работать с вами обоими, учитывая, что у вас полно клиентов.

– Но ведь Левович использует ее в хвост и в гриву!

– Ну, ты и козел! – разозлился Жан-Бенедикт. – Ты даже с секретаршей разобраться не в состоянии, а хочешь, чтобы тебе целый банк доверили!

Его злобная вспышка совсем выбила Макера из колеи.

– Но на прошлой неделе, – глухо сказал он, – после заседания совета, ты заверил меня, что президентом буду я.

– В прошлую среду совет тебя и выбрал, – подтвердил Жан-Бенедикт, – я ничего не придумал.

– Так что случилось?

– В пятницу утром Синиор Тарногол попросил нас с отцом о встрече. Типа у него что-то срочное. И предъявил нам целое досье на тебя.

– Досье? И что же в нем оказалось?

– Твои итоги года – катастрофические. И письма недовольных клиентов. Многие из них сменили менеджера, а то и вообще ушли в другой банк, Макер! Мы ничего об этом не знали.

– Слушай, Жан-Бен, я облажался, год у меня был плохой, я уже говорил. Но до сих пор вся моя карьера была безупречной! Я главный управляющий активами этого банка.

– Вы с Левовичем – главные управляющие активами, – уточнил Жан-Бенедикт. – Но тебе и в лучшие годы было до него далеко. Короче, Тарногол показал нам твои цифры, заявил, что все обдумал и считает, что мы совершим непростительную ошибку, если, несмотря ни на что, изберем тебя президентом, хотя на самом деле впору бить тревогу. Попенял нам, что мы утвердили твою кандидатуру из уважения к традициям, наплевав на интересы банка. Раз даже твой отец не доверил тебе руководство, значит, у него были на то основания. Поэтому президентом следует избрать Льва Левовича.

– И ты меня не отстаешь?

– Я старался.

– Ты бы хоть намекнул! Почему я узнал это только сегодня утром от своей секретарши?

– Я пытался тебя предупредить, – принялся оправдываться Жан-Бенедикт. – В пятницу ты весь день отсутствовал, и дозвониться тебе я не смог.

– Я был в отъезде.

– По делам банка?

– Да.

– И где же?

Макер, опасаясь подвоха, предпочел сказать правду:

– В Мадриде.

– У тебя нет испанских клиентов, Макер. Это, кстати, один из самых важных пунктов в досье Тарногола: он выяснил, что ты уже долгие годы разъезжаешь за счет банка по странам, где у тебя нет клиентов.

•

Тремя днями раньше

В зале совета Орас и Жан-Бенедикт ошарашенно смотрели на бумаги, разложенные Тарногом на столе, тут были десятки страниц, взятые им из бухгалтерии банка.

– Я не хотел ничего вам сообщать, пока не собрал все данные, – сказал Тарног. – А то вы бы подумали, что я организовал кампанию по дискредитации Макера. Но дело серьезное. Человек, которого вы намерены назначить на пост президента, в течение многих лет обворовывает банк, оплачивая себе дорогие поездки по Европе без всяких на то оснований.

– Вы говорили об этом с Макером? – спросил Жан-Бенедикт.

– Хорошо бы он был сейчас тут с нами и объяснил свое поведение. Но сегодня он не пришел на работу. Макер в Мадриде, а знаю я это потому, что, как вы можете убедиться, взглянув на эту распечатку, банк оплатил ему авиабилеты бизнес-класса и аренду квартиры на выходные. Но у Макера никогда не было клиентов в Мадриде. Он не говорит ни слова по-испански. Посмотрите на предыдущие годы: Лондон, Милан, Вена, Лиссабон, Москва, Копенгаген и так далее. Речь идет об астрономических суммах.

Орас и Жан-Бенедикт углубились в изучение документов, постепенно осознавая размах понесенных убытков.

– А у него губа не дура, – с отвращением хмыкнул Орас. – Оплачивает себе люксы в “Гранд Бретань” в Афинах, в мюнхенском “Байеришер Хоф”, в “Плаза Атене” в Париже.

– И уезжает всегда на выходные, к его услугам лучшие отели и рестораны, – добавил Тарног. – Макер запустил руку в кассу и отлично проводит время!

– Почему же никто ничего не замечал? – спросил Орас.

– Как вы понимаете, сотрудник бухгалтерии не станет придираться к будущему президенту банка, выясняя, обоснованны ли его счета на возмещение расходов, – ответил Тарног. – Себе дороже! Поверьте, они догадывались, что дело нечисто, но держали язык за зубами.

– Может, Макер ведет двойную жизнь? – предположил Жан-Бенедикт. – Изменяет Анастасии?

– Какая разница, – возразил Орас. – Макер волен распорядиться собой как угодно, но деньги банка ему не принадлежат. Он нас обокрал.

– Правильно ли я понимаю, что вы измените свое решение? – спросил Тарног.

– О да! – кивнул Орас. – Лично я голосую за Льва Левовича! Хватит Эвезнерам гулять по буфету!

От рассказа кузена Макера прошиб холодный пот. Ездить за счет банка было, конечно, грубейшей ошибкой.

– О чем ты вообще думал?

– Я все возьму! – воскликнул Макер. – До последнего цента. Организуй мне встречу с Тарногом и отцом, я им все объясню.

– На твоём месте я бы повременил. Утром я говорил с ними обоими по телефону. Статья в “Трибюн” о твоём назначении не слишком их обрадовала, как ты понимаешь. Зачем ты похвастался журналистам, не получив подтверждения?

– Я? – Макер совсем отчаялся. – Ну не я ведь звонил в газету, в конце концов! Зачем бы я стал это делать?

– Не знаю. Все равно надежды на благополучный исход у тебя мало.

– Побойся бога, я Эвезнер! – вскричал Макер. – На фронтоне этого банка стоит моя фамилия.

– Не продай ты свои акции Тарногу пятнадцать лет назад, сегодня стал бы президентом. Пеняй на себя!

Макер мрачно взглянул на кузена: этот жополиз Жан-Бен будет еще его жизни учить! Подумать только, когда Жан-Бенедикт пришел в банк, он, Макер, взял его под свое крыло. Он всегда был рядом, всегда помогал ему, выручал с клиентами, когда показатели падали и приходилось мухлевать. Но стоило деду Хансену помереть, как Жан-Бенедикт помчался на верхний этаж, поскорее занять второе место Хансенов в совете директоров. И вот теперь его сиятельство ходит гоголем по коридорам банка!

Макер еле удержался, чтобы не прикрикнуть на него, но подумал, что ему теперь следует вести себя осмотрительнее. Лучше сблефовать.

– Что ты себе навоображал, Жан-Бен? Что я сдамся? Ты плохо меня знаешь! Я опротестую выборы. По-твоему, я сидел сложа руки целый год, ожидая, пока меня соблаговолит избрать? И вот так, за здорово живешь, вверил свою судьбу Тарногу и тебе с отцом? Я давно уже принял меры.

– В каком смысле “принял меры”? – спросил Жан-Бенедикт, и в его голосе послышалась тревога.

Макер свысока посмотрел на кузена и многозначительно промолчал. Во-первых, чтобы сообразить, что ответить, а главное, чтобы насладиться своим превосходством, которое он всегда ощущал в обществе Жан-Бена.

– С моей стороны было бы неосторожно с тобой откровенничать, – наконец изрек он. – Ладно, будь здоров!

Он сделал вид, что уходит, и, как он и предполагал, кузен удержал его.

– Подожди, Макер. От меня ты можешь ничего не утаивать. У тебя никогда не было причин во мне сомневаться. Я собирался сегодня все тебе рассказать. С самого начала года именно я изо всех сил защищаю тебя на заседаниях совета.

Макер кивнул, словно его убедили слова Жан-Бена. И бросил ему небрежно:

– В банке будет чистка.

– Чистка? Мне очень не нравится это слово, – забеспокоился Жан-Бенедикт.

– И правильно не нравится, – ответил Макер, еще глубже увязая во лжи. – К твоему сведению, уже скоро год, как мои адвокаты создали рабочую группу. В обстановке полной секретности они тщательно изучили ситуацию и придумали способ оспорить последнюю волю моего отца. Представь, они нашли лазейку: его завещание не имеет никакой юридической силы! Независимо от того, что решит твой говетный совет, мне достаточно будет передать дело в суд, и голосование признают недействительным. Я стану мажоритарным акционером банка, а значит, и президентом.

– Что ж ты молчал?

Макер сардонически ухмыльнулся:

– Во-первых, я надеялся, что совет сохранит мне верность, тогда мы могли бы позволить себе переходный период, действуя исключительно в интересах банка. Зачем попусту шум поднимать. Кроме того, мне хотелось понять, кто на самом деле мне предан, а кто готов нанести удар исподтишка. Так что твоему отцу и Тарно голу недолго осталось надо мной потешаться, как только я приду к власти, они оба у меня вылетят из банка, и с ними заодно вся прочая гнусь, те, кто кинул меня после смерти отца и проявил ко мне неуважение. Вот тебе и чистка!

– Я всегда тебя поддерживал, – напомнил Жан-Бенедикт, рассчитывая выйти сухим из воды.

– Я в курсе, дорогой кузен. Не волнуйся. Но тебе надо еще немного потрудиться, чтобы я дошел до самого верха.

Жан-Бенедикт задумался:

– Все это еще вилами по воде писано. У тебя один конкурент – Левович, правда, чаша весов явно склоняется в его пользу. Но кто знает. Окончательное решение будет принято советом только в субботу, поздно вечером, в “Паласе Вербье”. До тех пор возможны варианты.

В его словах Макару почудился проблеск надежды, и он сказал уже

увереннее:

– Если я правильно понимаю, у меня еще есть пять дней, чтобы убедить Тарногола проголосовать за меня! – Если тебе удастся убедить Тарногола, – подбодрил его Жан-Бенедикт, – считай, победа у тебя в кармане. Мой отец присоединится к его голосу. А уж во мне можешь не сомневаться. Небо над головой Макера внезапно прояснилось – ему надо всего-то уговорить одного человека, и его изберут единогласно. – Спасибо за поддержку, дорогой Жан-Бен, – проговорил Макер неожиданно великодушным тоном и отправился к себе в кабинет, чтобы подумать в тишине, как подступиться к Тарноголу. Войдя в приемную, он увидел, что Кристина одевается, очевидно собираясь выйти. – Вы куда? – В “Отель де Берг”. У меня по-прежнему нет никаких известий от Левовича. Исчезать без предупреждения не в его правилах. Дозвониться ему невозможно. Я даже связалась с консьержем отеля, но он уверяет, что в номере никто не отзывается и он не видел, чтобы Лев выходил сегодня утром. Как в воду канул. Консьерж отказывается заходить в его апартаменты, говорит, “такова политика нашего отеля”. Вдруг с ним случилось что-то ужасное... При упоминании “чего-то ужасного” лицо Макера просветлело. Если Левовича хватил удар прямо в ванной, ему незачем переубеждать Тарногола, он и так станет президентом. Все-таки жизнь прекрасна. Макер чуть было сам не бросился в отель, чтобы лично обнаружить скрюченное тело на мраморном полу. Спокойно. Надо, чтобы Лев остался как минимум парализованным до конца жизни. Ни к чему сразу вызывать “скорую”. Макер взглянул на часы – они показывали четверть двенадцатого – и подумал, что Левовичу неплохо бы проваляться без движения еще часок по крайней мере. – Никуда вы не пойдете, Кристина, – сказал он. – Вы мне нужны здесь, сейчас не время отправляться на прогулку.

Она неохотно сняла пальто. Лучше бы она соврала, что спешит к врачу. Типичная ошибка дебютантки. Она собралась было послать коллегу проверить, что происходит в отеле, но не решилась: если о ее инициативе станет известно, ей не поздоровится. Это не входит в ее секретарские обязанности.

Макер заметил ее тревогу:

– Я обещаю вам, что, если к полудню от Левовича не будет новостей, я сам пойду туда и потребую, чтобы мне открыли его номер. А теперь за работу!

Кристина кивнула. Пришлось подчиниться. Она разобрала утреннюю почту, начав с ежедневных газет, которые получал Левович: “Файнэншл таймс”, “Фигаро”, “Нойе фрайе прессе”, “Коррьере делла сера” и “Трибюн

де Женев”, где, мельком взглянув на первую полосу, она прочла, что сегодня в ООН состоится конференция по делам беженцев при участии президентов и премьер-министров многих стран мира.

Затем она взялась за письма и, ознакомившись с их содержанием, зарегистрировала, написав на конвертах дату.

Она принесла почту Макеру, и тот с тревогой уставился на две внушительные стопки, которые Кристина пополняла каждый день. Жан-Бенедикт, конечно, прав – в этом году он палец о палец не ударил. Расслабился. Пора возвращаться в строй. Причем не откладывая. Если Тарногол узнает, что он даже на письма не отвечает, или, не дай бог, зайдет к нему и увидит кучу неразобранной корреспонденции, его песенка спета.

В открытую дверь кабинета Кристина с нежностью смотрела на своего начальника. Она очень привязалась к Макеру Эвезнеру. Такой доброжелательный, преданный делу, правда, слегка пресыщенный, как все те, кому не пришлось бороться за место под солнцем. Макер благодаря одной лишь своей фамилии мгновенно взлетел по карьерной лестнице и вскоре стал управляющим активами, без всякого испытательного срока и к тому же в тот благословенный период, когда большую часть работы за него выполняли фондовые рынки.

Кристине стало жаль Макера. Он такого не заслужил. Главное, он не заслужил отказа в избрании на пост президента. Он же такой мягкий, приветливый человек. Неизменно любезен, охотно делает комплименты, всегда всем доволен. Она хорошо к нему относилась.

Она никак не ожидала, что Лев и Макер так очаруют ее, каждый по-своему. Но ей приходилось себя сдерживать. Жан-Бенедикт нанял ее по вполне определенной причине, и ей не следует об этом забывать и выходить за рамки должностных обязанностей. Работа прежде всего.

Ровно в полдень Макер возник на пороге кабинета, запахивая длинное зимнее пальто.

– Ну, я пошел, – провозгласил он, как будто отправлялся на опасное задание.

– Я с вами, – решительно заявила Кристина, вставая.

– Нет, – осадил ее Макер. – На всякий случай оставайтесь на рабочем месте. Я сообщу, как только что-то узнаю.

Макер вышел из банка и по улице Корратри направился к площади Бель-Эр. Потом зашагал по набережной Безансона Юга к пешеходному мосту Де Берг. Он остановился, любуясь заснеженным пейзажем – в озере отражалось голубое небо, над городом сверкали горы, за островом Руссо

взмывал, словно боевое знамя, султан женеvского фонтана. “Отель де Берг” стоял на другом берегу. Макер восхищенно взглянул на величественное строение. Даже не догадываясь, что там сейчас происходит.

Глава 7

Слуга Конфедерации

На пятом этаже “Отеля де Берг”, в люксе номер 515, который он занимал круглый год, Лев Левович завязывал галстук, глядя в окно на простирившееся перед ним Женевское озеро.

Он был в растерянности. Он думал о ней. Он только о ней и думал. Интересно, она провела с ним выходные, потому что действительно любит его или просто от скуки.

Лев поправил пиджак своего костюма-тройки. Посмотревшись в зеркало, убедился в безупречности виндзорского узла на галстукке и заодно восхитился собственной вызывающей красотой. На серебряном подносе стоял кувшинчик с фильтрованным кофе. Лев налил полную чашку, но позволил себе всего один глоток – он и так уже опаздывает, пора бежать. Он взял корзинку с круассанами и направился в ванную комнату.

В огромной ванне нежилась молодая женщина, задумчиво глядя в окно на городской пейзаж. Она приняла решение. Она безумно влюблена в него, но ей лучше его бросить, пока все не зашло слишком далеко. Сколько ж можно изменять мужу. Если об их романе станет известно, он будет страшно унижен, да и Льву не избежать неприятностей в банке. Он столько трудился, чтобы достичь вершин. Придется немедленно с ним порвать. И спасти три жизни. Это разобьет ей сердце, но так надо ради их общего блага.

В этот момент к ней зашел одетый с иголки Лев. Она невольно им залюбовалась. Поднос с кофе и круассанами он поставил на бортик ванной.

– Завтрак подан, мадам, – улыбнулся он. – Но, учитывая поздний час, могу, если хочешь, сразу заказать обед. К сожалению, мне надо спешить, я и так страшно опаздываю. Оставайся тут, сколько хочешь. Будь как дома.

Она обратила на него взгляд своих голубых глаз и сухо сказала:

– Все кончено, Лев.

Он очень удивился:

– Что ты имеешь в виду, Анастасия?

– Что я тебя бросаю. Все кончено.

Левович встретил ее слова беззаботным смехом.

– Ты не имеешь права так со мной поступить, – изумился он.

– Почему это?

– Потому что мы любим друг друга, – ответил он, словно это само

собой разумелось. – Мы всегда любили друг друга. Мы любим друг друга так, как никогда никого не любили. И эта любовь – единственный смысл нашей жизни.

Он не возразила, только раздраженно отмахнулась от него:

– У меня есть муж! Зачем причинять ему страдания. Не могу же я по твоей прихоти проводить все выходные у тебя в номере! Нас в конечном итоге застукают, и весь город будет в курсе. Ты знаешь, как быстро тут распространяются сплетни! Потом неприятностей не оберешься.

Он скорчил презрительную мину:

– Плевал я на неприятности. Наша любовь важнее моей карьеры!

Анастасия почувствовала, что он побеждает и рано или поздно она сдастся. Тогда она постаралась ранить его побольнее.

– Какая любовь? Я не люблю тебя, Лев. Если бы я любила тебя, я бы обручилась с тобой пятнадцать лет назад.

Он промолчал, оторопев. Затем произнес ровным голосом:

– Я предлагаю поужинать сегодня вечером и все спокойно обсудить.

– Нет-нет! Мы больше не увидимся! Я от тебя уйду! Ты меня слышишь? С меня хватит!

– Это был не вопрос, а утверждение. Я с нетерпением буду ждать нашей встречи. Допустим, здесь, в восемь вечера?

– Я сказала – нет! – воскликнула Анастасия.

Она вышла из ванны, как всегда восхитив Льва своим бесподобным телом, и завернулась в халат. Взяв с туалетного столика мобильник, она набрала номер мужа, и тот мгновенно ответил. Она постаралась, чтобы ее голос звучал нежно и влюбленно.

– Как ты? – спросила она. – Да, я тоже ужасно соскучилась... Выходные?... Нет, плохо. Больше я эту подругу видеть не хочу... Не важно, расскажу. Слушай, давай устроим романтический ужин сегодня вечером... Ресторан выбери сам, устрой мне сюрприз... Я тоже... До встречи, я страшно рада.

Анастасия нажала на отбой, с вызовом взглянув на своего любовника.

– Сегодня ты ужинаешь один, Лев, – сказала она. – Как ты слышал, мы с мужем идем в ресторан.

Лев и бровью не повел.

– До вечера, Анастасия. В восемь у меня. Я рад, что через несколько часов увижу тебя снова.

С этими словами он вышел из номера и спустился в лобби, где его ждал Альфред Агостинелли, его водитель.

– Привет, Альфред, – дружески окликнул его Лев. – Как дела?

– Я в порядке, спасибо, – ответил Агостинелли, провожая его к машине. – А вы?

– Я на седьмом небе от счастья, Альфред. Я влюблен по уши.

– Вы? – засмеялся Агостинелли. – А кто уверял меня, что любви не существует и вы никогда ни в кого не влюбитесь!

– Она потрясающая!

Альфред завел мотор, и машина выехала на набережную как раз в тот момент, когда Макер подошел к отелю, чудом разминувшись с ними. Агостинелли спросил:

– В банк?

– Нет, дорогой Альфред, во Дворец Наций. Там начинается Генеральная конференция ООН по делам беженцев. Только сначала я позвоню Кристине. Я совсем забыл предупредить ее, что утром меня не будет в офисе. Бедняжка, наверное, места себе не находит.

•

– Генеральная конференция ООН по делам беженцев, – повторила вслух Кристина, как будто это было в порядке вещей, и повесила трубку.

Левович только что позвонил – он замотался и забыл предупредить ее. А она-то разволновалась как дура. Ведь она прочла об этой конференции на первой полосе “Трибюн де Женев” и могла бы сообразить, что Левович туда пойдет.

Она сразу же позвонила Макару на мобильный, вовремя перехватив его – он как раз поднялся на шестой этаж отеля в сопровождении консьержа, которого уговорил открыть апартаменты Левовича.

– Ложная тревога, – сказала Кристина, – все нормально. Я только что говорила с Левовичем, он в ООН.

– Вот видите, зря вы беспокоились! – жизнерадостно ответил Макер. – А я уже как раз подходил к его номеру.

Макер сделал знак консьержу, что загадка разрешилась, и они пошли назад.

– У вас явно улучшилось настроение, месье Эвезнер, – заметила Кристина.

– Сегодня вечером у меня романтический ужин с Анастасией, – объяснил он довольным голосом. – Могу ли я попросить вас забронировать нам столик в “Золотом льве”? На двоих, с видом на озеро!

Макер и консьерж шагнули в лифт. В ту секунду, когда дверцы кабины

закрылись за ними, в нескольких метрах оттуда распахнулась дверь и из номера Левовича вышла Анастасия.

В лифте Макер смотрел на консьержа с плохо скрываемым чувством превосходства, хоть и старался держаться с нарочитой доброжелательностью. Он ощущал себя важной персоной. Он, будущий президент Эвезнер-банка, ведет жену ужинать в “Золотого льва”, один из лучших ресторанов Женевы. Им зарезервирован столик с потрясающим видом на озеро. Когда они войдут в зал, все наверняка на них обернется.

Он приободрился, словно уже уговорил Тарногола назначить его на пост президента. Настало время обеда, и Макер зашел в бар отеля. Как раз в ту минуту, когда Анастасия появилась в холле и поспешно покинула “Отель де Берг”.

Макер попросил, чтобы его посадили в стороне: ему надо было спокойно все обдумать и разработать план действий по обработке Тарногола. Он вспомнил все свои тайные подвиги за истекшие двенадцать лет и признался себе, что из-за Эвезнер-банка в очередной раз зашел в тупик. Во всем виноват отец. По его милости он теперь дважды в неделю ходит на сеансы психоанализа. Отец его ни в грош не ставил. Когда, год назад, он лежал на смертном одре, Макер чуть было не открыл ему свой секрет. Чтобы тот понял наконец, кем его сын является на самом деле. Но в последнюю минуту он сдулся. Из опасения, что отец ему просто не поверит. С тех пор Макер постоянно жалел об этом и мысленно прокручивал сцену, которой не суждено было состояться. Он бы прошептал ему: “Видишь ли, папа, я уже двенадцать лет работаю не только в банке. Я живу двойной жизнью, и о том, что я собираюсь тебе рассказать, никто даже не догадывается”.

Он воображал ошеломленное лицо отца, узнавшего его тайну.

Размышляя об этом, Макер машинально наблюдал за другими посетителями бара и даже повеселел при мысли, что им и невдомек, что за внешностью спокойного элегантного банкира скрывается сотрудник швейцарских спецслужб. Его история вполне тянула на шпионский роман. Он подумал, что его тетрадь с заметками станет отличным подспорьем для мемуаров. Их издадут, когда он состарится и покинет пост президента, но обязательно при жизни, чтобы он мог сполна насладиться фурором, который непременно произведет его книга. Он представил себе заголовки в прессе: “Макер Эвезнер, президент банка и тайный агент”.

Но Макер быстро спустился с небес на землю. Ему не позволят ничего предать огласке.

Последние двенадцать лет под видом заграничных командировок он выполнял разведывательные миссии по заданию швейцарского правительства. Точнее говоря, он работал на секретное подразделение *P-30* при Министерстве обороны, получавшее финансирование из черной кассы и о существовании которого никто не подозревал – в том числе могущественная парламентская комиссия по разведке, – так как оно подчинялось напрямую Федеральному совету.

P-30 было создано в рамках секретной программы, запущенной НАТО во время холодной войны. Опасаясь вторжения в Западную Европу войск Варшавского договора, некоторые участники альянса создали собственные засекреченные агентурные сети из гражданских лиц, специально подготовленных для организации сопротивления в случае оккупации силами Восточного блока. Во многих государствах, от Португалии до Швеции, создавались спящие ячейки секретных военизированных структур, таких как *ЛОК* в Греции, “Гладио” в Италии, “План Парсифаль” во Франции, Комитет *P* в Бельгии и, наконец, *P-26* в Швейцарии.

Швейцарское правительство, вдохновившись этой моделью, решило применить ее для защиты своих интересов за рубежом. Так было сформировано *P-30*, задача которого заключалась в отправке в соответствующие страны гражданских лиц с разведывательными миссиями.

Если агенту спецслужб приходилось изобретать себе легенду с нуля, что всегда было сопряжено с трудностями и риском попасться в ловушку, то обычные граждане, завербованные *P-30*, проводили секретные операции у всех на виду, не прибегая ко всяким ухищрениям и не придумывая себе псевдонимов, так как лучшим прикрытием служило само их реальное существование.

Макер, будучи банкиром, под предлогом рабочих встреч мог разъезжать по миру, не вызывая подозрений.

Макера определили в экономический отдел *P-30*, там он занимался сбором ценной информации о намерениях европейских государств, которым надоело, что их граждане уклоняются от уплаты налогов, скрывая деньги в сейфах швейцарских банков. Это щекотливое дело было поручено *P-30*, поскольку речь шла, как правило, о соседних странах-союзниках, с которыми Швейцария совершенно не собиралась ссориться, засылая туда агентов официальных спецслужб.

Таким образом, Макер мотался по Европе, участвуя во всевозможных коллоквиумах и конференциях, посвященных новой регламентации банковской деятельности, офшорам или, например, различным формам

международного налогового сотрудничества. Он слушал, отмечал, записывал. В перерыве между докладами завязывал знакомства с высокопоставленными чиновниками, послами, бизнес-юристами и местными налоговиками. Макер ничем не рисковал: если вдруг его в чем-нибудь заподозрят и вызовут на допрос в полицию, то сочтут обычным менеджером, стремящимся расширить свою клиентскую базу. Ни тебе государственных скандалов, ни дипломатических инцидентов, которые могли бы запятнать репутацию Швейцарии, страны любезных и воспитанных людей, гаранта международных конвенций, родины ранних пташек и трудоголиков.

Даже в случае более тщательного расследования связь между Макером и какими-либо государственными службами установить бы не удалось – в целях безопасности и анонимности единственным его связующим звеном с *P-30* был куратор, некто Вагнер, родом из Берна, с жутким тамошним выговором, и встречались они в людных местах. Кроме того, Макер понятия не имел ни как функционирует *P-30*, ни где именно находится его штаб-квартира в Бerne. Это была совершенно закрытая организация, не поддающаяся обнаружению извне. Для Макера его авантюра с *P-30* началась в обстановке строжайшей тайны, в комнате для переговоров Эвезнер-банка, куда Вагнер, выдавая себя за нового клиента, пришел с ним познакомиться и завербовать его. Вагнер тогда появился в банке в первый и последний раз. В тот день, когда они остались одни, он объяснил, что вовсе не собирается открывать счет, и назвался представителем швейцарского правительства.

– Родина нуждается в вас, – заявил он Макеру. – Вы должны оказать нам небольшую услугу.

Вагнер ограничился разговором об услуге, даже не упомянув, само собой, ни *P-30*, ни что-либо еще. Выяснилось, что между Великобританией и Швейцарией назревает дипломатический конфликт.

Проживающий в Лондоне индийский алмазный дилер Ранджит Сингх подозревается Скотленд-Ярдом в отмывании денег, полученных от торговли оружием под прикрытием своей компании.

Англичане, предполагая, что деньги проходят через счета в Эвезнер-банке, оказывают на Швейцарию закулисное давление с целью не просто получить подтверждение своей версии, но, прежде всего, добиться доступа к информации об определенных трансферах.

Берн не мог официально требовать от банка сведений о клиентах – речь шла об авторитете всей банковской индустрии Швейцарии. Но отказ в помощи международному расследованию по делу об отмывании денег

негативно сказался бы на репутации Швейцарии как финансового центра. С другой стороны, ничто не мешало англичанам получать эти данные от анонимного третьего лица – таким образом и волки будут сыты, и овцы целы.

Поняв намек и желая помочь родному правительству, Макер обещал порыться в банковских файлах и передать Вагнеру копии выписок со счетов торговца бриллиантами.

Операция “Бриллиантовая свадьба”, как ее окрестили, успешно завершилась. Пару дней спустя Макер прочел на первой полосе “Трибюн де Женев”:

МЕЖДУНАРОДНЫМ ОРУЖЕЙНЫМ ТРАФИКОМ РУЛИЛИ ИЗ ЖЕНЕВЫ

Вчера силами Скотленд-Ярда в Лондоне был арестован крупный международный торговец оружием. Под видом бриллиантового дилера подозреваемый проводил деньги через один частный женеvский банк. Его счета заморожены.

Жан-Бенедикт немедленно явился в кабинет Макаера с газетой в руке.

– Ты это читал? – спросил он.

– Читал.

– Ты только представь, оказывается, это наш банк!

– Да ладно? – удивился Макер.

– Вот тебе и ладно! Федеральная полиция проинформировала совет о создавшейся ситуации несколько недель назад. Я не мог, разумеется, ничего тебе сказать, операция была засекречена.

– Конечно, засекречена, – повторил Макер на голубом глазу.

Чуть позже, сев за столик своего придворного кафе, Макер с изумлением заметил рядом с собой Вагнера.

– Операция “Бриллиантовая свадьба” увенчалась успехом только благодаря вам, – сообщил тот, не поднимая глаз от меню. – Кстати, вы вполне соответствуете профилю сотрудника, которого мы сейчас ищем. Вас может заинтересовать такое предложение?

Макер согласился. Не очень понимая, под чем подписывается, он знал, что это решение изменит его жизнь.

Затем он прошел базовое недельное обучение во Флимсе, в кантоне Гризон. Его жена и коллеги считали, что Макер в одиночку отправился в горный поход, чтобы немного развеяться. Он действительно забронировал

номер с полупансионом в отеле “Швайцерхоф”, где только ужинал и ночевал. Каждое утро Макер отправлялся в путь, надев для отвода глаз кошки и вооружившись палками для ходьбы. Но вместо того, чтобы бродить по горам, он целый день проводил в стоящем на отшибе шале, где Вагнер обучал его, в частности, технике скрытого перемещения и слежки, поведению на допросе в полиции, установке скрытого оборудования для прослушки или, например, навыкам изготовления дубликата ключа из консервной банки.

Стажировка закончилась, и утром в день отъезда Макер попросил отель организовать ему трансфер до вокзала в Куре. Сев в гостиничный шаттл, он обнаружил за рулем Вагнера.

По пути Вагнер объяснил Макеру все, что ему следовало знать о P-30. Высадив его у станции, он сказал:

- В ближайшее время я вас проинформирую о первом задании.
- Как вы со мною свяжетесь?
- Нам поможет музыка. Не зря же я ношу такую фамилию.

Когда начинала вырисовываться очередная миссия, Макер получал по почте билет в Женевскую оперу. Это был сигнал от Вагнера. Макер шел на спектакль в гордом одиночестве и в антракте встречался с куратором в фойе. Они усаживались в укромном уголке, подальше от любопытных взглядов, и в течение всего второго действия Вагнер излагал ему задачи и инструкции.

Выполнив ряд поручений и набравшись опыта, Макер продвинулся по службе в P-30. В последние годы ему доверяли даже подготовку аналитических отчетов, которые, как выяснилось, высоко ценились начальством. Систематизируя свои наблюдения, он писал тематические обзоры в виде длинных писем и отсылал их по почте прямо в Федеральный совет, предваряя свои послания кратким рутинным вступлением – для порядка.

Глубокоуважаемые члены Федерального совета!

Основываясь на своей банковской деятельности и беседах с клиентами, я позволю себе обратить ваше внимание на создающуюся ситуацию и намерения сопредельных дружественных стран...

Следуя рекомендациям Вагнера, он не писал ничего такого, что не могло бы быть прочитано посторонним человеком. Если бы кто-то

случайно наткнулся на эти письма, то решил бы, что Макер, неравнодушный банкир, переживая за будущее профессии, счел нужным поделиться своей озабоченностью с правительством.

На самом деле Макер предупреждал швейцарские власти:

Французы собираются вернуть своих налоговых беглецов, итальянцы отслеживают деньги, спрятанные в Тичино, за немцами следует понаблюдать, греки пытаются предотвратить отток капиталов.

К его величайшему удовлетворению, Федеральный совет неизменно подтверждал получение его отчетов элегантным благодарственным письмом, составленным в столь же осторожных выражениях.

Макеру нравилось сотрудничать с Р-30. И не только из патриотических соображений – просто все эти годы он жил полной жизнью. Его часто охватывало даже какое-то пьянящее чувство. Незадолго до его назначения на пост президента, что до сих пор казалось ему делом решенным, Вагнер уведомил его, что, возглавив банк, Макер перестанет ездить на задания. Он будет слишком на виду. На этом его карьера в Р-30 завершится.

С новой и, скорее всего, последней миссией Макара отправили в Мадрид. Там обосновался вышедший на пенсию системный администратор из Эвезнер-банка. Швейцарская разведка подозревала его в намерении продать налоговым органам Испании имена клиентов, скрывавших деньги на швейцарских счетах. Все банки страны буквально помешались на этих информаторах, да и правительство стремилось побыстрее искоренить эту заразу. Макер должен был убедиться в предательстве этого человека, а главное, заполучить список клиентов до того, как он заключит сделку с испанскими налоговиками.

Эта заключительная операция проводилась совместно с разведслужбами Конфедерации и выходила за рамки привычных поручений Р-30. В Мадриде Макер встретился с неким Пересом, тайным агентом, работавшим под дипломатическим прикрытием в посольстве Швейцарии.

Инструкции были просты. Макер предупредил айтишника о своем приезде и предложил нанести ему дружеский визит. Тот с радостью согласился и, судя по всему, счастлив был повидать Макара, о работе с которым у него сохранились прекрасные воспоминания.

За день до встречи Макер пересекся с Пересом в музее Прадо, перед картиной Гойи “Третье мая 1808 года в Мадриде”. Контакт был установлен,

и Перес, следуя за ним на расстоянии, проводил Макера до квартиры, которую тот снял на выходные (здесь было безопаснее, чем в отеле, наштипованном камерами, где к тому же с паспорта клиента в момент регистрации снимали копию). В тишине и покое этой очаровательной студии в квартале Саламанка Перес и посвятил его в подробности операции.

– Когда вы придете к этому парню, притворитесь, что хотите выйти в туалет, и обыщите потихоньку его квартиру, – велел он.

– Что именно мне надо искать? – спросил Макер.

– Списки имен, почту, записи, все что угодно. Нам нужны доказательства, что он и есть наш крот. Не забудьте проверить сливной бачок.

На следующий день, подойдя к нужному дому, Макер увидел Переса, который, читая на лавочке газету, внимательно наблюдал за происходящим. Как будто чего-то опасался.

Они, естественно, притворились, что не знакомы, и Макер, поднявшись на пятый этаж, позвонил в дверь айтишника. Они с женой, соскучившись по Женеве, встретили его с распростертыми объятиями. Обстановка была настолько дружеской, что Макеру не верилось, что это и есть крот. Тем не менее, сделав вид, что ему срочно понадобилось в уборную, он оставил гостеприимных хозяев и быстро обошел квартиру. Первой комнатой на его пути оказалась спальня, где он наскоро обшарил платяные шкафы и маленький комод. Но ничего подозрительного не обнаружил. Он собирался было проверить кабинет, но, стоя в дверях, неожиданно услышал удивленный голос:

– Туалет в глубине справа.

Макер аж подскочил.

– Спасибо, – пробормотал он, – я тебя неправильно понял.

Подняв крышку бачка, Макер выудил оттуда длинный список испанских клиентов Эвезнер-банка, тщательно запечатанный в полиэтиленовый пакет. Он не поверил своим глазам – этот тип и правда был предателем.

Он выбросил пакет, засунул список за резинку трусов и вернулся в гостиную, стараясь ничем не выдать своей нервозности. Выпив кофе, он откланялся.

Макер быстрым шагом вышел на улицу. Перес догнал его, когда он спускался в ближайшую станцию метро.

– Ну? – спросил Перес.

– Это он, – подтвердил Макер. – Я забрал список клиентов.

Они сели в метро вместе, что было, конечно, грубой ошибкой. Выйдя из вагона, Перес обнаружил, что за ними следят.

Сидя за столиком в ресторане “Отеля де Берг”, Макер вспомнил мадридскую эпопею, из которой вышел победителем, и попытался уговорить себя, что справится и с Тарноголом. Ему просто надо представить себе, что это операция P-30. Какие инструкции дал бы ему Вагнер, если бы так оно и было на самом деле? Он задумался. Интересно, существует ли учебник по убеждению противника, вот бы он ему сейчас пригодился. Внезапно его осенило.

•

В три часа дня Макер ворвался в кабинет своего кузена и с ходу бросил ему один из четырех экземпляров книги, которые он только что приобрел в центре города.

– Я нашел решение! – воскликнул Макер в крайнем возбуждении.

– Какое решение? – спросил Жан-Бенедикт.

– Идеальный способ переубедить Тарногола.

Жан-Бенедикт взял книгу – “Двенадцать разгневанных мужчин”.

– Видишь ли, – начал Макер тоном знатока, – это история суда над мальчиком, которого подозревают в убийстве отца. Присяжные собираются признать его виновным и отправить на электрический стул. Одиннадцать из них убеждены в справедливости своего вердикта, но двенадцатый ставит его под сомнение за недостатком улик, и ему удается перетянуть всех остальных на свою сторону. Так вот, я последую его примеру и перевербую Тарногола, вы с отцом его поддержите, и таким образом все проголосуют не за Левовича, а за меня.

– Ты прочел ее? – спросил Жан-Бенедикт.

– Пролистал, – смутился Макер.

– Ты ведь наверняка видел фильм по этой книге? По-моему, его показывали по телевизору на той неделе.

– Хорошо, твоя правда, я посмотрел его на днях, – процедил Макер, раздраженный тем, что его разоблачили. – Но я знал, что он снят по роману!

– По пьесе, – не преминул уточнить Жан-Бенедикт, открыв книгу.

– Да не все ли равно! – вскинулся Макер. – А уж если совсем честно, то я проспал половину фильма и понятия не имею, чем там все

закончилось. Поэтому мне срочно надо эту штуку прочесть и принять ее как руководство к действию. Записать аргументы, составить списки и так далее и тому подобное.

– У меня в четыре поезд в Цюрих, – сказал Жан-Бенедикт, взглянув на часы. – Вот в дороге и прочту.

– Вы с Шарлоттой ведь придете к нам завтра ужинать? – спросил Макер.

Раз в месяц Хансены и Эвезнеры поочередно приглашали друг друга в гости.

– Конечно, придем. Я в Цюрихе ужинаю с клиентами и завтра утром вернусь первым поездом.

– Тогда вечером жду от тебя рецензию, дорогой кузен! – заключил Макер.

– Рад стараться, дорогой будущий президент! – По-военному щелкнув каблуками, Жан-Бенедикт взял маленький чемодан на колесиках и отправился на вокзал.

Макер же, лопааясь от важности, вернулся в кабинет. Он уже не сомневался, что у него хватит доводов, чтобы уломать Тарногола.

Кипа нераспечатанных писем никуда с его стола не делась. Но вместо того, чтобы разобрать их, Макер решил почитать “Двенадцать разгневанных мужчин” и поскорей извлечь оттуда парочку доводов в свою пользу, на случай если Тарногол повстречается ему на просторах банка. Но без четверти четыре в его кабинет вихрем влетела Кристина.

– Что еще такое? – с досадой спросил Макер. – Я занят!

– Простите, но в расписании Левовича на четыре часа назначена очень важная встреча. Сейчас почти четыре, а его нет как нет, и до него невозможно дозвониться. Он наверняка во Дворце Наций. Как мне поступить?

– Ему бы следовало почаще заглядывать в свой ежедневник! – буркнул Макер, который уже понял, куда клонит Кристина, но не собирался идти у нее на поводу.

– Вы не могли бы провести встречу вместо него? – не отставала она.

– Нет, – отрезал Макер, – у меня аврал!

– Должно быть, это важный клиент, – не отступалась Кристина. – Он придет в ярость, когда поймет, что про него забыли. Скажите просто, что Левович задерживается и попросил вас подменить его.

– Я не намерен прикрывать Левовича, чтобы его избрали президентом вместо меня! Если это и правда крупный клиент, так пусть приходит в ярость и жалуется на Левовича в совет банка. Тарногол тогда поймет, что

он далек от совершенства.

С этими словами Макер отослал секретаршу.

Когда четверть часа спустя важный клиент появился в приемной, Кристина потеряла дар речи. Вот уж кого она никак не ожидала увидеть.

Глава 8

Все свои

Этого респектабельного старика Кристина отлично знала, его трудно было с кем-то спутать: необычные черты лица, шероховатая кожа, вечно надутый вид, кривой нос, густые брови. В руке он держал трость с набалдашником, усыпанным сверкающими бриллиантами, которая, по слухам, тянула на миллионы франков. Перед ней стоял Сিনিор Тарногол.

– Левович тут? – спросил Тарногол, которой, несмотря на прекрасный французский, так и не смог избавиться от сильного славянского акцента.

Кристина сидела, молча уставившись на него. Он смерил ее злобным взглядом. Тогда она решила косить под дурачку:

– Вы договаривались о встрече? У Левовича в расписании она не отмечена.

– Да, в моем кабинете. И поскольку он не соизволил явиться, я зашел выяснить, что происходит. Что за гадкая манера заставлять людей ждать попусту!

– Месье Тарногол, – произнесла Кристина самым своим сладким голосом, – могу ли я попросить вас подождать минутку в Розовой гостиной?

Через несколько секунд она вбежала в кабинет Макера.

– Ну что еще? – раздраженно воскликнул он, откладывая книгу. – Я же предупредил, что занят.

– В четыре у Льва встреча с Тарноголом!

Макер оторопел:

– С Тарноголом?! И что вы ему сказали?

– Что Левовича нет, но вы его примете. Он, судя по всему, обрадовался. Извините, что не последовала вашим инструкциям, но не могла же я его выгнать!

– Молодец, Кристина, мо-ло-дец! – похвалил ее Макер. Он и мечтать не смел, что ему представится такая прекрасная возможность обсудить с Тарноголом свое президентство и походив потопить Левовича. – В какую гостиную вы его отправили?

– В Розовую.

– В Розовую, отлично! – одобрил ее Макер, потому что это была самая элегантная комната на этаже. – Скажите Тарноголу, что я иду.

Когда Кристина убежала, Макер схватил в охапку груду накопившихся

писем и свалил их на стол Левовича. Затем ринулся в Розовую гостиную с резвостью собаки, учуявшей дичь. Он вошел с радостной улыбкой на лице и, поклонившись Тарно голу, словно золотому тельцу, медоточиво произнес:

– Дорогой Синиор, как я рад вас видеть! Я должен объяснить вам недоразумение, возникшее в связи с моими поездками и статьей в “Трибюн”...

– Сейчас у меня на это нет времени, – перебил его Тарно гол. – Мне необходимо увидеться с Левовичем! Это крайне важно.

– Левовича нет, – сказал Ма кер.

– И где же он?

– Понятия не имею. Вы знаете, он не часто показывается на работе.

– Да что вы? – Тарно гол задумался. – Я считал, что он трудится с утра до вечера не покладая рук.

– Нет, это все сказки. Левович? Не покладая рук? – Ма кер натужно хмыкнул, чтобы подчеркнуть всю нелепость такого предположения. – Он уже мышей не ловит! Спасибо, если к одиннадцати утра он осчастливит нас своим присутствием. А во второй половине дня мы вообще редко его видим. Сами посудите, сейчас только четыре, а его и след простыл. Несolidно как-то.

– Очень несolidно! – возмутился Тарно гол.

Ма кер, довольный произведенным эффектом, добавил:

– Я не должен вам говорить об этом, мне не хотелось бы навредить Льву, но здесь всем занимаюсь я. Он никогда не принимает решения, не посоветовавшись со мной. У него инициативность на нуле. Вы давно заходили к нему в кабинет? Его стол буквально завален письмами, он их даже не просматривает. Клиенты наверняка в ярости. Какой позор! В жизни не видел такого лентяя!

– Почему же ты не уведомил совет банка? – спросил Тарно гол.

– Потому что я ничего не имею против Левовича, – вкрадчиво сообщил Ма кер. – Бедняга. И потом, его любил мой отец, вот и мне его немного жаль. Ведь, в сущности, он абсолютно безвреден, вот если бы он метил в президенты, тогда конечно.

– Какой ужас, – возмутился Тарно гол.

– Совершеннейший ужас, – поддакнул Ма кер, сокрушенно покачав головой.

– Ты только подумай, я чуть было не назначил Левовича на пост президента!

– Да ну? – изобразил удивление Ма кер. – Левовича? Так он угробит банк, мы оглянуться не успеем! Впрочем, вам виднее, вы же член совета, не

я.

– Однако он произвел на меня прекрасное впечатление, – сказал Тарногол.

– Ах, мой дорогой Синиор, пронырливые самозванцы обычно чертовски обаятельны.

Тарногол встал и прошелся по комнате. Казалось, он был озадачен.

– Все в порядке, месье Тарногол? – заволновался Макер.

– Нет, это не лезет ни в какие ворота! Я должен был сегодня увидеться с Левовичем, чтобы попросить его об очень важной услуге! Я так и сказал: “У меня очень важное дело”. А его нет! Черт знает что!

– Возможно, я смогу вам помочь? – предложил Макер, упиваясь ситуацией.

Тарногол пристально посмотрел на него.

– Не уверен, – проворчал он, – это действительно весьма деликатный вопрос.

– Мы же смогли договориться пятнадцать лет назад, – возразил Макер. – Благодаря чему вы и являетесь сегодня вице-президентом банка.

– Я тоже выполнил свои обязательства, – заметил Тарногол. – Ты получил, что хотел, в обмен на акции.

– Вот именно, старина, – решился Макер. – Поэтому у нас нет причин сомневаться друг в друге. Давайте заключим новое соглашение.

Тарногол долго думал и в конце концов сдался:

– Ну хорошо. Предлагаю тебе сделку, Макер. Услугу, о которой я хотел попросить Левовича, я перекину на тебя. Взамен я назначу тебя президентом.

– Согласен! – Макер бросился к Тарно голу и энергично потряс его руку. – Чем я могу быть вам полезен?

– Ты просто заберешь для меня один конверт, – объяснил Тарногол. – Это законно и безопасно.

– И все? – удивился Макер.

– И все, – кивнул Тарногол. – Сущяя ерунда.

– Сущяя ерунда, – повторил Макер, как попугай. – А потом?

– Потом принесешь конверт мне домой, – сказал Тарногол.

– И все?

– И все.

– Сущяя ерунда!

– Сущяя ерунда.

Они вышли из Розовой гостиной, оба очень довольные. Следуя за Тарно голом к лифту мимо своего кабинета, Макер удостоверился, что

Кристины нет на месте, и предложил ему зайти полюбоваться на рабочий стол Левовича. Прямо с порога он показал на гору почты.

– Посмотрите, сколько писем у него валяется без ответа, – горько вздохнул Макер. – Черт-те что!

– Безобразия! – возмутился Тарногол, который на таком расстоянии не мог разглядеть, что все письма адресованы Ма-керу. – Как я только мог представить себе Левовича на посту президента?

– Что поделать, дорогой Синиор, – отозвался Макер. – Человеку свойственно ошибаться.

Как только Тарногол ушел, Макер поспешно забрал почту со стола Левовича и свалил обратно на свой. Затем рухнул в кресло, чувствуя, как его постепенно охватывает эйфория. Он никогда не испытывал такого счастья: он станет президентом Эвезнер-банка. Ему удалось изменить линию своей судьбы, не прибегая ни к каким махинациям. Он с презрением посмотрел на “Двенадцать разгневанных мужчин” – теперь ему не придется читать эту белиберду.

Он окажет Тарно голу пустячную услугу, и место президента будет ему обеспечено. Жизнь прекрасна. Откинувшись в кресле, он посмотрел на часы. Полпятого. Пора домой. Ну и денек!

В то же время в Колоньи, в роскошном доме Эвезнеров, домработница Арма подслушивала под дверью спальни своих хозяев. Анастасия только что ответила на загадочный телефонный звонок.

Как всегда, первой трубку подняла Арма. “Помештье Эвезнеров, здрасте”, – произнесла она вежливо, как ее учили. На том конце провода, не представившись, мужской голос попросил позвать медем. Медем стояла рядом, и Арма передала ей трубку, но, услышав таинственный голос, она немедленно перевела звонок в спальню и заперлась там. Как странно. Медем никогда так не поступала. Заинтригованная Арма решила выяснить, что происходит.

– Лев, ты с ума сошел звонить мне на домашний! – раздраженно воскликнула Анастасия, уверенная, что тут ее никто не услышит.

– Я подумал, что к мобильнику ты не подойдешь, – сказал Лев, оправдываясь.

– Конечно, не подойду, потому что я больше не хочу ни говорить с тобой, ни тебя видеть.

– Я с нетерпением жду нашей встречи сегодня вечером, дорогая.

– Не называй меня *дорогой*! И не звони мне больше! Ты что, не понял,

между нами все кончено!

– Я просто хотел предупредить, что без четверти восемь за тобой заедет мой водитель и отвезет в “Берг”. До скорого.

– Ты вообще меня слушаешь? Не будет никакого ужина. Тем более в твоём отеле! Напрасно мы провели там выходные. Я замужем, в конце концов! Кто угодно мог нас там застать!

– Тебе незачем волноваться.

– Очень даже есть зачем.

– Увидимся вечером.

– Не увидимся никогда!

Анастасия бросила трубку. Услышав щелчок, Арма со всех ног кинулась в маленькую гостиную на первом этаже, где она, по идее, сметала метелкой пыль. Ну и ну! Медем изменяет мисье.

•

В семь часов вечера Макер Эвезнер гордо припарковался на стоянке у “Золотого льва” в Колоньи, надеясь, что его заметят за рулем болида, стоившего небольшое состояние. Он вошел в ресторан с озабоченным видом, важно вышагивая под руку с женой, которая, конечно, привлекла всеобщее внимание. Их посадили за столик с видом на озеро, как он и просил, и они с восхищением посмотрели на пейзаж за окном. Перед ними россыпью алмазов сверкала в ночи Женева.

– Сегодня мы пьем шампанское! – с ходу сообщил Макер сомелье. – Принесите винтажного “Поля Роже”. Его любил Уинстон Черчилль! Эликсир победы!

К изумлению Анастасии, ее муж пребывал в чудном настроении.

– Что празднуем? – спросила она.

– Солнышко, ты ужинаешь с будущим президентом банка, – сказал он с многозначительной улыбкой.

Она изобразила радость:

– О, как здорово! Ты получил подтверждение от Жан-Бенедикта?

– Нет, до субботы ничего официально не объявят. Разумеется, я хотел подождать, пока все будет точно известно, прежде чем тебе говорить, но я так волнуюсь, что не могу удержаться. В общем, победа за нами!

– Не надо делить шкуру неубитого медведя, – умерила его пыл Анастасия.

– Уже все в порядке, но представь себе, что сегодня утром, придя в

банк, я узнал, что совет и впрямь собирается выбрать Левовича.

– Левовича? – задыхнулась Анастасия.

– Понимаю твое потрясение, солнышко, я сам обалдел. Нет, только вообрази, какой-то там Левович возглавит Эвезнер-банк! Эвезнер так Эвезнер, чего уж там! Это все Тарногол замутил. У иностранцев свои причуды.

– И что, Тарногол передумал? – спросила Анастасия.

– Почти. Скажем так, мы с ним заключили сделку. Осталось уладить один пустячный вопрос. Но это ерунда.

– То есть?

– Потом объясню. Понимаешь, в глубине души папа хотел, чтобы я стал президентом. И выборы он затеял только для того, чтобы укрепить мою легитимность.

Анастасия не знала, что и сказать, – она-то считала, что все было как раз наоборот. Абель Эвезнер всю жизнь только и делал, что унижал своего сына. Если бы он хотел, чтобы после его смерти Макер возглавил банк, он бы просто завещал ему свою долю. Но она предпочла промолчать и подняла бокал шампанского за его здоровье.

Анастасия встревожилась – из-за Льва, из-за выборов. Ей расхотелось есть, она бы с удовольствием вернулась домой. Но она побоялась испортить вечер мужу, который буквально светился счастьем и явно умирал от голода. Макер заказал тальятелле с белыми трюфелями и каре ягненка. Она взяла тартар из тунца и лангустины. Макер попросил поставить в ведро со льдом вторую бутылку “Поля Роже”.

– У нас романтический ужин с шампанским, следите, чтобы оно было ледяное! – велел он сомелье.

Но когда в полвосьмого подали закуски, к Макеру подошел метрдотель:

– Простите, месье Эвезнер, вас к телефону.

– Меня? – удивился Макер. – Но никто же не знает, что я здесь.

Он был заинтригован. Выйдя в гардеробную, он взял трубку. Для пущей солидности он представился властным тоном главнокомандующего:

– Макер Эвезнер у телефона!

Внимательно выслушав своего собеседника, который изложил ему подробные инструкции, он гаркнул в ответ на сей раз скорее как солдат, стоящий на вытяжку:

– Я выезжаю!

Макер бросился к жене и, даже не присев, объявил ей:

– Солнышко, прости, мне надо бежать. Чрезвычайная ситуация. Это

касается того, о чем мы сейчас говорили. Заканчивай спокойно ужин и возвращайся на такси, ладно? Мне нельзя опаздывать. Я позже тебе все объясню.

И ушел, не дождавшись ответа.

Анастасия осталась за столиком одна, озадаченно уставившись на Женевское озеро, искрившееся в лунном свете. Кончиком вилки разворошила тартар. Другие посетители не могли отвести от нее глаз. Все в этой женщине источало красоту, тем более волнующую, что от нее веяло изысканной меланхолией.

Анастасия допила шампанское, не прикоснувшись к еде. Она ненавидела ужинать в одиночестве. Она вообще ненавидела одиночество. Достав из сумочки телефон, она долго раздумывала, не позвонить ли Льву. Но не решилась. Лучше пойти домой. Она попросила вызвать такси и вышла на улицу. Немного свежего воздуха ей не повредит. Было без четверти восемь. На стоянке ее ждал черный лимузин. Альфред Агостинелли, водитель Левовича, стоял рядом, придерживая открытую дверцу. Он вручил ей огромный букет белых роз.

– Добрый вечер, мадам, – улыбнулся Агостинелли. – Как поживаете?

– Хорошо, Альфред, – смущенно ответила Анастасия и машинально забралась на заднее сиденье. Потом, взглянув на любезного водителя, уже севшего за руль, спросила: – И как ему это удается?

Глава 9

Расследование начинается

Утром в среду, 27 июня 2018 года, придя к заключению, что разгадку номера 622 следует искать в Женеве, мы со Скарлетт отправились в столицу мира. По дороге она сказала:

– Я нашла в вашем номере заметки о Бернаре.

– Вы рылись в моих вещах?

– Нет, они лежали на столе. Я думала, что это наброски романа, и решила их разобрать...

– Вы их прочли?

– Да. Какие трогательные у вас были отношения. Хотелось бы узнать подробности.

– Что именно вас интересует?

– Все! Расскажите мне, каким он был.

– Не знаю даже, с чего начать.

– Начните сначала, – предложила она. – Как правило, это проще всего. С того, как вы познакомились. Как неизвестный молодой автор подружился со старым издателем.

– Это долгая история, – предупредил я.

– Я не тороплюсь. И вообще нам еще ехать и ехать.

Я улыбнулся.

– Мы познакомились с Бернаром семь лет назад. Я помню, что все началось в знойный летний день в конце июля. Париж задыхался от жары. В то утро я приехал из Женевы. Мне очень хотелось выглядеть подобающим образом, и я надел рубашку и блейзер, словно собрался на собеседование с работодателем. Я вознамерился убедить Бернара, что я человек серьезный. Он назначил мне встречу в книжном магазине издательства “Л’Аж д’Ом” на улице Феру, сейчас там открыли кафе-мороженое. Я приехал весь в поту, изнемогая от парижского пекла. Он уже ждал меня в маленьком подвальном зале для собраний.

Мне было двадцать шесть лет, к тому моменту я с горем пополам все же закончил юрфак, хотя не столько учился, сколько писал романы. Каждый день, вместо университета, я отправлялся к бабушке, которая освободила мне у себя одну комнату, и я превратил ее в рабочий кабинет. Бабушка первая поверила в меня и отнеслась ко мне серьезно. Благодаря ей за пять лет учебы я написал пять романов, один за другим, рассылая их

веером всем издателям подряд и от всех получая отказ. Было от чего прийти в отчаяние. А потом неожиданно, в январе 2011 года, мою пятую книгу, исторический роман, посвященный *Special Operations Executive*, спецподразделению британских секретных служб, успешно действовавшему во время Второй мировой войны, выудил Владимир Дмитриевич, основатель издательства “Л’Аж д’Ом” в Лозанне, и решил его опубликовать. Но он погиб в автокатастрофе, не успев довести дело до конца. На похоронах Дмитриевича меня представили Лидуин Элли, его парижской приятельнице, от которой я узнал, что он говорил о моем романе с Бернаром де Фаллуа, предлагая ему совместное издание. “Вам обязательно надо познакомиться с Бернаром, – сказала Лидуин после панихиды. – Возможно, он захочет вас издать”.

Лидуин стала моей благодетельницей. Она взяла меня под свое покровительство и организовала встречу с Бернаром. Вот я и поехал к нему в Париж в тот жаркий июльский день. И как это часто бывает, наша великая дружба началась очень плохо.

•

Париж, семь лет назад

– Вряд ли я опубликую ваш роман.

Человек, произнесший эти слова, был похож на генерала: элегантный, барственный, с живым взглядом.

Легендарный французский издатель Бернар де Фаллуа.

Увы, я сознавал, что между восьмидесятипятилетним издателем и начинающим автором двадцати шести лет от роду простирается поколенческая пропасть.

– Отчего же? – рискнул я спросить.

– Вы представляете свою книгу как исторический роман, но я не думаю, что вы пишете правду. Англичане на такое не способны.

– Тем не менее это правда, уверяю вас.

– И потом, почему вас так занимает война? – спросил Бернар подозрительно. – Вы ведь ее не пережили.

– Ну и что?

Он скорчил скептическую гримасу:

– Вы же не будете уверять меня, что французское Сопротивление победило немцев благодаря англичанам?

– Я могу вам это доказать, – упорствовал я. – Это малоизвестный

сюжет, поэтому мой роман и может вызвать интерес.

– Простите, но вряд ли я возьму его.

Выйдя от Бернара в расстроенных чувствах, я бесцельно брел по Сен-Жермену. Какой ужас. Зачем вообще писать, если меня никто никогда не издаст. Не суждено мне стать писателем. Мои самые радужные надежды не оправдались. Я подумывал, не броситься ли в Сену, но вместо этого поплелся в книжный магазин “Жибер Жозеф” на бульваре Сен-Мишель, где принялся изучать раздел исторических книг. Я нашел несколько изданий, посвященных работе британских спецслужб в период с 1939 по 1945 год. Я записал выходные данные, составил небольшую библиографию, добавил к ней источники, которыми пользовался, когда писал роман, и заслал все Бернару.

Ответа я не получил. До пятницы 26 августа 2011 года. В конце дня мне позвонила Лидуин Элли. “Бернар опубликует вашу книгу!” – сообщила она. Ей все-таки удалось его уломать. Мой первый роман вышел в свет в январе 2012 года.

– И его ждал огромный успех! – прервала меня Скарлетт в порыве энтузиазма.

– Как же! Его ждал полный провал.

Она расхохоталась:

– Правда?

– Правда. Бернар держался со мной неприветливо, я его возненавидел, и это было взаимно. Роман продавался очень плохо. Несколько сотен экземпляров, и все. Я поклялся себе, что никогда больше не буду с ним работать.

– А что потом?

– Продолжение следует – мы уже почти в Женеве.

Съехав с автострады, я направился к центру города, минуя здания международных организаций. Вскоре показался берег озера и фонтан на заднем плане.

– К вашему сведению, – сказал я, – ровно три дня назад я ехал по этой дороге в противоположную сторону.

– Не занудствуйте, писатель, вам это не к лицу! И потом, вы всегда можете заскочить домой за носками, если они у вас закончились.

– Я могу вообще вернуться домой, посадив вас на поезд в Вербье.

Она рассмеялась:

– Как же! Вы хотите остаться со мной в Вербье.

Я сдержал улыбку, и это от нее не укрылось.

– Не пытайтесь постоянно сохранять серьезный вид, писатель. У вас это плохо получается.

Проехав по мосту Монблан, мы двинулись в Колоньи, богатый пригород Женевы. В то время, когда было совершено убийство, там жил Макер Эвезнер. Должен признаться, Скарлетт меня поразила: облазив все закоулки интернета, она добыла массу важной информации. В том числе статью о Макере Эвезнере, опубликованную в “Иллюстрэ”, одной из крупнейших еженедельных газет французской Швейцарии, за несколько месяцев до убийства. Тексту была предпослана фотография Макаера с женой, позирующих на фоне своего особняка.

Точного адреса мы не знали, но название улицы там было упомянуто – шоссе Рют. Туда мы и отправились.

Я ехал очень медленно, и мы внимательно изучали дома по обе стороны дороги. Внезапно Скарлетт воскликнула:

– Вот оно!

Перед нами, за высокими железными воротами, посреди большого парка стоял дом, похожий на тот, что виднелся на снимке в газете: великолепный белокаменный особняк с видом на озеро.

Глава 10

Разгневанный мужчина

Вторник, 11 декабря, за 5 дней до убийства

Великолепный белокаменный особняк Эвезнеров в Колоньи с видом на Женевское озеро возвышался посреди большого заснеженного парка.

Анастасия, в халате, одиноко сидя за кухонным столом, на котором был накрыт завтрак, теребила хлебные крошки, но ей кусок в горло не лез. Она думала о том, что произошло накануне. Она прекрасно провела вечер, завершившийся в люксе Левовича в “Отеле де Берг”. Там ее ждали изысканные блюда и потрясающее вино. Лев в смокинге был, как всегда, неотразим.

Они ужинали при свечах и, кажется, никогда еще не были так влюблены. Рядом с ним она чувствовала себя живой. Потом они кинулись друг другу в объятия и занялись любовью.

Вот только около полуночи зазвонил гостиничный телефон. Анастасия запаниковала, наверняка Макер ее выследил, все узнал и пришел устроить скандал. Но она тут же вздохнула с облегчением: это был не Макер, а президент Франции, приехавший в Женеву на конференцию ООН. Президент страдал бессонницей, и ему хотелось поболтать. Он попросил Льва заехать к нему во французское постпредство при ООН, располагавшееся в огромном поместье в Шанбези, где он остановился.

Лев сначала вежливо послал его под предлогом любовного свидания, но Анастасия, усовестившись, попрекнула его – президент Франции как-никак!

Тогда Лев перезвонил великому командору французов и сказал, что придет. Они оделись, и он усадил ее в черный “феррари” уникальной модели. Потом они сидели втроем в пышном парадном салоне, где президент принимал их в халате. Он пил чай, курил сигару и трепался с ними как со старыми друзьями, походя консультируясь со Львом по поводу своей завтрашней речи в ООН.

В два часа ночи Лев отвез Анастасию домой. Он высадил ее у ворот Эвезнеров на шоссе Рют и под покровом ночи еще раз поцеловал нескончаемым влюбленным поцелуем, не желая расставаться с ней.

Войдя в ворота, она на мгновение встревожилась – что скажет ее муж, увидев, что она возвращается домой под утро? Наверное, Макер переволновался. Интересно, он уже позвонил в полицию? Или что-то

заподозрил и теперь подстерегает ее в гостиной. Он потребует объяснений. Главное, держаться естественно. Она скажет, что в итоге решила повидаться с друзьями, они пошли выпить в “Отель де Берг” и она даже не заметила, как время пролетело, вот и все. Ей что, развлечься нельзя? К тому же он сам бросил ее одну в ресторане! Но, подойдя к дому, Анастасия поняла, что машины Макера нет на месте. То есть он до сих пор не вернулся со своей таинственной встречи. Куда он запропастился? Впрочем, не важно – она сразу легла, обрадовавшись, что ей хотя бы не придется придумывать оправданий. Как же ей было хорошо после долгих часов, проведенных со Львом, она чувствовала близость его тела и легкое прикосновение пальцев. Ощущение счастья, которое она испытывала с ним, еще долго не покидало ее. Закрыв на мгновение глаза, она представила, как он припадает к ней, целует и шепчет на ухо: “Еще апельсинового сока, медом?” О нет, черт, это Арма прервала ее грезы.

– Еще апельсинового сока, медом? – спросила Арма, показав ей кувшинчик.

Вот пристала. Анастасия заставила себя улыбнуться.

– Вы прекрасно выглядите, медом, – сказала Арма, наливая ей сок.

Анастасия не ответила, подумав, что напрасно она так сияет, Макер может насторожиться. В этот момент он как раз вошел на кухню с гневным возгласом:

– Вот же сука этот Левович!

Анастасия чуть в обморок не упала – ей конец, он все знает!

– Сука Левович, – повторил Макер, размахивая свежим номером “Трибюн де Женев”.

– Что... что такое? – пробормотала Анастасия.

Макер развернул перед ней газету.

– Ты только посмотри, солнышко! – прохрипел он, и в его голосе сквозило раздражение, смешанное с восхищением.

На первой полосе, под анонсом большого интервью с президентом Франции, красовался снимок вышеупомянутого президента вместе с Левовичем, сделанный накануне во время их прогулки по берегу Женевского озера, поблизости от здания ООН. Макер прочел вслух:

Мировые лидеры собрались вчера в Организации Объединенных Наций на конференции по делам беженцев. Сегодня с долгожданной речью должен выступить президент Франции. Каково же было удивление посетителей парка “Перль дю Лак”, когда они неожиданно встретили его вчера – президент

в сопровождении телохранителей прогуливался с известным
женевским банкиром Львом Левовичем...

Арма перебила его:

– Будете апельсиновый сок, мисье?

– Да, спасибо.

Он отложил газету и, схватив ломоть поджаренного хлеба, густо намазал его маслом.

– Вот же фрукт! – не успокаивался он. – Подумать только, прошелся под ручку с президентом Франции, и раз – на первую полосу! А знаешь, что хуже всего? Лев не просто так нос задрал. Вчера он не пришел в офис, никому не сообщив, что у него дела в ООН. Кристине пришлось отслеживать его передвижения, чтобы понять наконец, чем он занят.

Анастасия растерянно посмотрела на мужа, восторгавшегося Левовичем, с которым она наставляла ему рога, – в сущности, и он и она были влюблены в одного и того же человека. Ей стало неловко, и она поспешила сменить тему.

– Как прошел вечер? Ты ведь поздно вернулся, да? – спросила она, изображая святую невинность.

– В полчетвертого, – ответил он. – Еле живой.

– Чем ты занимался до полчетвертого?

– Не могу сказать. Ну ладно, тебе могу. Представляешь, вчера Сিনিор Тарногол попросил меня об услуге. Что-то страшно важное. Это тот самый пустячный вопрос, о котором я говорил тебе в ресторане.

– И что за услуга? – поинтересовалась Анастасия, с тревогой спрашивая себя, на что готов пойти ее муж, чтобы повлиять на решение Тарногола.

– Да ерунда, я забрал для него письмо и отвез ему.

– Письмо? Ты что, теперь почтальоном заделался!

Макер мрачно взглянул на нее:

– Ты ничего не понимаешь. Лучше бы я и правда промолчал! Это очень важное письмо, и Тарногол не мог получить его напрямую. Поэтому он хотел послать за ним своего человека.

– Он послал своего почтальона! – повторила Анастасия.

– Своего человека! – разозлился Макер. – Я ездил за конвертом в Базель, если уж ты хочешь знать все подробности.

– Ты ночью смотался туда-сюда в Базель? Теперь понятно, почему ты вернулся под утро.

– Ну, для хорошего водителя это не так уж и далеко. Я забрал этот

чертов конверт около одиннадцати вечера в одном роскошном отеле Базеля, выпил кофе и поехал обратно. В полтретьего вручил его Тарно голу лично в руки. Представляешь, он позвал меня к себе, хотя никогда никого домой не приглашает! Он живет в шикарном особняке на улице Сен-Леже, напротив парка Бастионов. Верх роскоши. Он принял меня с надлежащим уважением, да что там, просто по-царски. И воскликнул: “Брат мой!” “Брат мой!” – это он мне! Представь! Тут же предложил что-нибудь перекусить. Ну, перекусить – это слабо сказано, там жратвы хватило бы, чтобы прокормить голодающую деревню! Обалденная иранская икра, копченый дикий лосось с Аляски, я такого в жизни не ел, поджаренная сдобная булка, пальчики оближешь, блюдо с сырами, тонкие пироги с фруктами и всякие сладости. Умереть не встать, жаль, ты этого не видела! И еще, по такому торжественному случаю он открыл бутылку “Белуги”. И заявил со своим ужасным акцентом: “«Белуга» – вкус победы!” Мы долго с ним просидели – болтали, смеялись, как закадычные друзья. Провожая меня, он сказал по-английски: *Thank you, Mister President.*

– *Mister President?*

– Ну! Меня изберут в эту субботу! В общем, вечер удался, ха-ха!

Макер с любовью посмотрел на жену. В последнее время что-то в ней изменилось. Ее лицо просветлело. Она стала более жизнерадостной, изумляла его своим замечательным настроением. Он просто диву давался. Похоже, она счастлива. Да, он сделал ее счастливой. Всякое у них бывало, и взлеты, и падения, но он нашел к ней подход. Достаточно на нее взглянуть – ведь чудо как хороша.

В то утро Макер, который обычно долго просиживал за завтраком, в спешке доел тосты, очевидно куда-то торопясь.

– А теперь за дело, – провозгласил он, вставая.

– Ты в банк? – удивилась Анастасия.

– Нет, – ответил он загадочно. – Я в будуар. Мне надо поработать над одним проектом.

Он явно ее заинтриговал. Макер был доволен произведенным эффектом. Вольно ж ей потешаться над ним, обзывая почтальоном, вот бы она ахнула, узнав, кто ее муж на самом деле. Его слишком часто недооценивали. Иногда он страдал от этого, но потом понял, что, в сущности, в этом и заключается его сила – как известно, в тихом омуте черти водятся.

У него мелькнула мысль, что эта пословица могла бы стать прекрасным названием для мемуаров.

Запершись в будуаре, Макер для начала полюбовался шелковым

носовым платком, который он стащил у Тарногола. На нем было вышито: “Синиор Тарногол. Совет Эвезнер-банка”. Платок лежал в гостинной на маленьком столике, и Макер не удержался. Какой изыск! Он тоже закажет себе носовые платки с вышивкой “Макер Эвезнер, президент”.

Он убрал драгоценную тряпочку в ящик стола, заодно вытащив оттуда бутылку лимонного сока. Налив немного в медную мисочку, он развел его водой – получились симпатические чернила. Затем он вытащил из сейфа тетрадь, сел за стол, заваленный всякими безделушками, и продолжил свое повествование.

Мои многочисленные отчеты, отосланные в Федеральный совет, не прошли незамеченными: швейцарскому финансовому центру – легким нашей экономики, так сказать, – грозила опасность, и нам необходимо было встать на его защиту. Учитывая, что европейские страны предпринимали определенные шаги не только чтобы воспрепятствовать утечке капиталов в Швейцарию, но также и для идентификации счетов своих граждан в швейцарских банках, приходилось руководствоваться известным крылатым выражением: хочешь мира – готовься к войне.

Вследствие этого швейцарское правительство поручило своим спецслужбам организовать широкомасштабный мониторинг министерств экономики европейских стран с целью предотвратить ответные меры с их стороны.

Поскольку внедрение агентов разведки в дружественные союзные государства представляет собой опасное предприятие с точки зрения имиджа страны и дипломатических осложнений, в авангарде выступило подразделение Р-30, чтобы подготовить почву. Экономический отдел, сотрудником которого я являлся, активизировал свою деятельность. Лондон, Париж, Лиссабон, Вена, Афины, Мюнхен, Милан, Мадрид, Стокгольм – в поле нашего зрения попали все крупные европейские города. В каждом из них надо было локализовать соответствующие ведомственные здания, например министерства и налоговые органы, и, оценив возможность проникновения в них, собрать исчерпывающее досье с планировкой помещений и указанием наличия камер слежения и пропускной системы. Иногда для создания базы данных мы записывали номера всех машин, въезжающих или выезжающих со служебной стоянки. Либо

составляли список ресторанов в округе, куда часто заходят служащие данного учреждения. Этот кропотливый труд, утомительный и неблагодарный, был, однако, необходим, чтобы расчистить дорогу секретным агентам, которые впоследствии займутся на месте установкой подслушивающих устройств, похищением или уничтожением документов, а также вербовкой сотрудников, которые за небольшую мзду согласятся предоставить нам нужную информацию.

Всякий раз, возвращаясь с задания, я получал приглашение в Оперу, где и передавал Вагнеру краткие рапорты о своих наблюдениях.

К сожалению, как позже выяснилось, все эти старания оказались напрасны – нашего злейшего врага следовало искать вовсе не за пределами страны, а в самом ее сердце.

Нас атаковали изнутри, и событие, потрясшее всю нашу банковскую систему, – прекрасное тому доказательство: сотрудник крупнейшего цюрихского банка, решив отомстить за свое увольнение, скопировал список иностранных держателей тайных счетов в Швейцарии и продал его налоговым органам Франции и Германии.

В банках с солидной репутацией, гарантирующих тайну вкладов, новость о таком беспрецедентном предательстве прозвучала как гром среди ясного неба. Что касается спецслужб, то они были приведены в состояние повышенной боевой готовности: дурной пример мог оказаться заразительным. Надо было незамедлительно нанести ответный удар и, убедившись, что это единичный случай, отбить у потенциальных нарушителей всякую охоту пойти по этому пути.

Р-30 поручили выяснить, не пытаются ли фискальные органы крупнейших европейских стран покупать информацию у швейцарских банкиров. Так, после смерти моего отца, воспользовавшись моим положением законного наследника, лишённого президентства, Вагнер отправлял меня со спецзаданиями в разные города Европы. Мне было поручено втереться в доверие к тамошним налоговикам. В течение всего прошлого года я беспрестанно мотался в Париж, Лондон, Мюнхен, Милан, Афины. Схема операции оставалась неизменной: в каждом городе я по наводке Вагнера знакомился с каким-нибудь прикормленным адвокатом, тот, в свою очередь,

связывал меня с начальником местных налоговых служб, с которым мы встречались в укромном месте, и я представлялся ему раскаявшимся грешником. Всем им я выдавал одну и ту же историю: отец отказался назначить меня президентом банка, я хочу отомстить и готов с вами сотрудничать. Они сколько угодно могли меня проверять, я говорил чистую правду, обо всем этом писали в прессе. Обычно они так и поступали, потом договаривались – через адвоката, чтобы, не дай бог, не допустить утечки, – о следующей встрече, и мы приступали к переговорам, что позволяло мне получать ценные данные об их методах. За какую сумму они готовы купить список моих клиентов? Что они собираются с ним делать? Какие могут предоставить гарантии? Готовы ли выдать мне вид на жительство, учитывая, что я не смогу теперь вернуться в Швейцарию? Получив все нужные сведения, я требовал от них обязательств в письменной форме, от чего они, разумеется, отказывались, и тогда я прерывал переговоры, не вызывая подозрений.

Теперь, заканчивая свою карьеру в P-30, я должен заявить следующее: я был горд и счастлив служить своей стране. Меня не покидает ощущение, что я жил полной жизнью. Единственный документ, сохранившийся у меня от долгих лет моей захватывающей деятельности, – письмо за подписью президента Швейцарской Конфедерации, переданное мне некоторое время назад Вагнером. Привожу ниже эти строки, написанные от руки:

Дорогой Макер,

позвольте выразить Вам нашу всемерную благодарность за Ваше самоотверженное служение Отечеству.

Дружески Ваш

Бит Вундер,

президент Швейцарской Конфедерации

– “Всемерную благодарность”, – вслух произнес Макер, перечитывая письмо, которое хранил между страниц тетради.

Ах, если бы отец знал, на что он способен! Макер задумчиво посмотрел на фотографию, стоявшую перед ним на столе. “Твой сын, папа, – сказал он, обращаясь к глянцевому Абелю, – не так прост, как кажется”.

До Макара донесся звонок домашнего телефона, торопливые шаги Армы и ее голос: “Помештье Эвезнер, здрасте”. Потом снова шаги и

внезапный стук в дверь будуара.

– Мисье, – крикнула Арма, – извините за беспокойство, вас срочно к телефону!

Макер открыл Арме, предварительно убрав тетрадь в ящик.

– Кто это? – спросил он.

– Кто-то из банка!

Он взял трубку в прихожей. Это звонила Кристина, его секретарь.

– Месье Эвезнер, – с ходу принялась извиняться она, – вы не брали мобильник, поэтому я позволила себе позвонить вам по домашнему номеру.

Уловив панические нотки в ее голосе, Макер поспешил ее успокоить:

– И хорошо сделали, Кристина. Что случилось?

– Вы должны немедленно приехать в банк.

– Да что случилось, в конце концов?

– Приезжайте! – взмолилась она. – В ваш кабинет только что зашел Тарногол. Он вне себя от ярости и ругает вас на чем свет стоит! Я не знаю, что происходит, но, по-моему, все плохо.

Глава 11

Должник

Кристина пыталась подслушать, о чем идет речь за запертой дверью в кабинете Макера, который примчался в банк сразу после ее звонка. Но до нее долетали только отдельные слова.

Тарногол рвал и метал.

– Как ты посмел выставить меня идиотом! – набросился он на Макера. – Как ты посмел соврать мне!

– Я? Вам соврать?

– Вчера ты сказал, что Левович – лентяй и его никогда нет на рабочем месте. Но Левович был в ООН! С президентом Франции!

– От... откуда вы знаете? – с трудом выговорил Макер.

– Из газет! – завопил Тарногол, потрясая свежим номером “Трибюн де Женев”.

– Это какое-то недоразумение! – Макер дрожал мелкой дрожью.

– Чтоо?! – продолжал бушевать Тарногол. – А еще ты уверял меня, что Левович никогда не отвечает на письма, это тоже недоразумение? Вся эта почта пришла на твое имя!

– От... откуда вы знаете? – снова пробормотал Макер, у которого буквально подкосились ноги.

– Оттуда, что конверты лежат на твоём столе и на них указана твоя фамилия! – воскликнул Тарногол и, в ярости схватив кипу писем, веером подбросил их вверх. – Все кончено, Макер! О президентстве можешь забыть!

– Ну что вы, право, Синиор, – попытался урезонить его Макер. – Мы так хорошо вчера посидели... вы назвали меня братом...

– Это было до того, как я узнал о твоём обмане! Следующим президентом банка будет Лев Левович!

С этими словами Тарногол вышел из кабинета, изо всех сил хлопнув дверью, чем до смерти перепугал Кристину. Макер рухнул в кресло, он был уничтожен.

Через некоторое время раздался осторожный стук. Левович просунул голову в дверной проем.

– Ты в порядке, Макер? – взволнованно спросил он. – Говорят, Тарногол устроил скандал.

– Я совсем не в порядке, – простонал Макер, чуть не плача.

– Что случилось? – спросил Левович, решительно заходя в кабинет в сопровождении оробевшей Кристины.

– Все ужасно, – ответил Макер.

– Что ужасно? – потрясенно спросила Кристина. – Ну скажите же, месье Эвезнер, вы так побледнели.

Левович и Кристина с состраданием уставились на Макаера.

Ему не терпелось поплакаться им в жилетку, но не мог же он, в конце концов, рассказать им, как оболгал Левовича, и признаться в инциденте с почтой.

– И вообще у меня стресс, – пожаловался он, не вдаваясь в подробности.

– Почему стресс? – не отставала Кристина. – Из-за этой истории с президентством?

– Да нет, при чем тут президентство, – солгал Макер в надежде, что Кристина не донесла Левовичу, что слышала накануне, и поспешил сменить тему: – Думаю, просто зимняя хандра, ничего страшного.

– Ты еще ходишь к психоаналитику, которого я тебе сосватал? – спросил Левович. – Он отличный специалист.

– Да, доктор Казан. Хожу каждый вторник, в полпервого. Как раз сегодня это мне будет весьма кстати. – Он ухмыльнулся для вида. – И по четвергам тоже.

– Я и не знала, что вы ходите к психоаналитику, – удивилась Кристина.

– Ладно, не все ли равно! – смутился Макер, ему не терпелось разрядить обстановку. – Может, пойдем выпьем кофе? Я угощаю.

•

В полпервого Макер вошел в кабинет доктора Казана, на площади Клапареда, дом 2.

– Мне очень плохо, доктор, – объявил он с порога и бросился на диван.

Макер начал ходить на консультации к Казану почти пятнадцать лет назад. После той самой истории с акциями. Отец, узнав, что он продал свою долю Тарноголу, так разозлился, что некоторое время вообще с ним не разговаривал. Макер записался к Казану по рекомендации Левовича, который заверил его, что это тот, кто ему нужен. Лев оказался прав: благодаря Казану Макаеру удалось помириться с отцом. Но после его смерти он периодически впадал в депрессию и поэтому решил, чтобы поскорее восстановиться, перейти на два сеанса в неделю. Макаеру нравился доктор

Казан, благодаря ему он обрел веру в себя. Ему нравилась его безмятежность, мягкий взгляд, даже то, как он жевал дужку очков, слушая пациента.

– Как я уже говорил вам, доктор, – доверчиво сказал Макер, – я считал, что пост президента банка мне обеспечен.

– Да, по-моему, я читал об этом в прессе, – вспомнил Казан. – Я как раз собирался вас поздравить.

– Ну так вот, произошло досадное недоразумение.

– Да?

Макер в подробностях поведал психоаналитику о своих злоключениях в последние сутки.

– Я правильно понимаю, что этот Тарногол и слышать о вас не хочет? – резюмировал Казан, когда Макер закончил.

– И все из-за моей дурацкой оплошности! – сказал он. – Ах, доктор, помогите мне придумать, как переубедить Тарногола, прошу вас! Я должен заставить его изменить мнение. Если меня не назначат президентом, я покончу с собой!

– Что вы такое говорите! – испугался доктор. – Это нанесло бы непоправимый удар по моей репутации.

– Кстати о репутации, – продолжал Макер, – к вам обращался некто Жан-Бенедикт Хансен, мой кузен Жан-Бен. Он ищет психиатра для своей жены, она страдает легкой формой циклотимии. Я посоветовал ему связаться с вами. Я сказал, что вы лучше всех. Но, если я не ошибаюсь, вы ответили ему, что не берете новых пациентов.

– Да, уже много лет. Для вас я сделал исключение, потому что вас рекомендовал Лев Левович.

– Ох уж этот Левович! – в сердцах воскликнул Макер. – Как же я его ненавижу! Такой выдающийся! Такой образцово-показательный! Хотел бы я быть на его месте!

– Вы его ненавидите или восхищаетесь им?

– А разве нельзя ненавидеть кого-то, потому что слишком сильно им восхищаешься?

– Можно, – кивнул доктор Казан. – Это называется зависть.

– То есть я ему завидую?

– Если быть точным, я бы сказал, что вы страдаете от *invidia maxima*^[1], недуга, выявленного доктором Фрейдом в знаменитом казусе Люсьена К.

– Что еще за казус Люсьена К.?

– Люсьен К. был сыном богатого венского промышленника, который всю жизнь пытался заслужить уважение отца. Но отец вечно его во всем

упрекал и в итоге променял его на другого мальчика, которого любил как сына, поставив его во главе своей империи.

– Именно такие чувства я испытываю к Левовичу! – вскричал Макер. Он вздохнул с облегчением, узнав о существовании знаменитого прецедента. – А что произошло с Люсьеном К.?

– Он убил отца, мать, жену, собаку – всех. И кончил свои дни в сумасшедшем доме. Поэтому Фрейд и смог изучить его случай.

– Черт побери! – вздрогнул Макер. – Думаете, меня ждет та же участь?

– Нет, – заверил его доктор Казан, – ведь пятнадцать лет назад все было в вашей власти. Отец передал вам эстафету, объявил вас своим преемником и публично вручил вам акции, гарантирующие избрание на пост президента. Но эти акции – по непонятной мне пока причине – вы продали Синиору Тарноголу. И ведь не за деньги, верно?

– Я обменял их, – кивнул Макер.

– На что же? – спросил доктор Казан. – Признаюсь, мне очень любопытно, что, на ваш взгляд, равноценно посту президента.

– То, что все хотят, но никто не может купить.

– А именно?

– Вы мне не поверите.

– Рискните.

– Вы мне не поверите, – повторил Макер.

Казан не стал настаивать.

– Что вы собираетесь делать с этим Тарноголом?

– Понятия не имею, – вздохнул Макер. – А вы, доктор, что бы сделали на моем месте?

– Макер, – сказал психоаналитик, – скоро год, как мы работаем, чтобы подготовиться к вашему корпоративному уикенду. Вы помните, что он для вас означает?

– Расставание с папой, – ответил Макер.

– Точно. Вы наконец-то перережете пуповину. Не забывайте, о чем мы говорили во время наших сеансов: папа больше не указывает вам, как жить. Вы сами, Макер, отныне хозяин своей судьбы.

Макер озадаченно посмотрел на него.

– Я пытаюсь вам объяснить, – продолжал доктор Казан, – что желание Тарногола избрать Левовича дает вам возможность узнать себя лучше.

– Я не уверен, что хорошо понимаю вас, доктор.

– Ну, если бы вас избрали без всяких усилий с вашей стороны, вы бы решили про себя, что не заслуживаете этого. А теперь вам придется переубедить Тарногола. И я знаю, что вы своего добьетесь. Я знаю, что у

вас получится. Вы докажете себе, что на многое способны, и станете президентом Эвезнер-банка. А после выборов проснетесь новым человеком, освободившимся наконец-то от власти отца, потому что своим президентством вы будете обязаны только себе. Благодаря нашим сеансам вы проявили свой подлинный характер: вы боец, вы победитель. Пришло время продемонстрировать всем, начиная с Тарногола, чего вы стоите.

– Вы абсолютно правы, доктор! – внезапно оживился Макер. – Но вы не сказали, как мне переубедить Тарногола. Как всякий психоаналитик, вы наверняка еще и гений ментальной манипуляции.

– Вообще-то я не могу служить для вас генератором идей, вам следует прийти к ним самостоятельно, – напомнил Казан. – В этом и состоит смысл психоанализа.

– Ну доктор, – взмолился Макер, – помогите мне немножко, прошу вас... Я прямо чувствую, вы что-то придумали.

Добрый доктор Казан сдался, видя муки своего пациента:

– Сделайте так, чтобы Тарногол оказался вашим должником. Тогда ему ничего не останется, как выбрать вас на пост президента. Нам пора закругляться. Увидимся в четверг.

Глава 12

Адюльтер

В ту среду, 27 июня 2018 года, мы со Скарлетт долго топтались перед воротами дома Макера Эвезнера на шоссе Рют. Мы звонили, но никто не отвечал. Скарлетт явно вознамерилась ждать, сколько потребуется.

В конце концов, насмотревшись на наши маневры, к нам вышла соседка.

– Могу ли я вам помочь? – спросила она инквизиторским тоном, видимо приняв нас за злоумышленников.

Но, узнав меня, тут же сменила гнев на милость:

– Так вы же...

– Писатель, – подхватила Скарлетт. – А я его ассистент, Скарлетт Лонас.

– Приятно познакомиться, – улыбнулась соседка, решившая поначалу, что я присматриваю себе особняк. – Дом сняли с продажи, его наконец-то купили, еще года не прошло. Новый владелец сейчас в отъезде.

– Тут жил Макер Эвезнер, да? – спросила Скарлетт.

– Да. Дом никак не продавался. С тех пор как... вы же знаете, что случилось?

– Да, – ответил я. – Ну, частично. Мы за тем сюда и приехали.

Соседка оказалась вполне любезной и не прочь была поболтать. Она пригласила нас зайти к ней что-нибудь выпить. Несколько лет назад она овдовела и теперь всегда рада гостям.

– Я хорошо помню тот год. Нас буквально завалило снегом. Хотите посмотреть фотографии?

– Нет, спасибо, – сказал я.

– С удовольствием! – Скарлетт поспешила загладить мою оплошность.

Соседка открыла книжный шкаф, заполненный альбомами с фотографиями, расставленными в хронологическом порядке. Она показала нам свой заснеженный сад, заснеженное шоссе Рют и заснеженную деревню на заснеженных берегах Женевского озера.

– Очаровательно! – саркастически восторгался я.

– Не обращайтесь внимания на писателя, – сказала Скарлетт соседке, – он любит поворчать, но, в сущности, чертовски мил. Вы хорошо знали Эвезнеров?

– Не очень. Мы не были близкими друзьями, но поддерживали

добрососедские отношения. Симпатичная пара. Мой пес тогда то и дело убегал. Кобель венгерской легавой. Лучше брать сук, с ними меньше хлопот. А кобелей не дозовешься. Учуют что-нибудь, найдут лазейку в ограде, и поминай как звали. Так вот, они часто приводили мне Кико, если он им попадался на дороге.

– Кико – это собака?

– Да. Ах, какой был пес! Могу достать его фотографии, если хотите.

– Нет, спасибо! – отказался я.

– С удовольствием! – обрадовалась Скарлетт.

Соседка пошла за альбомом со снимками Кико. Пока она листала его, Скарлетт спросила:

– Что вы можете рассказать нам об Анастасии и Макере?

– К тому моменту их брак практически распался. В смысле, она ему изменяла.

– Откуда вы знаете?

– Однажды Анастасия получила большой букет. Чтобы муж ничего не заподозрил, она соврала, что цветы от меня в благодарность за поимку Кико. А знаю я это потому, что Макер пришел поблагодарить меня за розы, которые я якобы послала его жене. Я сразу догадалась, что у Анастасии есть любовник. Когда женщина лжет мужу о происхождении букета, другое объяснение вряд ли найдется.

– А кто был ее любовником? – спросил я.

– Понятия не имею, но Арма, их домработница, наверняка все знала.

Однажды она мне даже на это намекнула.

Я записал имя.

– А фамилия Армы? – спросил я.

– Уже не помню, но могу дать вам ее мобильный телефон. Чудная женщина. Бедняжка, после того, что случилось, она потеряла работу. Иногда я ее вызывала, но она искала что-то более стабильное. Потом Арма нанялась в клининговую компанию. Теперь я обращаюсь к ней, когда мне нужен обслуживающий персонал на вечеринки. Свяжитесь с Армой, она обязательно вам поможет.

Глава 13

Книга Есфирь

Вторник, 11 декабря, за 5 дней до убийства

– Чтобы он оказался моим должником ... – повторял Макер, размышляя над советом, который доктор Казан дал ему несколько часов назад.

Около семи вечера Макер ходил взад-вперед по кухне, наматывая круги вокруг Армы, готовившей ужин. Как сделать так, чтобы человек оказался моим должником? – твердил он как заведенный.

Он размахивал своим экземпляром “Двенадцати разгневанных мужчин”, как будто это каким-то чудесным образом могло ознакомить его с содержанием пьесы. Насколько он помнил, присяжный, который всех переубедил, не нуждался ни в чем одолжении, чтобы добиться своего. Как ему это удалось? Вот же засада! Макер совсем отчаялся – он заснул во время фильма, а на то, чтобы дочитать текст, у него не хватало терпения. Вот Анастасия наверняка читала, она вообще всегда все знала. Надо срочно с ней поговорить. Но она уже два часа сидит, запершись в ванной комнате. Что она там забыла? Макер пытался поделиться с ней своими мучениями через запертую дверь, крича во все горло, чтобы перекрыть звук льющейся воды: “Как сделать человека своим должником?” Но она осадила его: “Мне некогда разгадывать загадки”. Тогда он переключился на Арму.

– Как сделать, чтобы человек был вам обязан? – наконец-то открыла рот Арма, глядя в потолок, но не забывая при этом поливать баранью ногу. – Ах, если бы я только знала...

– На что вы намекаете? – спросил Макер, уловив насмешку в ее голосе.

– Я отпрашивалась у вас на пятницу, а вы меня непустили.

– Да, но ведь я объяснил, что мне это неудобно, поскольку я сам уезжаю рано утром на корпоративный уикенд в Вербье и Анастасия остается в полном одиночестве. Согласитесь, я впервые отказываюсь дать вам выходной, и с вашей стороны невежливо еще и упрекать меня.

– Простите, мисье, но вы же сами спросили, – запротестовала Арма.

– *Простите, простите, из простите* шубу не сошьешь. Ради бога, не приходите в пятницу, и все на этом. У вас выходной. Надеюсь, вы довольны. Видите ли, я опять вляпался. Я тот еще чудака на букву “м”! Ладно, хватит языком чесать, заканчивайте готовку, гости будут через

пятнадцать минут.

Макер так досадовал на себя, что ему оставалось только сорвать злость на Арме, и он недолго искал предлог. Заметив, что рождественские лампочки в парке включены и освещают заснеженные деревья, он не выдержал:

– И кстати о гостях, сделайте одолжение, милая Арма, уберите эту иллюминацию, пока их нет. Я вам тысячу раз говорил, незачем врубать все это великолепие, когда не на кого производить впечатление. Вас прямо хлебом не корми, дай электричество зря пожечь!

– Это для крашоты, – объяснила Арма.

– Ваша “крашота” мне недешево обходится! Сразу видно, что не вы счета оплачиваете! Да выключите же их, черт возьми!

Арма поспешила исполнить его приказ. Макер тут же раскаялся – зря он на нее наорал. Хорошая девка эта Арма. Честно и преданно служит им уже лет десять. Вежливая и вообще. Никогда не болеет, всегда готова услужить. Да она не так уж часто и отпрашивается. И отпуск практически не берет. Чтобы загладить свою грубость, Макер, воспользовавшись тем, что Арма занялась лампочками, потихоньку зашел в чулан рядом с кухней, где она переодевалась и оставляла свои вещи, и подложил ей стофранковую купюру. Когда он вернулся на кухню, Арма уже тушила картошку.

– У вас неприятности? – спросила она мягко.

– Что есть, то есть!

– А в чем дело? Вы так спешили утром, и вид у вас был встревоженный!

– Это долгая история, – уклончиво ответил Макер. – Эх, не знаете вы своего счастья! Живете себе в свое удовольствие, без забот и хлопот!

Он упал на стул, испустив долгий вздох, но сразу же вскочил в состоянии сильнейшего возбуждения. Он отправился в столовую проверить, накрыт ли стол, и тут же прибежал обратно:

– Скажите, Арма, откуда этот огромный букет белых роз?

– Его медем принесли.

– Правда? И от кого же?

Арме хотелось все рассказать своему хозяину. Она уже не сомневалась, что раскусила медем. Вчера телефонный звонок, сегодня шикарный букет. Но как сообщить ему об этом? Ей понадобятся доказательства, медем наверняка будет все отрицать. Заявит оскорбленным тоном, что никто ей не звонил, и придумает, откуда взялись цветы. “Зачем вы на меня наговариваете, Арма, мы же всегда с вами отлично ладили?” – скажет она. Макер тоже придет в ярость, и ее уволят.

Поразмыслив, Арма сочла, что лучше попридержать язык, и тут как раз появилась Анастасия, невыносимо прекрасная в потрясающем темно-синем шифоновом платье, которое Макер еще на ней не видел.

– Ух ты! – восхитился он, полагая, что жена так нарядилась в его честь.

– Я иду ужинать с подружками, – сказала Анастасия.

– То есть как? К нам же придут Жан-Бен и Шарлотта.

– Ой, прости, я записала их на следующий вторник!

– Послушай, мы всегда с ними ужинаем во второй вторник месяца! И тебе это хорошо известно.

– Лучше поменять на первый. Со вторым я вечно путаюсь. И вот результат. Напомнил бы мне утром. Но ведь тебе так не терпелось уединиться в своем будуаре.

– Значит, я же и виноват?

– Отчасти. Я не могу отменить нашу встречу в последний момент.

– Ну ты же меня не бросишь, надеюсь?

– Мы видимся с Жан-Беном и Шарлоттой каждый месяц, раз в жизни я имею право сбежать. Я уже давно никуда не ходила.

– Ты пропустишь очень интересный вечер, к твоему сведению. Мы собираемся говорить о литературе. Тебе приходилось слышать про “Двенадцать разгневанных мужчин”?

– Разумеется.

– А, гениально, ты все всегда знаешь! То есть ты читала эту книжку?

– Это пьеса, – поправила его Анастасия. – Я видела ее в театре, сто лет назад. А в чем дело?

– Ты помнишь, каким образом главный герой убеждает всех в своей правоте?

– Вопрос не в том, кто прав, а кто нет. Он просто заставляет всех остальных присяжных мыслить самостоятельно. Постепенно сеет в них сомнение и шаг за шагом подрывает их уверенность.

– Это именно то, что я пытался проделать с Тарноголом, – объяснил Макер. – Подорвать его уверенность. Но у меня ничего не вышло. Можешь дать мне совет? Ты всегда даешь мне хорошие советы, я должен...

– Только не сейчас, – перебила его Анастасия. – Мне пора бежать, я опаздываю.

Она вышла в прихожую. Макер, как верная собачонка, поплелся следом.

– Знаешь, – пожаловался он, – у меня сегодня был жуткий день в банке. Мне надо с тобой поговорить.

Она молча сняла с вешалки свое элегантное пальто и надела его. Макер не унимался:

– Могла бы поужинать с подругами в другой раз. Они бы поняли.

Она подумала, что ей следовало бы уйти не попрощавшись, чтобы Макер не изображал перед ней жертву и не мучил вопросами. А то он совсем разошелся. Она уже взялась за дверную ручку, когда он спросил о цветах, на которые, конечно, не мог не обратить внимания.

– И кто, черт возьми, послал тебе такие розы?

– Соседка, – с вызовом ответила Анастасия.

– Соседка? Почему соседка дарит тебе такой роскошный букет?

– На днях я поймала ее пса на улице и привела его домой. Ты знаешь, как она над ним трясется.

– Почему ты ничего мне не сказала? Я вот тебе все всегда говорю.

– Я думала, что сказала.

– Ну спасибо соседке, очень мило с ее стороны. Я поблагодарю ее.

– Не стоит. Я уже.

– Да? Кстати, куда ты идешь?

– Сначала мы встретимся на коктейль в баре отеля “Рона”, – соврала она. – Потом поужинаем где-нибудь в городе.

– Могу тебя подбросить, если хочешь...

– Нет, что за ерунда, ты опоздаешь к приходу гостей. Желаю вам хорошо повеселиться. Не исключено, что я вернусь поздно. Передавай от меня привет Жан-Бену и Шарлотте.

– Они очень огорчатся, что тебя не будет, – посетовал Макер в отчаянной надежде, что у нее проснется совесть и она останется.

– Да нет, они меня простят, – ответила Анастасия, выходя из дому.

Макер в отчаянии сел в одно из больших кресел в прихожей. Обмахиваясь книгой, которую он так и не выпустил из рук, он наблюдал в окно, как его жена садится за руль своего спортивного автомобиля и уезжает в ночь.

Анастасия выехала из ворот на шоссе Рют. Убедившись, что здесь ее уже никто не видит, она припарковалась на обочине пустынной улицы их спального района, поспешно сняла кожаные перчатки и вынула из сумочки письмо, которое было приколото к гигантскому букету роз, доставленному ей днем Альфредом, водителем Льва.

*Сегодня вечером, в 19.00, на стоянке у парка Байрона.
Я буду ждать тебя.*

Лев

Парк Байрона на холме Колоньи, романтический уголок с прекрасным видом на город и озеро, всего в нескольких минутах езды от дома Эвезнеров, всегда был излюбленным местом встречи влюбленных пар.

Припарковавшись в условленном месте, Анастасия никого там не обнаружила. Она так к нему торопилась, что приехала на десять минут раньше. Она понимала, что, по идее, ей следовало бы помариновать его, явиться с большим опозданием, а еще лучше вообще продинамить. Помучить его. Извести. Но, получив цветы и записку, она не смогла усидеть на месте. Всю вторую половину дня она готовилась к выходу. Наряджалась, красилась. Перемерила десять платьев и пятнадцать пар обуви. Она хотела выглядеть идеально.

Анастасия в третий раз посмотрела на часы. Поправила прическу перед зеркалом заднего вида. Еще несколько минут, и она его наконец увидит.

Ровно в семь вечера Жан-Бенедикт вошел в дом Эвезнеров.

– Дорогой кузен, – приветствовал его Макер, – а где Шарлотта?

– Ей нездоровится. У нее вечно перепады настроения. Последние дни она казалась мне в хорошей форме, но, когда я сегодня вернулся из банка, она сидела, запершись в темноте. Сказала, что ей нужно отдохнуть. Я попенял ей, что очень невежливо отменять ужин в последнюю минуту.

– Представь себе, Анастасия тоже меня кинула, она якобы перепутала день и ушла встречаться с подружками.

– Тем лучше для нас, тем хуже для них, – решил Жан-Бенедикт. – Зато мы спокойно обсудим наши делишки.

Макер повел Жан-Бена в гостиную выпить аперитив. Рассказав ему вчерашнюю историю, он пожаловался, что уже уговорил Тарногола назначить его президентом в обмен на то, что он заберет для него письмо в Базеле, но сам все испортил из-за какого-то идиотского недоразумения.

– Объясни, что за недоразумение, – попросил Жан-Бенедикт.

– Не важно, – отмахнулся Макер. – Проблема с неразобранной почтой. Главное, надо сообразить, как умаслить Тарногола! У нас остался один вечер.

Тем временем Анастасия смиренно ждала Левовича, сидя в машине на парковке. Прошло уже пятнадцать минут после назначенного часа, а он так и не появился. Ну, опаздывает немного. Бывает.

В восемь вечера в большой столовой дома Эвезнеров Макер и Жан-Бенедикт наслаждались – спасибо Арме – ножкой ягненка с картошкой, тушенной с чесноком и крупной солью, и разрабатывали стратегический план по разводке Тарногола.

– Я прочел по твоей просьбе “Двенадцать разгневанных мужчин”, – сказал Жан-Бенедикт, – но не вполне понимаю, какое отношение это имеет к твоей ситуации.

– Я рассчитывал постепенно внушить ему сомнения и шаг за шагом подорвать его уверенность в Левовиче, – объяснил Макер, в точности повторив слова Анастасии. – Но я уже и так сделал все по пьесе, и ничего не вышло. Надо придумать что-нибудь еще. И побыстрее. Время работает против нас – голосование состоится через четыре дня!

– Что ты предлагаешь? – спросил Жан-Бенедикт.

– Я поговорил сегодня с доктором Казаном, и у него возникла отличная идея – надо подстроить все так, чтобы Тарногол стал моим должником.

– И расплатился с тобой постом президента? – понял Жан-Бенедикт.

– Именно.

– Ох, хорошо бы Казан принял Шарлотту! – мечтательно протянул Жан-Бенедикт.

Макер, наливая кузену “Белую лошадь”, сказал снисходительным тоном:

– Даже не думай, дорогой. Он принимает только важных людей. Но помоги мне, и я помогу тебе, давай искать выход! Как Тарногол может оказаться у меня в долгу?

– Надо оказать ему огромную услугу, – предложил Жан-Бенедикт.

– Я уже сыграл ради него в ночного почтальона, аж в Базель смотался, – напомнил Макер. – Нет, это не годится.

Анастасия по-прежнему ждала Льва, замерзая в машине у парка Байрона. Он опаздывал уже на час. Вероятно, его задержали.

Не исключено, что президент Франции. Наверняка у него веская причина. Она решила подождать еще немного.

Девять вечера, в столовой у Эвезнеров.

Жан-Бенедикт и Макер, съев большую часть знаменитого яблочного пирога Армы – его обожали все их гости, – уже ополовинили вторую бутылку “Белой лошади”, когда Жан-Бенедикта наконец осенило:

– Две недели назад к нам приходил на чай пастор Бергер. Он рассказывал о Книге Есфирь.

– И кто эта дура, черт возьми? – разозлился Макер, не понимая, при чем тут какая-то Есфирь, разве что она написала труд о ментальных манипуляциях.

– Книга Есфирь – это часть Ветхого Завета, – объяснил Жан-Бенедикт благоговейным тоном. – Там описывается, как за пятьсот лет до нашей эры персидский царь Артаксеркс взял себе новую жену, Есфирь, одну из самых пленительных красавиц его царства, которая, как назло, оказалась еврейкой. Мардохей, двоюродный брат Есфири, посоветовал ей не признаваться в своем еврействе, чтобы не нарваться на неприятности. Есфирь стала царицей. Кузен Мардохей часто ее навещал и, само собой, шлялся по дворцу. Однажды он подслушал разговор двух евнухов, замышлявших заговор против Артаксеркса, и выдал их, чем спас царю жизнь. Но Аман, злой визирь, терпеть не мог Мардохея, потому что тот не склонял перед ним головы. Проведав, что Мардохей к тому же еще и еврей, Аман решил истребить всех иудеев в царстве и сумел убедить Артаксеркса, не подозревавшего, что его жена Есфирь – еврейка, подписать соответствующий указ. Узнав эту страшную новость, Мардохей сказал Есфири, что она единственная, кто может уговорить Артаксеркса отменить бойню.

– Перевербовка! – воскликнул Макер, невольно увлекаясь этой историей. – Ну и как наша крошка Есфирь вышла из положения?

– Есфирь пригласила Артаксеркса и его визиря Амана разделить с ней два больших пира, – продолжал Жан-Бенедикт. – После второй трапезы Артаксеркс, нажравшись до отвала, пришел в отличное настроение и спросил жену: “Что я могу сделать для тебя, о Есфирь, душа моя?” И тут она все ему выложила: что она еврейка, что Аман собирается истребить ее народ и заодно покончить с ней самой. Артаксеркс ушам не поверил (“Как, Есфирь, ты еврейка? И твой кузен Мардохей тоже еврей?”). Короче, Артаксеркс отменил указ. Евреи Персии были спасены, а злого Амана замочили!

– Будет тебе вздор молоть! – возмутился Макер, недоуменно пожав плечами.

– Это же Библия! – напомнил Жан-Бенедикт.

– Ну сам посуди: баба приглашает своего мужика пожрать пару раз, и бац! – он передумал? Чушь собачья. И как эта дурацкая басня поможет мне переманить Тарногола на свою сторону?

– Не забывай, что Мардохей спас жизнь царю, – заметил Жан-

Бенедикт. – Видимо, это и склонило чашу весов в его пользу.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Макер.

– Если ты спасешь Тарноголу жизнь, он сделает тебя президентом.

– Спасу ему жизнь? – переспросил Макер. – До субботы? Каким образом?

В гостиной воцарилась тишина. Макер задумался. Он ходил кругами вокруг стола, пытаясь представить, что бы предложил Вагнер, будь это операция P-30. Внезапно прозрев, он вскрикнул:

– У меня идея! Идея века! Мы попробуем его убить и спасти одновременно.

Глава 14

По секрету

Было десять часов вечера. В доме Эвезнеров совещались заговорщики.

Арму они отослали домой, хотя она еще не вымыла посуду и не убрала со стола. Макер сказал, что она все доделает завтра, на сегодня с нее хватит. Это было что-то новенькое, и Арма решила, что наверняка хозяин так себя ведет неспроста. Уходя, она задержалась у закрытой двери в столовую и услышала возглас Макаера: “Я не позволю Льву Левовичу украсть у меня пост президента!” Мисье, значит, не уверен, что его изберут? Вот что его тревожило в последние дни. Надо бы пошпионить.

Макер и Жан-Бенедикт тщательно проработали операцию “Перевербовка”, как они ее окрестили. Автором сценария, достойного Р-30, выступил Макер.

После долгих обсуждений, убедившись, что все детали сходятся, Макер и Жан-Бенедикт добросовестно отрепетировали свой дуэт.

“Перевербовку” они наметили на послезавтра. Вечером в четверг, 13 декабря, в банкетном зале “Отеля де Берг” должен был состояться ежегодный ужин Ассоциации женевских банкиров. На торжественном вечере соберутся члены советов директоров и партнеры частных банков. Сливки общества. Предполагалось, что Жан-Бенедикт тоже будет там вместе с Шарлоттой. Орас Хансен ответил на приглашение отказом, но Тарногол обещал прийти.

– Короче, мы с Анастасией пойдем на ужин вместо вас, – заключил Макер.

– Вот Шарлотта обрадуется, у нее с сестрой билеты на органнй концерт в “Виктория-холл”.

– Ты уверен, что мы окажемся за одним столом с Тарноголом?

– Конечно, – заверил его Жан-Бенедикт. – На этих тусовках всех всегда сажают с коллегами из того же банка.

– Тогда я постараюсь произвести на него хорошее впечатление. Потом, ближе к концу вечера, скажу, что хотел бы поговорить с ним наедине, и выведу его на улицу пройтись по набережной перед отелем.

– Ужин закончится в десять, – заметил Жан-Бенедикт, – это указано в пригласительном билете. Выходи с Тарноголом в полдесятого, когда подадут кофе. Все гости останутся в банкетном зале, и вокруг отеля будет совершенно безлюдно.

– Итак, мы прогуливаемся с Тарноголом, – продолжал Макер. – Мне надо серьезно с ним поговорить, я считаю, что президентом банка должен стать я. Мы идем по набережной Де Берг, вдоль Роны. В это время там нет ни души, тем более в середине декабря. Мы окажемся одни на пустынной, темной дороге.

– Да, учитывая плохое освещение и туман над рекой, там мало что будет видно, – согласился Жан-Бенедикт, который часто возвращался этим путем домой, если шел пешком с правого берега. – Я буду сидеть в засаде. Постарайся идти с ним посередине набережной. Вы так увлечетесь разговором, что не заметите, как автомобиль с выключенными фарами внезапно возникнет у вас за спиной.

– Когда ты окажешься позади нас, – добавил Макер, – вруби фары и погуди. Это будет сигналом для меня. Я схвачу Тарногола за руку, прижму его к себе, и мы оба со всего маху рухнем на землю. А ты, Жан-Бен, разгонишься и промчишься мимо на дикой скорости, типа ты нас не видел. Тогда Тарногол признает, что я спас ему жизнь. И поймет, чего я стою. Вряд ли после такого происшествия он посмеет лишиться президентства.

Жан-Бенедикт помолчал.

– А что, если я не рассчитаю и задавлю Тарногола? – засомневался он.

– Это невозможно. Помни, что подъезжать к нам надо очень медленно. Главное, чтобы мы тебя не услышали. Ты увеличишь скорость только после того, как погудишь, и я прижму Тарногола к себе. Так что в тот момент, когда ты рванешь с места, мы уже не будем стоять у тебя на пути. Ты пронесешься почти вплотную, что создаст ощущение опасности, но это будет чистая иллюзия. С нами ничего не случится.

– А если кто-нибудь запишет мой номер?

– Встань подальше от отеля, чтобы служащие тебя не засекли. И прежде чем переходить к действию, убедись, что там нет прохожих. Эта набережная такая длинная, что я могу долго гулять с ним, пока ты не убедишься, что вокруг пусто. Что касается Тарногола, то он упадет вместе со мной и просто не успеет что-либо заметить. Когда он поднимется, ты уже будешь далеко. Машина у тебя ничем не примечательная. Никто не свяжет одно с другим. Кстати, заляпай снегом номерной знак на всякий пожарный, в общем, ты меня понимаешь!

– А что, если Тарногол любит ходить по тротуару? – снова спросил Жан-Бенедикт.

– Я приведу его туда, куда надо. Это я беру на себя. Твоя задача – убедиться, что нет свидетелей. Когда эти два условия будут выполнены, ты погудишь, я мгновенно оттащу Тарногола, и ты проедешь. Какие

проблемы!

Но Жан-Бенедикт колебался:

– Не знаю, я не уверен, что хочу в этом участвовать. Это может плохо кончиться. По-моему, ты перегибаешь палку.

– Да ладно, это всего лишь театральный трюк, – сказал Макер, пытаюсь успокоить кузена.

– Это больше, чем трюк, – возразил Жан-Бенедикт.

Макер разозлился:

– Если ты хочешь меня кинуть, ради бога. Я считал, что мы друзья. Ты вчера говорил, что готов на все, чтобы помочь мне. Я вижу, ты передумал. Я тебе это припомню, когда стану президентом.

Эта угроза окончательно убедила Жан-Бенедикта.

– Само собой, – добавил Макер, – нашу чудесную операцию надо держать в тайне, в том числе и от жен. Никто не должен ничего знать.

Макер машинально произнес последнюю фразу очень серьезным тоном. Но тут же заставил себя радостно рассмеяться, чтобы разрядить атмосферу. Он прекрасно понимал, что их затея – рискованное предприятие, но не хотел признаваться в этом, чтобы окончательно не запугать Жан-Бена. Другого выхода у него не было.

Арма вернулась домой. Она жила одна в двухкомнатной квартирке в районе О-Вив, на углу улиц Моншуази и Волланд. Дослушав до конца план Макара и Жан-Бенедикта, она потихоньку вышла из дома Эвезнеров. Она очень переживала. Интересно, чем все это закончится.

Арма налила себе чаю и села в гостиной, чтобы подробно изучить номер “Трибюн де Женев”, захваченный из хозяйского дома. Эвезнеры всегда разрешали ей забирать газеты в конце дня.

Она внимательно рассмотрела большую фотографию на первой полосе, которая так встревожила мисье сегодня за завтраком. На снимке двое мужчин в сопровождении телохранителей прогуливались по парку “Перль дю Лак” под ошалевшими взглядами прохожих и дружески улыбались друг другу. Одного из них Арма сразу узнала – президент Франции, понятное дело. Элегантный красавец рядом с ним, как следовало из статьи, был некий Лев Левович.

Прочитав это имя, Арма оторвала взгляд от газеты, и все кусочки головоломки внезапно собрались воедино у нее в голове.

Это из-за него, из-за Левовича этого, мисье так раскричался сегодня утром, а все потому, что тот хотел занять его место на посту президента банка. Его Макер упомянул и полчаса назад в столовой: “Я не позволю

Льву Левовичу украсть у меня пост президента!” Двух Львов Левовичей в Женеве быть не могло! А это означает, что Левович из статьи еще и любовник медем. Все ясно как божий день. Накануне, ответив на таинственный звонок, медем рассердилась на своего собеседника – Арма отлично помнила ее слова: “Лев, ты с ума сошел, звонить мне на домашний!” И тот же Лев прислал ей сегодня огромный букет белых роз. Медем сама открыла дверь и, судя по всему, узнала человека, похожего на шофера, который доставил цветы. “Это от Льва”, – сказал он. Медем думала, что Арма ничего не видела, но Арма все видела! К букету была приколоты записка: медем прочла ее, тут же заперлась в ванной, а потом сразу уехала, наверняка к нему на свидание.

Лев Левович был любовником медем и одновременно тем самым человеком, который хотел отнять у миссис пост президента!

Арма пришла в бешенство. Она схватила ручку и принялась остервенело замазывать черными штрихами лицо Льва на снимке, а потом и вовсе разорвала газету, чтобы он исчез навсегда. Ах, как она ненавидит этого разлучника, разрушившего жизнь ее хозяина!

Потом в исступлении она схватила фотографию Макера, стоявшую в красивой серебряной рамке на столе у нее в гостиной, и пристально всмотрелась в него. Должно быть, этот снимок был сделан несколько лет назад – у Макера на нем такой безмятежный вид. Он шикарно выглядит в смокинге, наверное, его сфотографировали на какой-то гала-вечеринке. Она нашла это сокровище у Эвезнеров, обнаружив в глубине шкафа полную коробку фотографий, которые за долгие годы они не удосужились разобрать.

Макер – такой красавчик, и некому на него полюбоваться! Нехорошо. Арма стащила фотографию и с тех пор благоговейно сдувала с нее пылинки.

Она погладила лицо Макера на глянцевой бумаге и поцеловала его. Ее обожаемый Макер, выдающийся человек! Она улыбнулась ему и прошептала его любимое нежное слово “котенок”. И подумала, что она единственная, кто любит Макера на самом деле.

Взяв со стола альбом, куда она бережно складывала статьи, посвященные завещанию отца Эвезнера и восшествию Макера на престол, как она выражалась, Арма принялась просматривать их. Это давно превратилось у нее в ежевечерний ритуал.

СКОНЧАЛСЯ БАНКИР АБЕЛЬ ЭВЕЗНЕР

Президент Эвезнер-банка скончался в воскресенье вечером

на восемьдесят втором году жизни. Его влияние на банковский мир Женевы трудно переоценить.

Абель Эвезнер кончина знаменитого банкира Харизматичный, блестящий, непреклонный – так отзывались об Абеле Эвезнере, человеку, который, сохраняя верность традициям, опередил свое время. Под его руководством семейный Эвезнер-банк занял в Швейцарии лидирующие позиции, оставив далеко позади крупнейших игроков финансовых центров Женевы и Цюриха. Согласно традиции Эвезнер-банка, остающейся неизменной с момента его создания, руководство банком перейдет к сыну Абеля, Макеру. Сегодня Макер Эвезнер является управляющим активами в этом почтенном учреждении.

КТО СТАНЕТ ПРЕЕМНИКОМ АБЕЛЯ ЭВЕЗНЕРА?

Ходят упорные слухи, что Абель Эвезнер сознательно не назначил своего сына Макара президентом Эвезнер-банка, предоставив совету директоров избрать его преемника.

ЭВЕЗНЕР-БАНК: ГРОМ СРЕДИ ЯСНОГО НЕБА

Мэтр Петерсон, адвокат семьи Эвезнер, подтвердил в ходе пресс-конференции завещательные распоряжения Абеля Эвезнера. На совет директоров действительно возложена миссия по назначению нового президента семейного банка. “Даже на смертном одре взгляд Абеля Эвезнера был устремлен в будущее, – с присущим ему пылом заявил адвокат. – Он пожелал, в интересах банка, положить конец устаревшим клановым традициям, установив выборную систему. Отныне пост президента не будет передаваться по наследству, его займет человек, обладающий необходимыми деловыми качествами для руководства столь важным и крупным банком”.

В СУББОТУ МАКЕР ЭВЕЗНЕР БУДЕТ НАЗНАЧЕН ПРЕЗИДЕНТОМ ЭВЕЗНЕР-БАНКА

Прочь сомнения! Макер Эвезнер, 41 год, единственный наследник своего отца, возглавит самый крупный частный банк Швейцарии. Эту новость косвенно подтвердил нам влиятельный менеджер банка, пожелавший остаться неизвестным. “Только Эвезнер может управлять Эвезнер-банком”, – заявил он. Есть мнение, что передача совету директоров полномочий по назначению президента – гениальный ход покойного Абеля Эвезнера. Не нарушая вековых традиций, он укрепляет таким образом легитимность своего сына. Некоторые, правда, считают,

что это, прежде всего, ловкий рекламный трюк, благодаря которому Эвезнер-банк оказался в центре общественного внимания.

Арма в ярости захлопнула альбом.

Как медем посмела так поступить с мисье? Она не просто изменяет ему, она изменяет ему с человеком, который хочет отнять у него пост президента. Как могла медем его предать? Проработав в доме Эвезнеров уже десять лет, Арма гордилась, что ей выпала честь участвовать в повседневной жизни такой, как она считала, примерной супружеской пары, служившей ей образцом для подражания. А медем взяла и все испортила. Разочарование Армы было равносильно ее былому восхищению. До сих пор она не сомневалась, что медем – необыкновенная женщина, красивая, жизнерадостная, умная, остроумная, талантливая во всем. На светских коктейлях и вечеринках она сразу выделялась из толпы. Потому-то она и привлекла внимание такого незаурядного человека, как мисье. И именно по этой причине, несмотря на чувства, которые она питала к Макеру, Арма ни разу не ощутила ни малейшей ревности. Медем вне конкуренции. Куда уж ей, невзрачной албанской домработнице, весь день не снимающей фартука, до русской княжны?

Но медем, очевидно, не понимала, выйдя замуж за Макера Эвезнера, какое ей выпало счастье. Она его недостойна. Мисье должен узнать правду.

Арма пожалела, что не осмелилась ничего сказать Макеру сегодня. Пороху не хватило. Трусиха, одно слово. Довольно! Завтра она все расскажет мисье.

Завтра он все узнает!

•

Когда в полдвенадцатого Анастасия наконец вернулась домой, Жан-Бенедикт уже давно ушел. Макер ждал жену в гостиной: ему надо было обсудить с ней предстоящий в четверг ужин. Он услышал, как она повернула ключ в замке, и поспешил ей навстречу:

– Привет, солнышко, как ты провела вечер?

Вместо ответа Анастасия что-то пробурчала с мрачным видом и захлопнула за собой дверь. Она явно была не в настроении.

– Я – спать, – сказала она, направляясь прямо к лестнице.

Пока Макер выключал свет в гостиной и поднимался в спальню, она

уже успела запереться в ванной. Он тихонько постучал:

– Я просто хочу зубы почистить.

Но Анастасия сделала вид, что ничего не слышит. Она включила воду на полную мощность и села на унитаз. Лев ее продинамил. Она как дура прождала его несколько часов. Названивала ему на мобильный и в отель, оставила кучу сообщений. Все зря. Как в воду канул. Она ненавидела себя за то, что поверила ему, что так обрадовалась. Она уже не понимала, грустит или злится. А тут еще Макер лезет с разговорами.

Она вышла из ванной, только когда уже готова была лечь. Макер быстро почистил зубы, торопясь к ней. Но она бросилась в кровать и, съездившись под одеялом, притворилась спящей, чтобы он от нее отстал.

Когда Макер в пижаме вышел из ванной, она лежала на боку, отвернувшись от него.

– Ты уже спишь, солнышко? – спросил он, укладываясь.

Она не ответила. Растерявшись, он сказал ей в спину:

– Знаешь, сегодня в банке возникла одна проблема. Тарногол устроил мне взбучку. Заявил, что не назначит меня президентом. В общем, у меня осталось несколько дней, чтобы убедить его, что я тот, кто ему нужен. В связи с этим не могла бы ты не занимать вечер четверга? У нас есть приглашение на ужин Ассоциации женевских банкиров в “Отеле де Берг”. Жан-Бен и Шарлотта уступают нам свое место. Короче, этот ужин очень важен для меня.

Еще не хватало, подумала она, стараясь не шевелиться, очередное идиотское сборище.

– Скажи, солнышко, – не унимался Макер, – ты меня не разлюбишь, если я не стану президентом?

Она не шелохнулась. Наверное, уже спит и видит сны. Ответа Макера так и не дождался. Ему стало грустно – жене явно на него наплевать. Он принял снотворное и быстро заснул.

Анастасия еще не спала, когда в спальне раздался храп Макера. Она повернулась, разглядывая его. Хорошая душа. Какая же она сука! Разозлилась на Льва, а отыгралась на Макере. Конечно, она пойдет на ужин в четверг и поможет ему произвести хорошее впечатление на Тарногола. Разлюбит ли она Макера, если он не станет президентом? Президент не президент, ее чувства к нему давно угасли. Да и вообще, испытывала ли она к нему что-нибудь похожее на страсть? Ее подкупило тогда его дружелюбие – Макер, в сущности, милый человек, бесхитростный и великодушный, хоть и выглядит порой безнадежным недотепой. Она была

так молода, так растеряна, когда согласилась выйти за него. Она остро нуждалась в поддержке. Ей хотелось, чтобы кто-нибудь о ней позаботился. Хотелось залечить раны, нанесенные жизнью. Хотелось сбежать подальше от матери. Макер никогда не причинил бы ей вреда. Он вечно нянчился с ней. Готов был в лепешку разбиться ради нее. Но мужчины, готовые разбиться в лепешку, – все сплошь подкаблучники, а страсть покорности не прощает.

Но сегодня Анастасии требовалась именно страсть. Ей тридцать семь лет, все еще впереди. Вряд ли ее будущая жизнь пройдет подле Макара. Она хотела детей, но не от него. Она вдруг поняла это. Все эти годы она тайком принимала таблетки, считая, что боится иметь детей из-за своей матери. Бедняга Макер обошел всех врачей города, не сомневаясь, что проблема в нем! А вот теперь она мечтает родить Льву ребенка.

Какого черта он продинамил ее сегодня? Он что, издевается? А что, если от Макара она уйдет, а со Львом ничего не получится? Она останется ни с чем. Больше всего Анастасия страшилась бедности. Она попыталась успокоиться, говоря себе, что найдет работу и как-то продержится. Будет жить скромно. Зато по-честному. В сущности, ее жизнь – сплошное вранье. А все мать виновата. Видимо, ей тоже пора обратиться к этому доктору Казану – Макер рассказывает о нем какие-то чудеса. Он наверняка поможет ей разобраться в себе.

От этих мыслей у нее сна не было ни в одном глазу. Судя по храпу, Макер крепко спал. Она решила пойти на кухню, заварить травяной чай. Выходя из спальни, она захватила маленький золотой пистолет, лежавший в ящичке комода. Ночью она боялась ходить по этому огромному дому. В их квартале уже бывали кражи. Макер приобрел пистолет года два-три назад после того, как к соседям залезли, пока они спали. Он хотел, чтобы она чувствовала себя в безопасности, когда он уезжает в командировки. Даже выгравировал ее имя на рукоятке. Получилось красиво.

Анастасия сунула пистолет в карман халата и спустилась на кухню.

Разлюбят ли она Макара, если его не выберут? Она узнала, что он не станет президентом еще накануне смерти его отца. Она часто вспоминала о последнем вечере Абея Эвезнера.

•

Примерно год назад.

Начало января

Врач вызвал Макера и Анастасию к постели умирающего Абеля, сказав, что тому осталось жить несколько часов, не больше. Войдя в огромный аристократический особняк в Коллонж-Бельрив, Анастасия была поражена запахом смерти, пропитавшим весь дом.

Абель лежал в постели, высохший, одеревеневший, но живость ума он, однако, не утратил. Она поцеловала его в лоб, он взял ее за руку и, как всегда, сделал ей комплимент. Они нежно улыбнулись друг другу. Анастасия всегда прекрасно ладила со свекром. Еще раз поцеловав Абеля в лоб, она вышла, чтобы оставить Макера наедине с отцом, но, стоя у приоткрытой двери, не упустила ни слова из их разговора.

Абель Эвезнер сказал неприятным тоном, как обычно, когда обращался к сыну:

– Вот и кончилась моя жизнь. Если подвести ее человеческие итоги, то у меня только один ребенок, и этот ребенок – ты. Знай я, что из тебя выйдет, я бы попытался завести как минимум двоих. Ты причинил много боли своей матери, тебе это известно. Мир праху ее!

– Я старался изо всех сил, папа.

– Значит, плохо старался!

– Мне очень жаль, папа.

– Ему жаль! Сожалениями горю не поможешь. Короче, перед отъездом на вечные каникулы я хочу поговорить с тобой о президентстве.

– Слушаю тебя, папа! – сказал Макер, и в голосе его прозвучало волнение.

– Как ты понимаешь, я не допущу, чтобы власть захватил Тарногол! Я написал в завещании, что отныне пост президента не будет передаваться по наследству, как это было принято все триста лет существования банка со времен Антиоха Эвезнера, и сам решу вопрос о преемнике, на что я, как президент, имею полное право.

– Отличная идея, папа, – поддакнул Макер с умильным взглядом собачонки, ждущей подачи.

– Незачем подлизываться, Макер, я вовсе не собираюсь назначать тебя! Ты ужасно меня унизил пятнадцать лет назад, продав Тарно голу акции, которые я передал тебе! Ты опозорил свое имя и семью, позволив войти в совет банка этому бесцеремонному, наглому психу, от которого воняет грязными деньгами. Ты у меня всю жизнь будешь за это расплачиваться. Ни Тарногол, ни твой безмозглый кузен Жан-Бен, ни уж тем более его нахал отец не возглавят мой банк, еще чего не хватало! Я решил, что моего преемника назовет совет, притом что ни один из его членов не сможет

занять этот пост. Теперь я смогу спокойно умереть. Что касается тебя, то я и так уже отвалил тебе кучу денег, заплатил за твой гигантский особняк, ты унаследовал состояние матери и унаследуешь весь мой капитал, так что ты обеспечен до конца жизни, даже на несколько поколений вперед, если, конечно, у вас с Анастасией в один прекрасный день появятся дети. Не говоря уже о том, что ты отхватил неплохой куш, сбыв свою долю этому подонку Тарноголу. Знаешь, на самом деле именно из-за этого я окончательно разочаровался в тебе. Из-за твоей продажности. Не успел я передать тебе акции, как ты толкнул их первому встречному.

– Я не продавал их, папа. Я всегда тебе это говорил! Я бы никогда так не поступил! Дело вообще не в деньгах.

– Верится с трудом, Макер, – сказал отец. – Что ж ты так и не объяснил мне, почему и на каких условиях ты заключил сделку с Синиором Тарноголом, если дело не в деньгах!

– Ты бы решил, что я спятил, – печально ответил Макер.

Он встал и поцеловал отца, прощаясь навсегда.

•

Свисток чайника вывел Анастасию из задумчивости. Она заварила кипятком листья травяного чая.

Она часто вспоминала последнюю встречу Макара с отцом. На что же он променял свою долю в банке? Он никому ничего не рассказал, даже ей.

Абель умер вскоре после их ухода. Как будто ждал, пока его оставят одного. Анастасия подумала, что вокруг него всегда крутилось множество людей, он был крайне востребованным человеком, но, в сущности, очень одиноким. Его похороны не стали исключением из правила. Проститься с ним в собор Святого Петра в то морозное утро пришли толпы народа. Окрестные ротозеи, друзья, городские и кантональные чиновники, представители высшего женевского общества, сотрудники банков со всей страны. Надо было видеть.

Но погребение, согласно последней воле Абея, состоялось в узком кругу. На кладбище Сен-Жорж покойного сопровождали только три человека – Макер, Анастасия и Лев. Она никогда не забудет эту сцену: они стояли бок о бок, наблюдая, как в звенящей тишине гроб опускают в землю. Внезапно Лев, потихоньку от Макара, взял ее за руку. Она вздрогнула – к тому моменту они уже пятнадцать лет не разговаривали друг с другом.

В тот день, ощутив его прикосновение, она поняла, что оживает.

В тот день они наконец обрели друг друга. По прошествии пятнадцати долгих лет.

Стоя на кухне, она пила чай и рассеянно смотрела в окно. Интересно, где Лев? Она пыталась убедить себя, что он так с ней поступил по очень уважительной причине. Видимо, у него возникла какая-нибудь неотложная встреча. Что-то серьезное. Может, в ООН? Он не смог даже позвонить. Наверняка этому найдется объяснение.

Она и не подозревала, что в противоположном конце их парка, сидя верхом на ветке огромного кедра, какой-то человек, приставив к глазам бинокль, всматривался издали в окна освещенной кухни.

– У нее печальный вид, – сообщил Лев со своего наместа Агостинелли, который стоял в дозоре за оградой.

– Пора уже вам спуститься, – отозвался водитель с тревогой в голосе. – А то еще ушибетесь! Да и хороши мы будем, если нас засекут!

Лев послушно слез со своего наблюдательного пункта тем же способом, что и забрался: сидя на ветке, он начал медленно сползать, цепляясь за сучья и не обращая внимания на порванные брюки, пока не добрался до ствола, который почти вплотную прилегал к каменной стене парка. Обхватив дерево, он выпрямился, шагнул на стену и оттуда уже легко спрыгнул на крышу своей машины, припаркованной рядом.

– Извините, конечно, – сказал Альфред, – но какой смысл пропускать свидание, чтобы теперь весь вечер следить за ней издали? Мне кажется, вы оба жаждете встречи...

– Так надо, Альфред, – ответил Лев. – Вам известно, почему любовь – чрезвычайно сложная игра?

– Нет.

– Потому что любви нет. Это мираж, умозрительная конструкция. Или, если угодно, любовь может потенциально существовать до тех пор, пока не воплотится в реальность. Это эманация духа, сотканная из надежд, ожиданий и прогнозов. Что произошло бы, приди я на свидание к Анастасии? Она, вероятно, заскучала бы. Сочла бы разговор со мной слишком пресным. Вдруг у меня застрял бы в зубах листик салата. А ведь она представляла меня совсем иначе.

– Не факт, – возразил Агостинелли.

– Альфред, вы знаете не хуже меня: сегодняшней вечер идеален, потому что не состоялся.

– Но почему вы так стремитесь к идеальности?

– Потому что я ждал этого момента пятнадцать лет, Альфред. Целых

пятнадцать лет...

– А что произошло пятнадцать лет назад?

– Пятнадцать лет назад я совершил самую большую ошибку в жизни. Как, впрочем, и бедняга Макер. В один и тот же день мы оба приняли решение, которое загубило нам жизнь.

Глава 15

Неверный ход

Среда, 27 июня 2018 года, Женева

Выйдя от соседки Эвезнеров в Колоньи, Скарлетт попыталась связаться с Армой, их бывшей домработницей, но безуспешно. Она оставила ей голосовое сообщение с просьбой перезвонить как можно скорее. После чего мы, воспользовавшись нашим пребыванием в Женеве, зашли в Эвезнер-банк на улице Корра-три. В огромном холле к нам подошел клерк из службы приема.

– Чем могу быть полезен?

– Мы хотели бы встретиться с президентом банка, – с ходу заявила Скарлетт.

– У вас назначена встреча? – спросил он.

– Нет.

– Сожалею, но боюсь, что в таком случае это невозможно. Вы по какому поводу?

– По поводу убийства, которое произошло в номере 622 “Паласа Вербье”. Вы ведь понимаете, о чем я?

Ее собеседник не выказал ни малейшего удивления и отошел позвонить. Я уловил только конец разговора: “Я немедленно приведу их к вам”.

Через несколько минут в переговорной нас принял президент банка, который, похоже, не слишком нам обрадовался.

– Что за манеры! – возмутился он. – Заявиться вот так, без предупреждения, и еще требовать встречи со мной!

– Мы ничего не требовали, – живо возразила Скарлетт. – Мы просто проходили мимо и зашли узнать, свободны ли вы. Разумеется, если мы неудачно выбрали время и вы предпочитаете принять нас в другой день, мы с удовольствием придем еще раз.

– Никуда вы не придете! – категорически заявил президент. – Я прервал важное совещание, чтобы сказать вам следующее: дело закрыто, и я не допущу, чтобы вы подняли шумиху вокруг нашего банка.

– Какую еще шумиху? – спросил я.

– Вы ведь здесь для того, чтобы написать книгу, не так ли? Что случилось? У вас иссякло воображение, и вы решили вытащить на свет божий ту историю? Это недостойно вас! А мне еще нравились ваши книги!

Все, кончено, больше я вас читать не намерен.

– Дело не закрыто, – уточнила Скарлетт. – Преступник не был разоблачен.

– Оно закрыто в сознании людей, и это для меня главное. Об этом все давно забыли, и тем лучше для банка. Вы не отдаете себе отчета, как туго нам пришлось после этого убийства. Клиенты были встревожены, работа застопорилась, мы хлебнули лиха. Теперь, когда все наладилось, я не позволю вам бередить старые раны и причинять вред Эвезнер-банку! Я сейчас же позвоню своим адвокатам, и вам не поздоровится. А если вы будете продолжать в том же духе, я наложу запрет на ваш роман. И поверьте, у меня хорошие связи!

Когда мы выходили, в холле нас нагнал клерк, которого мы уже видели, когда пришли.

– Надеюсь, ваша встреча оказалась плодотворной, – многозначительно сказал он.

– Не слишком, – ответила Скарлетт.

Тогда он украдкой сунул ей в руку какую-то бумажку. После чего вернулся на свое рабочее место за стойкой.

•

– И что это было? Я не вполне понимаю, – сказал я Скарлетт, когда мы отошли на достаточное расстояние от банка.

– Я тоже, но скоро мы все узнаем. Она показала мне записку:

Встретимся через час в чайном салоне на улице Сите.

Пешеходная улица Сите находилась в Старом городе, сразу за банком. На ней мы обнаружили несколько магазинов и ресторанов и только один чайный салон. Ошибиться было невозможно. Мы сели за столик и решили пообедать в ожидании нашего информатора.

Через час в доме напротив, то есть, как мы поняли, с тыльной стороны банка, открылась неприметная дверь. Он быстрым шагом пересек узкую улочку и подсел к нам.

– Некоторые клиенты пользуются иногда этим выходом, чтобы уйти незаметно, – объяснил он.

– И некоторые сотрудники тоже, судя по всему, – поддела его Скарлетт.

Он рассмеялся:

– Почему вы так заинтересовались последним Большим уикендом и убийством в “Паласе”?

– Это все писатель. – Скарлетт кивком указала на меня. – Он пишет нам книгу на эту тему.

– Ну, эта загадка в основном вам не дает покоя, – возразил я.

– Убийство так и не было раскрыто, – напомнил наш собеседник.

– Вот именно, – подхватила Скарлетт. – Мы хотели бы понять, что там произошло.

– Не буду скрывать, я тоже. С тех самых пор мне не дает покоя та история. Мне уже через полгода на пенсию, и, по-моему, от меня тогда что-то ускользнуло... Как такое могло произойти, ума не приложу. Вообще-то служащему банка не пристало распространяться на эту тему. Главное, не упоминайте в книге мою фамилию, у меня могут быть неприятности!

– Я буду называть вас просто “служащий банка”, если вы не против, – предложил я, доставая блокнот, чтобы записать его рассказ.

– Прекрасно, – одобрил он.

– Вы были знакомы с убитым? – спросила Скарлетт.

– Ну, знаком – сильно сказано. Мы сталкивались с ним каждый раз, когда он приходил и уходил отсюда. На клерков с рецепции не особенно обращают внимание. Но за несколько дней до убийства в банке произошло кое-что необычное. Как сейчас помню. К нашей стойке подошел какой-то мужчина. Я заметил его, потому что он был очень причудливо одет. Он оставил нам конверт и исчез, не пожелав себя назвать.

– Кому предназначался конверт? – спросила Скарлетт.

– Макеру Эвезнеру. На конверте было указано, что его срочно следует вручить адресату. Поэтому я сразу передал его месье Эвезнеру. Он ужасно распсиховался.

Глава 16

Анонимное письмо

Среда, 12 декабря, за 4 дня до убийства

В полвосьмого утра Макер Эвезнер приехал в банк, преисполненный решимости образцово вести себя и доказать Тарноголу, что из него выйдет отличный президент. Кристина изумилась, увидев своего начальника в такую рань.

– Месье Эвезнер, у вас все в порядке? – спросила она.

– Почему вы спрашиваете?

– Ну, обычно вы появляетесь гораздо позже.

– Это новый я, моя дорогая Кристина, – сказал Макер, садясь за стол. – Отныне зовите меня Стахановым!

Макер был уверен в себе. Он проснулся с хорошим предчувствием. Операция “Перевербовка” обязательно сработает. В субботу он будет избран президентом. Следом за Кристиной к нему заглянул Левович, предложив пойти выпить кофе. Макер отказался: “У меня завал. Переломный момент”. Понимая, что пора уже наконец-то разобраться с грудой почты, он взял первое письмо. Но тут в кабинет зашла Кристина.

– Месье Эвезнер, – сказала она, – вот, вам только что принесли. Она передала ему конверт, на котором красным фломастером было крупно написано:

МАКЕРУ ЭВЕЗНЕРУ

ОЧЕНЬ СРОЧНО

– ЛИЧНО И КОНФИДЕНЦИАЛЬНО –

Без адреса и марки. Отправитель не указан.

Заинтригованный Макер немедленно открыл его. Внутри он обнаружил анонимное письмо:

*Встречаемся сегодня вечером в 23.30 в парке Бертрана у
большого пруда.*

Если хотите стать президентом банка, не опаздывайте.

От этой встречи зависит ваше будущее! Никому ни слова!

Макер бросился к Кристине:

– Что это за письмо? Кто его принес?

– Кто-то из курьерской службы. А что? Вы так побледнели, все нормально?

Не отвечая, Макер немедленно спустился к курьерам на второй этаж.

– Да, это я принес вам письмо, – сказал один из них.

– И кто вам его передал? – спросил, нервничая, Макер.

– Принесли с рецепции. Когда корреспонденцию оставляют внизу, они поднимают ее к нам, а мы уже доставляем адресату. А в чем дело? Что-то не так?

Не удостоив его ответом, Макер отправился в службу приема.

– Доброе утро, месье Эвезнер! – пропели хором клерки.

– Кто из вас принял это письмо? – спросил Макер, потрясая конвертом с красной надписью.

– Я, – сказал один из них.

– И кто его оставил?

– Станный тип. В кепке и темных очках. Я еще подумал, что это по-дурацки выглядит в середине декабря, но мы здесь, знаете ли, всякого навидались. И он не произнес ни слова. Просто положил письмо на стойку. Я попросил его представиться, но он покачал головой и ушел. Я отнес конверт курьерам, как положено. Я что-то сделал не так?

Несколько минут спустя в кабинете начальника службы безопасности Макер просматривал видеозаписи с наружных камер наблюдения. И действительно, он увидел, как этот хмырь заходит в банк. В широком длинном пальто с поднятым воротником, надвинутой на лоб кепке и очках-авиаторах, скрывающих лицо.

Камеры в вестибюле засняли, как он быстрым шагом приближается к стойке службы приема, кладет на нее письмо и тут же поспешно выходит.

– Это профессионал, я вам ручаюсь, – сказал начальник службы безопасности, сидевший рядом с Макером.

– Профессионал чего? – спросил Макер.

– Понятия не имею, но взгляните, как ловко он избегает прямого попадания в поле камер. Ни одного четкого изображения.

В доказательство своих слов он сделал пару стоп-кадров, чтобы увеличить лицо посетителя:

– Видите, я прав. Этот парень – настоящий профи. Может, частный детектив? А что было в письме? Хотите позвонить в полицию?

– Ничего важного, – заверил его Макер, который совершенно не собирался изливать душу этому сплетнику.

Макер, весь на нервах, вернулся в свой кабинет. Все утро он просидел в унынии, глядя вдаль. Ему было не по себе. Он то и дело перечитывал анонимное послание. “Если хотите стать президентом банка, не опаздывайте”.

Ехать, не ехать? А что, если это ловушка? Вдруг кто-то хочет его убить? Внутри у него все сжалось.

Его печальные думы прервала Кристина, в очередной раз зайдя к нему справиться о его состоянии.

– Вы точно в порядке, месье Эвезнер? Вы сам не свой из-за этого письма. Не хотите рассказать, что там такое? Вам угрожают? Может, чайку?

Она волновалась, что против обыкновения Макер не ушел в полдень на нескончаемый обеденный перерыв.

– Мне не до того, – отмахнулся он.

Наконец в четверть первого к нему заглянул Левович:

– Ты как, старик? Кристина сказала, что на тебя смотреть страшно.

– Да нет, все отлично.

– Я обедаю с коллегами в “Липпе”. Давай с нами. Тебе не вредно развезаться.

– Нет, спасибо, сейчас не до того. Я думаю, мне надо побыть одному.

– Ты уверен?

– Вполне. Посижу тут с закрытыми глазами.

Левович не стал настаивать и ушел. Макер сел поудобнее в кресло и сразу же почувствовал, как у него отяжелели веки. Он положил ноги на стол и откинулся назад. Немного вздремнуть не помешает.

Он быстро заснул. Но его блаженство длилось недолго. Через несколько минут в его кабинет явился Тарногол.

•

– Вставай, черт побери! Ты что теперь, спишь на рабочем месте?

Макер вздрогнул, выпучив глаза. При виде Тарногола он мгновенно вскочил.

– Боже, Синиор, дорогой, это вы! – пробормотал он, вытерев слюну, выступившую в уголках губ.

– Я пришел посмотреть, как ты работаешь, а ты, оказывается, просто дрыхнешь!

– Нет, нет, я работал как сумасшедший с самого утра, – сказал Макер, разворошив лежащие перед ним письма.

– А воз и ныне там? – разозлился Тарногол. – То есть со вчерашнего дня ты ни хрена не сделал!

– Нет, нет, уверяю вас, я много чего успел. Но представляете, утром, когда я уже неплохо продвинулся, произошла небольшая заминка...

– Ты только и знаешь, что оправдываться! – вспыхнул Тарногол. – Все! С меня довольно!

Не дав Макеру и рта раскрыть, Тарногол ушел, не преминув из всех сил хлопнуть дверью, что, похоже, начинало входить у него в привычку.

Макер застонал и рухнул обратно в кресло. Отчаянно нуждаясь в утешении, он позвонил жене.

Анастасию звонок мужа застал посреди площади Рив. По его голосу она сразу поняла, что что-то случилось.

– Все в порядке, котенок? – спросила Анастасия (она знала, что “котенок” всегда действует на него магически).

– Да, я просто хотел сказать тебе ку-ку, – ответил Макер. – Что подельываешь?

– Иду в “Роберто” обедать с мамой и сестрой.

– Ах да, сегодня же среда. Я совсем забыл. Передавай им привет. Приятного аппетита.

– Спасибо, котенок. Звони, если что.

– Да, да, не волнуйся.

– Ты еще что-то хотел сказать? – Анастасия понимала, что он позвонил ей не только ради “ку-ку”.

Наступило молчание. Макер думал, что после выходки Тарногола ему ничего не остается, как пойти на таинственную ночную встречу в парке Бертрана.

– Я... я не приду домой к ужину, – произнес он наконец. – Буду поздно.

– Поздно?

– Да, мне... мне надо кое с кем встретиться... – Макер чуть было не рассказал ей об анонимном письме, но вовремя спохватился. – С одним клиентом, он только вечером приезжает из Лондона и очень хочет со мной повидаться до завтрашних переговоров по инвестициям.

– Хорошо. Увидимся позже, котенок.

Перед тем как войти в “Роберто” – изысканный итальянский ресторан в центре Женевы, где каждую среду она обедала со своей матерью Ольгой и сестрой Ириной, – Анастасия быстро посмотрелась в карманное зеркальце. Они не должны догадаться, что она проревела все утро. Проснувшись, она ждала, что Лев как-то проявится, но напрасно. Он явно

залег на дно. У нее создавалось ощущение, что он играет с ней, может потому, что в понедельник она заявила, что бросает его, хотя сама ни секунды в это не верила. Она сделала глубокий вдох и вошла в ресторан.

Ольга и Ирина фон Лахт, приехав, как обычно, раньше времени, уже ждали ее, сидя на банкетке за центральным столиком, все в мехах и бриллиантах, и пили шампанское. Мать при виде Анастасии холодно воскликнула: “А вот и ты!” – намекая, что она опоздала, а сестра, сухо улыбнувшись, изучила ее с ног до головы, высматривая, что она себе купила с их прошлой встречи на той неделе.

– У тебя новое приобретение? – тут же поинтересовалась Ирина, заметив на запястье Анастасии неизвестный ей браслет.

– Так, ерунда, – отмахнулась Анастасия, садясь за стол.

– Ерунда из чистого золота! – сказала сестра с издевкой.

– Это подарок. – Анастасия в надежде сменить тему притворилась, что полностью поглощена меню.

– Подарок от кого? – требовательно спросила сестра. – От мужа?

– Не твое дело!

– Да успокойтесь вы наконец! – взмолилась мать, словно обращалась к маленьким девочкам. – Мы с вами – фон Лахт, не забывайте об этом! Потомки Габсбургов не скандалят на публике.

– Никакие мы не Габсбурги! – разозлилась Анастасия. – Мы вообще никто!

– тишина! – рявкнула по-русски Ольга, бросив на дочь убийственный взгляд.

И вокруг старой Ольги воцарилась гробовое молчание. Она через силу улыбнулась, для приличия. Ее дочери заткнулись, изучая меню: с самого детства они усвоили, что, когда мама ругает их по-русски, лучше помалкивать.

Ольга поправила бриллиантовое ожерелье и, щелкнув пальцами в потускневших от времени кольцах, сделала знак подлить им шампанского. Подбежавший официант наполнил три бокала и принял заказ. Ольга и Анастасия выбрали камбалу на гриле, Ирина предпочла пасту с белыми трюфелями Альбы.

– Нет, только не пасту, дорогая! – Мать умерила ее пыл. – Будешь обжираться, замуж не выйдешь.

– Ну мамочка, – простонала Ирина, – сейчас сезон белых трюфелей.

– Сначала мужа найди, потом переходи на трюфели, – категорически отрезала Ольга. – А пока что обойдешься рыбой на гриле. – Она повернулась к официанту: – Значит, три камбалы, будьте добры!

– Пожалуйста, не унижай меня на людях, мамочка! – надулась Ирина.

– Я не унижаю, а помогаю тебе соответствовать твоему положению. Мы Габсбурги, помни об этом!

Анастасия, сидя напротив матери и сестры, наблюдала за ними, не понимая, зачем терзает себя этими еженедельными обедами.

Тоже мне Габсбурги! Просто захудалые дворянки. Мать происходила из семьи белых эмигрантов, ее прадеду, богатейшему торговцу оружием, царь пожаловал дворянство, а вскоре разразилась революция, и он лишился своего состояния. Поэтому Ольга, хоть и родилась в бедной семье, с детства впитала бесконечные сказания о блестящем прошлом их фамилии во времена Российской империи. Неудивительно, что она была одержима манией вернуть былую славу, и как-то, будучи в Вене, втюрилась в Стефана фон Лахта, которому суждено было стать ее мужем по двум вполне веским, по ее мнению, причинам: он происходил из знатного рода (фон Лахты, австрийские аристократы из побочной ветви Габсбургов, могли проследить свою генеалогию на протяжении нескольких веков) и был очень богат (его отец, которому хватило здравого смысла умереть незадолго до знакомства его сына с Ольгой, оставил ему колоссальное состояние, нажитое торговлей нефтью и недвижимостью).

Стефан и Ольга, обвенчавшись с большой помпой в венской Карлскирхе, поселились в роскошных апартаментах во Внутреннем городе, историческом центре австрийской столицы. Стефан не работал, живя на ренту от папочкиного состояния. Они с Ольгой целыми днями шлялись по магазинам и прожигали жизнь на светских тусовках, где Ольга всякий раз появлялась в новом платье, постоянно меня украшения, и объясняла каждому встречному-поперечному, что Габсбурги не показываются на людях дважды в одном и том же. Вскоре у них родилась Ирина, за ней, по прошествии двух лет, последовала Анастасия. “Мы выдадим их за представителей княжеских семейств Европы”, – пророчествовала Ольга в светских салонах венской знати. Вот только она была не в курсе, что ее муж, который к тому моменту, как они познакомились, уже отчаялся найти себе жену, и теперь ни в чем ей не отказывал, слегка преувеличил размер своих капиталов. А главное, Стефан не работал и, подыхая от скуки, убивал время в казино. Их образ жизни обходился ему недешево, особенно влетали в копеечку бесконечные наряды и побрякушки Ольги, игорные долги росли, и в конце концов налоговые штрафы и общий спад экономики, пошатнув семейное предприятие, поглотили последние шиллинги молодой семьи фон Лахт.

Оказавшись по уши в долгах, Стефан в одночасье скрылся с горизонта,

наплевав на семью. Ольга, поняв, что происходит, подхватила дочерей девяти и одиннадцати лет и бежала в Женеву, чтобы сочинить себе там новую жизнь. Они поселились в крошечной квартирке в квартале Паки. От прежнего величия Ольге остались лишь меха и драгоценности, а также горькое послевкусие. Она унесла ноги из Вены вовсе не из страха перед кредиторами, в отличие от своего слабака мужа, просто ей трудно было примириться с мыслью, что она будет изгнана из высшего общества. “Проклятия нет, есть только покорность судьбе”, – изрекла Ольга и засучила рукава. Она устроилась продавщицей в “Бонжени”, самый престижный универмаг Женевы, и вела строгий учет каждому франку. Жизненные потребности были сведены к абсолютному минимуму: никаких вечеринок и покупок, на ужин одни консервы. На сэкономленные средства они в выходные дни посещали шикарные заведения столицы.

По субботам Ольга обедала с дочками в модных ресторанах (когда девочки вышли замуж, эта традиция продолжалась по средам).

По воскресеньям они пили чай в барах лучших отелей.

По такому случаю они наводили красоту. Ольга доставала свои лучшие платья и украшения. Обладая врожденным талантом к шитью, дочерей она одевала сама по последнему крику парижской моды, черпая вдохновение в каталогах, и изобретала им наряды из остатков тканей, выуженных по дешевке в галантерейных лавках.

Иногда, появившись на пороге очередного шикарного отеля, разряженные в пух и прах девочки – как правило, Анастасия – внезапно пугались.

– Тебе не кажется, что мы ужасно глупо выглядим, отправляясь на чай в “Бо-Риваж” в вечерних платьях? – спрашивала она мать.

– Глупо быть богатым и стать бедным, – возражала Ольга. – А теперь *Kopf hoch!* Выше голову! – говорила она по-немецки. – Встречают по одежке.

Громко переговариваясь, они с надменным видом врывались в салоны отелей и в рестораны.

Все взгляды обращались на роскошных, уверенных в себе дам, про которых уже поговаривали, что они потомки Габсбургов, хотя толком никто не понимал, что это, собственно, значит.

Ольга безмерно гордилась тем, с какой легкостью ей удалось вписаться в приличное женевское общество. Она завела полезные знакомства, и вскоре без нее не обходилось ни одно светское мероприятие, будь то Весенний бал, бал Красного Креста, суаре часовщиков или вернисажи в престижных галереях. Опасаясь называть свой адрес в Паки, выдававший

ее с головой, Ольга просила присылать ей приглашения в “Бо-Риваж”, где она якобы занимала гигантские апартаменты. “Жить в отеле – это так по-набоковски, – объясняла она дочерям. – Кроме того, «Бо-Риваж» сразу производит правильное впечатление – там останавливалась императрица Сисси”.

Чтобы главный консьерж отеля принимал адресованную ей почту и соблюдал правила игры, она умащивала его щедрыми чаевыми. Только кто станет ее проверять? Никому и в голову не придет, что блистательная Ольга Габсбургская просто-напросто самозванка. Ей приходилось даже прятаться, когда ее новые знакомые делали покупки в “Бонжени”. И она ни разу не спалилась.

Когда Анастасии и Ирине исполнилось соответственно шестнадцать и восемнадцать лет, мать задалась целью закрепить с их помощью свое положение гранд-дамы и дать дочкам возможность преуспеть там, где сама она потерпела неудачу, выдав их замуж за важных и состоятельных людей. За знатностью происхождения она гналась уже не так, как раньше. Главное – финансы.

Поэтому она решила, что зимой все выходные они посвятят прочесыванию излюбленных курортных городков золотой молодежи. Отпрыски именитых европейских семейств проводят лыжный сезон в Гштаде, Клостерсе или Санкт-Морице, прилетают туда на частных самолетах и сорят деньгами почем зря. Наследники королевских династий и промышленных магнатов тут кишмя кишат, бери не хочу. С этой задачей такие красивые и образованные девушки, как Ирина и Анастасия, справятся без труда.

Скудные семейные сбережения и средства, вырученные от продажи части драгоценностей, пошли на оплату поездок в горы, куда они отправлялись из Женевы сначала поездом, потом автобусом. Они ютились в убогой гостиничной комнатке, снятой по сходной цене, где разве что спали и наряжались на модные вечеринки – Ольга Габсбургская, словно сошедшая со страниц Толстого, получала на них приглашения, просто назвав свой “сценический псевдоним”.

Об отдыхе девочки и не мечтали. “Вы сюда не развлекаться приехали, – постоянно твердила им мать, – а познакомиться с молодым человеком и, не откладывая, обручиться с ним”. Под присмотром Ольги они посвящали все вечера охоте на завидных женихов и вешали им лапшу на уши, рассказывая о своем высоком положении в обществе.

Если дочери, не дай бог, принимались нить, мать разыгрывала целое представление, обвиняя их во всех смертных грехах.

“Я для вас стараюсь, а вы мне отвечаете черной неблагодарностью! – возмущалась она. – Я из кожи вон лезу ради вас, забываю о своей жизни, чтобы обеспечить вашу. Я уже в прислугу превратилась, а вам все мало. Чего вам еще не хватает?”

Если они не реагировали на ее стенания, Ольга набирала обороты, чуть не рыдая: “Посмотрите на мои исколотые иголками пальцы, на мои глаза, слепнувшие от бессонных ночей, я на все готова, чтобы вы стали еще прекраснее и вышли замуж! Выкиньте свою мамочку на помойку, раз уж на то пошло!” Потом она талантливо изображала предсмертные хрипы, чтобы дочери осознали наконец, на какие жертвы она идет ради них. Как правило, ее ужимок оказывалось достаточно, чтобы растроганные сестры, бросившись в ее объятия, покрывали ее лицо поцелуями и клялись “дорогой мамочке” в любви. Прижав их к груди, Ольга чувствовала себя вполне убоготоренной и почти счастливой. Живой, по крайней мере.

Но иногда Ольга срывалась. Бедной Ирине особенно досталось в Гштаде – увидев, как она флиртует с официантом модного кафе, мать отхлестала ее по щекам, правда уже в гостинице. “Я столько денег трачу, чтобы вытащить ее из грязи, а она с мусорщиками якшается!” – в бешенстве орала она.

В последующие годы под нажимом матери у девушек фон Лахт случилось несколько романчиков, но, к ее величайшему огорчению, ничего существенного. В двадцать один и двадцать три года Анастасия и Ирина все еще не были помолвлены. Тогда-то Ольга и прослышала о Большом корпоративном уикенде Эвезнер-банка в Вербье. Она тут же ухватилась за эту возможность выдать дочерей за кого-нибудь из боссов крупнейшего частного банка Швейцарии. Позже она неустанно хвалила себя за предприимчивость, ибо успех ее затеи превзошел все ожидания – не прошло и года, как Ирина приняла предложение руки и сердца от управляющего активами, старше ее на двенадцать лет, а еще через год Анастасия обручилась с Макером Эвезнером, наследником одного из владельцев банка.

Но шестнадцать лет спустя Ирина, которой исполнилось тридцать девять, развелась, не получив ни копейки алиментов, несмотря на двух дочерей. Ее управляющего активами арестовали за растрату. Он получил тюремный срок и заплатил разоривший его штраф. Ирина, не проработавшая ни дня в своей жизни, устроилась кассиром в супермаркет. Из какой-то дурацкой фанаберии она отказалась от должности в курьерской службе Эвезнер-банка, любезно обещанной ей Макером. Но по средам ей

удавалось освободиться с двенадцати до двух, чтобы пообедать в “Роберто” за счет Анастасии. Она являлась туда при полном параде, но с кислой миной и, напиваясь шампанским, с подобострастной улыбкой заглядывала в глаза богатым красавчикам, моля Бога, чтобы они спасли ее от несчастной доли.

Тут им наконец подали камбалу на гриле и налили еще шампанского.

– Слушай, Анастасия, – сказала Ольга, которая не могла высидеть и пяти минут, чтобы не сделать замечания одной из дочек, – ты могла бы помочь сестре найти мужа! Ты же тут всех знаешь!

– Слушай, мам, я познакомила ее уже с половиной города! – запротестовала Анастасия.

– Они все козлы, – проскулила Ирина. – Тебе просто нравится, что я в жопе.

– Ты слишком много о себе понимаешь! – сказала Анастасия сестре. – Сдалась ты мне! К твоему сведению, у меня тоже есть проблемы в личной жизни.

– У богатых нет проблем! – заявила Ольга.

– У тебя одни деньги на уме! – вскинулась Анастасия.

– Любимая присказка богачей, – заметила Ирина не без горечи.

Анастасия, чувствуя, что сейчас взорвется, замялась и неожиданно выпалила:

– Я разлюбила мужа и хочу от него уйти!

Мать и сестра встретили это заявление ошарашенным молчанием.

– Что за чушь? – проговорила наконец Ирина.

– Ничего особенного, я действительно хочу уйти от мужа, – повторила Анастасия и, выплеснув на них свои переживания, вздохнула с облегчением.

– Это пройдет, – засмеялась Ольга. – Ты просто романов начиталась, девочка моя! Еще чего не хватало. Все, тема закрыта.

Анастасия решила в кои-то веки не уступать матери:

– Не пройдет, – сказала она спокойно. – Я разлюбила Макара, я люблю Льва Левовича. Это он подарил мне браслет.

Ольга перепугалась.

– Левовича? – задохнулась она. – Этого клоуна из Вербье пятнадцатилетней давности?

Ирина выдавила из себя издевательский смешок.

– Никакой он не клоун, мама, – возмутилась Анастасия. – Он стал известным банкиром. Он на короткой ноге со многими главами государств. Вся Женева его обожает. Ты одна не в курсе, кто он такой!

– Ну, значит, Женева совсем обьевреилась...

– Прекрати! – взмолилась Анастасия.

– Нет, это ты прекрати, нахалка! Как ты разговариваешь с матерью? Хватит идиотничать, Макер – очаровательный, добрый человек и прекрасная партия. Не вздумай его бросать. А то кончишь как твоя сестра. Я запрещаю тебе встречаться с Левовичем, слышишь? И запрещаю носить на публике его поганые презенты.

– Но я счастлива с ним, нам хорошо вместе...

Ольга с горящими от ярости глазами погрозила дочери пальцем:

– Я больше не хочу слышать это имя, ты меня поняла? Он нам не ровня.

– Он русский, как и мы!

– Он еврей, мы с этими людьми не общаемся. Неужели я настолько плохо тебя воспитала? Обещай, что прекратишь с ним встречаться! Ты смерти моей хочешь? Я пожертвовала всем, я питалась одними консервами, чтобы выдать вас замуж. А теперь давайте пообедаем молча, у меня от вашей болтовни уши вянут.

Анастасия, глотая слезы, с трудом доела рыбу. До конца обеда они не обменялись больше ни единым словом.

Потом Анастасия оплатила счет. Они холодно попрощались и ушли, каждая в свою сторону. “До среды”, – сказала Ольга.

Глава 17

Воспоминания

В ту среду, 12 декабря, пообедав с матерью и сестрой, Анастасия поехала прямо домой. Обычно, расставшись с ними, она шаталась по Старому городу. Но упреки матери и молчание Льва отбили у нее всякое желание гулять. Она совсем пала духом и остаток дня провела у себя в спальне. Ей хотелось позвонить Льву, услышать его голос, успокоиться. Нет, пусть сам ей звонит. Ведь он продинамил ее прошлой ночью. Она не выдержала и расплакалась, а потом провалилась в глубокий сон.

В Колоньи уже вечерело, когда Арма, обеспокоенная тишиной в комнате хозяйки, рискнула к ней зайти.

У Армы день не задался с самого начала. Утром, после тревожной бессонной ночи, она отправилась к Эвезнерам, твердо вознамерившись все рассказать Макеру о Льве Левовиче.

Но когда Арма приехала, Макер уже ушел в банк. Вот ведь выбрал момент, чтобы проявить рабочее рвение!

Она решила игнорировать медем. Вообще-то она ее побаивалась и открыто противостоять ей никогда бы не осмелилась, но вот продемонстрировать свое глубокое осуждение – сколько угодно.

Однако, когда Анастасия спустилась завтракать на кухню, вид у нее был очень несчастный. Судя по ее печальным покрасневшим глазам, она плакала. Размышляя, не из-за Льва ли медем так переживает, Арма внезапно поняла одну вещь. Какой же она была дурой, что сделала такие поспешные выводы! Всю ночь глаз не сомкнула, а о самом главном и не подумала: раз Лев позвонил в понедельник на домашний номер, значит, медем не берет мобильник. Она собирается с ним порвать! Она ведь сама сказала по телефону, что все кончено и она знать его не хочет. Арма ругала себя на чем свет стоит – недаром она до сих пор в прислугах ходит, поделом ей, совсем мозгов не осталось! Как можно было так оплошать? Ее, конечно, сбил с толку букет белых роз, но ведь он послал цветы в знак примирения после того, как накануне она дала ему от ворот поворот.

Да, получив розы, хозяйка сразу заперлась в ванной комнате, но ведь она только и делает, что ванны принимает. Часами. Так что это ни о чем не говорит. Медем встретила со Львом вчера вечером, чтобы порвать с ним навсегда! Ну да, у нее разум от страсти помутился, но она быстро пришла в

себя и приняла меры. Она с ним рассталась и теперь грустит. В общем-то, это светлая печаль. Лишнее доказательство того, что у них был настоящий роман и они испытывали друг к другу нежные чувства.

Анастасия не притронулась к еде. Когда она поднялась к себе, Арма не могла не восхититься ее меланхолией – какая сильная, достойная, храбрая женщина. Настоящая дама! Она в ней не ошиблась.

По средам медем уходила перед самым обедом. Но сегодня против обыкновения мисье вернулся в перерыве домой. Он заскочил буквально на минутку, с озабоченным выражением лица. Закрылся ненадолго у себя и тут же убежал. Уже с порога он бросил Арме: “Вы меня не видели”.

Потом появилась Анастасия, и выглядела она еще несчастнее, чем утром. И снова уединилась в спальне. Арма прислушалась, но до нее доносились только всхлипы. Она очень ей сочувствовала. Медем так и не вышла до самого вечера. И Арма встревожилась.

Анастасия слышала тихий стук. Она села в постели и увидела в дверном проеме лицо Армы. Луч света из прихожей осветил темную спальню.

– Все нормально, медем? – пискнула Арма.

– Не совсем, – отозвалась Анастасия.

Арма позволила себе войти и примостилась на краю кровати. Она ласково погладила Анастасию по ноге в знак поддержки.

– Я могу что-нибудь сделать для вас, медем?

– Нет, спасибо. Это так мило с вашей стороны.

– Я сварила суп. Хотите, принесу?

– Спасибо, я не голодна.

– Вы вообще не будете ужинать?

Анастасия покачала головой.

– А мисье? – спросила Арма. – Он все еще не вернулся.

– У него встреча с клиентом.

– Мне кажется, мисье тоже сейчас чем-то расстроен...

– Странные вещи у нас творятся, Арма.

– Я бы очень хотела вам помочь.

– Вы и так много для меня делаете. Возвращайтесь спокойно домой, вы, наверное, устали.

– Вы уверены? Давайте я с вами посижу?

– Не беспокойтесь за меня. Можете идти. Спасибо за все.

Арма повиновалась и ушла с тяжелым сердцем: у хозяев что-то не ладилось, и она за них переживала. И еще она ругала себя, что плохо думала вчера о медем. Она всегда была к ней очень добра. Щедрая,

заботливая, она следила, чтобы Арме у них было хорошо. В ее день рождения давала ей выходной и приглашала на обед в город. “Вы же тоже член нашей семьи, Арма”, – часто повторяла медем.

Вскоре после ухода Армы в дверь позвонили, и Анастасия вынуждена была выйти из спальни, чтобы открыть. Каково же было ее удивление, когда она увидела на пороге Альфреда Агостинелли!

– Простите, что заявился к вам без предупреждения, но, поскольку машины вашего мужа нет на месте, я позволил себе...

– И правильно сделали, – сказала Анастасия, которой не терпелось узнать, что произошло.

– Месье Левович просит его извинить. Он всю ночь был занят делом государственной важности. Он и сейчас еще сидит в Организации Объединенных Наций с Генеральным секретарем, они обсуждают вопрос об экономических санкциях... К сожалению, я не могу сообщить вам никаких подробностей, но, как вы понимаете, все серьезно.

Выслушав его объяснения, Анастасия пожалела, что довела себя до такого состояния. Она вздохнула с облегчением и даже порозовела от радости, посмеиваясь над своим ребячеством.

– Передайте месье Левовичу, – озабоченно сказала она, – что я очень огорчена, что мы не повидались вчера вечером.

– Он попросил меня также вручить вам это.

Агостинелли протянул Анастасии письмо. Не сумев сдержать счастливой улыбки, она прижала его к сердцу.

– Спасибо, Альфред.

Агостинелли поклонился ей и растворился в зимних сумерках. Анастасия поспешила вскрыть конверт.

Радостное настроение вернулось к ней. Погрузившись в обжигающую ванну, до бортиков заполненную пеной, она снова и снова перечитывала записку Льва, стараясь не намочить ее:

Давай все бросим и уедем вместе.

Подальше от Женевы.

Я люблю тебя.

Лев

Тысячи вопросов роились у нее голове. Куда они уедут? Когда? Раз они

собираются все бросить, может, лучше сбежать, воспользовавшись корпоративным уикендом? Макер, как всегда, поедет в Вербье один, жен туда не приглашают. Зная Льва, она была уверена, что он уже все обдумал.

До замужества Анастасии мать дважды затащила ее на Большой уикенд Эвезнер-банка в “Палас Вербье”.

Первый раз – шестнадцать лет назад. Ей тогда был двадцать один год, и она изучала литературу. В “Паласе” она познакомилась с Клаусом и чуть было не обручилась с ним. Теперь, когда она вспоминала о нем, ее пробирала дрожь.

•

16 лет назад.

Первое появление Ирины и Анастасии на Большом уикенде

– Девочки, подъем! – гаркнула Ольга, войдя в узкую комнатку дочерей в их квартире в Паки. – Вы не поверите, у нас отличная новость: мне удалось снять номер в “Оберж де Шамуа” в Вербье. Мест нет, но мне только что позвонил хозяин – кто-то отменил бронь в последнюю минуту! Короче, повезло!

– Сегодня пятница, мамочка, – сказала Ирина. – У нас занятия в университете.

– Поверь мне, детка, женихи водятся в Вербье, а не в университетах, так что прямо в эти выходные...

– А что будет в Вербье?

– Корпоративный уикенд Эвезнер-банка! – Ольга буквально светилась от радости. – Редкий шанс найти мужа! Главное, не облажайтесь. Пора покончить с юными придурками из Клостерса и Санкт-Морица, вам нужен состоявшийся мужчина, желающий создать семью. То есть банкир!

– Не знаю, хочу ли я замуж за банкира, – сказала Ирина.

– Ты выйдешь за того, за кого надо, девочка моя! И брось мне этот наглый тон! Как справедливо заметила английская королева, *never complain, never explain*^[2]. Давайте, одевайтесь быстрее, а я пока соберу ваши вещи. Поезд в Мартиньи отходит через час. Еще скажете мне спасибо, когда разбогатеете и заживете припеваючи.

Так несколько часов спустя, добравшись на поезде от Женевы до Ле-Шабля с пересадкой в Мартиньи, а затем на автобусе до Вербье, Ольга, Ирина и Анастасия поселились в унылой гостинице “Оберж де Шамуа”.

– В четыре часа в “Паласе” состоится приветственный коктейль для

сотрудников банка, – предупредила дочерей Ольга, которая всегда все знала. – Наденьте синие платья и те чудные черные лодочки на каблуках. Пустим им пыль в глаза.

– Нас завернут на входе! – заволновалась Ирина.

– Не завернут, если будете держать фасон. Войдем, как будто мы тут главные. Если официант что-нибудь спросит, посмотрите на него свысока и попросите подать шампанского.

Когда Ольга и ее дочери вошли в зал приемов, все взгляды обратились на двух юных красавиц, элегантных и царственных. Ольга ликовала, видя, что Ирина и Анастасия находятся в центре внимания.

– Нет, вы только посмотрите! – хмыкнула она, показывая на группу хохочущих мужчин. – И это сливки банковского общества! Вон тот старик – это Огюст Эвезнер, президент. Высокий тип рядом с ним, похожий на какого-то американского актера, его сын Абель, вице-президент. Говорят, он финансист от Бога и уже сам принимает все решения за отца. А вон видите молодого человека в темном галстуке – Макер Эвезнер, единственный сын Абеля. И наследник! Ему двадцать пять, и как только его дед помрет, он станет вице-президентом. Судя по виду дедушки, он протянет год, максимум два. Стать вице-президентом банка в двадцать шесть лет – это класс!

Им подали по бокалу шампанского, и они уставились на группку банкиров. Внезапно Ольга аж затрепетала.

– Мои дорогие, я думаю, Господь на вашей стороне! Видите того длинного меланхоличного красавца, вон там? Это Клаус ван дер Брук, он проходит стажировку в банке. Клаус связан тесными родственными узами с королевской семьей Бельгии, и у него денег куры не клюют! Его отец – крупный брюссельский промышленник. Пойдите познакомьтесь с ним!

Поскольку девочки упирались, Ольга потащила их за собой – в искусстве брать нахрапом ей не было равных.

– Клаус, дорогой! – воскликнула она, бросаясь к нему.

Вышеупомянутый Клаус понятия не имел, с кем имеет честь, но как знать, вдруг они уже встречались. – Ольга фон Лахт, – уточнила Ольга, обрадовавшись, что он не отбрил ее. – Ну как же, моя дорогая! – Клаусу хватило воспитания притвориться, что он узнал ее. – Как приятно снова вас увидеть! – Я слышала, вы на стажировке в Женеве? – осведомилась Ольга. Тут уж Клаус и впрямь поверил, что они знакомы. И очень смутился, что не может ее вспомнить. – Да, – сказал он, – мой отец – близкий друг Абеля Эвезнера. Он посоветовал мне набраться опыта в банковской сфере, чтобы

управлять потом состоянием семьи. – Невероятно! Позвольте представить вам моих дочерей, Ирину и Анастасию. Сестры долго болтали с Клаусом, который не мог оторвать глаз от Анастасии и, к радости Ольги, открыто с ней флиртовал. Когда коктейль подошел к концу, Клаус заставил Анастасию пообещать, что они встретятся после ужина в баре “Паласа”. Там будет играть оркестр, и вообще она не пожалеет. Ольга с удовольствием приняла приглашение за дочь. Анастасии казалось, что она задыхается. Под первым попавшимся предложением она выскользнула через служебную дверь на улицу. На свежем воздухе ей стало лучше. Стоя под навесом, она смотрела на летящие хлопья снега. Она мечтала сбежать подальше от светского общества, и в первую очередь от матери. Ей хотелось курить, но она не осмеливалась носить при себе сигареты. Не дай бог, Ольга поймала бы ее с поличным, вот было бы шуму. Тут Анастасия заметила мужчину, сидевшего к ней спиной на деревянном ящике. Он курил в тишине. Его лица она не видела, но поняла, что он красив. И выглядел он очень элегантно в черном твидовом пальто. Даже курил с особым изяществом. Анастасия решила, что это какой-нибудь князь на отдыхе или скорее богатый женеvский банкир. – У вас не найдется сигареты? – спросила она.

Он обернулся. Ей показалось, что он ее ровесник или немного старше. Но главное, она разглядела бейдж на отвороте его пиджака. Значит, он служащий отеля.

Молодой человек улыбнулся и встал, чтобы предложить ей сигарету. Анастасия была поражена исходившей от него притягательной силой. Она прочла имя на бейджике: *Лев*.

– Вы работаете в Эвезнер-банке? – спросил Лев.

– Нет, я тут проездом. Меня зовут Анастасия, я из рода Габсбургов.

Она тут же прикусила язык. Вот же дура. Зачем она несет этот бред? Чтобы произвести на него впечатление?

Лев засмеялся.

– Меня зовут Лев Левович, – ответил он. – Я носильщик.

Она пожирала его глазами.

Влюбилась с первого взгляда.

•

Анастасия долго нежилась в ванной. Она была безмерно счастлива, что Лев объявился, но боялась причинить боль Макеру. Для очистки совести

она повторяла, что ей пора подумать о себе. Спать она легла только в одиннадцать. После звонка Макера в середине дня от него не было никаких вестей. По телефону ей показалось, что он не в своей тарелке. Надо бы перезвонить ему, спросить, как и что. Впервые она почувствовала, что ей его не хватает.

23.30, в парке Бертрана.

Макер, совсем закоченев на морозе, ходил взад-вперед вдоль большого пруда.

Ледяной ветер хлестал его по лицу и гнул деревья. Вокруг было пусто и темно. Из редких фонарей, разбросанных по парку, сочился слабый свет. Эта загадочная встреча ничего хорошего не предвещала. Но у него не было выхода. Макер немного успокоился, нащупав в кармане пальто рукоятку пистолета. Во время обеденного перерыва, воспользовавшись тем, что Анастасия сидела в ресторане с матерью и сестрой, он тайком заскочил домой и забрал пистолет. Жена не знала о его существовании. Он купил пистолет вполне законно, несколько лет назад. Его выбор пал на 9-миллиметровый “Глок 26”, самозарядный пистолет австрийского производства, компактный, надежный, легкий и долговечный. Макер хранил его у себя в сейфе. Разъезжая по заданиям Р-30, он подумал, что должен иметь возможность защищаться. Вдруг что-то пойдет не так. Сегодня вечером, более чем когда-либо, он хвалил себя за эту идею.

Тут в ореоле света перед ним возник чей-то силуэт. У Макера забилось сердце.

– Кто здесь? – спросил он приближающуюся тень.

Силуэт не ответил, и Макер вынул пистолет, направив его на идущего к нему человека, от которого, как ему казалось, исходила угроза.

Но тут по его лицу скользнули отблески фонаря, и Макер понял, кто перед ним.

– Вы?.. – отшатнулся он.

Глава 18

Однажды ночью в Женеве

Мы со Скарлетт уже собрались обратно в Вербье, когда позвонила Арма. Она сказала, что занята уборкой в офисах до позднего вечера, и мы договорились встретиться на следующий день в кафе в квартале Шампель – я знал, что там мы сможем спокойно поговорить.

– Полагаю, сегодня в Вербье мы не попадем, – заметила Скарлетт.

– Боюсь, вы правы.

Встречного движения не было, и я, нарушая все мыслимые правила, развернулся прямо посреди дороги и поехал к своему дому.

– Куда мы? – спросила Скарлетт.

– Ко мне.

– Может, вы мне посоветуете какой-нибудь отель поблизости...

– Ну не брошу же я вас в отеле. Если моя комната для друзей вас устроит, то она в вашем распоряжении. Там есть ванная и все прочее.

– Вы слишком добры, писатель.

– Хотите, остановимся в городе, если вам надо купить зубную щетку или пижаму.

Она показала большим пальцем на сумку, которую утром загрузила в машину.

– У меня все с собой, – сказала она. – И зубная щетка, и во что переодеться. А пижама не нужна, я сплю голая.

– Понятно.

Она улыбнулась. Я не удержался и улыбнулся ей в ответ. Я припарковался прямо у подъезда. Скарлетт восхитилась очаровательной зеленой улочкой между рядом старых зданий и парком Бертрана, носящей гордое звание проспекта, несмотря на одностороннее движение.

В вестибюле нам никто не встретился. Войдя в квартиру, я сварил кофе, и мы выпили его прямо за кухонной стойкой. Внезапно я понял, что мне очень с ней хорошо. Мы сидели рядом, и я чувствовал, как Скарлетт касается меня всем телом. Мне так хотелось обнять ее, так хотелось, чтобы между нами что-то сейчас произошло. Она сидела на расстоянии поцелуя от меня. Да, я ужасно хотел ее и в то же время боялся, что с минуты на минуту в дверь позвонит Слоан. Я сам не понимал, что испытываю – страх или страстное желание увидеть ее снова. Меня влекло к Скарлетт, я тосковал по Слоан. Я положил конец своим терзаниям, предложив показать

ей квартиру.

– Вам интересно посмотреть, как я живу?

– Конечно.

Я отвел ее в комнату для друзей, потом в свой кабинет.

– Так вот где вы пишете! – воскликнула она с любопытством.

Она обошла кабинет, разглядывая картины и записки, пестревшие на стене.

– Потрясающе, – сказала она. – Просто потрясающе!

– Что именно вас потрясло? Мой кабинет?

– Вы, – ответила Скарлетт, глядя мне прямо в глаза.

Она коснулась пальцем моей груди.

– Я еле жива, писатель. Пойду вздремну. Поужинаем вместе?

– С удовольствием. Неподалеку отсюда есть отличный ресторан.

– Чудесно! Увидимся позже. Отдохните немного. У нас был трудный день.

Она оставила меня одного.

Я сел за стол. Вынул из портфеля свои заметки и ноутбук и приступил к работе.

Глава 19

Первые неприятности

– Вы? – отшатнулся Макер, увидев, что таинственным незнакомцем оказался не кто иной, как Вагнер, его куратор из Р-30. – Вы меня до смерти напугали!

– Добрый вечер, Макер. Извините, что связался с вами таким образом, да и за позднюю встречу тоже, но я был уверен, что ночью мы тут будем одни.

– Я чуть не застрелил вас!

– У вас есть оружие?

– Простая мера предосторожности, – раздраженно ответил Макер. – Ваше сообщение, потом все эти театральные эффекты, я подумал, что мне грозит опасность. Что за бред, потрудитесь объяснить. Почему не вызвать меня обычным способом, не понимаю?

– Я вызывал! Отправил вам три приглашения в Оперу, но вы так и не пришли. Вы что, письма не читаете?

– Прошу прощения, в последнее время я слегка запустил свою корреспонденцию.

– Из-за вашей безалаберности мне пришлось трижды высидеть “Севильского цирюльника”.

– Ну простите меня. Что за срочность, зачем встречаться среди ночи? Это из-за того, что случилось в Мадриде? Перес заговорил?

– Мадрид тут ни при чем. Речь идет об Эвезнер-банке. Положение критическое. Президентство ускользает от вас, и это никуда не годится.

– А вам не все равно? – спросил Макер, недоумевая, почему вдруг Р-30 это так волнует.

– В настоящий момент все в Берне очень этим озабочены, – авторитетно сказал Вагнер. – Вплоть до высших эшелонов власти. Федеральный совет требует от спецслужб ежедневного отчета о текущей ситуации.

– Да зачем?

– Ну вы даете, Макер! Синиор Тарногол вот-вот станет президентом самого крупного частного банка Швейцарии! Вы что, не понимаете, как нам это некстати!

– Тарногол – президент Эвезнер-банка? Нет, вы ошибаетесь, мой настоящий соперник – Левович...

– А кто собирается назначить Льва Левовича на этот пост? Именно что Тарногол, – усмехнулся Вагнер. – Вам не кажется странным, что еще в феврале совет банка одобрил вашу кандидатуру, а за несколько дней до выборов Тарногол неожиданно решил, что надо избрать Левовича?

Макер поразился, до какой степени Вагнер в теме.

– А когда изберут Левовича, он откажется от должности в пользу вице-президента, то есть Тарногола.

– А Левовичу какой в этом смысл?

– Деньги. Тарногол его озолотит. Он очень влиятельный человек, и у него большие связи. Тарногол – дьявол. Он способен на все. Кому, как не вам, это знать, Макер, учитывая вашу с ним сделку пятнадцатилетней давности.

Макер предпочел оставить без ответа последнее замечание.

– Несмотря на все старания вашего отца, – продолжал Вагнер, – нам не удалось притормозить Тарногола. Пора пустить в ход тяжелую артиллерию.

– Моего отца? – удивился Макер.

– Он много сделал для нас.

– Отец работал на Р-30?

– Превосходный был агент! – восхищенно подтвердил Вагнер.

Макера ошеломила и взволновала эта новость – им с отцом выпала одна планида.

– Единственной причиной, по которой ваш отец не передал вам власть напрямую, было его желание избавиться от Тарногола.

– Мой отец думал назначить меня?

– Разумеется. Он, знаете ли, часто говорил мне о вас. Он вас третировал на публике, но в глубине души восторгался вами. Конечно, он собирался сделать своим преемником сына, но мы его отговорили. Стань вы президентом, вам бы достался Тарногол в качестве вице-президента, и поверьте, он бы не пожалел сил, чтобы сместить вас и занять ваше место. Поэтому ваш отец искал способ незаметно освободиться от трехсотлетней традиции банка.

– То есть вся эта история с преемником – операция Р-30, – прошептал Макер, у которого наконец открылись глаза.

Вагнер покивал в ответ.

– Это был единственный способ нейтрализовать Тарногола. Своим решением передать прерогативу выборов совету, одновременно лишив его членов права выдвигать свои кандидатуры, ваш отец, с одной стороны, предотвратил восшествие на престол Тарногола, с другой – открыл лазейку, благодаря которой удалось бы впоследствии реорганизовать совет банка.

Понимаете, Макер, его план казался безупречным. Мы знали, что совет изберет вас и тем самым вы получите возможность изменить правила игры и назначить вице-президентом кого-то из доверенных лиц. Тарногола отодвинули бы в сторону. Оставшись акционером банка – тут уж никуда не деться, – он утратил бы всю свою власть.

– Что же произошло?

– Тарногол оказался сильнее, чем мы думали. Он побил нас на нашем собственном поле. Ему удалось перетянуть на свою сторону Ораса Хансена и убедить его проголосовать за Левовича. До выборов осталось три дня, ситуация аховая.

– Но у вас ведь явно есть что-то на уме, – предположил Макер. – Иначе вы бы меня сюда не вызвали.

– Вам нельзя отказать в проницательности, – холодно улыбнулся Вагнер. – Но иного я от вас и не ожидал. Мы довольно быстро сообразили, что проблема кроется внутри самого банка.

В январе у Тарногола еще не могло быть никаких аргументов, чтобы впарить Орасу и Жан-Бенедикту Хансенам своего протеже Левовича. Они свято хранили верность традициям.

“Только Эвезнер может управлять Эвезнер-банком”, – твердили они. И вот за несколько дней до выборов господу вдруг дали слабину. Тут мы поняли, что у вас там что-то нечисто. В банке завелся предатель, который играет за Тарногола против нас.

– Предатель? Вот черт! Вы его обнаружили?

– Да, обнаружили, – загадочно ответил Вагнер.

– Ну колитесь же, черт возьми! Кто он? Только не говорите мне, что это Жан-Бен, я все равно не поверю. Он ни за что не стал бы вредить банку!

– Это не Жан-Бенедикт, – сухо бросил Вагнер.

– Хватит загадки загадывать! – нетерпеливо воскликнул Макер. – Давайте выкладываете.

Вагнер обратил на Макера ледяной взгляд. Помолчав, он резко сказал ему:

– Не валяйте дурака, вам это совсем не идет! Мы все знаем.

– Это вы о чем?

– Предатель вы, Макер!

– Я? Какая чушь!

– Чушь? Ваши годовые показатели – это катастрофа! За все время вашей работы в банке так низко вы еще не опускались! Все ваши клиенты потеряли деньги! На работу вы являетесь черт-те когда! Не отвечаете на

письма! Вы сами себя потопили! И Тарногол, потрясая списком ваших достижений перед носом у Хансенов, в два счета убедил их не избирать вас.

– Но это же полный абсурд! Боже мой, зачем бы я стал это делать?

– За деньги, Макер! Уж не знаю, какую сумму вам посулил Тарногол. Полагаю, ее хватит, чтобы купить островок на Багамах и провести там остаток жизни. Вам вообще наплевать на президентство, вы уже доказали это пятнадцать лет назад, продав свои акции Тарноголу. И теперь, снова-здорово, вы расстилаете перед ним красную дорожку к посту президента. Вы заодно с Тарноголом! А еще вы лучший друг Левовича. Прямо какой-то Бермудский треугольник.

– Все это полная ахиня! – возмутился Макер. – Как вы можете сомневаться в моей лояльности после всего того, что я сделал для Р-30? Да, у меня был плохой год, ваша правда! Но так уж вышло. У меня всегда были прекрасные показатели, но, когда отец решил меня прокатить, я совсем пал духом!

– Вы в своем репертуаре, Макер! Нам все известно о ваших связях с Тарноголом. Вы единственный человек, которому он доверяет.

– *О моих связях?* Вы шутите? Что за бред, Вагнер! Тарногол меня ненавидит. Он постоянно ругает меня на чем свет стоит!

– Вы что, держите нас за идиотов? – разозлился Вагнер. Он достал из кармана пальто конверт и вручил его Макеру.

Там оказались фотографии, сделанные позавчера ночью, когда он входил в особняк Тарногола по адресу улица Сен-Леже, дом 10.

– Признаюсь, мы были поражены, когда агенты контрразведки, ведущие наблюдение за домом Тарногола, доложили о вашем ночном визите к дорогому другу.

– Вы все неправильно поняли, – запротестовал Макер. – Тарногол попросил меня оказать ему небольшую услугу в обмен на президентство.

– Какую услугу? – спросил Вагнер.

– А вот какую: в понедельник вечером кто-то позвонил мне прямо в ресторан, где я ужинал, и дал мне следующие указания: “Вам надо забрать конверт. Поезжайте в Базель, в бар отеля «Труа Руа», и вызовите Ивана, это один из официантов. Закажите черный кофе и *все, что к нему полагается*. Он поймет”. Я в точности исполнил эти инструкции. Иван вручил мне конверт, на котором было написано, что его надо доставить Тарноголу в Женеву, по адресу улица Сен-Леже, дом 10.

– Значит, вы явились к нему с конвертом, и он – дайте-ка я угадаю – принял вас по-королевски. Дорогущая водка, иранская икра, полный набор.

Потом показал вам картину с изображением Санкт-Петербурга и поведал жалостливую историю своей семьи, от которой слезы наворачиваются. И под конец назвал вас братом. Так?

– Все верно... Откуда вы знаете?..

– Не вы первый поддались чарам Тарногола. Контрразведка уже давно подозревает его в работе на российские спецслужбы... Он гениальный манипулятор. За то время, что мы следим за ним, его досье пополнилось многочисленными свидетельствами тех, кого он так употребил. Ах, воображаю себе, как вы ликовали, когда он назвал вас братом! – Вагнер рассмеялся. – Он выбирает людей добрых, податливых, на которых можно воду возить. Использует их и выкидывает за ненадобностью. Не исключено, что вы собственноручно доставили ему секретные данные, которые он передаст России. Формально говоря, вы сотрудничали с иностранной державой, Макер. А это госизмена!

– Я сделал это, чтобы стать президентом банка!

– Тогда объясните мне, как так вышло, что Тарногол не намерен за вас голосовать.

– Это все из-за бардака в моем кабинете, – признался Макер.

– И вы рассчитываете, что я вам поверю?

– Однако это чистая правда!

Вагнер пожал плечами, словно на правду ему было наплевать.

– Макер, – сказал он, – я дам вам шанс доказать свою преданность банку и стране.

– Скажите, что надо сделать, я все исполню.

– Все очень просто. Вы убьете Тарногола.

Макер в испуге выпучил глаза:

– Что? Убийство? Вы с ума сошли!

– У вас нет выбора. Пора положить конец безобразию в банке, вот и займитесь. Это будет ваша последняя операция. Та самая, к которой мы готовили вас долгие годы.

И тут Макер вдруг понял горькую истину – его не случайно завербовали в *P-30*.

– Вы ведь все запланировали с самого начала, не так ли? Мое первое задание, операцию “Бриллиантовая свадьба”, вы могли возложить на любого сотрудника банка. Начиная с моего отца, раз уж он работал на *P-30*.

– Это элементарное поручение давало нам прекрасную возможность испытать вас, – сказал Вагнер. – А вы как думали? Что мы позволим Эвезнер-банку, жемчужине финансового мира Швейцарии, перейти в руки иностранцев? Вы оказались замечательным агентом. Не могу не отдать вам

должное – в *P-30* все были потрясены. Но на самом деле вы предназначались для одной-единственной операции, если в ней возникнет необходимость – для ликвидации Тарногола. Что вам и предстоит осуществить.

Макер побелел. Все эти годы его водили за нос как дурачка. И вот ловушка захлопнулась.

– Право, Вагнер, вы сбрендили! Разведка – еще куда ни шло. Но об убийстве речи не было!

– Я так и знал, что вы устроите мне сцену, – сказал Вагнер, протягивая Макеру очередной конверт.

Внутри лежала фотография, при взгляде на которую Макара чуть не стошнило: мадридский айтишник и его жена лежали в своей гостиной, оба с простреленными головами.

– Ваш последний шедевр, – цинично улыбнулся Вагнер.

– Вы расправились с этими несчастными? – ужаснулся Макер.

– Они представляли угрозу для нашей банковской системы. Пришлось их устранить, у нас не было вариантов...

– Вы использовали меня, чтобы убить их! Вот почему Перес поехал со мной! Никакие испанцы его не задерживали, это была чистая инсценировка! Убедившись, что я сижу у себя в квартире, он преспокойно их прикончил!

– Хватит скандалить, Макер! Ответственность за двойное убийство лежит на вас.

– Нет, я к этому кошмару не имею никакого отношения, и вы прекрасно это знаете!

– Представляете, Макер, – сказал Вагнер с недоброй усмешкой, – их застрелили из пистолета “Глок 26”, до удивления похожего на тот, что лежит у вас в кармане. Какое невероятное совпадение, не правда ли? Боюсь, вы замешаны в этом преступлении гораздо больше, чем думаете. На данный момент испанская полиция считает, что они случайно застали грабителя и он их уложил. Но нам ничего не стоит навести Интерпол на ваш след.

– То есть вы знали, что у меня есть пистолет... – растерянно пробормотал Макер.

– Мы это *P-30*, и, как вы, наверное, догадываетесь, мы предпочитаем быть в курсе дел и поступков наших сотрудников.

Макер пришел в ужас. Это конец. То самое *P-30*, которому он служил верой и правдой, объявило ему войну.

Наступило долгое молчание. Они пристально смотрели друг на друга.

Внезапно полил ливень.

– Слушайте меня внимательно... – сказал Вагнер, словно не замечая дождя.

В эту секунду раздались подряд несколько выстрелов, прервав его на полуслове. На мгновение все стихло, и затем снова послышалась пальба.

Скарлетт стучалась в дверь моего кабинета.

Я поднял глаза от компьютера, и стоило мне отвлечься от романа, как дождь прекратился, заснеженная земля в парке Бертрана превратилась в ковер, голые и страшные деревья исчезли, и я вновь оказался в декорациях своего кабинета.

Я пошел открывать. Скарлетт переоделась к ужину и была неотразима в красивом коротком платье с обнаженными плечами. Она зачесала волосы на одну сторону, открыв бриллиантовые сережки в ушах.

Увидев, на кого я похож после долгих часов сочинительства, она погрузилась.

– Вы забыли о нашем ужине?

– Ну что вы, – соврал я, – просто я дописывал главу.

– Вы совсем не готовы к выходу.

– Я не думал, что уже восемь, – признался я.

– Ладно, писатель, забудьте. Судя по вашему виду, вам не до ужина.

Сожалею, что отвлекла вас от работы, всего доброго!

Она уже хотела уйти, но я схватил ее за руку:

– Подождите, Скарлетт, дайте мне десять минут на сборы, и пойдём.

Глава 20

Бернар и я

Ранним вечером в среду, 27 июня 2018 года, в Женеве было очень тепло и приятно. Мы со Скарлетт прошли по улице Контамин до Музея естественной истории, потом по улице Гласи-де-Рив. В воздухе сладко пахло летом.

Вскоре мы оказались у моего любимого ресторанчика французской кухни. Патрон посадил нас на террасе и зажег свечи на столике. Скарлетт сказала, проглядев меню:

– Я, пожалуй, возьму филе сен-пьера.

– Бернар обожал эту рыбу. Приглашая меня обедать в парижский “Ле Дом”, он всегда торжественно провозглашал: сенпьер – царь-рыба. Как прекрасно мы проводили время в этом ресторане! И каждый раз строили бесконечные планы на будущее.

Я заказал бутылку бордо (опять же привет Бернару, который считал, что к рыбе вполне подходит легкое красное вино) и газированную воду. Нам принесли бутылку “Шательдона”, и меня позабавило это совпадение.

– Бернар обожал эту воду, – сказал я. – У нас прямо вечер в его честь получается. Ему нравилось, что она не слишком газированная. Он называл ее королевской водой, намекая на Людовика XIV^[3].

– Коллаборационисты тоже ее обожали, – заметила Скарлетт, – ведь “Шательдоном” владел Пьер Лаваль^[4]?

– Вот и Бернар так говорил, – расхохотался я.

Она нежно улыбнулась мне:

– Расскажите мне еще о Бернаре, вы меня заинтриговали сегодня утром.

– На чем я остановился?

– На своем первом романе, который не имел успеха...

– Да, точно. Мой первый роман вышел в январе 2012 года и с коммерческой точки зрения провалился. Через пару месяцев мне позвонила Лидуин Элли...

– Ваша благодетельница, верно? Она познакомила вас с Бернаром?

– Да, у вас хорошая память. Зная, что у меня лежит законченная рукопись, она хотела взять ее с собой в отпуск и спокойно почитать. Я послал ей роман, и, вернувшись через две недели, она сказала: “Роман

прекрасный, Бернар должен его прочесть”. Бернар прочел и тут же принял решение. “Его надо поскорее опубликовать, – заявил он мне, – прямо к сентябрю”. Сомневался только я. После, как я считал, оглушительного провала первого романа я не понимал, каким образом у второго, вышедшего всего несколько месяцев спустя, может быть иная судьба. Поэтому я отказался.

– Отказались? – удивилась Скарлетт.

– Да, я полагал, что мы не успеем подготовиться. Как правило, издатели за год объявляют свой портфель.

– И что дальше?

– А дальше я испытал на себе его великий дар убеждения.

•

Париж, 29 июня 2012 года

Я оказался проездом в Париже, и Бернар предложил мне вместе пообедать. Он попросил зайти за ним в издательство пораньше, около одиннадцати. Мы часто говорили с ним по телефону, но встретились впервые с января. Приехав в издательство “Фаллуа” на улицу Ла Боэси, 22, я поразился, увидев его. Он выглядел гораздо бодрее, мне показалось, что он даже помолодел и им движет какая-то новая сила.

На столе в его кабинете я обнаружил верстку моего романа, набранную разными шрифтами.

– Роман довольно длинный, – объяснил мне Бернар, – я хотел посмотреть, какой формат удобнее. И выбрать бумагу – тонкую, но плотную, либо потолще, но пухлую.

– Погодите, Бернар, я же сказал, что не намерен пока публиковать его!

– Я знаю, мой дорогой Жоэль, – поспешил он меня успокоить. – Я просто решил испробовать несколько вариантов, из чистого любопытства. Я хотел увидаться с вами, чтобы выразить вам свою благодарность.

– За что же?

– За то волнение, которое я ощутил, прочтя вашу книгу. Это потрясающее чувство.

В течение часа он рассказывал мне о моем тексте. Объяснил, почему эта книга может иметь огромный успех. Потом мы пошли обедать в “Дивеллек”, один из лучших рыбных ресторанов Парижа. Я очень удивился, что Бернар повел меня в такое место, как будто мы что-то отмечали. Он сразу же заказал шампанское – что было совсем не в его

стиле – и поднял бокал: “Дорогой Жоэль, я пью за здоровье вашего романа, который я не буду публиковать, хотя, как издатель, я пришел от него в восторг, ничего подобного я уже давно не переживал. Благодаря вам я вспомнил, зачем я занимаюсь этим делом”.

Большого и не потребовалось, чтобы переубедить меня. Какое обаяние, какой голос, какой взгляд! Бернар предстал передо мной во всем блеске. Только великие политики умеют так искусно дать почувствовать собеседнику его уникальность. И потом, в таком внезапном, стремительном выходе романа было что-то безумное, возбуждающее. Бернар, в восемьдесят шесть лет, уносился в своих мечтах дальше, чем я.

На следующий день, проведя ночь в раздумьях, я пошел к Бернару и сказал, что согласен на издание романа в сентябре.

– Вы уверены, что мы не слишком торопимся? – снова спросил я. – Тридцатого июня принять решение об издании книги к началу сентября...

– Решение о публикации принимается не автором и не издателем. Книга сама решает, когда ей следует выйти.

Он повторил, что меня ждет “огромный успех”.

– Почему вы так в этом уверены?

– Успех книги, – ответил он, – исчисляется не количеством проданных экземпляров, но счастьем и удовольствием, которое мы испытали, издав ее.

И Бернар в очередной раз оказался прав. В течение двух следующих месяцев мы с неописуемой радостью и воодушевлением работали над редактурой текста, обсуждали обложку, рассылали верстку журналистам и в книжные магазины. Издательство бурлило.

Мои немногочисленные знакомые в литературном мире Парижа хором предсказывали, что роман провалится. Они важно поучали меня: так не принято, нельзя в июне добавлять новое название в издательский план сентября. Журналисты уже в отпуске, книготорговцы сделали свой выбор. Хороший вопрос – как исхитриться, чтобы из шестисот романов, вышедших в начале литературного сезона, книжные магазины выложили бы на видное место опус никому не известного молодого автора?

Когда я спросил об этом Бернара, он и глазом не моргнул:

– Я им позвоню.

– Позвоните? Кому?

– Владельцам книжных. Я обзвоню все книжные магазины Франции.

Так он и сделал. Бернар целыми днями сидел у телефона, обзванивая сотни книжных магазинов. По нескольку раз. Для начала он сообщал, что посылает им книгу, которая лично ему очень нравится, и ему важно их профессиональное мнение. Потом перезванивал через два дня, чтобы

дернуть их и убедиться, что среди сотни одинаковых посылок им удалось отыскать роман, доставленный экспресс-почтой из издательства “Фаллуа”. “Я побеспокою вас завтра, мне интересно, что вы скажете”, – говорил он. И беспокоил. Снова и снова. В итоге, спасибо Бернару, мое сочинение прочли все книготорговцы Франции, которым не терпелось узнать, что же это за роман, благодаря которому они удостоились звонка великого Бернара де Фаллуа.

Моя книга вышла одновременно с новым романом Роулинг, первым не из серии Гарри Поттера. Им завалили все прилавки, и народ сгорал от любопытства. Только и разговоров было, что о Роулинг. Читателям, раззадоренным атмосферой тайны, которую создал вокруг этого произведения французский издатель, заплативший за права огромную сумму, не терпелось заполучить его. Никому не удалось прочесть Роулинг заранее, экземпляры ее книги доставлялись в магазины под охраной, в запечатанных ящиках, как драгоценности. Я опасался, что меня заживо проглотит этакий мастодонт.

Но завсегдатаи книжных магазинов, ринувшиеся за романом Роулинг, автоматически задавали продавцам естественный вопрос: “Ну как он вам?” На что те отвечали: “Не знаю, нам запрещено было его читать. Зато я прочел роман молодого неизвестного автора, и вот он очень мне понравился”.

Бернар обладал чутьем и талантом великих издателей. Начав с тиража шесть тысяч, мы за три месяца продали полмиллиона. Затем права на роман купили издательства во всех странах мира. В итоге продано несколько миллионов экземпляров на сорока языках.

Бернар был великим человеком прошлого века, таких больше не делают. В лесу людском он казался самым красивым, самым сильным, самым высоким деревом уникальной породы. Исчезнувшим видом.

В тот вечер в Женеве я рассказывал Скарлетт о Бернаре. Она, как замороженная, внимала моим историям. Шесть лет писательского счастья, прожитого мною вместе с моим издателем, показались мне двумя десятилетиями. До Бернара я вроде и не жил даже. По-моему, он всегда был рядом со мной.

Я рассказал о наших обедах в “Ле Дом”, где мы задумали столько проектов.

Я рассказал о машине Бернара, синем “мерседесе-230” восьмидесятых годов, о котором он говорил, смеясь: “Мой автомобиль старше вас, Жоэль”.

Если он не мог найти места для парковки возле издательства, он просто бросал его на улице Миромениль, перед рестораном “Мениль”,

владелица которого звонила ему, когда приезжал эвакуатор.

Я рассказал о его эрудиции.

Я рассказал о его страстной любви к клоунам.

Я рассказал о его страстной любви к кино.

Я рассказал о его страстной любви к Прусту, важность которого он понял одним из первых и нашел его неизданные вещи.

Я рассказал о его доброте, любопытстве, щедрости, о величии его духа.

Я рассказал, как он приезжал ко мне во время моих книжных туров – в Милан, в Мадрид, где он часто бывал, и в Рим. Бернар надеялся, что однажды попадет со мной и в Буэнос-Айрес, откуда была родом его мать.

Я рассказал, сколько счастья я испытал с Бернаром. Моим издателем, учителем и другом.

После ужина я повел Скарлетт прогуляться вдоль озера. Никогда еще Женева не казалась мне такой красивой. Мы зашли выпить в какой-то бар, потом в еще один, и так и обошли полгорода. Было уже довольно поздно, когда мы наконец-то вернулись на проспект Альфреда Бертрана.

– Ну что, на посошок? – предложил я Скарлетт, заходя в квартиру.

– На посошок это прекрасно, – сказала она. – Но, по-моему, это уже третий посошок за сегодняшний вечер.

– Ну, как говорится, бог любит троицу.

Она рассмеялась и села на диван в гостиной. Я вынул из бара несколько бутылок. Пока я ходил на кухню за льдом, Скарлетт заснула. Я укрыл ей ноги одеялом, поцеловал в щеку и долго смотрел на нее.

Потом вышел покурить на балкон. Я не удержался и взглянул на окна соседней квартиры. У Слоан было темно. Интересно, где она сейчас. Как у нее дела. Я посмотрел на расстилавшийся передо мной парк Бертрана. Воздух как-то сгустился. Ночное небо, только что сиявшее звездами, подернулось грозowymi облаками. И взорвалось ударами грома. Внезапно полил ливень.

•

Внезапно полил ливень.

– Слушайте меня внимательно, – сказал Вагнер, словно не замечая дождя. – Вам надо помешать Тарноголу взять власть в свои руки.

– Пойдите, – взмолился Макер в отчаянной попытке выбраться из

этой западни, – возможно, я найду способ убрать с дороги Тарногола, не устраняя его физически.

– Каким образом?

– У нас с моим кузеном Жан-Бенедиктом возник один план. Мы разработали операцию “Перевербовка”. Завтра мы с женой вместо него пойдем в “Отель де Берг” на вечеринку Ассоциации женевских банкиров. Там будет Тарногол. После ужина я под каким-нибудь предлогом выйду с ним на набережную поговорить. Тогда мой кузен, сидя за рулем своей машины, помчится прямо на нас, я спасу Тарногола от верной смерти, он будет обязан мне жизнью, и ему ничего не останется, как назначить меня президентом. Видите, вам незачем интриговать, все и так образуется.

Макер, нервничая, ждал реакции Вагнера, которая не заставила себя ждать.

– Вы совсем спятили! – взвизгнул он. – Сбив Тарногола, вы привлечете к себе внимание и вас повяжут! Тем более если в этом будет замешан ваш кузен! Он расколется на первом же допросе.

– Нет, потому что мы его не задавим.

– Но вы должны убить Тарногола!

– Убивайте его сами! Я не убийца.

– Вы не понимаете, Макер. У вас нет выбора. Если вы не подчинитесь, я вас уничтожу! Если вы не подчинитесь, Тарногол все равно умрет, получив пулю в лоб. Оружие убийства? “Глок”, точно такой, как ваш. Свидетели вас официально опознают. Вот мышеловка и захлопнется. Полиция наведет справки и выйдет на двойное убийство в Мадриде. Оправдывайтесь, как хотите, никто вам не поверит. Вряд ли вам удастся избежать пожизненного заключения. За преступления, которые вы не совершали. Жизнь несправедлива, увы. Чтобы избежать всех этих неприятностей, вам нужно всего-то аккуратно убрать Тарногола, не оставляя следов. Старым проверенным способом, который отлично зарекомендовал себя в спецслужбах всего мира. – Он вытащил из кармана пузырек с прозрачной жидкостью и протянул его Макеру. – Завтра, на этом пресловутом ужине Ассоциации банкиров, вы выльете содержимое флакона в бокал Тарногола. Это все, что вам нужно сделать. Сразу с ним ничего не случится. А ночью он ни с того ни с сего скончается от сердечного приступа. Идеальное преступление. Никто ничего не заподозрит. Никто никогда не узнает, что Тарногол был убит.

Глава 21

Арма

Четверг, 28 июня 2018 года

Я открыл один глаз. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы сообразить, что я дома, в Женеве, в своей постели. У меня все еще гудела голова после вчерашнего. Но голос Скарлетт быстро вернул меня на землю:

– Доброе утро, писатель, как спалось?

Она стояла в дверях с чашкой кофе. Ее волосы еще не высохли после душа, и от нее потрясающе пахло. Она с интересом посмотрела на меня.

– Вы часто разглядываете спящих людей? – спросил я.

– Я решила, что вы умерли, и пришла посмотреть, что происходит.

Она протянула мне чашку.

– Спасибо, – сказал я.

Я сделал глоток. Потом спросил ее, усмехнувшись:

– Скарлетт, почему вы так прекрасно пахнете?

– Потому что я приняла душ. Вам нужно встать и последовать моему примеру, через полчаса у нас встреча с Армой.

Мы договорились увидеться с ней в кафе на углу проспектов Альфреда Бертрана и Пешье, в двух шагах от меня. Когда мы пришли, она уже сидела на террасе в полном одиночестве. Это была ухоженная женщина с милым лицом.

Я сразу понял, что Арме неловко.

– Почему соседка заговорила обо мне? – спросила она с тревогой.

– Она сказала, что вас лично коснулись те события, – объяснила Скарлетт. – По крайней мере, вы главный их очевидец, и нам необходима ваша помощь.

– Чем я вам могу помочь?

– Нам хотелось бы понять, что могло случиться в номере 622, – сказал я.

Арма внезапно погрузилась в размышления:

– Это мучительная история, и я бы предпочла вообще выкинуть ее из головы... Знаете, мне очень нравился Магер Эвезнер.

– Соседка считает, что вы любили его, – осмелился уточнить я.

– Это правда. – Арма опустила глаза. – Мне так тяжело было расставаться с ним. В сущности, я сама стала в каком-то смысле жертвой обстоятельств. Не проходит и дня, чтобы я не думала о нем. После всего

этого кошмара мне пришлось начинать с нуля. Искать работу. Теперь я убираю офисы по ночам.

Она умолкла. Скарлетт мягко подбодрила ее:

– Расскажите нам о днях, предшествовавших убийству.

Вместо ответа Арма вытащила из сумки альбом в картонном переплете, куда она клеивала вырезки из газет тех лет. И смущенно добавила:

– Я живу только прошлым...

– Как все, – успокоил ее я. – Так легче выжить.

Она кивнула. Потом решила:

– Все тогда посходили с ума. За неделю до этого несчастного Большого уикенда в газете написали, что Макер Эвезнер будет избран на пост президента, но я-то видела, что дома все не слава богу. Макер страшно волновался. Твердил о каком-то мисье Тарноголе, который вставлял ему палки в колеса.

– Макер Эвезнер говорил о Тарноголе?

– Всю неделю до самого убийства я часто слышала это имя. В то время я понятия не имела, что происходит. Я узнала все позже, как и все остальные, из газет.

– Соседка уверяет, – сказал я, – что у Анастасии, жены Макера, был любовник.

– Да, это правда, – подтвердила Арма.

– А кто?

– Лев Левович. Я даже выяснила под конец, что они собирались вместе уехать.

– Вы с кем-нибудь говорили об этом?

– Я готова была все сообщить Макеру. Ждала подходящего момента. Как я уже говорила, он в те дни места себе не находил. А главное, я невольно подслушала их разговор с кузенком. Они задумали напугать мисье Тарногола, чтобы заставить его избрать Макера на пост президента.

– Как напугать?

– Жан-Бенедикт должен был сделать вид, что мчится на своей машине прямо на Тарногола. Но все, конечно, пошло совсем не по плану. Это случилось в четверг, 13 декабря, и я никогда не забуду этот день.

Глава 22

Во всеоружии

Четверг, 13 декабря, за 3 дня до убийства

Дверь кабинета распахнулась.

– Здравствуйте, Макер, – сказал доктор Казан ожидавшему в коридоре пациенту и пригласил его войти.

Макер сдержанно пожал ему руку и зашел в кабинет.

– После нашего разговора во вторник что-то во мне щелкнуло, – с ходу объявил Макер, усевшись в кресло напротив Казана.

– Очень рад это слышать, – воскликнул психоаналитик. – А что именно, можете объяснить?

– Я готов показать *им*, кто такой Макер Эвезнер. Сегодня вечером *они* увидят мое истинное лицо.

– А что произойдет сегодня вечером? И кто “они”?

Сунув руку в карман, Макер нащупал флакончик с ядом. Вчера, возвращаясь из парка Бертрана после встречи с Вагнером, он все обдумал. Хватит ему быть марионеткой Тарногола и P-30. Сегодня он провернет операцию “Перевербовка”. Надо попытаться убить двух зайцев – нагнуть Тарногола и таким образом выполнить, не прибегая к насилию, задание P-30. Но если в результате “Перевербовки” Тарногол не подбредет и будет упираться, придется пустить в ход пузырек с ядом. Он его прикончит. Так он решил.

– Сегодня вечером я собираюсь побеседовать с Тарноголом, – объяснил Макер доктору Казану, не вдаваясь в детали. – Жан-Бен отдал мне свое приглашение на ужин Ассоциации женевских банкиров. У меня такое чувство, что все пройдет хорошо.

– Тем лучше.

– У меня есть кое-какие домашние заготовки, – продолжал Макер, сиюсь оправдать свой оптимизм. – Мне хочется блеснуть за столом. Я подобрал несколько остроумных шуток, чтобы привлечь внимание, ну и для закрепления позиций – целый список животрепещущих тем и ключевых событий, имевших место в финансовом мире в последние месяцы. Довольно, я слишком долго молчал на торжественных ужинах. В следующий вторник человек, сидящий перед вами, станет Макером Эвезнером, новым президентом Эвезнер-банка.

– Очень рад это слышать, – повторил Казан.

– Я придумал одну шуточку для заправки. Говорят, любую речь надо начинать с хохмы. Хотите, скажу какую?

– Конечно.

– Я на днях вычитал ее в “Трибюн де Женев”. Там была целая статья о Пикассо. История об истинной ценности вещей, самое то для ужина с банкирами, как по-вашему?

– Это я скажу, когда ее услышу.

– Ладно, значит, так. – Макер, нервничая, сделал глубокий вдох. – Пикассо ужинает в ресторане. В конце трапезы хозяин говорит ему: “Мэтр, ужин за мой счет”. Пикассо, преисполненный благодарности, хватает ручку и рисует картинку на бумажной скатерти. Однако не подписывает ее. “Мэтр, не могли бы вы подписать для меня ваш рисунок?” – спрашивает хозяин. А Пикассо ему: “Вы же мне ужин подарили, а не весь ресторан”.

Казан расхохотался:

– Действительно, отличный анекдот.

– И стильный. Вроде как про культуру. Не похабщина какая-нибудь.

– Вас ждет успех, – заверил его Казан.

Воодушевленный оценкой психоаналитика, Макер попросил погонять его по актуальным проблемам:

– Задайте мне какой-нибудь вопрос! На любую тему.

– Не вижу в этом необходимости. По-моему, вы во всеоружии.

– Ну пожалуйста! – настаивал Макер. – Всего один вопрос!

– Хорошо, так и быть. – Казан задумался. – Какую резолюцию приняли в ООН на международной конференции по беженцам, состоявшейся в начале недели?

Ответом ему было гробовое молчание.

– Черт, – промямлил наконец Макер, – такого я не ожидал! Спросите еще что-нибудь!

– Зачем, я уверен, что вы справитесь.

– Давайте, доктор! – взмолился Макер. – Лучше из области финансов, это по моей части.

– Ладно, – согласился Казан. – Как вчера отреагировали азиатские фондовые рынки на заявление американского президента насчет нового соглашения о свободной торговле с Канадой?

– Ну вот, вчера я весь день убил на одно дело, оно не давало мне покоя, и я обязательно должен был его уладить! Ладно, у меня остается еще немного времени до ужина. Я скажусь больным и во второй половине дня проштудирую свои записи.

В Колоньи Анастасия, запершись в спальне, раздумывала, что возьмет

с собой кроме одежды. Она собрала свои самые дорогие украшения плюс паспорт, деньги, заранее припрятанные в ящичке стола, и золотой пистолет. На всякий случай. Она упаковала все в холщовую дорожную сумку.

Полчаса назад Альфред привез ей еще один букет белых роз. В цветах была спрятана записка. Она узнала почерк Льва:

*Собери вещи.
Только самое необходимое.
Мы скоро уедем.*

Лев

Почему только самое необходимое? – удивилась Анастасия. Что Лев задумал? Ведь в предыдущем письме он сообщил, что они уезжают навсегда. И почему он не отвечает на ее звонки?

Пол в коридоре скрипнул под чьими-то шагами. Неужели у Макера уже закончился рабочий день? Что-то рановато. Растерявшись, она поспешно запихнула сумку поглубже в шкаф и вышла в коридор. Там никого не было. Очень странно. У нее возникло ощущение, что за ней шпионят.

Когда она вернулась в спальню, перед ней возникла Арма и заорала с искаженным от злости лицом:

– Как вы смеете так поступать с мисье?!

– Как поступать, Арма? – пробормотала Анастасия.

– Я все знаю, медем!

– Что? Да о чем вы? – возмутилась Анастасия, пытаясь скрыть свое смущение.

– Я знаю, что у вас связь со Львом Левовичем! Он хочет забрать вас и занять пост президента банка! Он хочет уничтожить мисье!

– Что за бред вы несете, – прикрикнула на нее Анастасия. – Что на вас нашло? Придите в себя, в конце концов!

– Я не дура, медем. Цветы вчера и снова цветы сегодня! А его записку вы прячете в тумбочке: “Давай все бросим и уедем вместе. Подальше от Женевы”. Этот Левович хочет с вами сбежать!

Не выдержав, Анастасия рывкнула на нее:

– Как вы смеете рыться в моих вещах!

По реакции своей хозяйки Арма поняла, что интуиция ее не подвела.

– Мне стыдно за вас, медем! Вы недостойны мисье!

– Арма, заткнитесь сию минуту, или я буду вынуждена немедленно

выставить вас за дверь!

– Увольняйте меня, если хотите! Я все расскажу мисье!

Арма понеслась вниз по лестнице, и Анастасия бросилась за ней:

– Подождите, Арма! Не делайте этого!

– Поздно! – крикнула ей Арма, запираясь в гостевом туалете.

– Ничего не говорите ему, заклинаю вас! Я вам заплачу! Хорошо заплачу!

– К черту ваши деньги! Вы, богачи, думаете, что все можно купить.

Анастасия забарабанила в дверь:

– Умоляю, Арма, не поступайте так со мной! Откройте, пожалуйста, нам надо поговорить.

– А вы еще и трусиха. Я все расскажу мисье. Как только он вернется домой, я все ему расскажу!

Анастасия подпустила в голос немного отчаяния:

– Вы испортите ему вечер, только и всего! Сегодняшний ужин очень важен для его дальнейшей карьеры. Если вы его расстроите, ему не удастся убедить Тарногола избрать его президентом.

Арма аж замерла. Зациклившись на измене медем, она совсем забыла, что сегодня мисье и его кузен Жан-Бенедикт собрались осуществить свой план по спасению утопающего. Если она огорчит мисье, открыв ему глаза на измену жены, он, вероятно, будет не в состоянии привести в исполнение свой замысел. Тогда его не выберут президентом банка, и все из-за нее.

По обе стороны от двери воцарилась тишина. Но тут в прихожую ворвался Макер с охапкой газет, которые он скупил по пути.

– Всем привет! – выпалил он как-то даже лихо.

– Дорогой, – поперхнулась Анастасия, – почему ты так рано?

– Мне нужно еще кое-что подучить, чтобы выпендриться сегодня перед Тарноголом. У меня нет права на ошибку. Я пошел в будуар, и просьба меня не беспокоить!

С этими словами он заперся в кабинете и погрузился в чтение.

Арма, услышав Макара, вышла из туалета.

– Арма, – Анастасия умоляюще сжала руки, – я вас...

– Не надо, медем, – сухо оборвала ее Арма и тоже понизила голос: – Я подожду вашего возвращения сегодня вечером. Я никуда отсюда не уйду, понятно вам? Когда вы придете с ужина, мисье узнает всю правду. Я скажу ему, что происходит между вами и Левовичем.

Дверь будуара открылась. Они замолчали и уставились на Макара, который забежал на кухню что-нибудь перехватить.

– Скажите, если голодны, мисье, я здесь для этого, – сказала Арма,

увидев в его руках тарелку с сыром.

Вместо ответа Макер важно вскинул голову.

– Хорошо тебе поработать, котенок! – крикнула ему вслед Анастасия. – И не переживай из-за Тарногола, котенок, ты сразишь его наповал!

– Перестаньте называть его котенком, – прошипела Арма. – Когда вы так говорите, он думает, что вы его обожаете!

– Я желаю ему только добра! – заверила ее Анастасия.

– Когда желают мужу добра, не ложатся в койку с первым встречным!

– О, вы из полиции нравов? У вас-то и мужа никогда не было!

– А вы недостойная жена! Сегодня вечером мисье все узнает и прогонит вас.

Арма ушла на кухню, а Анастасия, в полном смятении, убежала в спальню и разрыдалась. Она не представляла, что делать.

•

16 лет назад.

Первый Большой уикенд Анастасии в Вербье

В ту пятницу уже в десять вечера сотрудники Эвезнер-банка брали штурмом бар “Паласа Вербье”.

Ольга, сдержав обещание, данное Клаусу, притащила туда своих дочерей. Они стояли вокруг высокого столика, в центре которого красовалось шампанское в ведерке со льдом. К Клаусу прилагался Макер Эвезнер, отделаться от него оказалось нелегкой задачей, так что они теперь оба наперебой ухаживали за Анастасией. Они рассуждали о фондовых рынках и бизнесе и беспардонно хвастались своим высоким положением в обществе, прихлебывая шампанское, как воду.

Несмотря на всю свою красоту, стройность и элегантность, Клаус имел довольно злобный вид, смотрел мрачно, говорил отрывисто и грубо. Даже агрессивно. А главное, он оказался жутко претенциозным и кичился своей знатностью и состоянием. Анастасии это претило, чего не скажешь об Ольге.

Макер же, симпатичный молодой человек, ухоженный и предупредительный, хоть и немного приставучий, подкупал своей любезностью и добротой. Он явно был не уверен в себе – чувствовалось, что Анастасия привлекает и пугает его одновременно. Ольга, которой не было равных в умении использовать людей, мгновенно убедила его провести их завтра на грандиозный бал Эвезнер-банка.

Ирина изо всех сил старалась участвовать в разговоре, Анастасия же, совсем затмившая сестру, почти не обращала внимания на собеседников. Она нервничала, не спуская глаз с больших настенных часов. Было уже десять тридцать. Оставалось каких-нибудь полчаса. Она не хотела его упустить.

Ольга ликовала: ее доченьки тусуются с богатым аристократом и наследником банка! Когда Клаус направился к бару за очередной бутылкой шампанского, а Макер, по его собственному выражению, вышел “по нужде”, Ольга радостно воскликнула – по-русски, чтобы их не поняли:

– Видите, девочки, как Господь вас любит. Эти мужики просто сгорают от желания, глядя на вас!

– Особенно на Анастасию, – вздохнула Ирина. – У них прямо слюнки текут. А меня словно не существует. Никто меня не замечает.

– Очень даже замечают, милая, – успокоила ее мать. – Видишь того типа? Он уже давно на тебя глазеет!

– Он старый! – возмутилась Ирина.

– Да нет же, ему не больше сорока. Знаешь, дочь моя, дареному коню в зубы не смотрят.

Совсем рядом с ними какой-то человек, смешавшись с толпой банкиров, подслушивал их разговор. Притворяясь, что рассеянно вертит в руке пустую рюмку из-под водки, он не упускал ни слова, тем более что они говорили на его родном языке. Это был один из самых важных клиентов отеля. Из тех, кого лучше не огорчать. Из тех немногих счастливых, кто останавливался прямо в “Паласе” на время выездного уикенда Эвезнер-банка. Весь персонал был у него на побегушках. К нему подошел официант.

– Еще рюмочку, месье Тарногол? – спросил он. – “Белугу” *on the rocks*, как всегда?

Тарногол раздраженно отмахнулся от него, и тот исчез.

В одиннадцать вечера случилось чудо. Ольга, выяснив, что человек, с вожделением глядевший Ирину, – управляющий активами в Эвезнер-банке, достигший лучших годовых показателей, решила проявить инициативу и отправилась знакомить его с дочерью.

В ту же минуту Клаус предложил уйти из “Паласа” и двинуться всем вместе в ночной клуб в Вербье. Макер поддержал его. Анастасия, усмотрев в этом возможность смыться, обещала приехать прямо туда, если, конечно, мама позволит.

Когда они вышли, Анастасия окликнула мать:

– Мама, Клаус зовет нас в ночной клуб!
– Так иди, доченька! Чего ты ждешь?
– Я, видимо, поздно вернусь, вот и хотела попросить у тебя разрешения...

– Давай, давай! – обрадовалась Ольга. – Иди, развлекайся! Только поосторожнее там. Завтра все мне расскажешь. Ну, вон отсюда!

Анастасия просияла. Она поцеловала мать и поскорее убежала. В спешке она не заметила человека, не спускавшего с нее глаз.

Она пронеслась по тому же узкому коридору, открыла дверь служебного входа и увидела его. Он не успел еще снять гостиничную форму, но царственного вида не утратил. Анастасия не удержалась и громко окликнула его по имени. Какое красивое, восхитительное имя!

– Лев!

Он обернулся и одарил ее улыбкой, сверкнув идеальными зубами.

– Ровно одиннадцать, минута в минуту! – сказал Лев, у которого только что закончился рабочий день.

Она бросилась к нему и поцеловала долгим поцелуем. Долгим головокружительным поцелуем. То, что она чувствовала, было неопишимо. Словно у нее внутри что-то взорвалось. Словно мурашки по телу пробежали. Словно тысячи разноцветных бабочек вырвались из ее груди.

Они поднялись на служебном лифте под самую крышу “Паласа”, где находились крохотные клетушки сотрудников. Он привел ее к себе. У него было очень чисто и повсюду лежали книги. Не прекращая целоваться, будто их губы слились воедино, они неторопливо разделись в мерцании множества свечей, которые Лев расставил к ее приходу. В его комнатке, вдали от мира, от мороза, у мансардного окошка, из которого открывался поразительный вид на долину Роны, они занимались любовью.

Анастасия давно не была девственницей. Она ни в чем себе не отказывала. По совету матери, она послушно ложилась в койку со всякими мажорами из Клостерса, Санкт-Морица и Гштада. “У мужчин есть определенные потребности, – любила повторять ее мать, – надо их удовлетворять, иначе они никогда тебя не выберут”.

Но чувства, которые она испытала той ночью со Львом, были ей внове. Они еще не спали, когда забрезжил рассвет. Обнявшись, они смотрели, как над горными хребтами медленно встает солнце, раскрашивая небо чудесными цветами. Лев крепко прижимал ее к себе сильными руками, скользя кончиком пальца по ее обнаженной спине, и она вздрагивала от каждого прикосновения. Она его любила. За эти несколько часов она

поняла, что значит любить.

Наконец Анастасия заснула. Когда она снова открыла глаза, его уже не было рядом. Лев сидел у кровати. В гостиничной форме. Он протянул ей чашку дымящегося кофе и полную корзинку еще теплых круассанов.

– Мне пора на смену, – сказал он. – Оставайся тут сколько захочешь. Спустишься на лифте. Дорогу ты знаешь.

– Когда мы увидимся? – спросила Анастасия.

Лев, похоже, был удивлен ее вопросом: – Увидимся? Ты хотела бы снова со мной увидеться? – Конечно, я хочу снова с тобой увидеться. Что за вопрос? – По-моему, я тебе не пара. – Что значит “ты мне не пара”? – изумилась она. – Я мелкий служащий без будущего. Живу под крышей отеля, в котором выполняю грязную работу. Существоваю на чаевые, если клиенты соизволят мне их оставить. Я гол как сокол, Анастасия! У меня ничего нет. Я жалкий гостиничный мальчик на побегушках! – А я кто, по-твоему? – Богатенькая русская княжна, которая проводит зиму в Швейцарии, лето на Лазурном берегу, будучи налоговой резиденткой Англии или Монако. Она рассмеялась и поцеловала его. – Ничего подобного! – Упиваясь ощущением свободы и полноты жизни, она просияла при мысли, что в кои-то веки можно не врать. – Мы с сестрой спим в каморке вроде твоей. Моя мама – продавщица в универмаге. У нас нет ни гроша в кармане. В Вербье мы теснимся втроем в мерзком номере “Оберж де Шамуа”. Мама хочет любой ценой ввести нас в высшее общество и выдать за князя, барона или кого-то в том же роде. Мы тоже бедняки, к твоему сведению! И да, я очень хочу снова увидеться с тобой! Я вообще больше не хочу с тобой расставаться. Он ответил ей влюбленной улыбкой: – Анастасия, то, что я сейчас чувствую к тебе, я никогда ни к кому не испытывал.

•

– Анастасия?

Макер затормозил у отеля, где уже собрались сливки банковского общества Женевы. Было 7.25 вечера.

– Ты в порядке? – спросил Макер.

Она утерла слезу:

– Все хорошо.

– Ты плачешь?

– Нет, что-то в глаз попало.

– Литературный ответ, – заметил он. – От этого слезы не льются.

– Льются, чтобы смыть воспоминания.

Он не понял. Парковщики открыли дверцы с двух сторон, и их подхватила толпа, валом валившая в отель. В белом мраморном вестибюле бурный поток банкиров, гордо выступавших под руку с супругами, стремился к банкетному залу на втором этаже. Гости приветствовали друг друга, громко разговаривали, взволнованные приближающимся концом года и раздачей бонусных слонов, и, преисполненные собственной значимости, твердили себе, что они и есть элита и сливки общества.

Анастасия и Макер тоже вошли в зал. Красивая пара – она в длинном черном атласном платье, он в смокинге. Засунув руку в карман, он нервно теребил пузырек с ядом.

Тут Макер увидел Тарногола, который стремительно спускался по лестнице, против общего течения. Думая, что он идет ему навстречу, Макер замер и одарил его невинной улыбкой.

– Добрый вечер, дорогой Синиор! – сказал Макер голосом идиота.

Но Тарногол прошел мимо, даже не взглянув на него, и, поспешно выйдя из отеля, сел в такси. Тут Макер заметил Левовича, неотразимо прекрасного в костюме-тройке.

– Черт, – прошипел он, – вот и Левович! Что он тут забыл?

Анастасия подняла глаза на своего любовника и не смогла сдержать счастливой улыбки. Она чувствовала, как сильно бьется у нее сердце. Она чувствовала себя еще более влюбленной, чем когда-либо. Она восхитилась им, самым красивым, самым честным, самым могущественным из всех, кто сновал сейчас вокруг него, – он так выделялся на их фоне! Она чувствовала себя живой в его присутствии. И на мгновение увидела его таким, каким он предстал перед ней шестнадцать лет назад, когда они познакомились.

•

16 лет назад.

Первый Большой уикенд Анастасии в Вербье.

Субботний вечер

В “Паласе Вербье” Анастасия, ее сестра и мать поднимались в бальный зал на втором этаже. Кроме них в лифте никого не было.

– Торжественный вечер банка – это предел мечтаний! – ликовала Ольга с затуманенным от радости взглядом. – Вы вообще понимаете, как вам повезло!

– Это все ты, мамочка! – льстиво заулыбалась Ирина, трепетавшая при мысли, что снова увидится со своим поклонником.

– Это все сын Эвезнера. Какой милый юноша! Звезд с неба не хватает, но из него может выйти прекрасный муж. Не так ли, Настя?

Когда Ольга была в хорошем настроении, она звала Анастасию Настей.

– Тебе виднее, мама, – ответила Анастасия, попытавшись изобразить энтузиазм, чтобы на нее не обрушился праведный гнев матери.

Ее мысли были заняты Львом.

– Мне удалось заполучить места за столом Макера и Клауса, – гордо сообщила Ольга. – Он мне очень нравится, Клаус этот. Он из приличной семьи и все такое прочее.

– А как насчет меня, мамочка? – обеспокоенно спросила Ирина, опасаясь, что останется не у дел.

– Не волнуйся, как только все пойдут танцевать, беги к своему бравому банкиру. Все по плану, девочки, все-по-пла-ну. Думаю, сегодня ваша участь будет решена наконец подобающим образом.

– Bravo, мамочка! – воскликнула Ирина, страшно возбудившись от перспективы новой жизни с управляющим активами.

Да, он оказался старше, чем она надеялась. И не так красив, как она мечтала. Зато он владел виллой с бассейном в Везеназе.

Дверцы лифта открылись с характерным звоночком на втором этаже. Там их уже поджидал красивый как бог и потрясающе одетый молодой человек.

– Лев? – Не выдержав, Анастасия радостно улыбнулась ему.

– Ты знаешь этого мальчика? – спросила Ольга, впечатленная внешностью прекрасного принца.

Лев поклонился Ольге.

– Добрый вечер, мадам! – Он с царственным изяществом склонился к ее руке, отчего старая интриганка аж задрожала.

– Позвольте представиться, Лев Руссипов, граф Романов, – с важным видом соврал красавец.

Ольга чуть сознание не потеряла от восторга. Настоящий Романов! Хвала господе, настоящий Романов! Российский императорский дом! Чтобы зря не обольщаться, она спросила его по-русски:

– Из тех самых Романовых?

Лев ответил ей изысканном слогом, снова поклонившись и приложив руку к сердцу:

– Императоры и Самодержцы Всероссийские, Цари Казанские,

Астраханские, Сибирские, Киевские, Владимирские и Новгородские, Цари Польские и Великие князья Финляндские и прочая, и прочая к вашим услугам, сударыня.

Ольга улыбнулась, сдавшись на милость победителя. Анастасия из всех сил старалась не расхохотаться.

– Моя дочь Анастасия – прошу любить и жаловать – как раз названа в честь великой княжны! – заметила Ольга по-прежнему по-русски.

– Честь вам и хвала, что увековечиваете славу нашего рода!

Они перешли на французский.

– Я не знала, что в Эвезнер-банке работает Романов, – поразились Ольга, которая провела целое расследование на этот счет.

– Работает? – игриво спросил Лев. – Вы думаете, мне надо работать? Пришло время оскорблений, как я погляжу.

Ольга тоже рассмеялась, совершенно покоренная язвительным юным аристократом.

– Я вообще-то приехал проветриться в Вербье, – объяснил Лев. – Эвезнер-отец пригласил меня на ужин. Может, из чисто дружеских побуждений, а может потому, что я один из крупнейших клиентов его банка.

Ольга была ошеломлена.

– Лев... – протянула она как зачарованная.

В нескольких метрах от них Сিনিор Тарногол, чужак в этой толпе банкиров, с удивлением и интересом наблюдал сольный номер молодого человека, который, как ему было известно, являлся всего лишь мелким служащим отеля.

Глава 23 Операция “Перевербовка” (1/2)

В холле “Отеля де Берг”, вечером, перед ужином Ассоциации женевских банкиров, Макер и Анастасия нагнали Льва на большой каменной лестнице.

– Привет, Лев, – буркнул Макер с досадой. – Что ты тут делаешь?

Лев вежливо поклонился Анастасии, которая подошла к нему вслед за мужем.

– Тарногол, похоже, совсем расклеился. – Тут у Макера мелькнула мысль, что в Р-30 решили проявить инициативу и сами его отравили. – Сказал, что слишком плохо себя чувствует, чтобы остаться на ужин, и предложил мне представлять интересы банка вместо него.

– Да ну, – сказал Макер, расстроенный присутствием Левовича, – причем тут ты? Он мог бы и меня попросить.

– Ну, наверное, он счел, что так будет практичнее, поскольку я живу в отеле. По его просьбе мне позвонили в номер, и я сразу спустился. Я и не знал, что вы придете. Приятный сюрприз.

Анастасия едва сдержалась, чтобы снова ему не улыбнуться.

– Вообще-то мы тут вместо Жан-Бена и Шарлотты. Они не смогли прийти, – объяснил Макер.

У него вконец испортилось настроение: практично не практично, но тот факт, что Тарногол попросил Левовича заменить его на ужине, не предвещал ничего хорошего.

Они вместе поднялись на второй этаж. У входа в банкетный зал, извинившись перед Анастасией, Левович сказал, что им надо поговорить по делу, и отвел Макера в сторону.

– Макер, – начал Лев, когда убедился, что их никто не слышит, – я должен сообщить тебе очень важную вещь.

Макер принял самый озабоченный вид, на какой был способен, и сказал, что внимательно его слушает, но в этот момент их прервал служащий отеля, подбежавший с тростью Тарногола в руке.

– Простите за беспокойство, месье Левович, – извинился он, – но ваш спутник забыл трость в гардеробе.

– Спасибо. – Лев взял трость с впечатляющим набалдашником, усыпанным крупными бриллиантами. – Я ему отдам.

– Если позволите, я отнесу трость в ваши апартаменты?

– Нет, спасибо, я лучше подержу ее при себе, так надежнее.

Служащий ушел, и Левович повертел трость в руке.

– Хочешь, я отнесу? – предложил Макер, усмотрев в этом прекрасную возможность наладить отношения с Тарноголом.

– Ну что ты, не беспокойся, – притормозил его Левович.

– Уверяю тебя, мне это не составит труда, – упорствовал Макер, пытаясь отнять у него трость.

– Да ладно, мне неловко тратить твое время, – сказал, вцепившись в трость, Лев, – ты же не бюро находок! Лучше вернемся к нашим баранам.

– Слушаю тебя, – произнес Макер с вальяжностью премьер-министра, выпустив наконец трость из рук.

– Мне как-то даже неудобно.

– Говори, не бойся.

– Перед уходом Тарногол мне кое-что рассказал. Это касается поста президента банка.

– Ну давай уже, не тяни! – поторопил его Макер. – В чем дело?

Поколебавшись, Лев продолжил:

– Тарногол хочет, чтобы президентом банка стал я. Говорит, что Орас Хансен тоже проголосует за меня.

– Да? – выдохнул Макер, чувствуя, как у него внутри что-то оборвалось.

Разыграв изумление и пытаясь не выдать своего панического страха, Макер сунул руку в карман и сжал пузырек с ядом. У него мелькнула мысль вылить его содержимое в бокал Левовича сегодня же вечером. Одно легкое движение – и с ним будет покончено. Но Лев избежал страшной кары, добавив:

– Но я, разумеется, отказался.

– Да? – повторил Макер, выпустив из руки пузырек.

– Да, этот пост принадлежит тебе по праву. Я даже удивился, что Тарногол про меня подумал.

– Я, конечно, польщен, что ты в меня веришь.

– По-моему, это очевидно. Только Эвезнер может управлять Эвезнер-банком. Поэтому я сказал Тарноголу, что надо назначить тебя.

Макер просиял:

– Спасибо, Лев дорогой. И Тарногол согласился?

– Нет. Заявил, что об этом и речи не может быть. Вот поэтому мне и неловко.

Макер побледнел:

– Правда?

– А если я откажусь, он назначит кого-нибудь другого, но уж никак не

тебя. Например, Жандара. Очевидно, он с самого начала был резервным кандидатом Жан-Бена и его отца.

– Жандара, директора по персоналу?

– Да. Судя по всему, за выслугу лет.

Макера охватила паника. Он терял контроль над ситуацией. Служащий отеля потряс колокольчиком, призывая гостей направиться в банкетный зал и занять место за своим столом. Макер не стал пробираться с Левовичем сквозь толпу и, отойдя в сторону, позвонил Жан-Бенедикту на мобильный. Он хотел сообщить ему, что Тарногол сбежал с вечеринки и операция отменяется. Но Жан-Бенедикт не отвечал. Макер набрал домашний номер Хансенов – с тем же успехом. Тогда он дозвонился Шарлотте в надежде, что она еще рядом с мужем, но она сказала, что проводит вечер с сестрой.

– Бедняга лежит дома в кровати, еле живой. Он что, не берет мобильник? Попробуй на домашний, но вряд ли он подойдет.

– Черт побери! – ругнулся Макер и нажал на отбой.

Жан-Бенедикт явно сдрейфил. Макер, сбитый с толку таким оборотом дела, пошел в туалет, чтобы побыть в тишине. Он перечитал свои карточки, спрятанные в кармане пиджака. Но заготовленные шутки внезапно показались ему безвкусными, да и злободневные сюжеты перемешались у него в голове. Еще час назад он знал все назубок, а теперь постоянно сбивался, путая даже Ирак с Ираном. Чтобы взбодриться немного, он ополоснул водой лицо и, конечно, намочил галстук, так что пришлось долго сушить его под феном.

Когда Макер наконец добрался до банкетного зала, президент Ассоциации женевских банкиров уже закончил вступительную речь. Официанты разносили закуски, и все оживленно переговаривались друг с другом. Совершенно забыв заглянуть в схему рассадки, висящую у входа, Макер никак не мог отыскать Анастасию среди множества гостей. Пришлось выйти в холл и внимательно изучить список, составленный в алфавитном порядке. Не обнаружив себя, он проглядел его снова с самого начала и, отчаявшись, позвонил на помощь сотруднику отеля, тот тоже не нашел его фамилии, и тут наконец Макер сообразил, что он значится под именем Жан-Бенедикта Хансена. Метрдотель указал ему стол номер 18, на противоположном конце зала, куда его определили в компании старших партнеров банка Питту и их жен, а также президентши банка Берне.

Макер послушно туда поплелся, но там его ждал неприятный сюрприз – все сидящие за столом завороченно внимали Левовичу, а тот, купив их парой шуток, на которые он был большой мастак, рассказывал очередной анекдот. Макер услышал только развязку:

– “Мэтр, не могли бы вы подписать для меня ваш рисунок?” – спрашивает хозяин ресторана. А Пикассо ему: “Вы же мне ужин подарили, а не весь ресторан”.

Все дружно расхохотались.

– Знаю я этот анекдот, на той неделе его в газете напечатали, – проворчал Макер, усаживаясь рядом с Анастасией.

Ужин превратился для Макаера в сущий ад.

Левович, как всегда, царил, блистал и приковывал к себе всеобщее внимание. Восхитительный, торжествующий, не имеющий себе равных. Присутствующие жаждали услышать его мнение. Что он думает про это, а что про то? Не успевал он ответить на один вопрос, как ему задавали следующий. Его ученые суждения сопровождались экзальтированными ахами и охами, все с упоением восхваляли тонкость его ума, восторженно кивали в знак согласия, зачарованные этим человеком, который был готов так запросто поделиться с ближним своими неисчерпаемыми знаниями.

Он с завидной легкостью и дерзостью перескакивал с одной темы на другую и, мастерски оттачивая свою мысль, излагал ее то серьезным, то насмешливым тоном, умело раззадоривая любопытство аудитории. Макаеру не удалось вставить ни слова. Отчасти из-за Левовича, но в основном потому, что ему приходилось, словно синхронисту в ООН, бубнить на ухо своей глухой как пень соседке, о чем речь.

Когда подали горячее, разговор зашел как раз об ООН и недавней конференции по делам беженцев. Макер, повторивший урок после обеда, был полностью в теме и собирался уже произвести впечатление на публику, но не успел он и рта открыть, как его соседка спросила:

– О чем это они? Я ничего не слышу!

– О конференции по делам беженцев в Организации Объединенных Наций.

– О чем?

– О конференции по беженцам, – раздраженно повторил он.

Услышав слово “беженец”, Левович сделал стойку.

– А что такое беженец? – спросил он.

Все призадумались.

– Все беженцы – воры, и от них одни проблемы, – заявила тугая на ухо соседка Макаера, на этот раз все прекрасно расслышав.

– Шагал, Набоков, Эйнштейн и Фрейд были беженцами, – заметил в ответ Левович.

Ему взволнованно поддакнули.

– Мой отец был беженцем, – подхватила президентша банка Берне. –

Когда шаха свергли, он бежал из Тегерана в Швейцарию.

И они заговорили об Иране.

Черт, разолился Макер, он не успел блеснуть на тему конференции по беженцам, а теперь они переключились на Иран, о котором он вообще ничего не знал. У него в запасе оставался анекдот про кошку, но он счел, что пока лучше воздержаться. Надо срочно что-то сказать. Только вот что? Он украдкой заглянул в одну из своих карточек, вспомнив, что записал там статистические данные ОПЕК. Но и тут он опоздал, потому что президентша банка Берне спросила, какого происхождения фамилия Левович, и дискуссия потекла по совсем другому руслу.

– Русского. Мои дед и бабушка по отцу были родом из Санкт-Петербурга.

– То есть вы хорошо говорите по-русски? – спросил кто-то из гостей.

– Да, – ответил Левович, – хотя они в основном говорили со мной на идише.

– Ваша мать тоже русская?

– Нет, она из Триеста.

– То есть итальянка, – заключила президентша.

– Нет, она родилась в Триесте, но ее мать была француженкой, а отец венгром. Он ушел из Венгрии пешком в Вену, чтобы выучиться там на офтальмолога, а потом уже поселился с женой в Триесте, где и родилась мама. Затем они переехали в Смирну, которая была тогда под юрисдикцией Греции. Там свирепствовала редкая глазная болезнь.

– Смирна стала Измиром после ее аннексии Турцией? – спросил один из старших партнеров банка Питту, которому тоже захотелось себя показать.

– Именно так, – подтвердил Лев.

Турция – встречайте! – возликовал Макер и, уже не таясь, вынул из кармана карточку о девальвации турецкой лиры, собираясь зачитать ее. Но не тут-то было, кто-то уже спрашивал Левовича:

– Так вы и итальянский знаете?

И его опять понесло:

– Да, мама говорила со мной только по-итальянски. Ее родители взяли привычку обращаться ко мне по-гречески. Понятия не имею почему. Одним словом, – подытожил Левович, чувствуя, что совсем запутал своих слушателей, – мой отец был русским, а мать – француженкой, надеюсь, я ответил на ваш вопрос.

– И где же вы родились? – спросила президентша банка Берне.

– В Женеве, разумеется! Тут мои родители познакомились, тут я

провел детство.

– Разумеется! – повторил за ним Макер, только чтобы подать голос.

– А! Так вы швейцарец? – удивился один из партнеров Питту, как будто услышал что-то неприличное.

– Конечно, – сказал Лев.

– Конечно, – повторил Макер, снова пытаясь влезть в разговор, и подумал, что у евреев всегда полно завиральных семейных историй.

– Как же досадно носить такое имя и фамилию, будучи швейцарцем, – посетовала глухая тетеря, когда Макер повторил ей слова Левовича. – Все принимают тебя за иностранца!

– Мы все для кого-то иностранцы, не так ли? – заметил Лев.

– И вы всегда жили в Женеве? – спросил один из партнеров Питту.

– До четырнадцати лет. Потом мы переехали в Цюрих, потом в Базель и, наконец, в Вербье. В Женеву я вернулся пятнадцать лет назад.

– На скольких языках вы говорите? – зачарованно спросила глухая. – На шести уж точно!

– Вообще-то на десяти, – признался Левович. – Прибавьте еще английский, испанский и португальский, которые я выучил в школе благодаря поездкам и некоторым друзьям.

– Друзьям, – в отчаянии повторил Макер, уже не надеясь, что на него обратят внимание.

– И еще иврит, когда готовился к бар-мицве.

– К бар-мицве! – вскричал Макер как заправский какаду.

– Плюс фарси, чтобы общаться с клиентами, – добавил Левович.

– Фарси-мерси! – буркнул Макер, но никто не улыбнулся.

– Вы говорите на фарси? – Глава банка Берне умиленно посмотрела на Льва.

К восторгу окружающих, этот гад Левович ответил ей на ее родном языке, и они немного поболтали.

– Где вы учили язык? – спросила она.

– Несколько лет подряд я имел дело с известным иранским семейством, кстати в Вербье.

– Вы хотите сказать, что были их управляющим активами? – спросил один из Питту, сомневаясь, что правильно его понял.

– Нет, – не моргнув глазом ответил Лев, – я был их мажордомом в “Паласе Вербье”.

– Мажордомом? – поразился муж глухой соседки Макаера.

– Да. Или, если угодно, “батлером”, как говорят англичане, это звучит более изысканно. На самом деле следовало бы меня назвать мальчиком на

побегушках. Я проработал в “Паласе” десять лет.

– Еще до вашей учебы? – осведомился второй старший партнер банка Питту.

– Я не особенно-то и учился. Я все узнавал из книг и от своих друзей.

Это последнее заявление сидящие за столом встретили с невероятным энтузиазмом и восхищением. Уступив их настоятельным просьбам, Лев рассказал о своем детстве.

Глава 24

Юность Левовича

35 лет назад в Женеве

– Лев, Лев!

Мальчик вышел из школы, увидел маму и бросился к ней в объятия.

– Как поживает мой маленький принц? – спросила она по-итальянски.

– Я в порядке, мам, – ответил он, прижимаясь к ней.

Каждый день мама приводила его в школу и забирала после уроков. Он обожал их ежедневные прогулки. Они шагали, взявшись за руки. Они жили в доме 55 на шоссе Флориссан, в двух шагах от школы. Они шли пешком через парк Бертрана, по аллее, обсаженной вековыми деревьями, практически до самого дома.

Поднявшись в их квартиру на седьмом этаже, Дора, мать Льва, ставила разогревать молоко, разрежала пополам сдобную булочку, щедро мазала ее маслом и выкладывала сверху квадратики шоколада. Хлеб и шоколад всегда будут ассоциироваться у него с матерью.

Дора работала в консульстве Италии в Женеве, на улице Шарля Галлана. Десять лет назад, не будучи еще замужем, она жила в квартале О-Вив. Круглый год она ходила на работу пешком, заскакивая по дороге в “Кафе Лео” на площади Рив, выпить капучино с миндальным круассаном. Там она и познакомилась с официантом Солом Левовичем, который стал впоследствии ее мужем и отцом Льва.

Когда его спрашивали, чем он занимается, Сол Левович отвечал, что он актер и мечтает о карьере комика. Пока что он зарабатывал себе на хлеб в “Кафе Лео”, где и увидел как-то Дору.

Дора быстро поддалась чарам молодого образованного официанта с тонким чувством юмора. Он так смешил ее утром в кафе, что она умоляла его делать паузы, чтобы она успела выпить капучино, не поперхнувшись.

– Человек, который умеет вас рассмешить, сумеет и украсить вашу жизнь, потому что на свете ничего нет лучше смеха, – как-то сказал ей Сол.

– Почему это? – полюбопытствовала она.

– Потому что смех мощнее всего, мощнее любви и страсти. Смех – это форма непреходящего совершенства. О нем никогда не сожалеешь, ему полностью отдаешься. Отсмеявшись, хочется смеяться еще, но ничего большего ты от смеха не ждешь, тебе и так хорошо. Даже воспоминания о смехе доставляют радость.

Вскоре они стали встречаться. Дора знала, что жизнь с Солом придется ей по душе. Кататься как сыр в масле им, конечно, не светит, но они будут счастливы. Она хохотала с ним с утра до вечера. Во второй половине дня, когда заканчивалась его смена в “Кафе Лео”, он иступленно трудился над своими спектаклями, оттачивая тексты, мимику, грим. Нелепые, бурлескные персонажи в его исполнении получались ужасно комичными. Вечерами и по выходным он выступал в кабаре в Женеве и окрестностях, что приносило ему немного славы и совсем мало денег.

Когда они прогуливались влюбленной парочкой по шикарной улице Роны мимо витрин парижских домов моды, Сол обещал Доре:

– В один прекрасный день я добьюсь бешеного успеха и подарю тебе все, что твоей душе угодно.

– Да мне не надо, – уверяла его Дора. – Тряпками жизнь не заполнишь.

– Но это фантастические тряпки! – восклицал в ответ Сол хриплым голосом одного из своих героев, который всегда ее ужасно смешил.

Потом родился Лев. Их единственный сын.

Прошло несколько лет.

Мало-помалу накапливались повседневные заботы и неоплаченные счета. Сол все больше времени посвящал своим шоу, которые шли все хуже, потому что ничего нового он не придумывал, и у публики складывалось неприятное ощущение “дежавю”. Он убедил Дору вложить часть семейных сбережений в небольшое турне по Франции, рассчитывая, что это будет полезно для его карьеры, но и тут его ждал полный провал.

Доре постепенно расхотелось смеяться. Каждый раз, когда она делала попытку серьезно поговорить о жизни, Сол только отшучивался.

До одиннадцати лет у Льва было беззаботное детство, потому что родители старались при нем не ссориться. Когда ближе к вечеру на их кухоньке сгущались тучи, Дора и Сол, чтобы не устраивать разборки на глазах у сына, говорили ему: “Папа с мамой идут в ресторан”. И, бросив Льва на милейшую соседку по этажу, отправлялись в парк Бертрана, где часами осыпали друг друга упреками.

Поначалу они довольно редко ходили в ресторан.

Потом чаще.

Потом почти каждый вечер.

Лев воображал, как его влюбленные родители сидят в модном ресторане, прямо как в американских фильмах, которые ему показывала милейшая соседка, но Дора и Сол под покровом ночи с упоением скандалили в парке Бертрана.

– Может, тебе пора приостановить свои театральные забавы, хотя бы ненадолго, – говорила Дора, – больше времени уделять работе и приносить домой хоть немного денег.

– Это моя жизнь! – возражал Сол.

– Нет, Сол, твоя жизнь – это жена и сын, а ты запираешься на все выходные, репетируешь и потом играешь в пустых залах, арендованных за наш счет. Не говоря уже о тратах на костюмы, грим и прочее!

– Но это же моя мечта! – восклицал он.

– Нам уже не по карману твои мечты!

– Жизнь без мечты – это не жизнь!

– В любом случае мне такая жизнь надоела, – предостерегала его Дора. – Тоже мне жизнь, счета оплатить не можем, в отпуск не ездим и вообще еле сводим концы с концами. А я жить хочу! Существовать!

– О, у мадам появились желания! – издевался Сол. – Ах, где же то старое доброе время, когда ты святым духом питалась!

– Знаешь, в чем твоя проблема, Сол? Ты любишь своих персонажей больше, чем меня, даже больше, чем самого себя. Ты совсем оторвался от реальности.

Лев, избавленный от зрелища родительских склок, разумеется, обомлел, когда они расстались. Родители, любящие друг друга как в кино, родители, не вылезавшие из ресторанов, вдруг ни с того ни с сего разорвали отношения. Ушла Дора. Оставив Льва папе.

Ей нужно было развеяться. Прийти в себя. Она попросила в консульстве отпуск и отправилась путешествовать по Италии.

– Я вернусь за тобой, – пообещала она Льву, – и заберу тебя из школы, как раньше. Маме просто хочется немного побыть одной.

Учительнице и родителям его одноклассников показалось странным, что она уехала, бросив ребенка на отца. “Обычно это папы заводят знакомства на стороне”, – шушукались мамы, украдкой поглядывая на Сола, ожидавшего сына после уроков. Когда мальчик выходил из школы, отец протягивал ему кулек из булочной на проспекте Альфреда Бертрана.

– Что это? – спрашивал он.

– Булочка с шоколадом.

– Нет, мама клала шоколадки на хлеб.

– Ну а тут шоколад внутри булки. Не все ли равно.

– Нет, мама клала шоколадки сверху, а не внутрь, это разные вещи, – говорил Лев, тем не менее откусывая кусочек.

И повторял, жуя:

– С мамой все иначе. Лучше, когда она сама мне готовит.
– Скоро мама снова будет приносить тебе полдник. Такой, как ты любишь.

– Когда она вернется?

– Скоро.

Но Дора так и не вернулась забрать Льва после уроков из школы имени Альфреда Бертрана.

Она думала, что уедет всего на пару недель. Ей как воздух был необходим этот мимолетный романчик с миланским инвестиционным банкиром. Они познакомились в консульстве, и он повез ее в путешествие по Тоскане. Первое время она чувствовала себя ужасно виноватой и скучала по сыну. Но потом все затмило ощущение невероятной свободы. Утром Дора просыпалась в роскошных отелях, пила кофе, любуясь восходом над красивейшими пейзажами в мире. Она воспрянула духом. Ощутила наконец, что живет полной жизнью. Ей так хотелось продлить это состояние, что они поехали дальше, из Тосканы в Апулию, и следом на Сицилию. Она ведь всегда мечтала увидеть Этну! Банкир, желая произвести на Дору впечатление, даже арендовал вертолет. Но вертолет окончил свой путь на дне Средиземного моря. Службе береговой охраны удалось поднять из воды три тела: пилота, банкира и Дору.

На ее безымянном пальце обнаружили обручальное кольцо, подарок Сола, которое она так и не сняла, как будто еще не поставила точку в их отношениях. Сол отдал кольцо сыну. Это единственное, что ему осталось на память о матери.

•

Когда Льву исполнилось четырнадцать, Сол решил дать толчок своей артистической карьере, переехав сначала в Цюрих – но там его скетчи не стали успешнее, – потом в Базель, где он устроился в бар отеля “Труа Руа” за вполне сносную зарплату.

Лев закончил лицей в Базеле, перескочив через два класса. Несмотря на советы преподавателей, потрясенных его способностями, отец убедил его не тратить время на бесполезную учебу.

– Учителя говорят, что я могу стать большим человеком и зарабатывать много денег, – возразил Лев.

– Сын мой, будь от денег хоть какой-то прок, все уже были бы в курсе.

Богатые богаты, потому что они воруют, всегда помни об этом.

– Да, папа.

– Они украли у нас маму, наше самое главное сокровище.

– Да, папа.

– Лучше я выучу тебя на комика. Мы поставим вместе прекрасный спектакль. Мама гордилась бы нами.

Тем летом, в надежде, что его сын станет великим артистом, которым он сам не стал, Сол обучил Льва всем известным ему премудростям театрального дела – от сценического движения до дикции, от изготовления костюмов до искусства грима. Но однажды вечером, в баре отеля “Труа Руа”, Сол Левович познакомился с Эдмоном Розом, владельцем “Паласа Вербье”, который заехал в Базель уладить кое-какие проблемы. В тот вечер бар пустовал, и Роз, будучи в болтливом настроении, от нечего делать разговорился с Солом. Ну и Сол, конечно, не преминул заметить, что он профессиональный комик. Роз решил, что Сол именно тот, кто ему нужен.

– Сол, вы просто находка. Я могу предложить вам потрясающую работу. Вы готовы переехать в Вербье?

На следующий день после знакомства с Розом Сол рассказал Льву, как ему повезло.

– Не могу пока тебе сказать, какова будет моя роль в отеле, я обещал держать это в секрете. Но поверь, это прекрасная роль. Роль моей жизни.

– То есть тебе хочется в Вербье? – спросил Лев.

– Очень.

– А я чем буду там заниматься? – спросил Лев.

– Месье Роз предлагает тебе место портье, и если ты там приживешься, получишь повышение. У меня будет полно свободного времени, да и у тебя наверняка тоже, так что мы продолжим наши занятия. Передача знаний, сын мой, превыше всего. Поэтому люди никогда на самом деле не умирают – даже если тело жрут земляные черви, дух выживает посредством другого человека. Ну и так далее. Когда я выйду в тираж, ты займешь мою должность в “Паласе”. А тебе на смену придет твой сын. Поверь, мы положим начало великой актерской династии. Мы станем новыми Питоевыми!

Лев, не очень вникая в разглагольствования отца, решил тем не менее, что жить в горах – отличная идея. Так что Левовичи перебрались на горнолыжный курорт в кантоне Вале и приступили к работе в “Паласе Вербье”.

Обязанности Сола долго хранились в тайне. Официально он помогал месье Розу сохранить элитный статус отеля. Другим сотрудникам тоже не сразу стали понятны возложенные на него задачи – он то запирался в своем крошечном офисе в служебной части отеля, то отправлялся в командировки. Но кто-то наконец проболтался, и выяснилось, что Сол, чью изобретательность и опыт в гостиничном и ресторанном бизнесе так высоко оценил месье Роз, разъезжал по его просьбе по Швейцарии и другим странам Европы, останавливался в прекрасных отелях и, выдавая себя за обычного клиента, строчил Розу отчеты об инновациях и сильных сторонах его конкурентов, одновременно предлагая ему меры по улучшению качества обслуживания в “Паласе”. Роз говорил, что его новый сотрудник “смотрит в оба, и ему трудно угодить”, что, собственно, и требовалось. Сол, радуясь оказанному доверию, чувствовал себя совершенно счастливым и расцвел на глазах. Кроме того, ему неплохо платили, и он смог снять себе симпатичную квартиру в самом центре Вербье.

Лев тоже был в восторге от своей новой жизни. Занимая в “Паласе” должность портье и посыльного, он наслаждался независимостью. Всем сотрудникам его уровня полагалась комнатка под крышей, и Сол ничего против не имел – он жил в нескольких минутах ходьбы оттуда, так что они часто виделись. В “Паласе” Льву был обеспечен полный пансион. Проводя практически все время в четырех стенах, он упивался неизведанной доселе свободой. Каждый день что-то происходило, он перезнакомился с кучей народу, завел приятельские отношения с клиентами со всего мира и целую зиму катался на лыжах. Ему было хорошо в Вербье. Он не испытывал такого умиротворения с той благословенной поры, когда жил с родителями на шоссе Флориссан. Месье Роз принял его очень радушно. Он сразу же полюбил этого мальчика, которым единодушно восхищались все постояльцы, – трудолюбивого, предупредительного, элегантного и вежливого. Кроме того, Лев, как оказалось, был энциклопедически образован и говорил на множестве языков.

Вскоре Лев завоевал расположение постоянных клиентов. Все хотели, чтобы их обслуживал именно он. Состоятельные семейства, приезжавшие на летний и зимний отдых в “Палас”, требовали его присутствия и общества. Многие предлагали нанять его за немалые деньги в качестве личного секретаря, но он всегда отвечал отказом.

Роз, убежденный в том, что Льву не место среди obsługi, пытался убедить его продолжить учебу. Но Лев и тут отказался.

– Ты сможешь выбрать любую профессию! У меня есть связи в разных университетах.

– Не хочу бросать тут отца одного, – объяснил Лев.

– Ты будешь к нему приезжать.

– Те, кто обещают вернуться, никогда не возвращаются, месье Роз. Они бы не уезжали, если бы намеревались вернуться.

– Жизнь иногда сложнее, чем кажется, мой мальчик. Ты мог бы сделать головокружительную карьеру.

– Зачем она нужна, карьера эта? – иронически вопрошал Лев. – Чтобы разбогатеть? Богатые люди – воры, они украли у меня мать.

– Чтобы достичь процветания, я думаю, – ответил, смутившись, месье Роз.

– Я и так процветаю, таская чемоданы и оказывая услуги клиентам, – сказал Лев.

– Ты станешь важным человеком.

– Что проку от важности. Это соизмерение себя с другими, а не с самим собой.

– Перестань философствовать, пожалуйста! У тебя всего одна жизнь, и ты не должен тратить ее попусту, таская чужие чемоданы, опомнись наконец! Тебе необходимо получить образование.

– У меня есть актерское образование. Отец учит меня всему, что знает.

– Послушай, Лев, если бы твой отец был великим актером, он бы играл сейчас в “Комеди Франсез”, а не служил в “Паласе Вербье”!

– Не говорите о нем с таким пренебрежением. Отец вас очень уважает.

– И это взаимно. Но я беспокоюсь о твоём будущем. У меня прямо руки чешутся выгнать тебя отсюда, чтобы тебе пришлось искать свой собственный путь.

– Почему вы хотите меня уволить? Я много работаю, клиенты довольны.

– Слушай, мой мальчик, вот что я предлагаю: я оставлю тебя в отеле и научу всему, что знаю.

– Что вы знаете о чем? – спросил Лев.

– О гостиничном бизнесе. Вреда не будет.

Лев согласился. Не столько из желания сохранить свою должность, сколько потому, что понимал – это действительно может ему пригодиться. Как говорила мама, век живи – век учись. Таким образом, в обстановке полной секретности, чтобы не вызывать зависти у других служащих отеля, месье Роз преподавал Льву хорошие манеры и правила этикета, воспитывал в нем утонченность, вкус и чувство стиля и учил разбираться в еде и винах.

Эдмон Роз так никогда и не женился и не имел детей, но, будь у него сын, он хотел бы, чтобы он был похож на Льва. В один прекрасный день, когда ему станет трудно управлять “Паласом”, Лев с успехом придет ему на смену.

– Кто знает, – с поистине отеческой гордостью сказал он Льву как-то вечером, когда они вслепую дегустировали лучшие марочные вина, – может, когда-нибудь ты станешь директором этого отеля. И превратишь его в самый востребованный палас в Европе.

Лев на мгновение представил себя в этой роли. Идея ему понравилась. Он любил “Палас”.

Лев подолгу засиживался у отца. Тот открывал посреди гостиной внушительный кофр, в котором хранил свои театральные сокровища, оставшиеся от старых спектаклей. Некоторые костюмы, траченные молью и временем, нуждались в починке. Отец и сын вместе занимались шитьем и штопкой.

– Ты не очень скучаешь по театру? – спросил однажды Лев.

– Жизнь – это великий театр, – ответил Сол. – Рано или поздно я вернусь на сцену. – Он кивнул на большой альбом в кожаном переплете, лежащий на столе. – Я уже придумал массу новых персонажей. Я их описываю тут, чтобы не забыть.

– Можно посмотреть? – спросил Лев.

– В другой раз, – отказался отец.

– То есть весь этот хлам ты хранишь для будущего спектакля?

– Нет, чтобы когда-нибудь передать его тебе.

– И что ты мне прикажешь с этим делать?

– Передашь своим детям.

– А они что будут с этим делать?

– Передадут своим детям.

– И что? – спросил Лев.

– И они вспомнят обо мне.

Левовичам хорошо жилось при “Паласе”. Но, по мнению других сотрудников, с их появлением что-то изменилось. У месье Роза теперь повсюду были глаза и уши. Он замечал все малейшие нарушения. Но вряд ли ему стучали Левовичи, поскольку некоторые из таких проступков имели место в номере при закрытых дверях либо в баре, бассейне или ресторане в их отсутствие.

В течение многих лет никому не удавалось проникнуть в эту тайну.

Глава 25 Операция “Перевербовка” (2/2)

В банкетном зале “Отеля де Берг”, на ежегодном собрании Ассоциации женевских банкиров, весь стол в благоговейной тишине внимал Левовичу.

– То есть вы собирались стать управляющим “Паласа”? – спросила президент банка Берне.

– В общем, да. Лично я был не прочь. Но жизнь решила иначе. Я работал там до тех пор, пока в двадцать шесть лет не познакомился с Абелем Эвезнером, отцом Макера. Он-то и предложил мне место в Эвезнер-банке. Ну и я продвинулся по службе.

– Неслабо так продвинулся! – восхитился один из банкиров Питту.

Гости беззвучно доедали десерт, не спуская замороженных глаз с Левовича. Он не умолкал в течение всего ужина, время от времени, правда, пытаясь сократить свое жизнеописание, но всякий раз в ответ на его “если в двух словах” все хором протестовали и требовали подробностей.

– Мама бы вами гордилась, – сказала женщина за соседним столиком, утирая слезы.

– А папа? Он все еще живет в Вербье?

– Папа умер. Он умер из-за меня.

За столом воцарилась неловкая тишина. Тут президент Ассоциации, взяв микрофон, объявил, что для неформального общения кофе и чай поданы в салоне Леман, примыкающем к банкетному залу. Все встали и шумной толпой двинулись общаться в соседний салон. Лев бездумно пошел за ними. Он заказал черный кофе и вышел с чашкой на балкон. Он стоял там один на морозном воздухе, любовался озером и левым берегом.

Его город показался ему еще прекраснее, чем обычно.

Внезапно я отрываюсь от своего романа. Я сижу один в ночной тиши гостиничного номера и думаю о Женеве, моем любимом городе, и благодарю его.

Этот город прекрасный навеки мне мил,
Он нас принял и родину нам подарил.

На балконе Левович словно жезлом Моисея потряс тростью Тарногола, и в лунном свете сверкнули бриллианты. Он почувствовал, как

его наполняет невиданная доселе сила. И тут же с непривычной ностальгией подумал о последних шестнадцати годах своей жизни.

•

16 лет назад.

Первый Большой уикенд Анастасии в Вербье.

Субботний вечер

Они танцевали в бальном зале “Паласа Вербье”, смешавшись с гостями банка. Красивая пара.

Великолепные самозванцы.

Анастасия, повиснув на Льве, на мгновение зажмурилась. Она была в объятиях мужчины своей жизни и знала это.

Наблюдая за толпой банкиров вокруг, Лев прошептал ей на ухо:

– Ради тебя, Анастасия, я стану богатым и могущественным.

Впервые он пожалел, что не добился большего.

– Я хочу тебя, – прошептала в ответ Анастасия.

– Встретимся через пятнадцать минут внизу у служебной лестницы, – сказал Лев.

Анастасия кивнула, ее глаза сияли, сердце колотилось. Песня подошла к концу, и они расстались, чтобы снова увидеться уже наедине. Анастасия вернулась к своему столу, мать встретила ее улыбкой, а Лев украдкой вышел из зала. Стоило ему переступить порог, как чья-то рука схватила его и дернула в сторону. Это оказался Бинар, банкетный менеджер, здоровенный мужик.

Он был в ярости.

– Какого черта ты танцуешь с гостями, говнюк несчастный! – заорал он.

В этот момент, нехорошо усмехаясь, к ним подошел Сিনিор Тарногол.

– Да это он, – сказал он Бинару. – Один из ваших сотрудников, верно? Не могли бы вы объяснить, почему он танцует на приеме?

– Прощу меня извинить, месье, – пробормотал Бинар, не отпуская Льва. – Этот хам действительно является сотрудником “Паласа”. Не волнуйтесь, он свое получит.

Лев не осмелился скандалить и покорно потащился за Бинаром вниз по служебной лестнице в посудомоечный отсек, где в раковинах лежали горы грязной посуды.

– Ты кем себя возомнил? – гаркнул Бинар. – Думаешь, если ты ходишь

в любимчиках у Роза, тебе все сойдет с рук, да? Конечно, ты у нас самый умный, тебе вечно больше чаевых перепадает! Посмотрим, что скажет месье Роз, когда узнает, что ты пробрался на бал! И еще плясал у всех на виду! Он задаст тебе жару, будь спокоен! Пожалуй, я прямо сейчас ему и позвоню.

Лев понимал, что нарушил золотое правило отеля.

– Послушайте, – взмолился он, – я сделаю все, что вы захотите, только не говорите ничего месье Розу. Прошу вас! Он ужасно расстроится, узнав о моем поведении.

– Раньше надо было думать!

– Пожалуйста, я согласен на любую сумму! Я переведу вам свою декабрьскую зарплату и рождественский бонус, если вы ничего ему не скажете.

– Зарплату за три месяца и бонус!

– Договорились.

Бинар довольно улыбнулся.

– Я могу идти? – спросил Лев, который думал только о том, как бы побыстрее сбежать к Анастасии.

– Сначала помой посуду, – приказал Бинар, выходя, и запер за собой дверь на ключ.

Анастасия тщето прождала его полтора часа под лестницей. Понимая, что он не придет, она отправилась к матери, пока та не забеспокоилась.

– А, вот и ты! – сказала Ольга, когда Анастасия появилась в зале. – Давай, уже поздно, поехали домой! Завтра рано утром возвращаемся в Женеву. Где твой граф Романов? Я бы хотела увидеть его перед уходом.

– Он куда-то делся...

– Он оставил тебе адрес? Номер телефона?

– Нет...

– Ишь ты, ну тем хуже для него! Он теряет очки. Вообще-то он показался мне чересчур самодовольным. Не то что Клаус, такой вежливый, элегантный. Высший класс. Он тебя повсюду искал. Хотел попрощаться, как положено. Я обещала все тебе передать, и мы договорились пообедать в Женеве в следующую среду. В ресторане “Бо-Риважа”. Он сам предложил. “Бо-Риваж”, на минуточку. Втроем – ты, он и я. Он угощает. Порядочный человек этот Клаус.

Анастасия послушно поплелась за матерью. Они забрали в гардеробе шубы и вышли из “Паласа”. У нее было пусто на душе. Почему Лев не пришел? Она с грустью подумала, что он наверняка не любит ее так же

сильно, как она его.

Лев несколько часов возился с посудой. Когда он домыл ее и наконец-то вернулся в бальный зал, вечеринка уже давно закончилась. Все ушли, свет погасили. “Палас” погрузился в сон.

Анастасия улетучилась.

Они потеряли друг друга.

•

Лев попытался прогнать это воспоминание. Вдруг дверь на балкон открылась, и появилась Анастасия. Она подошла к нему вплотную. Они боялись коснуться друг друга, но им казалось, что они обнимаются. Лев посмотрел ей прямо в глаза.

– Ты никогда не говорил, что случилось с твоим отцом, – сказала она.

– То, что случится со всеми нами: он умер.

Он нежно прижал ее руку к сердцу.

– Как бы мне хотелось исцелить твою боль.

Лев вытащил пачку сигарет. Протянул одну сигарету Анастасии.

Они молча закурили. Им было хорошо.

– Когда мы уезжаем? – тихо спросила она.

Он наклонился к ее уху и прошептал что-то.

Анастасия радостно улыбнулась. Взяла его за руку. Они остались одни в этом мире. Но внезапно на балкон ворвался Макер в накинутом на плечи пальто, держа под мышкой шубу Анастасии.

– А, вот ты где! – нетерпеливо крикнул он. – Ты что, куришь? Молодец! Давай, нам пора!

Он был в отвратительном настроении. Все пошло наперекосяк. Он поспешно махнул рукой Льву и удалился, волоча за собой жену.

Когда супруги Эвезнеры спустились по парадной мраморной лестнице, Лев догнал их, размахивая в воздухе тростью Тарногола, словно пытался обратить на себя внимание.

– Подожди, Макер, – сказал он, – мне нужно с тобой поговорить!

– Что еще? – раздраженно спросил Макер.

– Давай обсудим это чертово президентство, но подальше от чужих ушей.

– Пойдем в Дюфур, – предложил Макер, кивнув на мягкие диваны в салоне по соседству.

– Нет, там проходной двор. Давай лучше прогуляемся. – Они вышли в морозную ночь и, отойдя чуть в сторону от отеля, зашагали вдоль Роны. У Макера, несмотря на теплое пальто, зуб на зуб не попадал. Лев поднял воротник куртки и втянул голову в плечи, чтобы немного согреться.

– Слушаю тебя, – сказал Макер.

На набережной кроме них не было ни души.

– Не переживай из-за Тарногола. Я с ним поговорю.

– А если он тебя не послушает? – спросил Макер.

– Я его вырублю, – пошутил Лев, ссутулившись для наглядности, и нервно потряс тростью, передразнивая Тарногола.

– Я – Тарногол! – хмыкнул он, с горем пополам подражая его акценту.

Он не заметил, что какая-то машина, которая давно уже стояла неподалеку, тронулась с места, когда он прошел мимо, и с выключенными фарами понеслась прямо на него.

На крыльце отеля парковщики слышали резкий скрип тормозов на набережной и крики. Они бросились на голоса.

Какого-то пешехода там только что сбила машина.

Глава 26

Ultima ratio^[5]

Арма встревоженно посмотрела на часы в гостиной. Уже час ночи. Куда они подевались? Почему мисье и медем никак не возвращаются с ужина в “Отеле де Берг”?

Наконец входная дверь с шумом распахнулась.

Арма выбежала в коридор.

– Ах, Арма, дорогая, – воскликнул Макер, даже не удивившись, что домработница встречает его в такой поздний час, – слава богу, вы еще тут!

– Что стряслось, мисье?

– Анастасия... Ужасная трагедия!

Арма испуганно выпучила глаза. Может, медем, испугавшись разоблачения, совершила какую-то глупость? Неужели покончила с собой?

Но тут, чуть прихрамывая, появилась Анастасия собственной персоной. Ее вели под руки Жан-Бенедикт и его жена Шарлотта. За ним следом шел еще кто-то, но Арма не обратила на него внимания, расперевживавшись, что случилась беда.

– Анастасию сбила машина, – сказал ей Макер и повел всех в гостиную. – И представьте себе, за рулем оказался Жан-Бен!

– К счастью, не так страшен черт, как его малюют, – добавила Шарлотта Хансен, которая пользовалась любым предлогом, чтобы вставить какую-нибудь поговорку.

Муж позвонил ей, когда она выходила после концерта из “Виктория-холла”, и она тут же поехала к нему в больницу. Жан-Бенедикт, похоже, еще не оправился от потрясения. Бледный как смерть, он повторял как заведенный легенду, которую сочинил для жены:

– ...Сидел дома... отвратно себя чувствовал... сейчас же грипп гуляет... ну вот... потом полегчало... решил поехать в отель, чтобы поспеть к дижестиву... пообщаться, то-сё... всегда полезно... нужные люди... потом подумал: нет, неохота... повернул назад... забыл включить фары... какой идиот... нет, в самом деле...

А ведь операция “Перевербовка” начиналась довольно успешно. Вернувшись из банка, Жан-Бенедикт пожаловался жене, что его лихорадит. Отправляясь примерно без четверти семь ужинать с сестрой, Шарлотта видела, что он лежит в постели. Стоило ей выйти, как Жан-Бенедикт вылез

из-под одеяла. У него было в запасе несколько часов: концерт заканчивается в четверть одиннадцатого, и девушки наверняка зайдут выпить вербены в “Ремор”. Шарлотта будет дома не раньше одиннадцати и, застав спящего мужа, убедится, что он так и не вставал. Она в жизни не узнает, что произошло той ночью. Жан-Бенедикт полагал, что это самое надежное алиби. Потому что, если, не дай бог, “Перевербовка” провалится и его будет допрашивать полиция, он поклянется, что весь вечер провел в кровати. Жена это подтвердит. Для пущей убедительности он предусмотрительно оставил телефон дома. Он читал где-то, что полиция может отследить перемещение мобильного по сотовым вышкам оператора.

Около восьми вечера Жан-Бенедикт припарковался на набережной Де Берг, как и планировалось. Он нашел идеальное место для засады, да и природа выступила на его стороне – ночь была безлунной, и над водами Роны поднимался густой туман. В десяти метрах ничего не было видно. Тут никто не запишет его номерной знак, который он к тому же залепил мокрым снегом.

Наконец, ближе к десяти часам, он различил силуэты двух мужчин, гуляющих по набережной. Он не мог толком их рассмотреть, но узнал Макера, а его спутник с тростью в руке мог быть только Тарноголом. Он почувствовал прилив адреналина – настало время действовать. Жан-Бенедикт включил зажигание, внимательно наблюдая за фигурами в тусклой дымке. Решив, что пора, он сорвался с места с выключенными фарами.

Но тут перед ним возникла Анастасия, он заметил ее слишком поздно и сбил.

– Ты тут ни при чем, Жан-Бен, – успокаивала его Анастасия, которую усадили на диван в гостиной. – Я пыталась догнать Макера и Льва на набережной и перешла дорогу, не глядя по сторонам. Поделом мне. Сама виновата.

Анастасия через силу улыбнулась, чтобы разрядить атмосферу, в надежде, что они не станут вдаваться в детали. Когда Лев захотел поговорить с Макером, ей стало не по себе. Она забеспокоилась еще за ужином, когда Лев отвел его в сторону. Не дай бог, расскажет об их романе.

Когда Лев и Макер вышли из отеля, она поспешила за ними, но, выбежав, не увидела их. Кто-то из парковщиков показал ей, в какую сторону они двинулись. Анастасия медленно шла по набережной, как вдруг ей показалось, что на другой стороне, чуть поодаль, мелькнули в тумане два силуэта. Она бросилась к ним, но в эту минуту припаркованная рядом

машина рванула вперед, не зажигая фар, и сбила ее.

- В любом случае, – сказал Макер, – мы чудом избежали трагедии!
- Давай не будем делать из мухи слона! – осадила его Анастасия.
- И все же, – оскорбился он, – это могло плохо кончиться!

Макер повысил голос от радости, что благодаря этому происшествию он наберет очки, не сумев блеснуть перед коллегами за ужином. Вот теперь он в центре внимания. Жаль, Тарногол его не видит.

Анастасия самостоятельно встала на ноги, убеждая их, что она в порядке и не надо вызывать скорую. Но Макер видел, что не так уж она и в порядке – от удара у нее распухла нога. Всей компанией они вернулись погреться в отель, уложили Анастасию на диван в салоне Дюфур, подсунув ей под ногу горку подушек, и Макер позвонил в больницу. Он говорил по телефону громко, с подчеркнuto озабоченным выражением лица, пока вокруг них нервно суетились сотрудники отеля. Как раз в этот момент начали разъезжаться первые гости, и у входа в салон собралась вскоре небольшая толпа. “Что тут стряслось?” – спрашивали проходящие мимо банкиры, и служащие, изображая глубокое потрясение, охотно делились новостями: “Несчастный случай, почти перед самым отелем... слава богу, все обошлось... в следующий раз кто-нибудь погибнет, набережные так плохо освещены”.

Макер, вспомнив эту сцену, приободрился при мысли, что сгрудившиеся в дверях звезды финансового мира видели, как быстро он взял ситуацию в свои руки, и убедились в его авторитете. Он позвонил своему близкому другу, директору университетских клиник Женевы, и потребовал, чтобы их немедленно проконсультировал самый главный профессор! И не важно, что уже поздний вечер. Требуется неотложная помощь, чтоб вы понимали. “Вытащите мне профессора из постели, если понадобится!” – кричал он в телефон. Директор немедленно предупредил своих шестерок. Наверное, поставил всех на уши – когда начальник отдает приказы, у них поджилки трясутся! К ним едут сами Эвезнеры, тут нужен индивидуальный подход! Когда они прибыли в больницу, их уже ждали и встретили по высшему разряду. Они ж лучшие люди города, черт побери! Не торчать же им часами в приемной среди калек, еще не хватало! И прямиком на осмотр, к самым крутым врачам! Извольте также провести дополнительные обследования, а то мало ли что. Не на таких напали!

– Арма, – приказал Макер командирским тоном, – достаньте лед – положите его мадам на колено, а всем остальным в стаканы, мы будем пить *уиски*.

– Ах да, – подхватила Шарлотта, – лучше что-нибудь покрепче! А то с вами не соскучишься!

Макер слюняво поцеловал жену в лоб. Арма рысью прискакала из кухни с кубиками льда. Прикладывая к колену медом пакет со льдом, она не осмелилась поднять на нее глаза. Потом, как и велел мисье, она подала всем *уиски*. И только теперь, подойдя к третьему гостю, она внезапно его узнала. Это был человек из статьи. Лев Левович!

– Добрый вечер, мадам, – мило и уважительно поздоровался он, никто из друзей Эвезнеров так к ней не обращался за все десять лет ее службы в этом доме.

В жизни он был совсем не таким, как на фотографии в газете. Он оказался потрясающим красавцем. А глаза... лицо... элегантность... царственные манеры... Арма чуть не лишилась чувств. И вдруг он заговорил с ней. Он проявил к ней интерес! Спросил, откуда она родом.

– Я албанка, – сказала она.

И он перешел на албанский.

Арма бросила на него восхищенный взгляд – он покорила ее сердце.

– Вот это да! Ты говоришь на ее языке! – поразился Макер, в очередной раз не сумев скрыть своего восторга.

– Мой албанский оставляет желать лучшего, – пожаловался Лев.

– Вы замечательно говорите по-албански, мисье Левович, – завершила его Арма.

Он еще и скромный вдобавок ко всему, подумала она.

– И где ты выучил эту тарабарщину? – спросил Макер.

– Несколько лет назад у меня была албанская невеста, племянница бывшего короля Албании. Роман наш продлился недолго, но я успел съездить пару раз на албанское побережье Адриатики. Это прекрасные места! Бирюзовое море, добрейший народ.

Арма просияла, ее глубоко тронуло такое неожиданное внимание к ней самой и ее родине.

– Я обожаю трилече, – сказал Лев Арме.

– Что-что? – спросил Макер.

– Это десерт из трех видов молока, – объяснила Арма. – Я бы с удовольствием его сделала сейчас, но ему надо полежать несколько часов. Зато на кухне есть все, чтобы испечь равани.

– Чего? – снова спросил Макер.

– Равани, – объяснил Лев на этот раз, – пирог на йогурте. Буквально тает во рту. Но он скорее все-таки османский, чем албанский?

Арма улыбнулась – Лев был абсолютно прав. Он поразил ее.

Учитывая, что, по идее, ей следовало бы возненавидеть этого человека. Что ж такое! Совсем растерявшись, она решила под предлогом равани сбежать на кухню. Вот же незадача. Теперь Арма прекрасно понимала увлечение медем. Мисье, безусловно, фантастический человек, но таких, как Лев, встречаешь раз в жизни. И вообще даже представить невозможно, чтобы он, такой милый и доброжелательный, захотел бы занять место мисье в банке. Поэтому, когда Лев зашел на кухню за водой, она воспользовалась случаем:

– У меня к вам вопрос, мисье Левович...

– Я вас слушаю.

– Щекотливый...

– Можете со мной не деликатничать.

И она решилась:

– Правда ли, что вы собираетесь украсть у мисье место президента?

– Неправда! – ответил Лев, раскрыв глаза от удивления и обиды. – Конечно нет! Кто вам мог такое сказать?

– Ходят слухи.

– Синиор Тарногол, вице-президент банка, хотел, чтобы президентом избрали меня. Но я сразу отказался. Мне кажется, он меня понял. Президентом будет Макер.

Через час все столпились на кухне, восторгаясь сначала видом, потом вкусом прекрасного круглого пирога, который Арма, вынув из духовки, разрезала на ломтики.

Было уже полтретьего ночи, когда Жан-Бенедикт, Шарлотта и Лев наконец-то уехали, восхваляя Албанию, и, от всего сердца поблагодарив Арму, обещали вернуться за добавкой.

Что касается Макера, то он пребывал в глубокой задумчивости. Он понял, что Левович опять всех очаровал. От директоров банков до Армы. Он был неотразим. Лучшего президента банку не найти. Это очевидно. Макер признал поражение. Ему пора остановиться. В это мгновение у него в кармане завибрировал мобильник. Кто, черт возьми, может звонить ему в такое время? Увидев имя, высветившееся на экране, он застыл от изумления. И вышел, чтобы ответить на звонок.

На кухне, оставшись наедине с Анастасией, Арма не выдержала:

– Медем, ваш мисье Лев просто необыкновенный... Я никогда не встречала такого человека.

– Поймите, – сказала ей Анастасия, – у нас со Львом не дешевая интрижка, не мимолетное увлечение. Мы созданы друг для друга. Мы

собирались быть вместе с самого первого дня. Но все пошло не по плану.

•

Женева, 15 лет назад.

Апрель, через три месяца после Большого уикенда

– Ах, боже мой! – воскликнула Ольга чуть ли не в оргастическом экстазе, увидев кольцо на пальце Анастасии. – Какой огромный бриллиант!

На слово “бриллиант” прибежала Ирина.

– Клаус уже сделал тебе предложение? – задыхнулась она. – Вы же встречаетесь всего несколько месяцев.

– Не волнуйся, – успокоила ее Анастасия, – это не имеет отношения к помолвке.

Ирина вздохнула с облегчением. Управляющий активами позвал ее замуж две недели назад, и она боялась, что сестра украдет у нее пальму первенства. Она даже не надеялась, что ее банкир так быстро решится на брак, с другой стороны, по его собственным словам, он и так уже не первой молодости. Свадьбу запланировали на осень. Скорее всего, в отеле “Бориваж”. Вот так-то!

– Ай да Клаус! – восхитилась Ольга. – Сначала серьги, потом ожерелье, а теперь еще и кольцо. Просто какой-то рог изобилия! И все, чтобы угодить любимой! Главное, будь с ним поласковой! Не упusti его!

Анастасия заставила себя улыбнуться. Ей очень хотелось объяснить матери, что чем больше Клаус ее мучил, тем роскошнее становились его подарки. Ей хотелось расстегнуть блузку и показать синяки по всему телу. Но она не посмела. Ей было стыдно. Она боялась, что ее не воспримут всерьез. И потом, Клаус пообещал, что такое больше не повторится и он обязательно обратится к врачу, чтобы научиться подавлять вспышки гнева. Когда у него случались приступы ярости, он быстро раскаивался, просил у нее прощения, валялся в ногах, называл принцессой. Она уже не знала, что и думать.

– Какое удачное приобретение этот Клаус! – сказала Ольга. – Я так рада за тебя, Настя, и подарки тут ни при чем. Он отличный парень, это чувствуется. Веселый, щедрый. Из вас выйдет прекрасная пара.

– У нас с ним есть проблемы, – призналась Анастасия.

– У всех супругов бывают проблемы, дочь моя! Проблемы вообще хороший знак – это значит, что ваши отношения развиваются, вы становитесь ближе друг другу. Отношения надо строить. Помни, нет такой

проблемы, которую нельзя было бы решить.

– Клаус через месяц возвращается в Брюссель и хочет, чтобы я перебралась к нему.

– Вот и чудно! Съезжайтесь уже наконец! У него явно серьезные намерения.

– Я еще даже не закончила учебу.

– Закончишь в Брюсселе. Кроме того, ну сама посуди, ты действительно надеешься, что твоя филология тебя спасет? Притом что в тебя по уши влюблен замечательный молодой человек из состоятельной семьи, который к тому же предлагает увезти тебя с собой. Мне бы твои заботы!

С Клаусом все развивалось слишком стремительно. Анастасия сама не понимала, как и почему.

После того как Лев продинамил ее в тот вечер после бала, она много думала о нем. Неужели она на самом деле собирается всю жизнь прозябать в жалкой комнатухе? Ей не улыбалось вслед за матерью превратиться в озлобленную тетку. Она убедила себя, что их роман с Левовичем ничем хорошим не закончится. И снова увидевшись с Клаусом, поддалась на его уговоры. Рядом с ним она забудет навсегда про свои мучения. Правда, он ненавидел, когда ему противоречили. Он ненавидел, когда его огорчали. Он заводился с пол-оборота. И она чувствовала себя ужасно одинокой.

Ее единственным настоящим другом был Макер Эвезнер. Они совсем недавно познакомились, но он был с ней всегда добр и заботлив. Они продолжали общаться и после Большого уикенда. Часто встречались на чай в “Реморе”, интеллигентской кофейне на площади Цирка, и просиживали там часами. По воскресеньям Макер приглашал ее к родителям, в потрясающее поместье в Коллонж-Бельрив.

Анастасия не испытывала к Макеру никакого влечения, но ей с ним было хорошо. Она могла ничего из себя не изображать и полностью ему доверяла. Он знал все про ее семейную историю, ее жизнь в крошечной квартирке в Паки и ее мать – продавщицу в “Бонжени”.

Когда Анастасия объявила Макеру о предстоящем отъезде в Брюссель, он сказал, что будет очень скучать. Что навестит ее в Бельгии. Что они будут переписываться. Прощаясь с ним перед “Ремором”, она крепко расцеловала его. В сущности, подумала она, единственный человек, которого она когда-либо страстно любила, был Лев. Мелкий служащий отеля.

Они постоянно поддерживали связь. Каждое воскресенье она звонила из телефонной будки в ресторан “Паласа” и просила позвать Льва. Ее там

уже узнавали. Метрдотель посылал за ним, и вскоре на том конце провода раздавался его голос. Анастасия была так счастлива его слышать, что начинала ужасно волноваться. Но почему он не пришел к ней на свидание в субботу вечером, после бала? Он даже не объяснил ей толком, что с ним приключилось, сказал просто, что его задержали. И обещал, что сядет в поезд и приедет в Женеву повидаться с ней, но так и не появился – каждый раз у него находились отговорки. Если бы Лев на самом деле ею дорожил, он бы сдержал слово. Его поступки, заключила Анастасия, свидетельствуют о том, что он совсем ею не дорожит, в то время как она беспрестанно думает о нем. Но ни в одном из их бесконечных телефонных разговоров она так и не осмелилась рассказать ему о своих отношениях с Клаусом. Наверное потому, что она правда любила его?

Анастасия улетала в Брюссель в первое воскресенье апреля. И уже стоя в аэропорту Куантрэн, она наконец набралась мужества позвонить Льву и признаться, что уезжает.

– Анастасия? – радостно сказал Лев, взяв трубку.

– У меня роман с одним человеком, – выпалила она с ходу. – Его зовут Клаус.

Лев, пораженный в самое сердце, попытался не подать виду, как ему больно.

– Ты вольна поступать, как хочешь, – сухо ответил он. – В любом случае мы не то чтобы вместе. Ты для этого мне позвонила?

– Я уезжаю к нему в Брюссель.

– Когда?

– Сегодня.

Этим она его добила. Наступило долгое молчание, Анастасия чувствовала, что должна что-то сказать в свое оправдание:

– В ту субботу, после бала, куда ты делся? Я так тебя и не дождалась.

Он промолчал. Не жаловаться же ей на Бинара, который так унизил его, заставив в наказание мыть посуду.

– Не важно, – прошептал он наконец. – Кто такой этот Карл?

– Клаус, – поправила Анастасия. – Его отец крупный предприниматель.

– Он богат? – спросил Лев.

– Очень, но...

Она запнулась.

– Какая разница, богат – не богат. Это тут ни при чем. Да и вообще тебе не все равно? Плевать ты на меня хотел.

– Это неправда! – запротестовал Лев.

– Если неправда, почему ты не приехал ко мне в Женеву, как обещал?

Лев не проронил ни слова. В одной руке он держал трубку, другой вертел в кармане кольцо. Кольцо его матери Доры – единственное, что от нее осталось. Это кольцо предназначалось Анастасии, он так решил в их первую ночь. С декабря он только и мечтал, как приедет в Женеву и подарит его ей. Но пока что у него не было ни франка на билет – три последние зарплаты и рождественский бонус пошли на взятку, и даже если Бинар держал язык за зубами, другие сотрудники отеля поспешили наступать на него месье Розу. Тот пришел в ярость. Чтобы не увольнять Льва, он вынужден был применить к нему суровое наказание – вычесть месячный оклад и, объявив выговор за грубое нарушение должностных обязанностей, вынести последнее предупреждение перед увольнением.

Это означало, что до мая Лев не получит ни гроша. Да и одолжить денег у месье Роза он никак не мог после такой выволочки. Что касается отца, то он и слышать ничего не хотел. “Мог бы сам откладывать на черный день”, – сказал Сол, решив преподать сыну урок. Лев попробовал проехаться на поезде зайцем, но в Монтрё попался контролерам. Его высадили и еще вдобавок оштрафовали. И разумеется, гордость не позволяла ему рассказать Анастасии все как есть. Еще подумает, что такой оборванец ее недостойн.

– Прощай, Лев! – Эти слова прозвучали как контрольный выстрел.

У него выступили слезы ярости.

– Прощай, Анастасия, – сказал он и бросил трубку.

Часом позже, когда самолет взлетел, Анастасия, рыдая, смотрела, как удаляется в иллюминаторе Швейцария и Лев вместе с ней. Только сейчас ей стало ясно, какую чудовищную глупость она совершила.

•

На кухне в доме Эвезнеров Анастасия призналась Арме:

– С первого же дня мы со Львом знали, что созданы друг для друга. Но жизнь постоянно нас разлучала.

– Я ничего не скажу мисье, – взволнованно сказала Арма, – обещаю вам. Уезжайте с ним. Это ваша судьба.

В это время Макер, в точности следуя инструкциям, полученным по телефону, шагнул в темноте по шоссе Рют. Внезапно перед ним возник из

мрака Синиор Тарногол. Он выглядел очень взбудораженным.

– Мне угрожает опасность, Макер, – выпалил он. – За мной охотится швейцарская контрразведка. Все плохо.

Макер разыграл изумление. Он подумал, что пора поделиться с Тарноголом своей идеей – инсценировать его смерть в обмен на пост президента и акции. Но Тарногол не унимался:

– Швейцарское правительство хочет помешать мне устроить переворот в банке.

– Это действительно входит в ваши планы? – спросил Макер.

Тарногол ответил с недоброй улыбкой:

– У тебя кишка тонка для президента. Даже не надейся, что я поспособствую твоему избранию и на все пойду, лишь бы утихомирить своих врагов. Я так просто не сдамся!

– Вы дьявол! – вскричал Макер.

– Ну, об этом ты знаешь уже пятнадцать лет, – цинично напомнил Тарногол.

– Чего вы от меня хотите?

– Я предлагаю тебе новую сделку. Взаимовыгодную.

– То есть?

– Мы расторгнем наше давнее соглашение. Я возвращу тебе акции, и ты станешь президентом. Но взамен ты вернешь то, что тогда получил от меня.

– В смысле? – оторопел Макер.

– Я готов дать задний ход! – прогремел Тарногол. – Ты отказываешься от того, что взял пятнадцать лет назад, и возглавляешь этот банк, будь он проклят.

– Вы хотите сказать, что... – Макер не осмелился закончить фразу.

– Я хочу сказать, что ты потеряешь Анастасию! – заорал Тарногол с сардонической ухмылкой. – Это мое условие!

– Вы не посмеете и пальцем ее тронуть! – угрожающе проговорил Макер.

– Ты потеряешь Анастасию, – повторил Тарногол. – Тебя выберут президентом, но ты останешься в одиночестве.

Часть вторая
Убийство
С пятницы по воскресенье, 14–16 декабря

Глава 27

Первые версии

**Пятница, 29 июня 2018 года, первая половина дня,
в моем номере в “Паласе Вербье”**

Мы со Скарлетт приехали из Женевы накануне вечером. Должен признаться, мне наша вылазка пришлась по душе. Прежде всего, мы существенно продвинулись в расследовании. Кроме того, рано утром я вернулся к своим записям, сравнивая их с газетными заметками, которые Скарлетт развесила у меня на стене. Что нам было известно?

Что убитый пользовался всеобщим уважением и, судя по всему, не имел врагов.

Что нынешний президент банка, назначенный уже после убийства, по словам нашего информатора, очень изменился с тех пор.

Что соседка Эвезнеров много чего знала, будучи председателем Швейцарского фонда помощи сиротам, довольно известной в Женеве благотворительной организации. Долгие годы почетным президентом Фонда был Орас Хансен, который весьма серьезно относился к своим обязанностям. Каждый год Фонд устраивал в одном из лучших отелей Женевы торжественный вечер по сбору средств. Орас Хансен приглашал туда влиятельных сотрудников банка. Там она познакомилась с Абелем Эвезнером, Синиором Тарноголом, Жан-Бенедиктом Хансеном, Макером Эвезнером и Львом Левовичем.

– Мы чувствовали, что Абель Эвезнер сердит на сына из-за этой истории с акциями, – сказала соседка. – Да он этого и не скрывал. Мне было жаль Макера. Но когда они с женой поселились по соседству, я поняла, что он совсем не такой, как его описывал отец.

– А Лев Левович? – спросил я.

– Необыкновенный человек. Как только он входил куда-то, все взгляды обращались на него. Абель Эвезнер в нем души не чаял. Поговаривали, что Лев на самом деле был его правой рукой.

На наше со Скарлетт счастье, соседка не прочь была посплетничать. После того корпоративного уикенда она подловила Арму, домработницу Эвезнеров, и попыталась выведать у нее подробности. Арма сказала, что опустевший дом производит ужасное впечатление. Что она все это предвидела. Она знала, что Анастасия собиралась бежать с любовником.

Стук в дверь оторвал меня от чтения. Я пошел открывать. Это была

Скарлетт.

– Уже за работой, писатель? – спросила она, увидев разложенные на столе страницы.

– Я перечитывал свои заметки.

– Позавтракаете со мной?

– С удовольствием.

Мы спустились на террасу отеля и сели за столик на солнечной стороне.

– Как продвигается ваш роман? – спросила Скарлетт.

– В общем, неплохо, – ответил я. – Собираю воедино все наши находки.

– Когда вы мне дадите что-нибудь почитать?

– Скоро, – обещал я.

Официант принес кофейник и корзинку с булочками. Она изящным жестом взяла круассан и откусила кусочек. Потом спросила:

– У вас есть какие-нибудь зацепки?

– Относительно убийцы? Нет пока. Я дошел только до нашего разговора с соседкой Эвезнеров.

– И?..

– Мне кажется, то, что случилось у них в доме в пятницу утром, прямо перед Большим уикендом, не может быть простым совпадением. Все взаимосвязано.

Пока мы разговаривали, я намазал вареньем кусок хлеба и машинально окунул его в кофе. Меня позабавил собственный жест. Так всегда делал Бернар. Каждое утро, до работы, он завтракал в кафе “Мениль” у самого входа в издательство, заказывал тосты с вареньем и макал их в кофе.

– И как оно взаимосвязано? – спросила Скарлетт.

– Это нам и предстоит выяснить.

Доев тост и допив кофе, я встал из-за стола.

– Уже уходите? – удивилась Скарлетт.

– Мне надо работать. Ну, знаете, над книгой, которую я начал писать по вашей милости.

Она улыбнулась:

– Писатель, раз уж я не увижу вас целый день, давайте хоть поужинаем вместе. Говорят, итальянский ресторан в “Паласе” чудо как хорош.

– Итальянский – это всегда прекрасно, я согласен.

– Увидимся вечером. Желаю вам успехов в работе!

Я поднялся в номер и, сев за стол, снова погрузился в рассказ соседки. Благодаря ей мы узнали, что случилось в пятницу, 14 декабря, в доме

Эвезеров.

Глава 28

Фальстарт (1/2)

Пятница, 14 декабря, за 2 дня до убийства

Светало.

В зимнем полумраке, на фасаде большого особняка Эвезнеров горело только окно будуара. Макер, сидя в халате, корпел над своими записками.

Моя последняя миссия должна осуществиться во время Большого уикенда Эвезнер-банка в Вербье. Р-30 просит меня помешать Синиору Тарноголу захватить власть в банке.

У меня почти не осталось простора для действий: либо мне удастся убедить Тарногола назначить меня президентом, либо я буду вынужден убить его. Я знаю, что, если провалю задание, Р-30 повесит на меня двойное убийство, к которому я косвенно причастен.

Никогда не думал, что до этого дойдет. Но мне не пристало жаловаться на судьбу, потому что я, и только я, несу ответственность за сложившуюся ситуацию. Я действительно виноват в том, что, уступив свою долю Тарноголу, позволил ему забраться так высоко. И раз уж это моя исповедь, придется открыть еще один секрет. Я обязан рассказать вам на этих страницах, что именно Синиор Тарногол предложил в обмен на мои акции.

Так, впервые, Макер подробно изложил все, что произошло пятнадцатью годами ранее в “Паласе Вербье”.

Он закончил писать около семи утра. Уже почти рассвело. Закрыв тетрадь, хранившую отныне все его секреты, Макер решил против обыкновения не убирать ее в сейф. Вместо этого он спрятал ее на полке, за книгами. Мало ли что может случиться в эти выходные, подумал он. Пусть все узнают правду.

Он наскоро позавтракал на пустой кухне. Арма взяла отгул до понедельника. Внезапно он понял, что ему не хватает ее спокойствия и надежности. Ему нравилось, что она всегда стоит у плиты, когда он встает рано утром и поздно возвращается домой. *Доброе утро, мисье*, – сам себе пробормотал Макер.

Пора уже выезжать в Вербье. Он поднялся в спальню, где еще спала Анастасия, и на цыпочках прошел в ванную. Он принял душ, побрился и оделся с особой тщательностью. Чемодан Макер собрал накануне и положил в багажник.

Перед выходом он нежно поцеловал жену в щеку, стараясь не разбудить ее. Анастасия уже давно не спала, но лежала с закрытыми глазами – ей бы не хватило духу во всем ему сейчас признаться. Сегодня она собиралась оставить его навсегда.

– Прощай, солнышко. – Макер противно дунул ей в ухо. Ей стоило большого труда не пошевелиться. – Я уезжаю в Вербье и воскресенье вернусь к тебе президентом. Вот увидишь, все будет хорошо. Ты помнишь, что Армы сегодня не будет, так что прости, что бросаю тебя в одиночестве.

Солнышко, не выходя из образа спящей девы, подумало, что отсутствие Армы ей как раз на руку. Макер поцеловал ее еще раз и ушел.

Услышав, как хлопнула входная дверь, Анастасия выпрыгнула из постели. Как все-таки подло с ее стороны смываться вот так, по-тихому. Но она не могла поступить иначе.

Анастасия вынула спрятанную в шкафу дорожную сумку. Вчера ночью, на балконе отеля, когда она спросила Льва, скоро ли они уедут, он шепнул: “Завтра утром. Встречаемся в одиннадцать у касс на вокзале Корнавен”.

Она больше ни минуты не хотела оставаться в этом доме. Еще совсем рано, ну и пусть. Она посидит где-нибудь в кафе до одиннадцати.

Макер уже выруливал из ворот на шоссе Рют, когда на заднем сиденье возникла какая-то фигура и оглушила его внезапным “Привет, Макер!”.

Макер, у которого чуть не случился разрыв сердца, нажал на тормоза и повернулся: это был Вагнер.

– Вы совсем спятили! – заорал Макер.

– А вам следовало бы закрывать машину, – возразил Вагнер.

– Какого черта вы здесь делаете?

– Сегодня у вас важный день. Я хочу удостовериться, что вы во всеоружии.

– За двенадцать лет работы в P-30 я не провалил ни одного задания. Не волнуйтесь.

– Рад слышать. Итак, вы готовы ликвидировать Гарногола?

– Я готов на все, чтобы мой банк ему не достался. А уж каким образом я этого добьюсь – мое дело. Раньше вы не вмешивались в мои действия.

Результаты всегда были налицо.

– Да ради бога. Но потрудитесь завтра к вечеру стать президентом! В противном случае последствия будут катастрофическими, для вас в первую очередь.

– Все будет хорошо, успокойтесь. Очень жаль, что вы стараетесь меня запугать, притом что я верой и правдой служил отечеству в течение двенадцати лет.

– Я просто хочу, чтобы вы с триумфом завершили свою карьеру в Р-30. Слякка с ядом у вас с собой, на всякий случай?

Вместо ответа Макер вытащил из кармана пузырек и потряс им перед носом Вагнера, который остался доволен увиденным.

– Не забывайте, что яд подействует часов через восемь – двенадцать, – сказал он, выходя из машины.

Макер тут же тронулся с места и поехал дальше по шоссе Рют. По направлению к Вербье.

В одиннадцать утра Анастасия пересекла просторный зал вокзала Корнавен с легкой дорожной сумкой в руке.

В последнюю минуту ей стало жаль покидать дом в Колоньи. Она неожиданно поддалась ностальгическим чувствам. Прошлась напоследок по всем комнатам. Эмоции переполняли ее. Она долго плакала. Она расставалась с жизнью, которую любила несмотря ни на что. Она расставалась с человеком, который всегда прекрасно к ней относился. В сущности, Макер был единственным, кто ни разу не причинил ей боли, а она собиралась предать его и разбить ему сердце. Анастасия оставила на кровати записку, всего несколько строк, сообщая, что уходит от него навсегда и просит ее не искать. Она даже подумала, не приложить ли к записке обручальное кольцо, чтобы скрепить, словно печатью, их разрыв. То самое кольцо с сапфиром, которое Макер преподнес ей, сделал предложение. Она редко его носила – сменив вскоре на другое, с огромным бриллиантом. Она долго рассматривала синий камень и вдруг почему-то решила взять кольцо с собой. Наверное, чтобы сохранить воспоминание о жизни, которую она вот-вот оставит позади. Анастасия сунула его в карман и отправилась на вокзал. Интересно, куда Лев ее повезет. Может, поездом до Милана? Или до Венеции? Она всегда мечтала жить в Италии.

Подойдя к кассам, она сразу увидела его. И бросилась к нему в объятия:

– Лев! Я боялась, что этот день никогда не наступит!

– Анастасия... – тихо сказал он, и в его голосе послышалась озабоченность.

Она поняла, что что-то не так. И тут же заметила, что он пришел без багажа.

– Что происходит?

– Я должен ехать в Вербье.

– На Большой уикенд? Но зачем?

– Лучше тебе не знать. Поверь мне, все будет хорошо. Отложим отъезд на два дня, не более того.

– Скажи, в чем дело, – потребовала Анастасия.

Лев вздохнул и решился:

– Дело в том, что Макер...

– Что *Макер*?

– Его не изберут президентом банка.

Анастасия пришла в ужас: если Макер не станет президентом и она вдобавок его бросит, он точно этого не переживет. Еще, чего доброго, наложит на себя руки.

– Я не хочу втягивать тебя в это, – продолжал Лев. – Мне позвонил Жан-Бенедикт Хансен. Судя по всему, Тарногол готов голосовать за кого угодно, кроме Макера. Мне кажется, тут что-то личное, он как будто хочет довести его до крайности либо надавить на него, но я понятия не имею почему. Наш уикенд добром не кончится. Я боюсь, что события примут опасный оборот.

Это известие ее ошеломило.

– Я не смогу оставить его, – тихо сказала она. – Если Макера не выберут, я не смогу оставить его...

Анастасия почувствовала себя заложницей обстоятельств. Заложницей этого человека, этой жизни. По ее щеке медленно скатилась слеза. Лев вытер ее кончиком большого пальца и обнял Анастасию, пытаясь ее утешить.

– Положись на меня. Обещаю тебе, до конца уикенда все утрясется. В воскресенье мы уедем навсегда, подальше от Женевы, подальше от всего этого. В воскресенье мы будем наконец свободны! Даю слово.

Анастасия вернулась в Колоньи с тяжелым сердцем. Она уже жалела, что Арма не смогла остаться на уикенд. Ей совсем не улыбалось два дня торчать в полном одиночестве в этом огромном доме. Когда таксист высадил ее у ворот, она совсем сникла. Она с трудом себе представляла, что случится, если Макер не станет президентом. При этой мысли у нее перехватило дыхание.

Отпирая тяжелую входную дверь, она изо всех сил старалась убедить

себя, что все образуется. Нет худа без добра: теперь, по крайней мере, у нее будет время спокойно собраться и вместо сумки взять нормальный чемодан. Захватить еще что-то из одежды, а главное, дорогие ей вещи. Даже скорее два чемодана. Ну и пару-тройку книжек – не помешает.

Войдя в переднюю, Анастасия услышала какой-то шорох в будуаре. Она машинально подумала, что там Арма, и уже было направилась туда, но тут же замерла, вспомнив, что Арма отпросилась, да и к тому же, будь Арма дома, она не стала бы запирается на ключ. Анастасия запаниковала. Она хотела убежать, но не успела – дверь будуара распахнулась, и на пороге возник человек, одетый во все черное, в перчатках и балаклаве, готовый наброситься на нее.

Глава 29

Фальстарт (2/2)

15 лет назад.

Апрель, через три недели после отъезда

Анастасии к Клаусу в Брюссель

В девять утра к “Паласу Вербье” подъехал черный седан. Служащие отеля, стоя навытяжку, ждали появления именитого гостя, их постоянного клиента.

Водитель поспешил открыть дверцу, и, соблюдая привычный церемониал, из нее не торопясь вылез Синиор Тарногол.

Он был одним из самых требовательных завсегдатаев “Паласа”. А главное, Роз уверял, что Тарногол своим авторитетом может запросто уничтожить репутацию отеля. Поэтому персоналу было велено окружать его особой заботой.

Сотрудники выстроились в ряд и хором затынули:

– Здравствуйте, месье Тарногол. Добро пожаловать в “Палас Вербье”, месье Тарногол.

Не отвечая на приветствия, Тарногол равнодушно оглядел их и поднялся по ступенькам к входным дверям, где его уже поджидал сам месье Роз, весь на нервах, как, впрочем, и всегда, когда встречал Тарногола. Роз покосился на листок бумаги, где Лев записал для него фонетически одну русскую фразу.

– Мы очень рады вас видеть, – с трудом выговорил он.

Тарногол заинтригованно взглянул на него, потом ответил по-французски, будучи явно не в духе:

– Ваш русский оставляет желать лучшего, друг мой. Не надо обезьянничать.

Роз продолжал, с трудом сохраняя самообладание:

– Ваша поездка прошла хорошо?

– Ужасно.

– Какая досада. Если желаете отдохнуть, ваш номер готов.

– Я голоден. Проводите меня в ресторан. Дальний столик. С видом на горы. И позовите мне банкетного менеджера, я хочу, чтобы меня обслуживал только он!

– Конечно, месье Тарногол, – пробормотал Роз.

Он срочно вызвал Бинара и, махнув рукой, поднял с места целый рой

служащих, которые принялись хлопотать, почтительно распахнув перед ними двери.

Еще через несколько минут Тарногола усадили за его столик. Захватывающий вид на Альпы, а более всего идеально слаженные движения всеобщего кордебалета немного его умиротворили. Бинар подал ему два яйца всмятку, горку икры и рюмку “Белуги”, несмотря на ранний час.

– Спасибо, Бинар, – сказал Тарногол, в устах которого его фамилия прозвучала словно собачья кличка.

Сотрудники отеля наслаждались сценой унижения грозного Бинара, к которому этот могущественный человек относился с явным пренебрежением.

– Что-нибудь еще? – услужливо спросил Бинар.

– Черный чай с каплей молока.

Бинар щелкнул каблуками и вскоре вернулся, неся на подносе дымящийся чайничек и китайскую фарфоровую чашку. Церемонным жестом он поднял крышку чайника и выудил оттуда ситечко.

– Вам покрепче, месье Тарногол? – спросил Бинар.

Тарногол посмотрел на него с таким видом, будто его сейчас стошнит:

– Ты завариваешь чай в металлическом шарике? – Тарногол обращался на “ты” ко всем сотрудникам, кроме Роза.

– Прошу прощения?

– Нельзя заваривать чай ни в закрытом ситечке, ни в металле!

– Я не знал, месье Тарногол. Извините.

– Как, по-твоему, чайные листья будут источать аромат, если их так утрамбовать? К тому же металл отбивает вкус! А вода? Тут горячая вода?

– Кипяток, – пролепетал Бинар.

– Черный чай нужно заваривать при температуре 90 градусов! Учитывая, что мы находимся на высоте приблизительно 2000 метров, вода закипает при температуре...

– Градусов сто? – предположил Бинар.

Тарногол достал из кармана ручку и стал что-то вычислять прямо на скатерти.

– Около 93 градусов. Хорошо, температура более или менее подходящая, – постановил Тарногол с удовлетворением. – Молодец, Бинар!

Бинар, похоже, вздохнул с облегчением и вытер капли пота, выступившие на лбу.

– Теперь налей чай и добавь молока.

Бинар кивнул и наполнил чашку. Потом взял кувшинчик и подлил в

чай немного молока.

– От такой капли чаша не переполнится, – буркнул Тарногол, подразумевая, видимо, что молока недостаточно.

Бинар добавил еще чуть-чуть.

– Как украл, – проворчал Тарногол. – У вас что, квоты на молоко? Может, прислать вам партию? Или я должен предъявить продовольственную карточку?

Бинар, решив, что нужно налить еще, бухнул в чашку полкувшинчика. Тарногола прорвало:

– Каплю, я сказал, а не море разлитое! Теперь тут молока больше, чем чая!

Тарногол опрокинул чашку, и ее содержимое разлилось по столу. Бинар поспешно вытер лужу.

Его коллеги, присутствовавшие в зале, хихикали исподтишка.

– Пойди найди месье Роза и скажи ему, чтобы он прислал мне того русского мальчика, – потребовал Тарногол. – Он единственный, кто умеет более или менее сносно меня обслуживать.

Под “русским мальчиком” имелся в виду Лев.

Через несколько мгновений он появился в ресторане.

Он осунулся и выглядел озабоченным. Глаза у него были грустные.

– Доброе утро, месье Тарногол, – сказал он по-русски.

– Доброе утро, юноша.

– Чем могу служить? – спросил Лев.

– Я заказал черный чай с каплей молока.

Лев кивнул и вернулся с чайником, в котором заваривались листья в бумажном фильтре. Наполнив чашку, он добавил в нее молока. Лев действовал спокойно и уверенно, ничуть не смущаясь. Тарногол зачарованно наблюдал за ним. Он отпил глоток и остался весьма доволен. Затем сказал, по-прежнему по-русски:

– Знаешь, мальчик мой, вот здесь ты на своем месте, нечего хвост распускать в бальном зале.

– Мне из-за вас досталось, меня лишили зарплаты и чуть не уволили.

– Роз абсолютно прав, – заметил Тарногол. – Всяк сверчок знай свой шесток. Что ты там забыл?

– Вам тоже нечего делать в бальном зале, – ответил Лев.

Тарногол с любопытством взглянул на наглеца, преспокойно дерзившего ему. Лев говорил на изысканном русском языке прежних времен, унаследовав его от своих предков. На языке Толстого.

– Представь себе, меня пригласил туда Абель Эвезнер. Я думаю, он не

прочь занять меня в качестве клиента. Но я сожалею, что Бинар тебя еще и обобрал походя. Это недостойно менеджера “Паласа”.

– Откуда вы знаете?

– Все только об этом и говорят. А у меня везде есть уши. Ненавижу подлецов. Бинар – подлец, и я им займусь.

– Похоже, ему сейчас пришлось несладко, – сказал Лев.

Тарногол улыбнулся:

– Знаешь, почему ты мне нравишься? Ты тут единственный, кто дает мне отпор.

– Извините, конечно, но я о вас невысокого мнения.

Тарногол расхохотался:

– Вот пожалуйста, что я говорил. Так это из-за меня у тебя такое поганое настроение? Ты ужасно выглядишь. Унылый, подавленный. Распустил нюни.

– Нет, вы здесь ни при чем.

– Тогда что?

– Несчастливая любовь.

– А, это из-за той девушки, с которой ты танцевал?

Лев кивнул, глядя вдаль. Прошло три недели с тех пор, как Анастасия уехала, и он места себе не находил. Он представлял, как они с Клаусом прогуливаются влюбленной парочкой по улицам Брюсселя, как целуются, занимаются любовью. Чем больше ему было, тем больше он думал об этом, и чем больше он думал, тем сильнее растравлял себя. Ему казалось, что эта боль не пройдет никогда.

– Да ладно, – сказал Тарногол, – посмотри в зеркало: у тебя от баб наверняка отбою нет.

– Это разные вещи. Любовь есть любовь.

– Эх, мальчик мой, в твоем возрасте что девушку любить, что пиццу. Здесь откусил, там попробовал!

– Из-за вас я ее потерял.

– Сам виноват! – возразил Тарногол. – Я слышал, как ты позорил имя Романовых, выдавая себя за их родственника.

– А вы никогда не лгали, чтобы понравиться женщине?

– Я никогда не изменял себе. Скажи мне, кто ты?

– Лев.

Тарногол улыбнулся:

– Я в курсе, дурила. Я спрашиваю, кто ты есть на самом деле. Что ты делаешь вечером?

– Работаю.

– Значит, ты работаешь на меня, и я хочу с тобой поужинать.

– Прошу меня простить, но я не могу принять ваше приглашение. Другие сотрудники возмутятся, если увидят, что я тут с вами ужинаю. И месье Роз велел мне держаться поскромнее. Мои коллеги не оценили мою выходку на балу.

– Ну, тогда мы поедим в другом месте, – решил Тарногол. – Роз мне не откажет. Не то я куплю этот отель, снесу его с лица земли и построю на этом месте парковку! Мы с тобой пойдем в “Альпину”, один из лучших ресторанов в Вербье, да и в стране, на мой взгляд. Ты когда-нибудь там бывал?

– Нет. Это мне не по карману. Тем более в данный момент.

– Ну и прекрасно, я угощаю. В восемь вечера прямо там. Роза я предупрежу.

В тот вечер, выходя из “Паласа” на встречу к Тарноголу, Лев наткнулся в лобби на отца. Тот удивился, что сын не в униформе:

– Разве ты не работаешь сегодня? Я думал, ты на дежурстве.

– Так и есть. Но у меня особое поручение – я должен поужинать с Тарноголом.

При упоминании этого имени Сол Левович вздрогнул:

– С Тарноголом? Что он от тебя хочет?

– Не знаю.

– Будь с ним поосторожнее.

– Я его не боюсь.

– Именно это меня и беспокоит.

Лев направился к выходу, но администратор сказал, что его хочет видеть месье Роз. Лев немедленно пошел к нему в кабинет. Роз стоял у окна, созерцая вечерний пейзаж. Он выглядел озабоченным.

– Вы хотели меня видеть?

– Зайди на минутку, мой мальчик.

– Я опоздаю на встречу с Тарноголом.

Месье Роз улыбнулся. Пунктуальность была одним из первых уроков, которые он преподавал Льву. Точность – это вежливость королей, любил повторять он.

– Тарногол подождет пару минут, не умрет. Я не мог не отпустить тебя с ним на ужин. Тарноголу невозможно отказать. Но будь начеку. Этот человек – змея. Он обвивается вокруг тебя, как удав, и не отпускает. Пока ты не задохнешься.

– Я буду осторожен, – обещал Лев.

– Он не тот, за кого себя выдает, – сказал Роз очень серьезно. – Не доверяй ему. Что бы он тебе ни говорил, не верь.

Эти слова эхом отдавались в голове Льва, пока он шел к главной улице Вербье, где находилась “Альпина”. “Что бы он тебе ни говорил, не верь”. Интересно, на что намекал месье Роз.

Когда Лев вошел в ресторан, Тарногол уже ждал его. Он расплылся в улыбке, но Лев подумал, что она все равно не смягчила его ехидного вида: создавалась впечатление, что он затеял какую-то гадость.

Еда оказалась на удивление хорошей, и разговор их тек непринужденно. Какую бы тему ни затрагивал Тарногол, ему не удавалось заставить молодого человека врасплох. Он был поражен масштабом и глубиной его знаний. За столом Лев держался по-королевски и вдобавок смог вслепую определить, какие вина им подавали.

– Кто тебя этому научил? – спросил ошеломленный Тарногол. – Вот уж не ожидал от...

Он запнулся. Лев закончил за него:

– От гостиничного портье?

Тарногол улыбнулся.

– Энологии меня обучил месье Роз, – объяснил Лев. – И всему прочему тоже. С тех пор как я приехал в Вербье, он преподает мне хорошие манеры и искусство сервировки.

– Юноша Левович, – сказал Тарногол, – тебе не место в службе.

Лев пожал плечами:

– Мне нравится в “Паласе”.

– Нравится что? Предаваться мечтам о той девушке?

– Это уникальная девушка.

– Она уникальная, потому что ты живешь взаперти в горном отеле. Уверяю тебя, в больших городах уйма якобы уникальных людей. Послушай моего совета, уезжай отсюда! Построй свою жизнь где-нибудь в другом месте. В Вербье тебе ничего не светит.

– Мне тут хорошо. Клиенты очень меня ценят.

– Ты родился в Вербье? – спросил Тарногол.

– В Женеве.

– Ты не скучаешь по Женеве?

– Скучаю.

– И чего тебе больше всего не хватает?

– Мамы.

– Где она?

– Умерла. Когда я был маленький. У меня остались о ней только

детские воспоминания. Воспоминания о вечной жизни. Ощущение, что ничего дурного не случится. И для меня это ощущение имеет вкус хлеба с шоколадом, который мама давала мне каждый день после уроков.

– Расскажи, какой это вкус.

– Вкус сливочного масла и нежности. Каждый кусочек был наполнен жизнью и счастьем.

Тарногол посмотрел на своего собеседника и вдруг признался ему неожиданно кротким голосом:

– Я как-то испытал точно такое же ощущение. Давным-давно. Благодаря моей жене.

– Она умерла? – спросил Лев.

Тарногол кивнул:

– Я вдовец, одинокий, несчастный. Знаешь, я не всегда был таким угрюмым и едким. В свое время я буквально светился от радости. Но, потеряв жену, я погрузился в беспросветный мрак. Когда умирает родной человек, кажется, что тебе вырвали сердце и предложили жить дальше. С тех пор я блуждаю как тень. Ломаю комедию, чтобы как-то выжить, приезжаю, зажав нос, в этот “Палас”, на всех ору, но это просто маскарад. Попытка забыть, кто я на самом деле.

Он замолчал на мгновение.

– Могу я дать тебе совет, юноша?

– Конечно.

– Уезжай, если захочешь. Живи своей жизнью! И я тебе помогу, если понадобится, можешь не сомневаться.

– С чего вдруг?

– Я свою дурную репутацию не заслуживаю. Со мной тяжело, что есть, то есть. Но я знаю, что говорю. Тебе не место в бальном зале, но и в отеле тебе не место.

На следующий день, как обычно по воскресеньям, Лев с отцом завтракали в Вербье на террасе кафе. Утро было солнечное, небо лазурное.

У Льва в голове звучал еще его вчерашний разговор с Тарноголом. Он сказал отцу, задумчиво глядя на горы:

– Я люблю Вербье. Ко мне тут хорошо относятся. Меня ценят.

– Тем лучше, – ответил Сол.

– Но иногда мне кажется, что я застрял на мертвой точке. Все тот же отель, одни и те же клиенты, один и тот же город, где я знаю каждый закоулок. Иногда мне так хочется уехать.

– Уехать? – задохнулся Сол. – Зачем уезжать? Ты только что сказал, что

тебе здесь хорошо.

– Да, но пора обрезать пуповину. Если бы я перебрался в Женеву в начале года, то сейчас был бы, наверное, с Анастасией.

– Ох, сын мой, перестань мучиться из-за этой девочки! Подумаешь, мимолетное увлечение. Ты слишком все драматизируешь! Мои гены. Лишнее доказательство того, что уроки актерского мастерства пошли тебе на пользу. Лучше расскажи об ужине с Тарноголом. Что от тебя надо этому бандиту?

– Он просто хотел поговорить. В сущности, он довольно симпатичный. Одинокий. Слегка озлоблен на жизнь.

– Он дьявол.

– У него умерла жена, – сказал Лев, чтобы пробудить в отце немного сострадания.

– Ты что, его защищаешь? – спросил Сол. – У меня тоже умерла жена, но это еще не значит, что я породнился с Вельзевулом.

– Мы говорили о маме, – признался Лев.

При упоминании Доры Сол мечтательно улыбнулся:

– Я так любил твою мать, Лев. Я до сих пор ее люблю. Смерть мешает воссоединению, но не может прервать любовь. Она со мной. Навсегда. У тебя ведь осталось ее кольцо? Которое я дал тебе после ее смерти?

– Да, конечно.

– Не потеряй его. Когда-нибудь ты подаришь его женщине, которую полюбишь так, как я любил твою мать.

– А как понять, что любишь?

– Когда любишь, понимаешь, что нашел смысл жизни.

– Мне кажется, я испытываю это по отношению к Анастасии.

– Да ладно, Лев, не раскисай. Та еще динамистка, сбежала с первым встречным. С очередным богатеem. Богатые забирают себе все!

– Мне казалось, мы правда любим друг друга.

– Если бы правда любили, то сейчас жили бы вместе.

Лев не нашел что возразить.

В тот вечер Сол Левович работал в “Паласе” допоздна, запершись в своем кабинете. Ему не хотелось домой. Не хотелось сидеть там в одиночестве. В итоге он отправился бродить по отелю. Тревожные мысли не отпускали его. В конце концов он забрел в бар. Там было пусто. Если не считать бармена за стойкой и месье Роза, пьющего чай.

Сол поздоровался. Роз пригласил его присоединиться к нему.

– Я думал, вы давно ушли, – сказал Сол, удивившись, что застал его

здесь так поздно.

– Я тоже думал, что вы ушли, – ответил Роз.

– Всему виной моя проклятая бессонница, – усмехнулся Сол. – Какой смысл идти спать, если я уверен, что не засну?

Роз сделал глоток и спросил серьезным тоном:

– Вы поговорили со Львом?

– Нет еще.

– Сол, ну право, сколько можно...

– Я не знаю, как ему сказать. Я артист и не могу выдавить из себя эти слова. Да и зачем омрачать оставшееся нам время. Какой замечательный мальчик! Я обучаю его тайнам своего ремесла, чтобы оно не кануло в Лету вместе со мной. Пусть он и не хочет быть комиком, все равно это не пропадет даром. Хотя, конечно, мне будет ужасно обидно – он такой талантливый! Из него вышел бы потрясающий актер, в отличие от меня.

Услышав это, Роз не удержался от смеха.

– Что вас так развеселило? – спросил Сол.

– Я должен вам кое в чем признаться. С тех пор как вы появились в Вербье, я учу Льва управлять отелем. Надеюсь, вы не возражаете.

– Ни в коем случае, – заверил его Сол. – Кстати, он мне рассказывал об этом.

– Нам надо позволить ему самостоятельно найти свой путь.

– Я знаю. Но родителям трудно бывает применить на деле девиз “Живи и давай жить другим”.

– Живи и давай жить другим, – кивнул Роз.

“Сыну, которого у меня никогда не было”, – подумал он.

“Моему единственному сыну”, – подумал Сол.

Они помолчали.

– Надо все ему сказать, – произнес наконец Роз. – Вы должны с ним поговорить, пока не поздно.

– Он мечтает уехать из Вербье. Я боюсь нарушить его планы.

– Сол, – настаивал месье Роз, – вам недолго осталось жить.

– Почти целый год, – уточнил Сол. – Доктор уверяет, что год я смогу продержаться. У нас есть еще немного времени.

•

Два месяца спустя

Вечерело. Конец июня в Вербье был теплым, и воздух источал аромат

лета. Голубое небо медленно синело, и на полях уже застрекотали ночные насекомые.

В баре “Паласа Вербье” было пусто. Сезон еще только начинался. Внезапно на стойке зазвонил телефон, и бармен поспешил ответить в надежде получить наконец-то заказ. Он огорчился, поняв, что это не клиент.

– Минутку, – вежливо ответил он своей собеседнице и пошел за Львом, который встречал приезжающих в холле.

– Тебя к телефону, – сказал ему бармен.

– Меня? – удивился молодой человек.

Он пошел за барменом и взял трубку, лежавшую на стойке.

– Алло?

Вместо ответа он услышал приглушенные всхлипывания.

– Алло? – повторил он. – Кто это?

Он сразу узнал голос, прошептавший:

– Приезжай и забери меня, я тебя умоляю. Приезжай.

– Анастасия?

– Лев, спаси меня. Рано или поздно он меня убьет.

– Что происходит?

– Умоляю, приезжай! У меня никого нет, кроме тебя.

– Где ты?

– В Брюсселе.

Не очень понимая, что происходит, Лев почувствовал, что дело плохо. Он быстро прикинул расстояние, отделявшее его от бельгийской столицы.

– Я могу взять машину и немедленно выехать. По идее, должен быть у тебя на рассвете.

Они договорились встретиться в шесть утра перед домом Клауса. Не позже. Задолго до того, как он проснется.

– Беги оттуда сейчас же, – велел ей Лев. – Спрячься где-нибудь, и я тебя заберу.

– Куда я побегу? У меня ничего нет, вообще ни копейки. Я не могу снять даже самый дешевый номер!

– Я скоро, – пообещал Лев. – Не волнуйся, я скоро буду.

Он записал ее адрес в Икселе^[6] и, повесив трубку, бросился в кабинет месье Роза, который сидел, склонившись над бухгалтерскими книгами. Лев в двух словах обрисовал ему ситуацию. Его подруге грозит опасность, нужна машина, чтобы съездить за ней.

– Это та девушка с бала? – спросил Роз.

– Да, месье.

– Где она?

– В Брюсселе.

– Если я правильно понимаю, ты хочешь, чтобы я одолжил тебе машину и дал выходной, чтобы ты среди ночи отправился в Бельгию?

– Именно так.

Директора позабавила решимость Льва. Тем не менее он постарался сказать как можно строже:

– Как ты догадываешься, в этом я не могу пойти тебе навстречу. Особенно после того, что ты отколол на балу Эвезнер-банка.

Лев потупился.

– Я, конечно, не пай-мальчик, – не сдавался он, – но мне правда не до шуток.

Месье Роз открыл центральный ящик своего стола и, вынув оттуда бланк, что-то написал на нем.

– Я оставляю записку директору по персоналу, он обнаружит ее завтра утром, когда придет. Я сообщаю ему, что, учитывая небольшое число клиентов, я забрал тебя на сорок восемь часов, так как ты должен оказать мне важную услугу.

Дописав, он встал, держа листок в руке. Он взял портфель и выключил свет в комнате.

– Лично я ухожу, – сказал он, – забыв ключи от машины в ящике стола. Через сорок восемь часов, то есть послезавтра вечером, моя машина вернется на свое место и ты вместе с ней, Лев. Мне не нужны ни скандалы, ни подружка в твоём номере – наши правила тебе известны.

– Спасибо, месье Роз, – пробормотал Лев, с признательностью глядя на него. – Не знаю, как вас отблагодарить...

– Хочешь меня отблагодарить – подумай о моем предложении всему научить тебя, чтобы однажды ты смог управлять этим отелем. Рано или поздно мне придется назвать преемника. Я хотел бы передать “Палас” в хорошие руки, вместо того чтобы продать его первому встречному, который превратит его в заурядную гостиницу. Я уверен, что ты сумеешь сохранить дух этих стен.

– Я подумаю, – пообещал Лев.

Перед отъездом в Брюссель Лев зашел к отцу.

– Вперед, мой храбрый сын, – с гордостью напутствовал его Сол. – Береги себя и будь осторожен.

– Не волнуйся. Я вернусь через двое суток. Не позже. Я позвоню тебе из Брюсселя.

Сол посмотрел на сына с восхищением.

– Что такое? – спросил Лев, уловив странный блеск в глазах отца.

– Ничего, мой мальчик. Я просто думаю, глядя на тебя, что с твоей внешностью, обаянием и манерами ты можешь стать великим актером. Настоящим художником, которым мне быть уже не суждено. Я научил тебя всему, что знаю, почему бы тебе не поступить в театральную труппу?

Поколебавшись, Лев заметил:

– А месье Роз говорит, что из меня выйдет прекрасный директор “Паласа” и я смогу сделать карьеру на этом поприще.

Сол нахмурился:

– Пфф, директор гостиницы! Какая глупость!

– Я хотел бы оказаться по ту сторону баррикад. На стороне хозяев, а не слуг.

– Пфф, директор! – продолжал бушевать Сол. – Мы с тобой артисты! Великая династия!

– Да уж не самая великая, папа! – рискнул возразить Лев.

– Не самая великая? – задохнулся Сол.

– Ты вообще больше не играешь, папа! Ты научил меня всему, что знал, большое спасибо. Но ты забросил свои спектакли! Ты сам перестал быть артистом!

– Бывших артистов не бывает! У нас это в крови. Да, и у тебя в крови, хочешь ты того или нет! А теперь ступай! Надеюсь, по возвращении ты передумаешь. Сначала твоя мать ушла, теперь ты от меня отворачиваешься. За какие грехи жизнь так меня наказывает? Пфф, директор! Какая нелепая затея! Главное, не строй иллюзий.

Лев рулил всю ночь и приехал в Брюссель к шести утра. Он быстро нашел адрес, указанный Анастасией. Она ждала его у дома с небольшой холщовой сумкой. Больше она ничего не взяла. Он вышел из машины, и она бросилась к нему в объятия. Вцепилась в него. Она сильно похудела.

– Что происходит?

– Пошли скорей! – взмолилась она.

– Я хочу знать, что происходит.

– Он бьет меня, Лев! Все время бьет. Клаус избивает меня по любому поводу. Я так больше не могу!

Лев посмотрел на прекрасную хрупкую женщину с печальными глазами. Нет, Клаусу это с рук не сойдет.

– Жди меня здесь! – велел он Анастасии. – Я быстро!

– Нет, Лев, не надо!

Не слушая ее, он вбежал в здание. Она догнала его на лестнице.

– Пожалуйста, не делай этого! – крикнула она. – Клаус тебя

изничтожит!

Лев решительно поднимался наверх, читая фамилии жильцов, пока не нашел то, что искал: Клаус ван дер Брук. Он яростно барабанил в дверь до тех пор, пока полусонный Клаус в трусах не открыл ему, еле продрав глаза. Он даже не узнал посетителя, который с ходу двинул ему кулаком в челюсть. Клаус пролетел через прихожую и шмякнулся на пол лицом вниз. Лев подошел к нему и погрозил пальцем:

– Ты что, возбуждаешься, когда бьешь женщин? Я дам тебе один совет: если хочешь жить, держись подальше от Анастасии. Не связывайся с ней больше, сотри ее из своей памяти. В следующий раз я тебя просто убью.

В то утро, на рассвете, они наконец воссоединились. Лев повел ее завтракать в маленькое кафе в центре Брюсселя. Он смотрел, как она поедает толстые ломти хлеба с маслом и медленно возвращается к жизни.

Анастасия рассказала ему о долгих месяцах ада с Клаусом, о его припадках ревности, об издевательствах и побоях. Клаус, всегда такой милый на людях, заботливый и улыбчивый в компании, превращался в мерзкого изувера, когда они оставались одни. Он запретил ей работать, диктовал, как себя вести, и в итоге установил над ней полный контроль. “Я там сидела как пленница у распахнутой двери, – всхлипнула Анастасия. – Очень хотела сбежать, но не понимала как”.

Поначалу она пыталась поговорить с сестрой, но Ирина была слишком поглощена своей новой жизнью, замужеством, виллой. Летом они проведут две недели в роскошном отеле на Сардинии. Главное, поскорее родить. Нет времени на болтовню.

Она хотела открыться матери, когда ту пригласили провести выходные в фамильном поместье Клауса в валлонской деревне.

– Я вернусь с тобой в Женеву, мама, – сказала ей Анастасия на прогулке.

Ольга возмутилась:

– Ну ты же не бросишь Клауса!

– Мне с ним плохо! Я задыхаюсь в Брюсселе! Не о такой жизни я мечтала!

– Не о такой жизни ты мечтала? Чего тебе не хватает?

– Любви.

– Да ладно, девочка моя, Клаус очень тебя любит! За семейное счастье надо бороться. А вот так все бросить, ты что? Хочешь опозорить меня перед родителями Клауса! Алле-гоп! *Kopf hoch!* Постарайся за лето все наладить.

В маленькой пустой кофейне Брюсселя, выслушав откровения Анастасии, Лев подвел итоги:

– В общем, ты позвонила мне, потому что больше никто не захотел тебе помочь.

– Я позвонила тебе, потому что ты единственный, с кем я хочу жить, Лев. Мы созданы друг для друга.

Когда она произнесла эти слова, у него на мгновение загорелись глаза. Но он тут же помрачнел:

– Если бы ты действительно так думала, то не уехала бы с Клаусом, – сказал он холодно.

– Я совершила ошибку, – признала Анастасия. – Мне необходимо было уехать из дому. Мне хотелось свободы.

– Тебе в основном хотелось денег.

– Не говори так. В сущности, ты меня совсем не знаешь. Я хочу быть с тобой, и все.

– Мне нечего тебе предложить, Анастасия. Я всего лишь служащий отеля.

– Забери меня в Вербье! Мы будем счастливы.

– Не могу. Я обещал директору, что не поселю тебя в своем номере. Персоналу это запрещено.

– Пусть он наймет меня горничной!

– Счастья тебе это не прибавит.

– Прибавит! Я хочу прожить свою жизнь с тобой. С тобой я буду счастлива. Остальное не имеет значения.

Поколебавшись, Лев сказал:

– Месье Роз, директор “Паласа Вербье”, говорит, что я смогу прийти ему на смену. А ты будешь моей директрисой.

Анастасия просияла:

– О, Лев, это было бы чудесно! Я уже вижу, как мы вместе рулим этим отелем! Обещай, что так все и будет. Вот такая жизнь мне по душе. Обещай, Лев!

– Обещаю.

Они еще немного помечтали, сидя за столиком кафе. Как будут развивать новые направления в “Паласе” и наслаждаться жизнью в горах, вдали от всяких треволнений, в окружении сказочных зеленых пейзажей летом и снежных зимой.

Полагая, что судьба их решена, они покидали Брюссель, строя радужные планы на будущее. Они ехали в Женеву, но Анастасия не хотела

возвращаться к матери, предпочитая на некоторое время остановиться у Эвезнеров.

– Вот увидишь, – сказала она Льву, – Макер, их сын, ужасно милый. У его родителей огромный дом, и он всегда говорил, что я могу там пожить, если понадобится.

Они предупредят Макаера с дороги. Вернувшись в Вербье, Лев объявит месье Розу, что принимает его предложение и готов стать его преемником. Попросит его взять на службу Анастасию. Она поработает на всех позициях – ученицы повара, официантки, метрдотеля, консьержа, горничной, менеджера хозяйственной службы. “Все познается на практике”, – любил повторять месье Роз.

В конце дня Лев и Анастасия приехали в Коллонж-Бельрив, пригород Женевы, где жили Эвезнеры. До сих пор Лев только обслуживал это семейство в “Паласе Вербье”. Въехав в ворота их поместья на берегу Женевского озера, он поначалу оробел. Длинная аллея вековых лип вела к большому дому, стоявшему посреди парка с идеально ухоженным газоном, откуда можно было спуститься прямо к маленькому частному пляжу.

Макер радушно встретил их, и Лев тут же почувствовал симпатию к этому очаровательному молодому человеку, которому он доверил Анастасию. Сам он собирался немедленно вернуться в Вербье, но Макер удержал его.

– У тебя совершенно измученный вид, – сказал он.

– Я не спал тридцать шесть часов.

– Так не уезжай, оставайся на ночь.

Лев согласился. В тот вечер он познакомился с Абелем и Марианной, родителями Макаера. Они ужинали на большой террасе перед домом.

Абель Эвезнер был с ним очень приветлив и показался Льву совсем не таким суровым, как в “Паласе”. Судя по всему, Анастасия хорошо их знала. Она рассказала, что случилось в Брюсселе. Абель пришел в бешенство, услышав, как жестоко с ней обращались.

– Я знаком с отцом Клауса, – сказал он. – Я с ним побеседую.

– Нет, прошу вас! Я хочу это поскорей забыть, оставить все в прошлом.

– Счастье еще, что Лев выручил тебя! При первой же пощечине ты должна была позвонить в полицию и сбежать от него.

– Сначала Клаус клялся, что такое больше не повторится, – объяснила Анастасия. – И все время повторял, что любит меня.

– Кто любит, не бьет, – возразил Абель.

– Моя мать меня любит, но и ей случалось меня поколачивать, – призналась Анастасия.

Марианна Эвезнер возмутилась:

– Значит, так, моя дорогая, ты можешь жить у нас, сколько захочешь. Не волнуйся ни о чем.

– Спасибо, – грустно улыбнулась Анастасия.

Абель Эвезнер, и без того впечатленный поступком Льва, который помчался на помощь Анастасии и вырвал ее из когтей Клауса, был поражен интеллектом молодого человека. Он привык к скучным разговорам с сыном, работавшим в банке без всякого энтузиазма, и к невыносимой болтовне этого идиота Жан-Бенедикта – он вечно торчал у них дома, и Абель с тревогой ожидал его неминуемого появления в совете по праву наследства. Ему часто приходилось общаться с молодыми менеджерами своего банка, но эти жополизы носом землю роют и, как известно, всегда готовы вонзить нож в спину. Лев, блестящий и раскованный, отличался от всех, с кем ему приходилось иметь дело. Он был прекрасно образован и к тому же обладал явными задатками финансиста. Абель убедился в этом, когда встал из-за стола, чтобы сделать телефонный звонок.

– Простите, я на минутку, – сказал он. – Биржа закрывается, надо понять, что там с курсом доллара.

– Только не продавайте доллары, – осмелился заметить Лев. – Скорее всего, курс поднялся по отношению к другим валютам. Федеральный резервный банк США не выбросил на рынок новые доллары.

– Напротив, – вмешался Макер, – скорее всего, именно так они и поступили. Мы посоветовали нашим клиентам продать доллары до того, как курс упадет.

– Без сомнения, это была неплохая операция, – согласился Лев. – Но они бы заработали, сохранив долларовые инвестиции.

– Но я же сказал тебе, что курс упал, – слегка раздраженно повторил Макер. – Все наши аналитики сошлись во мнениях. А они на этом собаку съели, можешь мне поверить!

Лев пожал плечами:

– Тебе виднее. Ты же все-таки банкир.

Вернувшись в гостиную, Абель Эвезнер посмотрел на Льва с изумлением.

– Откуда ты знал, что произойдет? – спросил он.

– Мне показалось, это логично. Некоторые клиенты отеля спрашивали, что я думаю по этому поводу. Я проанализировал экономические показатели Соединенных Штатов на момент последнего вливания

ликвидности из Федеральной резервной системы: в то время макроэкономические данные были совершенно иными. Из чего я заключил, что маловероятно, что Федеральный резервный банк решит вмешаться в текущих условиях.

– Ты консультируешь клиентов “Паласа”? – удивился Абель Эвезнер.

– Да. Скажем так, они со мной советуются по поводу своих инвестиций. И часто следуют моим рекомендациям.

– Твоя фамилия Левович, да? Ты говоришь по-русски?

– Да.

– Ну и немножко по-английски?

– Лев бегло говорит минимум на десяти языках, – вмешалась Анастасия.

Абель Эвезнер бросил на Льва восхищенный взгляд.

– Мне в банке жизненно необходим такой человек, – сказал он.

– Спасибо, месье Эвезнер, но я не уверен, что хочу работать в банке.

Он был не прочь поговорить о Вербье и “Паласе”, рассказать об их проекте с Анастасией, но предпочел промолчать. После ужина они прошли по парку. Казалось, тут никогда не стемнеет, несмотря на поздний час. Небо стало чернильно-синего цвета. Было тепло.

– Какое необыкновенное место, – восхитилась Анастасия. – Я никогда не видела ничего подобного. Дом, парк, частная пристань... просто рай, да и только!

– Но ведь наш рай – это Вербье, не так ли? – спросил Лев.

– Ну или Женева, кто знает. В каком-нибудь особняке вроде этого! Ты произвел сильное впечатление на Абеля Эвезнера и мог бы сделать отличную карьеру в его банке.

Она шла впереди, не замечая разочарованного взгляда Льва. Когда они вернулись, он сказал, что останется в парке покурить. Ему хотелось побыть одному.

Он курил, стоя на террасе, и его присутствие угадывалось только по красному огоньку сигареты в темноте. Тут и появился Абель Эвезнер, неся по стакану виски в каждой руке. Один из них он протянул Льву.

– Я пью за твое здоровье, Лев, – сказал Абель, – и за знакомство, которому я очень рад.

– Спасибо, месье Эвезнер.

– Зови меня Абель.

Лев кивнул и сделал глоток виски.

– Какую профессию ты хотел бы получить, Лев? – продолжал Абель Эвезнер. – Ты же не собираешься всю жизнь таскать чужие чемоданы?

– Мне хотелось бы произвести впечатление на Анастасию, – ответил Лев.

– И что на нее производит впечатление?

– Не знаю. Деньги, я думаю. Анастасия мечтает жить в таком доме. И я готов на все, чтобы ее мечты сбылись.

Абель улыбнулся:

– Из тебя выйдет прекрасный банкир. Поверь мне, я их за свою жизнь навидался, но не помню, чтобы мне попадался такой талант, как ты. Кстати, почему бы тебе не стажироваться у нас в банке? Заодно поймешь, нравится тебе это или нет.

– Я должен спросить отца, – ответил Лев, поколебавшись.

– Я могу сам у него спросить, если хочешь.

– Лучше не надо, Абель. Отец недолголюбивает банкиров. Мама сбежала от него с банкиром и разбилась на вертолете, когда они путешествовали по Италии.

– Сочувствую. Твой отец – достойный человек. Чем он занимается?

– Когда-то был актером. Сейчас служит в “Паласе Вербье”. Он спит и видит, чтобы я пошел по его стопам. Говорит, что мы актерская династия. Никогда не видел такой бездарной династии.

Абель засмеялся:

– Поговори с отцом. Убеди его отпустить тебя в Женеву.

Глава 30

Тайная тетрадь

В Колоньи, в пятницу утром, дюжина полицейских автомобилей выстроились в ряд вдоль ограды Эвезнеров.

Соседи, встревоженные завыванием сирен, выскочили на улицу и столпились у открытых ворот. Внутри заходить они остерегались из уважения к владельцам. Они заворожено смотрели, как снуют полицейские, прочесывая сад в сопровождении двух служебных собак, и с важным видом комментировали происшествие, украсившее их день: Анастасия Эвезнер, войдя в дом, столкнулась лицом к лицу с грабителем.

– Судя по всему, она в порядке, – сказала соседка, получившая эту информацию от одной пытливой дамы, которая успела расспросить полицейского. – Грабитель увидел ее и сбежал.

– Вы только подумайте, кража со взломом среди бела дня! – возмутился кто-то из зрителей.

– Кража со взломом среди бела дня, – доложил по телефону своей жене пенсионер из толпы, подробно повторявший ей все, что слышал (бедняжка горько сожалела, что уехала за покупками в город и пропустила такое шоу). – Но, похоже, Анастасия в порядке, грабитель сбежал, когда она пришла.

– Еще не хватало, чтобы он не сбежал, – вмешался сосед с собакой. – Тоже мне!

Крохотные снежинки, медленно кружась, оседали на волосах собравшихся зевак, самозабвенно следивших за действиями полицейских.

В гостиной Анастасия, еще не оправившись от потрясения, рассказывала лейтенанту Филиппу Сагамору из уголовной полиции Женевы, что произошло.

– Как я уже говорила вашим коллегам, я вошла через главный вход. Послышался какой-то шорох, и вдруг из будуара – это кабинет моего мужа – появился мужчина. В маске, весь в черном. И в перчатках. Он спокойно посмотрел на меня, а когда я заорала, приставил палец к губам, велел мне замолчать. Я замолчала. Он стрелой кинулся обратно в будуар, выскочил из окна и исчез в парке.

– И что потом? – спросил лейтенант Сагамор.

– Потом я позвонила в полицию.

Сагамор подошел к застекленной двери и посмотрел в сад. Немного

постоял там в задумчивости. Его размышления прервал, войдя в гостиную, эксперт криминалистической службы.

– Нашли что-нибудь? – спросил Сагамор.

– Мы обнаружили следы на снегу, но они теряются в густой траве у каменной ограды. В этом месте стена пониже, грабитель, скорее всего, перелез через нее и ушел по шоссе Рют. Собаки взяли след, но быстро потеряли его. Он наверняка сел в машину. Но тут такое движение на дороге плюс гуляющие и соседи, которые дружно явились нам поспособствовать, – в общем, все мало-мальски годные улики тут же затоптали.

Сагамор поморщился. Он по-прежнему не отрывал глаз от парка. Что-то его там явно заинтриговало. Наконец он открыл застекленную дверь и вышел с видом бывалого следопыта. Он внимательно оглядел ровный снежный покров и принялся изучать следы под разбитым окном будуара. Когда он вернулся в гостиную, его коллега спросил:

– Ты что-то заметил...

– Следы ведут прямо к окну кабинета, – сказал Сагамор.

– И что?

– Обычно грабитель сначала обходит дом, прежде чем в него залезть. Хотя бы для того, чтобы удостовериться, что внутри никого нет. И проникает скорее через балконную дверь, а не залезает в окно. Так ведь проще. А он, судя по следам, направился напрямиком к нужному окну. То есть он знал, что там никого нет, и нацелился на определенную комнату.

– Откуда ему знать, что дома никого нет? – спросила Анастасия.

– Он долго за вами наблюдал. Видимо, стоял на дороге у ворот. Вы говорите, что ваш муж уехал рано утром?

– Да, около семи, – кивнула Анастасия, – а я ближе к восьми.

– То есть он видел, как вы оба ушли. И приступил к действию.

Сагамор вытащил из кармана блокнот и что-то записал.

– Мадам Эвезнер, вы уехали из дому в восемь утра и вернулись в полдвенадцатого.

– Да, верно.

– Интересно, чем занимался наш грабитель больше трех часов. Тем более что, судя по всему, он не выходил из комнаты, в которой вы его застали.

– Все указывает на то, что в остальной части дома он не побывал, – подтвердил криминалист. – Нигде не рылся, ящики не открывал. А главное, не оставил никаких следов. Он был в мокрых от снега ботинках, и мы наверняка обнаружили бы лужицы на полу или грязь на коврах. А они есть

только в будуаре.

– И ничего не пропало, – подтвердила Анастасия, обошедшая дом в сопровождении полицейских. – Моему мужу досталось по наследству много ценных вещей, в том числе картин. Всё на месте.

– Это подтверждает мою гипотезу, – сказал лейтенант Сагамор. – Грабителя интересовал только кабинет. Давайте туда вернемся.

Если не считать разбитого окна и открытого сейфа, в будуаре было все в порядке.

– Сейф, похоже, даже не взламывали, – заметил криминалист.

– Хочешь сказать, преступник знал код? – спросил Сагамор.

– Если он провел три часа в этой комнате, то, скорее всего, искал и нашел комбинацию цифр. Старомодный почерк, видимо, работал со стетоскопом. Тут кодовый механический замок, так что это похоже на правду.

– Какой смысл разбивать окно, чтобы потом торчать тут три часа, в надежде найти код от сейфа? – спросила Анастасия.

– Окно – чтобы побыстрее залезть, – ответил Сагамор. – Зачем тратить время и взламывать двери среди бела дня, рискуя попасться на глаза соседям, от которых, как мы успели убедиться, тут ничего не укроется. А вот оказавшись внутри, он действовал бесшумно. Разумеется, чтобы не привлекать внимания. Что было в сейфе?

– Понятия не имею, – призналась Анастасия.

– Где вы храните свои драгоценности?

– В сейфе в спальне. Этот будуар муж использует в качестве кабинета. Я думаю, он держал в своем сейфе банковские документы.

– А часы? – Сагамор пытался понять мотив преступления.

– Нет, его часы тоже лежат в спальне.

– Мадам Эвезнер, вы получали какие-нибудь угрозы в последнее время?

– Угрозы? – Анастасия удивилась. – Нет. А что?

– У меня такое чувство, что это не простое ограбление. Позвольте мне поделиться своим опытом: знаете, почему в некоторых домах два сейфа? Один служит для украшений, другой – для секретов. Мне надо срочно поговорить с вашим мужем, мадам Эвезнер.

– Я бы сама не прочь с ним поговорить. Но я не могу дозвониться до него ни по мобильному, ни в гостиницу. Он, наверное, на совещании. Я же вам сказала, он сейчас в Вербье на корпоративном уикенде банка.

– Я читал об этом в газете. В эти выходные вашего мужа изберут президентом, да?

– Да.

Сагамор еще раз осмотрел комнату.

– Вы утверждаете, что видели мужчину, – внезапно сказал он Анастасии. – Но его лицо скрывала маска. Это могла быть женщина?

– Судя по фигуре, нет. Мне не показалось, что передо мной женщина. Кроме того... в его в глазах... было что-то странное.

– Что значит странное? – встрепнулся Сагамор, схватив блокнот.

– На долю секунды мне почудилось, что я узнала его и он меня тоже. Наши глаза встретились, и тут меня как обожгло. Словно мы уже встречались. Я не сумею это объяснить. Что-то промелькнуло в его взгляде. А ведь по глазам, лейтенант, все видно.

– У вас дома есть прислуга?

– Домработница. У нее сегодня выходной.

– Напишите ее имя, пожалуйста. – Сагамор протянул Анастасии блокнот.

Она написала.

– Кто-нибудь еще? Может, садовник?

– Парком занимается садоводческая фирма. Но они посылают, как правило, одних и тех же людей.

– Мне понадобится название этой компании.

В это время в Вербье сотрудники Эвезнер-банка съезжались к “Паласу” компактными группками. На машинах, поездах, фуникулере. Все пребывали в отличном настроении, предвкушая пышное корпоративное празднество. Как обычно, многие из них, зарегистрировавшись и заселившись в номер, спешили на гостиничный шаттл, идущий к подножию горнолыжных трасс. Избранное меньшинство наслаждалось роскошью “Паласа”, нежась в джакузи или среди снегов в открытом бассейне с подогретой водой, окутанной облаками пара. Жизнь в “Паласе” была ключом. Клиентов тут буквально облизывали. Рядовые сотрудники Эвезнер-банка считали этот уикенд главным событием года. Но для Кристины, участвовавшей в нем в первый и последний раз, он приобрел совершенно иное значение. Она знала, что время играет против нее. Для начала ей надо было выяснить, в каком салоне соберется совет. Тогда она воспользуется подручными средствами. Она открыла наугад какую-то дверь и незаметно проскользнула в закулисную часть отеля. Оказавшись на кухне, она увидела на стене служебную записку по поводу корпоратива Эвезнер-банка. Но стоило ей подойти поближе, как ей на плечо легла чья-то тяжелая рука.

– Чем я могу вам помочь, мадемуазель?
Это был Бинар, банкетный менеджер.

В это самое время Роз угощал Льва кофе в тишине своего уютного кабинета на первом этаже.

– Так ты наконец-то снизошел до Большого уикенда? – удивился Роз. – По-моему, ты еще никогда на него не приезжал.

– Никогда, – ответил Лев. – Слишком много неприятных воспоминаний.

– Я оставил тебе твой любимый номер, как ты и просил.

– Спасибо, месье Роз.

– Ну какой я тебе месье Роз, зови меня Эдмоном, сделай одолжение.

– Я так привык.

Лев посмотрел на висящий над камином портрет месье Роза в форме подполковника швейцарского армейского резерва.

– Я всегда восхищался вами. Больше, чем собственным отцом.

– Не надо так говорить.

Лев тепло посмотрел на сидящего перед ним пожилого человека. Месье Розу было, наверное, уже под восемьдесят, и хотя уходящее время не пощадило его физически, ум его не утратил своей живости.

– Вам не хочется на покой? – спросил Лев.

– Я так и не нашел себе преемника. “Палас” пытается купить кучка бездарных гостиничных групп. Я не отдам его в лапы какой-нибудь международной сети. Независимость – что может быть прекрасней.

Лев улыбнулся, не сумев скрыть сожаления:

– Простите, что подвел вас пятнадцать лет назад.

– Да ладно тебе, Лев, снова-здорово! Ты правильно поступил, приняв предложение Абея Эвезнера. Посмотри, какую невероятную карьеру ты сделал!

– Я никогда не любил банки. В глубине души я бы предпочел вернуться в “Палас” и работать вместе с вами.

– Еще не поздно, – ответил Роз с иронией в голосе.

– Увы, уже поздно.

Роз помрачнел:

– Что с тобой, Лев? У тебя какой-то странный вид. Отец бы очень тобой гордился. Ах, если бы он мог видеть, чего ты достиг!

Лев встал и подошел к окну. Он долго смотрел, как снег ложится на ветви елей.

– Отец умер из-за меня, – прошептал он.

– Прекрати, ты знаешь, что это неправда!

Лев, казалось, его не слышал.

– Месье Роз, – сказал он мрачно, – я собираюсь исчезнуть. Я приехал, только чтобы попрощаться с вами. Я стольким вам обязан.

– Исчезнуть? Что значит “исчезнуть”? Что ты такое говоришь?

– Возможно, вы услышите обо мне странные вещи. Но вы-то знаете, каков я на самом деле. Вы знаете, что я не дурной человек. Вы знаете, почему я сделал то, что сделал.

На шестом этаже отеля Макер топтался перед люксом Тарногола. Он должен был обязательно с ним поговорить. Приехав в “Палас”, он бросился искать его повсюду, но безуспешно. Тарногола не было ни в лобби, ни в салонах, ни в баре. И вот уже полчаса он стоял у него под дверью, как будто это могло ускорить его появление.

Наконец в коридоре показался Тарногол, энергичным шагом ступая по толстому ковру. Макару показалось, как и вчера, что вид у него встревоженный.

– Макер? – заметив его, удивился Тарногол.

– Синиор, мне нужно с вами поговорить.

Тарногол огляделся вокруг как загнанное животное, потом открыл дверь.

В номере было темно – уходя, он опустил жалюзи. Тарногол включил свет, открыл все шкафы и обошел комнаты, чтобы убедиться, что там никого нет.

– Учитывая создавшуюся ситуацию, я вынужден принимать меры предосторожности, – объяснил он Макару и, указав ему на кресло, сам сел напротив него. – Мы оба знаем, что это мой последний Большой уикенд, Макер. Вопрос в том, станет ли он последним и для тебя.

– Почему и для меня? – спросил Макер, не умея скрыть свою нервозность.

– Потому что P-30 следует за мной по пятам и за тобой тоже.

Макер побледнел:

– Кто... кто рассказал вам о P-30?

– Да будет тебе, русские спецслужбы давно в курсе... За тобой наблюдают так же пристально, как и за мной. К твоему сведению, я в отличие от некоторых никогда не принимал тебя за идиота. Напротив. По сути, ты совершил всего одну ошибку. Не тех боялся. Кому горе от чужих, а нам от своих.

– Кого я боялся? О чем вы?

– С Анастасией все нормально? – насмешливо спросил Тарногол.

– С Анастасией? При чем тут моя жена? – вскричал Макер, автоматически роаясь в карманах в поисках мобильного.

Сообразив, что оставил его в своем номере, он вскочил, бросился к себе и поспешно схватил телефон, лежавший на комодке у входа. Взглянув на экран, он понял, что пропустил чуть ли не десяток ее звонков. Что-то случилось. У него подкосились ноги. Он немедленно набрал номер Анастасии.

– Макер, наконец-то! – сказала она, мгновенно ответив на звонок.

Она стояла в прихожей с лейтенантом Сагамором.

– В чем дело, солнышко?

– К нам забрался какой-то человек. Влез в окно будуара. Я ездила за покупками и, вернувшись, наткнулась на него.

– Ты в порядке?

– Да, он сразу сбежал. Но успел обчистить твой сейф. Полиция спрашивает, что было внутри.

Макер замолчал. Он пришел в ужас. Значит, Тарногол уже готовился обменять пост президента на Анастасию. Надо немедленно увезти ее в безопасное место.

Она повторила свой вопрос:

– Что было в сейфе? Полицейские спрашивают.

– Ну... что... в общем... документы, – заикаясь, произнес Макер в полном замешательстве. – Важные банковские документы, но я забрал их с собой. В сейфе ничего не оставалось.

Анастасия почувствовала страх в голосе мужа. Она побледнела, и лейтенант Сагамор, насторожившись, пристально посмотрел на нее. Он попросил разрешения поговорить с Макером и взял у нее телефон.

– Месье Эвезнер? Это лейтенант Сагамор из уголовной полиции.

– Из уголовной полиции? Я думал, это простое ограбление.

– А я думаю, это далеко не простое ограбление. Ваша жена чудом не пострадала. Что вы хранили в сейфе на первом этаже?

– Да ничего, только банковские бумаги, – заверил Макер полицейского. – Но я забрал их оттуда.

– Какие именно бумаги? – спросил лейтенант Сагамор.

– Ой, да пустяки, – ответил Макер безразличным тоном, – обычная писанина. Вряд ли она кого-то могла заинтересовать. Взломщик, наверное, надеялся найти там какие-нибудь драгоценности.

– Не могли бы вы зайти ко мне, когда вернетесь из Вербье? Мне надо задать вам несколько вопросов, это чистая формальность.

– Ну разумеется, лейтенант. И спасибо вам и вашим людям, что так быстро оказались на месте. Могу я поговорить с женой?

Лейтенант Сагамор передал телефон Анастасии, и она отошла в сторону, прежде чем ответить.

– Солнышко, ты в опасности, – сдавленным голосом прошептал Макер. – В будуаре, на второй полке за книгами, спрятана тетрадь. Возьми ее и уничтожь! Сожги в камине, от нее ничего не должно остаться. Ты меня поняла?

Слушая инструкции Макара, Анастасия широко улыбнулась для вида, поскольку лейтенант по-прежнему не спускал с нее глаз, и самым что ни на есть безмятежным голосом ответила мужу:

– Конечно, дорогой. Ты, главное, не переживай. Все хорошо.

И она нажала на отбой.

Макер, вне себя от ярости, открыл маленький сейф в своем номере, вытащил оттуда пистолет и ринулся в номер Тарногола, благо он, выбегая, не закрыл за собой дверь. Тарногол так и сидел на диване. Макер наставил на него пистолет.

– Я убью вас, Тарногол, и на этом все закончится! – заорал он.

– Успокойся, – сказал Тарногол, который, похоже, совсем не испугался.

– Думаете, я на это не способен? – воскликнул Макер.

– Напротив, очень даже способен. Я знаю, что случилось в Мадриде.

– Какого черта...

– Опустим пистолет, Макер.

Макер подчинился, но решил не расслабляться.

– Предупреждаю вас, Синиор, если вы хоть пальцем тронете мою жену...

– При чем тут я! – раздраженно перебил его Тарногол. – Это все P-30!

– Что? Им-то это зачем?

– Затем, что они давят на тебя, чтобы ты согласился меня убить.

Макер уставился на него, вконец запутавшись.

– Теперь ты беспокоись о своей жене, – продолжал Тарногол, – но таковы же были правила игры, да? Я тебе президентство, ты мне – Анастасию.

– Я передумал! – сказал Макер. – Я хочу и ее, и президентство. Вот убью вас сейчас, и дело с концом.

– А вот и не убьешь, – невозмутимо возразил Тарногол.

– Это почему?

Вместо ответа Тарногол достал из внутреннего кармана пиджака конверт и протянул его Макару, который сразу узнал его.

– Я привез вам его из Базеля в понедельник ночью, – сказал он.
– Совершенно верно. И, полагаю, тебе любопытно взглянуть, что же там внутри. Давай, посмотри.

Макер посмотрел – там была пачка снимков. Он застыл от ужаса. У него затряслись руки. Ему конец.

– Эти фотографии, – сказал Тарногол, – мое страхование жизни.

В Женеве, в прихожей дома Эвезнеров, лейтенант Сагамор допрашивал Анастасию.

– Мадам Эвезнер, я заметил у входной двери дорожную сумку. Вы собрались уезжать?

Ее сердце забилося чаще, но она не подала виду.

– Нет, эта сумка валяется тут уже несколько недель, никак руки не дойдут ее разобрать. Простите за беспорядок.

– Вы сказали мужу, что ездили за покупками, – продолжал лейтенант. – Но я не вижу тут никаких пакетов.

– Я не нашла то, что искала. Мне нужна зимняя шапка, ее я и надеялась купить сегодня утром. Но мне не попало ничего подходящего.

– В каком магазине? – немедленно спросил лейтенант Сагамор.

Анастасия была застигнута врасплох.

– Я... Я... Я побродила по центру города. Зашла в “Бонжени” и в соседние лавки.

– Мадам Эвезнер, – сказал Сагамор с сочувствием в голосе, – мои коллеги нашли записку в вашей спальне. Я не думаю, что это имеет отношение к делу, и поэтому возвращаю ее вам.

Он протянул ей записку, которую она оставила Макеру перед уходом, сообщая, что бросает его. Анастасия скомкала листок и смущенно сунула его в карман. Почему-то ей захотелось оправдаться.

– Я... Я собираюсь уйти от мужа...

– Это меня не касается, мадам, – перебил ее Сагамор и направился к выходу.

Вежливо попрощавшись, он добавил уже с порога:

– Странно, ваш муж даже не любопытствовал, все ли на месте за пределами его будуара. Обычно, узнав об ограблении, пострадавшие сразу спрашивают, что было украдено и не разгромлен ли дом. Он таких вопросов не задавал. Как будто не удивился, что грабитель заинтересовался исключительно будуаром и, прежде всего, содержимым сейфа.

Анастасия пожала плечами:

– Он просто оторопел от таких новостей. Его главным образом

волновало, не пострадала ли я. Деньги не самое важное в жизни, лейтенант!

Макер так и стоял в номере Тарногола, погруженном в полумрак, не в силах отвести взгляд от фотографий. Они все были сделаны в Мадриде, на прошлой неделе, в разные дни. Его сняли на выходе из здания аэропорта, потом с Пересом на улице перед домом айтишника и, под занавес, спешащим прочь оттуда.

– Я не желаю тебе зла, Макер, – заверил его Тарногол. – Но я вынужден защищаться. Поэтому я принял меры предосторожности. Если вдруг, не дай бог, ты вздумаешь мне угрожать и со мной что-то случится в этот уикенд, фотографии с указанием имен тех, кто на них изображен, будут переданы испанской прессе и полиции.

– Вы правда дьявол! – воскликнул Макер.

– Я хуже дьявола, потому что я существую на самом деле.

Они смотрели друг на друга, как львы, готовые к прыжку.

– Нам незачем быть врагами, – сказал наконец Тарногол. – Как ты помнишь, я получил твои акции вполне законно. Мы совершили обмен. Если ты хочешь, чтобы я их вернул, верни то, что принадлежит мне.

– Анастасия вам не принадлежит!

– Тебе тоже. Ты же знал, что она любит Льва! Она тебе все рассказала. И каким же чудом она бы ни с того ни с сего влюбилась в тебя, если бы я не вмешался?

– Выберите меня президентом и скройтесь навсегда! – предложил Макер. – Тогда все оставят вас в покое.

– Я знаю, что мои дела плохи. Если ты меня не убьешь, этим займется кто-нибудь другой. Я знаю, что должен умереть. Или испариться. С другой стороны, я все еще могу помешать твоему назначению. Разве что...

– Что? – спросил Макер.

– Разве что ты променяешь Анастасию на пост президента. Пришло время решить, от чего отказаться.

Когда полицейские убрались из Колоньи, Анастасия бросилась в будуар. Она нашла тетрадь в том месте, которое указал ей Макер. В ней ничего не было, не считая нескольких бухгалтерских записей на первой странице. Еще там лежало какое-то письмо. Она слишком волновалась, чтобы сразу прочесть его. Она сунула тетрадь вместе с письмом в сумку и позвонила Льву, сообщить, что происходит. Не прошло и двадцати минут, как за ней приехал черный лимузин с Альфредом за рулем. Анастасия

вышла, быстро села в машину, и они тут же двинулись по шоссе Рют к центру города.

Промчавшись по набережной Генерала Гизана, Альфред пересек мост Монблан и, чтобы Анастасию никто не заметил, обогнув “Отель де Берг”, подкатил к служебному въезду, предназначенному для грузовых машин поставщиков.

– Месье попросил меня принять все меры предосторожности, – объяснил Альфред, когда они остановились в подземном паркинге. – Здесь вы будете в безопасности.

– Спасибо, Альфред. Я так испугалась, вы даже не представляете! Меня все еще колотит от ужаса.

– Мне очень жаль, что вы пережили такое потрясение.

– Знаете, меня пугает не столько само ограбление, сколько все, что с этим связано. Мой муж явно встревожился. Говорил про какие-то банковские документы. – О тетради она предпочла умолчать. – И, несмотря на маску, мне кажется, я почти узнала грабителя.

– Может, это был кто-то из банка? – предположил Альфред.

– Понятия не имею. Он вроде бы даже смутился. Это правда было очень странно.

Оказавшись в номере Левовича, в привычной обстановке, Анастасия вздохнула с облегчением. Она заперла дверь на два оборота, налила себе вина, чтобы взбодриться, и выпила его, любуясь грандиозным видом Женевского озера. Потом разожгла камин и взяла найденную в будуаре тетрадь. Прочтя письмо, она с удивлением обнаружила, что его подписал президент Швейцарской Конфедерации, благодаривший Макера за оказанные услуги. Какие такие услуги? Что все это значит? Анастасия решила выполнить указания мужа. Она бросила письмо в огонь и долго смотрела, как оно горит. Она хотела отправить вслед за ним и тетрадь, но вдруг заметила, что на пустых страницах проступают буквы.

Анастасия нетерпеливо поднесла тетрадь поближе к пламени, и текст тут же проявился целиком. С бьющимся сердцем она начала читать откровения Макера.

Швейцария, тихая гавань, с ее зелеными пастбищами и голубыми озерами, защищает свои банки, словно медведица – своих детенышей.

Больше ничего вам знать не нужно. Я сам, кстати, не слишком осведомлен. Порядок и стабильность – наш девиз.

Молчание и осторожность – наши дети.

Двенадцать лет назад меня завербовали в особый отдел швейцарских спецслужб. Это секретное подразделение носит название *P-30*, финансируется из государственной черной кассы и неподконтрольно в своих действиях Парламентской комиссии по разведке.

Ошеломленная Анастасия поняла, что все эти годы ее муж вел двойную жизнь. Она лихорадочно читала его отчеты о заданиях *P-30*. Макер, ее милый Макер, ее недотепа муж, оказался офицером разведки! Все это впечатлило и позабавило бы ее, если бы его история не приняла трагический оборот.

Должен признаться, что у меня на совести гибель людей.

Сам того не желая, я косвенно участвовал в уничтожении бывшего айтишника Эвезнер-банка и его жены, которые решили передать списки наших клиентов испанским налоговым органам.

[...] Я глубоко сожалею о том, что по моей вине пролилась кровь.

Я не хотел причинить им вреда. Если вы читаете эти строки, значит, дела мои совсем плохи. Умоляю вас, мой дорогой читатель, поверить мне: я никогда никому не желал смерти. Я понятия не имел о зловещих замыслах *P-30*. Меня воспитывали в уважении к христианским ценностям, и я надеюсь, что однажды мне удастся искупить свои грехи. Да простит меня Бог!

Анастасия в отчаянии прервала чтение. Ее била дрожь. Теперь понятно, почему президент Конфедерации выражает Макеру благодарность за оказанные родине услуги.

Она заглянула в самый конец его исповеди:

Моя последняя миссия должна осуществиться во время Большого уикенда Эвезнер-банка в Вербье. *P-30* просит меня помешать Синиору Тарноголу захватить власть в банке. У меня почти не осталось простора для действий: либо мне удастся убедить Тарногола назначить меня президентом, либо я буду вынужден убить его. Я знаю, что, если провалю задание, *P-30* повесит на меня двойное убийство, к которому я косвенно причастен.

Никогда не думал, что до этого дойдет. Но мне не пристало

жаловаться на судьбу, потому что я, и только я, несу ответственность за сложившуюся ситуацию. Я на самом деле виноват в том, что, уступив свою долю Тарноголу, позволил ему забраться так высоко. И раз уж это моя исповедь, придется открыть еще один секрет. Я обязан рассказать вам на этих страницах, что именно Сিনিор Тарногол предложил в обмен на мои акции.

Анастасия зажала рот руками, пытаясь не закричать. Нет, только не это! То, что она прочла, просто не могло быть правдой! Тарногол не мог так поступить! Она чуть не разрыдалась. Она силилась вспомнить, как все было, как она рассталась со Львом пятнадцать лет назад, но память внезапно подвела ее.

Она перечитала записки Макера. Как же Тарногол это провернул? Нет, он действительно был воплощением абсолютного зла.

Она схватила мобильник и позвонила Макеру.

– Солнышко? Все хорошо?

– Макер, я... я...

Она всхлипнула. Он понял, что она прочитала тетрадь.

– Не говори ничего, – взмолился он. – Нас наверняка прослушивают.

– Что с нами будет, Макер?

– Не могу сказать. Но я сделаю это ради тебя. Из любви к тебе. А теперь пока, я не хочу, чтобы *они* тебя выследили.

Она разъединилась и заплакала.

Она понимала, что грядет катастрофа.

Глава 31

Под счастливой звездой

В субботу, 30 июня 2018 года, в одиннадцать утра, когда я еще крепко спал у себя в номере, просидев всю ночь за письменным столом, меня разбудил настойчивый стук в дверь. Поначалу я подумал, что это горничная, и решил не вставать. Но посетитель не унимался, и я пошел открывать. Это оказалась Скарлетт.

– Все нормально? – спросила она меня тоном, в котором сквозило не столько беспокойство, сколько раздражение.

– Да, спасибо. А что?

– Вчера вечером мы собирались вместе поужинать. Но у вас явно нашлись дела поинтереснее.

– Черт, я совсем забыл! Я очень сожалею.

– Я тоже сожалею. Я как дура прождала вас целый час в ресторане.

– Ну позвонили бы мне в номер, я бы тут же спустился.

– Вы не поверите, именно так я и поступила! Но у вас было занято. Администратор сказал, что вы наверняка плохо положили трубку. Тогда я поднялась сюда и постучалась к вам. Вы не открыли. Видимо, развлекались где-нибудь на стороне!

– Нет, уверяю вас, я весь вечер просидел тут.

– Хватит врать! – прервала меня Скарлетт. – Вы вольны проводить свое время, как вам заблагорассудится, но не держите меня за идиотку!

– Я не нарочно, честное слово. Я работал и слишком увлекся.

– До такой степени, что не услышали стука?

– Знаете, проживая какую-то историю, я отключаюсь от всего остального. Я существую внутри романа, в его декорациях. В окружении своих персонажей.

– Ну что вы несете? – в отчаянии воскликнула она.

– Это чистая правда. Я переносюсь в другой мир. Позвольте мне искупить свою вину, давайте поужинаем сегодня. Пожалуйста!

Она колебалась.

– Прошу вас! Я бы очень этого хотел.

– Хорошо, – сдалась она наконец. – Но предупреждаю, прикрыться романом можно один раз, второй не проканиает.

– Даю слово.

Просидев целый день над книгой, я встретился со Скарлетт в итальянском ресторане отеля.

– Спасибо, что пришли, – сказал я.

– Вы думали, я собираюсь отплатить вам той же монетой?

– Я это заслужил.

– У меня такое впечатление, что чем дальше продвигается ваш роман, тем реже мы видимся.

– Я окунулся в него с головой.

– С вами такое часто случается?

– Каждый раз.

– По-моему, я проигрываю битву вашей книге, это весьма неприятное чувство.

– Прошу прощения.

Чтобы сменить тему, я протянул Скарлетт небольшой сверток. Я специально зашел в книжный, чтобы купить ей подарок.

– Кстати о книгах, я принес вам кое-что почитать.

Она развернула пакет – это были “Унесенные ветром”.

– Это одна из любимых книг Бернара. Он рассказывал, что прочел ее во время войны, лет в тринадцать – четырнадцать, сидя на заднем сиденье машины, когда они с мамой и братом спасались бегством из города. Ходили слухи, что итальянская авиация бомбит гражданские колонны, и Бернар, захваченный романом, надеялся, что успеет его дочитать до того, как их убьют. Он говорил, что это великий роман.

– Что такое великий роман? – спросила Скарлетт.

– По словам Бернара, великий роман – это картина. Читатель попадает в огромный мир, поддавшись грандиозной иллюзии, сотворенной кистью автора. На картине изображен дождь – и вы чувствуете, что промокли. Морозный снежный пейзаж – вы начинаете дрожать от холода. “Знаете, что такое настоящий писатель? – спрашивал он. – Это художник. В музее великих писателей, ключ от которого хранится у всех владельцев книжных лавок, вас ждут тысячи полотен. Стоит вам туда хоть раз зайти, вы станете его завсегдатаем”.

Она улыбнулась.

– Я немного пишу о Бернаре в новой книге, – признался я.

– Как бы он отнесся к этому?

– Он был бы польщен и сконфужен одновременно. Он бы сказал: “Ну, если вам так хочется”. Как все великие люди, Бернар был очень скромн. Он не любил оказываться в центре внимания. Например, он не любил праздновать свой день рождения, девятого мая. Я, разумеется, звонил ему,

несмотря ни на что. В глубине души я думаю, ему просто не нравилось, что дни рождения напоминают о возрасте. О том, что он родился в 1926 году. Когда в газетах писали о нем “старейший издатель”, он сходил с ума. Однажды он летел в Париж из Милана после банкета по случаю итальянского издания одного из моих романов, и стюард попросил его поменяться местами с какой-то молодой женщиной. “Почему это?” – спросил Бернар. “Потому что вы сидите возле аварийного выхода, а в вашем возрасте это запрещено. Таковы правила. У вас не хватит сил открыть люк”. – “Я сильнее этой девушки”, – воспротивился Бернар. “Пересядьте, месье”, – настаивал стюард. “Давайте мы с ней померяемся силами, – потребовал тогда Бернар. – Кто победит, тот и займет это место”. Стюард, понятное дело, отказался и заставил его пересесть. Он бушевал из-за этого целую неделю. “Нет, вы только представьте!” – повторял он. Но я совершенно не хотел ничего себе представлять. Я хотел верить, что Бернар будет жить вечно. Я хотел верить, что он непобедим.

Мы помолчали.

– Я помню его последний день рождения, в мае прошлого года. За восемь месяцев до смерти. Я позвонил ему с поздравлениями, и против обыкновения он не рассердился. Более того, как-то даже повеселел: “Знаете, Жоэль, я тут подумал, что если полицейский проверит на улице мое удостоверение личности, он с удивлением взглянет на дату моего рождения и спросит: *Как? Вы все еще здесь?*”

– И что вы ему ответили? – спросила Скарлетт.

– Я рассмеялся. Я сказал, что он еще всех нас похоронит. Не для того, чтобы его успокоить, просто я действительно так считал. Несмотря на шестьдесят лет разницы между нами, несмотря на его преклонные годы, мне казалось, что он вечен. И, убедив себя, что Бернар всегда будет рядом, я постановил, что он останется моим единственным издателем.

– Что вы имеете в виду?

– Издатель – это любовь. Полюбить по-настоящему можно только один раз. После Бернара у меня никого не будет. После успеха моего второго романа все были уверены, что я уйду из “Фаллуа” в более престижное издательство. “Что вы теперь собираетесь делать? – постоянно спрашивали меня. – Вы наверняка уже получили предложения от лучших издателей Франции”. Но они так и не поняли, что лучшим издателем Франции был Бернар.

Париж, май, через восемь месяцев после выхода моего второго романа. Журналист пришел взять интервью у Бернара в издательство “Фаллуа” на улице Ла Боэси, дом 22. Бернар не особенно любил давать интервью, но иногда, по моей просьбе, соглашался сыграть в эту игру. Я сидел рядом.

Задав несколько банальных вопросов, журналист, подразумевая, что я, само собой, изменю Бернару с более крупными издателями Сен-Жермен-де-Пре, спросил с лукавым видом:

– Как вам кажется, следующий роман Жоэля будете издавать вы?

Я побагровел от злости и еле удержался, чтобы не выгнать его пинком под зад. Бернар хитро улыбнулся:

– Если следующий роман Жоэля покажется мне слабым, я не буду его издавать.

Я никогда не забуду эти слова, очень емко выразившие суть отношений, сложившихся у нас с Бернаром за эти годы.

Он заключал со мной договор на каждую книгу отдельно, не связывая меня обязательствами на будущее.

– По одному роману на контракт, – говорил он. – Зачем вас неволить, вдруг вам расхочется со мной работать.

– А я не прошу аванса, – отвечал я. – Будете платить мне проценты с продаж. Если книга окажется успешной, тем лучше для всех нас, если провалится, утешимся тем, что хотя бы приятно время провели.

– Успех – это удовольствие от совместной работы! – с энтузиазмом повторял Бернар.

Мы часто подписывали договор в последний момент, когда очередной роман уже уходил в печать, настолько мало нас это заботило.

Бернар не просто сделал из меня известного писателя, он научил, как справляться с успехом, постоянно повторяя, в частности, что рано радоваться. Так тренер по боксу наставляет своего подопечного после удачного первого раунда: “Это пока только начало, впереди у тебя еще одиннадцать”.

Ровно через год после выхода в свет моего второго романа я получил от него мейл:

*Дорогой Жоэль,
Сегодня у нас годовщина. 19 сентября 2012 года “Гарри Квеберт” поступил в книжные магазины Франции, Бельгии и Швейцарии.*

Я не особенно люблю отмечать памятные даты, но эта

мне, пожалуй, нравится, поскольку лишний раз доказывает, до какой степени все в жизни неслучайно, взаимосвязано и постепенно приобретает значение.

Помню, как в тот день, 19 сентября, я дошел до книжного магазина “Фонтен” посмотреть, выставили ли они ваш роман на витрину. Выставили. Конечно, я и не рассчитывал, что он везде будет красоваться на первом плане, мы ведь нарушили все существующие правила и традиции своим напором, но “Фонтен” – это наши друзья, мы их попросили, и вот они положили его на виду.

Пока я любовался им, мне вдруг пришел на ум прекрасный отрывок из Пруста с описанием смерти Бергота:

“Бергота похоронили, но всю траурную ночь его книги, выставленные по три в освещенных витринах, бодрствовали, словно ангелы с простертыми крыльями, и казались символом воскресения того, кого больше не было”^[7].

Какой урок мы можем извлечь из этой истории? У вас пока вышло всего две книги, и чтобы когда-нибудь их выставили по три в витрине книжного магазина, вам надо написать еще очень много. Надеюсь, мы посмотрим на них вместе и вспомним это прозрение Пруста. Мой дорогой Жоэль, я уверен, вы согласны со мной, что не следует слишком быстро успокаиваться и почивать на мимолетных лаврах, но все же, когда я думаю об истекшем годе, мне кажется, что у нас с вами все совсем неплохо.

Бернар

•

Я поднял глаза от экрана мобильного, в памяти которого отыскал мейл Бернара, чтобы прочесть его Скарлетт.

– Он всегда со мной.

– Что бы вы сказали ему, если бы он сидел сейчас напротив вас? – спросила Скарлетт.

– Я бы сказал: “Мне так вас не хватает, Бернар. Париж уже не тот, с тех пор как вы его покинули. Вы изменили мою жизнь. А я так и не успел вас поблагодарить”. А он бы засмеялся и ответил добродушно: “Успели, Жоэль.

Не волнуйтесь”. – “Знаете, – продолжал бы я, – мне без вас что-то расхотелось издавать свои романы”. Он бы снова засмеялся: “Но вы же писали до меня и напишете после. Да вы и так уже увязли по уши в новом романе”.

Я подумал, что трудно воздать должное выдающимся людям. Потому что непонятно даже, с чего начать. Бернар придал смысл моей жизни. Он оберегал меня. Он стал моей счастливой звездой. Но звезды рано или поздно гаснут.

Я совсем расчувствовался, да и Скарлетт тоже, как мне показалось. Она взяла меня за руку. Наши лица сблизились через столик, губы тоже. Но тут раздался чей-то голос:

– Мадам Лонас?

Мы обернулись. Нам улыбался невысокий человек в костюме.

– Простите, что беспокою вас, мадам, я заместитель директора этого отеля. Мне передали, что вы хотите поговорить с кем-то из руководства, и я решил убедиться, что вы довольны своим пребыванием у нас. Что-то не в порядке?

Скарлетт успокоила замдиректора, объяснив, что ей хотелось бы задать ему несколько вопросов о происшествии в номере 622.

– Это никакой не секрет, но, если не возражаете, – сказал он, – я предпочел бы побеседовать с вами в более уединенном месте. Давайте встретимся чуть позже.

После ужина (мы ели потрясающую пасту, Скарлетт – со свежими помидорами и базиликом, я – под сливочным соусом с шалфеем) он пригласил нас выпить. Мы сидели в уютном кабинете директора “Паласа”, обставленном старинной мебелью. У камина стояли друг напротив друга четыре кресла.

– Я знаю, вы расспрашивали консьержа о номере 622, – начал замдиректора. – Мы стараемся лишней раз не вспоминать столь трагический эпизод в истории отеля. Как я уже сказал, мы не делаем секрета из этого убийства, но, как правило, предпочитаем ложь во спасение, чтобы не напугать клиентов.

– Ну раз уж мы говорим откровенно, расскажите, что произошло, – попросила Скарлетт.

– Увы, ничем не могу вам помочь, я тогда еще здесь не работал.

– Кто был директором в то время?

– Эдмон Роз, знаменитый владелец “Паласа”. Он, собственно, построил отель и на протяжении нескольких десятилетий был тут главным

человеком.

С этими словами он показал на портрет мужчины в военной форме, висевший над камином.

– Это месье Роз? – спросила Скарлетт.

– Совершенно верно. Я слышал, что он был человек неординарный, наделенный природным обаянием. Подполковник армейского резерва, он умел подчинять себе людей, но ему были свойственны и проявления необычайной нежности.

– Не знаете, как нам добраться до месье Роза? – спросил я.

– К сожалению, он давно умер.

– Нам обязательно надо поговорить с сотрудником “Паласа”, работавшим в тот уикенд, когда произошло убийство, – настаивала Скарлетт.

Замдиректора задумался, прежде чем ответить:

– Ну, персонал тут постоянно меняется. Но вот Бинар, я полагаю, сможет удовлетворить ваше любопытство. Это наш бывший банкетный менеджер, он всю жизнь прослужил в “Паласе”. Год назад Бинар вышел на пенсию, но живет по-прежнему в Вербье. Я часто вижу его утром в кафе у почты. Вы наверняка застанете его там.

Глава 32

Последний шанс

Суббота, 15 декабря, накануне убийства

Настал торжественный день.

В шесть утра Кристина вышла из своего номера в “Паласе Вербье”. Толстый ковер в коридоре заглушал ее шаги. В люксах шестого этажа останавливались только важные особы из их банка. Но Кристине удалось договориться с Жан-Бенедиктом Хансеном, благодаря чему она и оказалась на “этаже боссов”, как называли его между собой коллеги. Вообще-то она просто не оставила ему выбора.

Чтобы добраться до лифта, ей пришлось пройти весь коридор. По одну его сторону располагались двери номеров, а по другую чередовались большие окна и плотные бархатные портьеры – это был фасад отеля. Сначала шли комнаты руководителей разных отделов банка, за ними люксы Ораса Хансена, Жан-Бенедикта Хансена, Синиора Тарногола, Льва Левовича и Макера Эвезнера.

Кристина спустилась на первый этаж. Там было тихо и пусто. Казалось, отель еще спит. Большинство сотрудников банка, наслаждаясь исключительным комфортом – и тем, что семья осталась дома, – позволили себе поваляться в постели и немного отдохнуть.

Но покой, царивший в “Паласе”, был обманчив: кухню и прочие службы уже привели в состояние боевой готовности. На все про все им оставалось несколько часов. В шесть вечера гостей ожидали в бальном зале на коктейль. Потом, в семь, их попросят собраться у большой эстрады. На нее выйдут члены совета банка и официально откроют праздничный вечер, объявив имя нового президента. Затем все рассядутся за столы и подадут ужин. Бал начнется ровно в десять.

В этот ранний час банкетный менеджер Бинар ходил взад-вперед по закрытому еще бару “Паласа”. Он ужасно нервничал. Внезапно кто-то постучался, и он вздрогнул. Это пришла Кристина. Он поспешил впустить ее.

– Я совсем не в восторге от этой ситуации, – сказал он.

Кристина закрыла за собой застекленную дверь бара.

– Если вам станет от этого легче, то я тоже.

– У меня могут быть неприятности! – запротестовал Бинар.

– У меня тоже, – отозвалась Кристина.

Она очень сильно рисковала. Что, если Бинар ее сдаст? Да, она преступила черту, но что поделать, ей необходимо было понять, что к чему. Еще в понедельник, подслушав телефонный разговор между Тарноголом и Жан-Бенедиктом Хансеном, она догадалась, что с выборами президента что-то не так. Она подозревала, что Макер готов добиваться этого поста любой ценой. И твердо вознамерилась узнать правду.

– Вот список всех клиентов, присутствующих в “Паласе” в эти выходные, с номерами комнат.

– Кто занимался расселением? – спросила Кристина.

– Жан-Бенедикт Хансен дал нам общие инструкции.

– А Макер Эвезнер? Может, он связался с вами в последнюю минуту, попросив внести изменения в этот список?

– Да нет. А что?

Кристина, не ответив ему, продолжала:

– Значит, по-вашему, все идет по плану?

– Разумеется. Я, кстати, говорил вчера с начальником службы безопасности. У них, судя по всему, тишь да гладь. По-моему, вы переусердствовали.

– Возможно, – согласилась Кристина.

– Постарайтесь просто приятно провести выходные, – посоветовал ей Бинар на прощание.

Выйдя из бара, Кристина направилась в ресторан “Паласа”, где уже подали завтрак. Неудивительно, что в зале еще никого не было в такую рань. Она села за столик, заказала кофе и в ожидании, пока ее обслужат, взяла газету.

В семь часов в ресторане появился Макер. Кристина отметила, что вид у него ужасный и он явно на взводе. Увидев свою секретаршу, он попытался сделать хорошую мину при плохой игре.

– Привет, Кристина! – воскликнул он, натужно улыбнувшись.

– Доброе утро. У вас все в порядке? Вы неважно выглядите.

– Честно говоря, у меня неприятности, – сказал Макер. – Все просто хреново, извините за выражение.

– Из-за президентства?

– Нет. Впрочем, да. Не скрою, я ужасно нервничаю. Я почти не спал этой ночью.

– Не беспокойтесь, я никому не сказала, что услышала в тот день в банке.

– Это недоразумение, – заверил ее Макер. – И речи не может быть о

том, чтобы Лев стал президентом. Изберут меня.

– Ну и прекрасно.

Макер сел за отдельный столик. Это было очень на него не похоже, в обычное время он бы составил компанию Кристине. Происходило что-то странное.

Шестью этажами выше Лев ходил из угла в угол в своем номере с телефоном в руке. С вечера у него не было никаких вестей от Анастасии. Она не отвечала ни на его сообщения, ни на звонки. В “Отель де Берг” он тоже ей не дозвонился. Лев заволновался. Несмотря на ранний час, он решил побеспокоить Альфреда, понимая, что придется его разбудить. Кто-то же должен узнать, в чем дело. Вдруг что-то случилось.

В четверть восьмого в ресторане появился Тарногол. Он сел в одиночестве за дальним столом, зарезервированным для членов совета банка. Он заказал яйца всмятку, икру, рюмку “Белуги” и черный чай с каплей молока. Макер не сводил с него глаз. До выборов оставалось меньше двенадцати часов. Он уже не владел ситуацией.

Позавтракав, Тарногол ушел. В четверть девятого показался Жан-Бенедикт, высматривая кого-то. Увидев Макаера, он бросился к нему.

– Вот ты где! – воскликнул он. – Нам надо срочно поговорить. Идем со мной.

Они вышли в холл.

– В чем дело? – спросил Макер.

Тот, не ответив, повел его в приватный салон. Там, восседая в кресле, словно на троне, их ждал Орас Хансен. Он смерил Макаера надменным взглядом и объявил ему тоном Цезаря, милующего гладиатора:

– Я изберу тебя президентом. Мы все подробно обсудили с Жан-Бенедиктом и пришли к выводу, что ты и только ты должен занять этот пост.

У Макаера загорелись глаза.

– Спасибо, Орас, – обрадовался он. – Благодарю за поддержку.

– Моя поддержка имеет свою цену, – сказал Орас. – Вот мои условия.

Альфред Агостинелли обошел апартаменты Левовича в “Отеле де Берг”. Анастасия пропала.

Он долго стучался, но ему никто не ответил. В конце концов он открыл дверь своим ключом. В номере было пусто. Кровать была расстелена, но ее вещи исчезли. В камине лежали кучки золы. Он разворошил ее, пошарил в дымоходе и отодрал от каменной стенки комок бумаги, вылетевший из

очага до того, как сгорел полностью. Альфреду удалось разобрать отдельные буквы, написанные от руки, но сложить их в слова оказалось труднее.

Он немедленно позвонил Левовичу.

Когда раздался звонок Альфреда, Лев как раз собрался выходить. Он с тревогой выслушал рассказ своего водителя.

– Если постель расстелена, значит, она ночевала там, – заключил он. – Никаких следов борьбы?

– Нет. Все в полном порядке. Скорее всего, она сбежала. Забрала вещи. При похищении зубную щетку захватить не успеваешь.

Его рассуждения успокоили Льва.

– Опросите персонал отеля. Возможно, кто-нибудь ее видел.

– Разумеется. Буду держать вас в курсе.

Лев нажал на отбой. Исчезновение Анастасии встревожило его. Ему хотелось все обдумать в тишине, и он решил выпить кофе в баре, где его никто не потревожит.

В приватном салоне “Паласа” Макер внимательно выслушал требования Ораса Хансена:

– Я хочу, чтобы ты назначил Жан-Бенедикта вице-президентом банка, который ты переименуешь в Эвезнер-Хансен-банк. Я также хочу, чтобы ты взял обязательство подать в отставку через пятнадцать лет, уступив место моему сыну. К тому моменту ты сделаешь прекрасную карьеру и сможешь уйти на заслуженный отдых. А у Жан-Бена будет впереди еще много времени.

Помолчав, Макер кивнул – это его вполне устраивало. Пятнадцать лет правления. После чего, в расцвете сил, он уйдет на покой. В банке все ужасно расстроятся. За несколько недель до его ухода они примутся причитать и жаловаться: “Как же мы теперь без Макера?” Пятнадцать лет у них был отличный начальник. Он расстанется с банком, купаясь в обожании подчиненных и восхищении коллег. Произнесет на прощание трогательную речь. Присутствующие не смогут сдержать слез. А на его место придет этот лопух Жан-Бенедикт и вскоре станет всеобщим посмешищем. Вот тогда он будет наконец отомщен – не бывать бычком лягушке! Все волей-неволей их начнут сравнивать и придут к заключению, что Жан-Бенедикт в роли президента – лишь слабое подобие своего великого кузена и предшественника. Макер подумал, что его отец и дед должны были бы поступить так же – уйти в апогее славы и такими остаться в памяти подчиненных, а не цепляться за свой пост, невзирая на старость и

болезни.

– Я согласен, – подтвердил Макер. – Даю вам слово.

Жан-Бенедикт обнял его от избытка чувств.

– Я боялся, что ты откажешься, – признался он.

– Как я могу отказаться? Я знаю, чем тебе обязан, Жан-Бенедикт. Ты всегда хранил мне верность. Кроме того, мы родственники. Почти братья.

Сев у стойки, Лев заказал ристретто. Бар только что открылся, и, как он и надеялся, кроме него там никого не оказалось. Он с легкой ностальгией посмотрел на кресла, обитые красным бархатом, на низкие столы из черного дерева и вконец растрогался – за последние пятнадцать лет тут ничего не изменилось.

•

Пятнадцать лет назад

Ранний вечер в начале августа. Прошел ровно месяц с того дня, как Лев привез Анастасию из Брюсселя в Женеву.

Лето стояло жаркое, и все рванули в горы в поисках прохлады. “Палас” был переполнен. В Вербье приехали подышать воздухом и несколько весьма важных и капризных клиентов, вроде Синиора Тарногола. Летний сезон начинался спокойно, и месье Роз не предвидел внезапного наплыва гостей. Персонал отеля явно не справлялся.

Сол помогал им, встречая вновь прибывших. В то утро Лев стоял рядом с ним. В последнее время ему казалось, что сын чем-то постоянно раздражен.

– Ты в порядке? – спросил он, прежде чем броситься к очередному клиенту.

– Я в порядке, папа, – лаконично ответил Лев.

– У тебя озабоченный вид.

– Я просто заработался. Мы все с ног сбились.

На самом деле Льва беспокоило другое. Когда по возвращении из Женевы месяц тому назад он рассказал отцу о предложении Абея Эвезнера, тот вспылил:

– Женева? Пфф! У нас с этим городом связаны только плохие воспоминания.

– Почему же, – возразил Лев, – у меня очень даже хорошие. Я помню, как мама забирала меня из школы и мы гуляли по берегу озера.

– Женева отняла у нас твою мать! Женева и банкиры! А ты заявляешь, что хочешь работать в женевском банке! Предатель! Никогда бы не подумал, что получу такой удар, к тому же от собственного сына!

– Мы же не будем всю жизнь торчать в Вербье! – крикнул Лев.

– Почему бы и нет? Наша творческая жизнь теперь навсегда связана с этим местом! И не вздумай говорить, что ты не актер, ты потрясающе талантлив. Впрочем, в том-то и проблема, что ты талантлив во всем. Поверить не могу, что ты хочешь отсюда уехать! И ты вот так прямо мне об этом заявляешь! Это все из-за твоей подружки, как ее, Камураска?

– Анастасия, – сказал Лев.

– Пусть будет Анастасия. Пфф, какая разница! Ты всегда говорил, что счастлив здесь, но стоило тебе познакомиться с этой девицей, как – бац! – ты мчишься в Брюссель посреди ночи, а теперь намылился в Женеву. Знаешь, Лев, одной девицей больше, одной меньше...

– Она не такая, как все, папа. Я хочу на ней жениться.

Сол усмехнулся:

– Жениться! Ты и правда выдающийся комик, сын мой. И отчаянный романтик в душе. Весь в мать. Зачем связываться с первой встречной? Да ради бога, поезжай, скатертью дорожка. Можешь меня предать, выкинуть за ненужностью, чего уж там. Ты стыдишься своего происхождения? Хочешь стать Эвезнером, как все эти пижоны, которые щеголяют тут на корпоративных уикендах?

– Всё не так, папа.

– А как? Раз уж ты собрался уехать, назови хотя бы одну уважительную причину.

– Ну послушай, банк это просто идея, не более того. Я еще ничего не решил.

– Тогда оставайся. Чего ж проще.

Лев так и поступил. Он позвонил Абелью Эвезнеру, чтобы отклонить его предложение. Но, повесив трубку, поклялся себе поскорее уехать из Вербье. Подальше от отца.

Ему пришлось отказаться и от будущей должности директора “Паласа”. Под бдительным оком отца ему не удастся управлять отелем. Лучше сбежать отсюда навсегда.

Анастасия очень огорчилась, что их план не реализуется ни в Вербье, ни в Женеве. Но Лев пообещал, что это дело времени и не позднее чем через несколько месяцев все устроится. Пока что она вернулась к матери. Благодаря Макеру она получила место секретарши в Эвезнер-банке и теперь сама зарабатывала на жизнь, откладывая деньги на их со Львом

проект. Конечно, эта работа не доставляла ей радости, зато она часто виделась с Макером, чье общество ей всегда было по душе.

Анастасия и Лев созванивались каждую ночь.

– Когда уже мы будем вместе? – непременно спрашивала его Анастасия.

– Скоро.

– Когда скоро? – настаивала она.

– Я жду знака, – отвечал Лев. – Жизнь вся состоит из знаков.

В ожидании знака судьбы, который определенно запаздывал, он вернулся к своей тоскливой службе в “Паласе”.

Его размышления прервал громкий голос Сола:

– Сын мой, мне надо с тобой поговорить.

– Давай, папа, – сказал Лев устало.

– Я не просто так попросил тебя остаться здесь и не уезжать в Женеву.

– Я знаю, банкиры убили маму.

– Нет, нет, это тут ни при чем. Я, конечно, тебе все уши этим прожужжал, но ведь я актер и порой наигрываю. Нет, я должен тебе сообщить нечто важное. Мне уже давно следовало все тебе рассказать, – с серьезным видом начал Сол.

Голос у него дрогнул.

– Слушаю тебя. – Лев внезапно встревожился. – Что случилось?

Сол колебался. В эту минуту из служебной двери вышел сотрудник “Паласа” и окликнул Льва:

– Месье Роз просит тебя зайти.

– Иди, сын мой, – смирился Сол. – Не заставляй ждать месье Роза. У меня ничего срочного.

Лев кивнул и пошел к директору.

– Лев, что происходит? – спросил Роз, усадив молодого человека в кресло напротив себя. – После Брюсселя ты сам не свой.

– Прошу простить меня, месье Роз.

– Плевал я на твои извинения, я хочу знать, что тебя тревожит.

– Ничего.

– Ничего?

– Ничего.

Роза раздражало молчание Льва.

– Слушай, – сказал он, – я не знаю, имеет ли это какое-то отношение к той девушке, которая вскружила тебе голову, но я хочу быть уверен, что все мои подчиненные исполняют свои обязанности. В “Паласе” полно важных

клиентов, и я надеюсь, что во всем могу на тебя положиться.

– Конечно, месье Роз. Можете на меня положиться. Я вас не подведу.

– Тогда иди в бар, сейчас туда повалит народ. Все должно быть на высшем уровне.

Лев послушно пошел в бар. Первый, кого он там увидел, был сидящий в кресле Тарногол, который тут же окликнул его:

– Юноша Левович, ты как раз вовремя. Я хочу черный чай с каплей молока, и ты единственный знаешь, что я имею в виду.

Лев молча заварил ему чай.

Но на этот раз Тарногол остался недоволен.

– Невкусно, – проворчал он. – Горчит. Завари еще.

Лев заварил еще. На сей раз чай оказался слишком горячим.

– Я хочу выпить его прямо сейчас, – простонал Тарногол, – а не ждать часами, пока он остынет. Попробуй еще разок.

Лев снова налил ему чаю, добавив воды, чтобы остудить его. Но выяснилось, что теперь он слишком холодный.

– Горячий чай должен быть горячим! Ни теплым, ни холодным! Иначе я бы попросил тебя теплый чай или холодный чай! Да что с тобой такое?

И тут Лев, который и так был на взводе весь день, сорвался:

– Послушайте, если вы недовольны, сами заваривайте себе чай и не заставляйте меня терять попусту время.

Тарногол выпучил глаза. Умолкнув на мгновение от неожиданности, словно осмысляя чудовищную наглость Льва, он заорал:

– Что ты сказал? Нахальный говнюк! Как ты смеешь разговаривать со мной в таком тоне?

В баре все замерли. Лев тут же пожалел о своей выходке, но было слишком поздно.

– Позовите мне директора! – в ярости вопил Тарногол. – Кто-нибудь, немедленно позовите директора!

Несколько минут спустя Лев стоял в кабинете месье Роза.

– Не может быть! – воскликнул он. – Что ж ты творишь?

– Позвольте мне объясниться, – рискнул Лев.

– Не нужны мне твои объяснения, – сказал Роз, явно раздосадованный ситуацией. – У тебя всегда найдется подходящее объяснение! Я же тебя предупреждал! Я же просил – веди себя хорошо!

– Я очень сожалею.

– Поздно сожалеть, Лев. Увы, мне придется тебя уволить, я не вижу другого выхода.

– Как уволить? За что? Вы же знаете, что Тарногол невыносим!

– За что? Ты не имеешь права повышать голос на клиентов! Это одно из основных правил, которым я тебя научил!

Я спас тебя, невзирая ни на что, после недоразумения на балу, но меня не поймут, если и второй проступок сойдет тебе с рук. Ты не оставил мне выбора. Нам пора расстаться. Я даже думаю, что увольнение пойдет тебе на пользу.

Потрясенный до глубины души, чувствуя, как от бешенства у него выступают слезы, Лев вышел, не произнеся больше ни слова.

Он пробежал через холл отеля к главному входу, сорвал с лацкана бейдж и швырнул его на пол. Ему хотелось исчезнуть отсюда сразу и навсегда. Когда он спустился по ступенькам “Паласа”, перед ним остановилось такси. Задняя дверца открылась, и Лев услышал свое имя. Он замер: это была Анастасия.

Лев, не веря своим глазам, бросился к ней. Она обняла его.

– Что ты здесь делаешь? – спросил Лев.

– Жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на ожидание, – сказала Анастасия. – Поехали со мной в Женеву. Давай уже наконец будем счастливы вместе.

Он прижал ее к себе изо всех сил и поцеловал долгим поцелуем. Он чувствовал, как его сердце оживает. Он был на вершине блаженства.

– Я готов, – сказал он.

В тот же день Лев перебрался из Вербье в Женеву, взяв с собой только самое необходимое.

Эдмон Роз, стоя у окна в своем кабинете, смотрел, как Лев удаляется от “Паласа” с дорожной сумкой в руках.

– Прощай, сын мой, – прошептал он со слезами на глазах.

•

Двадцать лет назад

Жизнь в Вербье била ключом. Все официальные лица и знаменитости кантона спешили на церемонию открытия элегантного отеля, который недавно возвели в городе. “Палас” еще не принимал клиентов, но все говорили, что он станет жемчужиной гостиничного бизнеса Швейцарии. Журналисты и гости не спускали глаз с Эдмона Роза, виновника торжества. Этот бизнесмен в свои неполные сорок лет сколотил с нуля огромное состояние на недвижимости.

– Месье Роз, – спросил корреспондент радио, потрясая микрофоном, – можно ли считать, что жизнь удалась, если осуществляется такой амбициозный проект?

Этот вопрос еще долго звучал в голове у Эдмона Роза. Все его предприятия и начинания оказывались успешными. В учебе он превзошел сам себя. Пройдя военную службу, он закончил ее в звании подполковника. Потом занялся бизнесом и теперь стоял во главе небольшой империи. Но он был одинок. Слишком долго он путешествовал по миру в поисках заработка, и у него так ни с кем и не возникло серьезных отношений. Теперь Роз желал только одного – создать семью. По этой причине он и выстроил “Палас”. Он хотел обосноваться в Вербье, отойти от дел и взять на себя управление отелем. Жениться, завести детей. Зажить нормальной жизнью.

•

Двадцать лет спустя Эдмон Роз стоял у окна в своем кабинете и смотрел, как удаляется и пропадает из виду фигура Льва. Ему будет ужасно его не хватать. Присутствие Льва в отеле стало для него ежедневной радостью. Но мальчику пришло время вылететь из гнезда. Потому что “Палас”, каким бы огромным он ни был, оказался слишком тесен для человека такого масштаба.

В качестве утешения Роз впервые сказал себе, что да, жизнь удалась. Ему суждено было полюбить. У него нет детей. Но у него есть Лев. Он полюбил его, и тот отвечал ему любовью.

Когда-нибудь у Льва будут дети. И он станет им дедом. Эдмон Роз, уставившись на свое отражение в окне, улыбнулся сам себе. Все-таки он оставит какой-никакой след на этой земле.

Глава 33

Предательство

Суббота, 15 декабря, накануне убийства

Пообедав, Макер вернулся в 15.00 в “Палас Вербье”. Через два часа совет директоров соберется для решающего голосования.

Он вышел из отеля около полудня, ему необходимо было проветриться и немного прийти в себя – надоело постоянно сталкиваться в салонах “Паласа” с сотрудниками банка, которые все как один угодливо обращались к нему “месье президент” и красноречиво улыбались. От всего этого у него становилось тошно на душе. В поисках тишины он догулял до “Дани”, своего любимого ресторана у подножия лыжных трасс, и пообедал там – по дороге у него разыгрался аппетит, – заказав запеченные гренки с сыром и фондю.

В холле Макера окликнул портье:

– Месье Эвезнер, я хотел сообщить вам, что приехала ваша жена.

– Моя жена?

– Да, я еще не имел удовольствия встречаться с ней. Ведь Анастасия Эвезнер – это ваша жена?

– Да, разумеется, – просияв, подтвердил Макер.

– Мадам попросила второй ключ от вашего номера, и, поскольку вы отсутствовали, я взял на себя смелость исполнить ее просьбу.

– Вы поступили правильно.

Макер поспешил наверх. Но, войдя в номер, разочарованно констатировал, что Анастасии там нет. Тем не менее она написала помадой на зеркале в ванной: “Котенок, я тут. А.”

Ее помада лежала на краю раковины. Макер схватил ее и поцеловал. Анастасия покупала ее в одной и той же парижской лавочке, и он всегда возмущался, когда, выполняя задания Р-30 во французской столице, вынужден был тащиться по пробкам на другой конец города, чтобы пополнить ее запасы. На сей раз эта помада привела его в восторг. Он буквально восхищался ею. Анастасия приехала! Она приехала поддержать его! Они рука об руку пройдут через это испытание, и оно упрочит их любовь. Макера охватила невообразимая радость. Этот маленький тюбик внезапно показался ему прекрасным символом счастья и прибавил ему сил. Теперь он готов встретиться с Тарноголом и добиться поста президента, принадлежащего ему по праву. Ему так хотелось увидеть Анастасию и

обнять ее. Куда она подевалась?

Она сидела в шкафу, прямо здесь, в нескольких метрах от него, наблюдая за ним через щелку, но не осмеливалась показаться ему. Сначала она колебалась, приезжать ли в Вербье. Потом, когда уже приехала, долго раздумывала, надо ли ей заходить в “Палас”. Как он отреагирует, увидев ее? Что произойдет между ними? Тщательно подготовившись к этой встрече, она вдруг разнервничалась и уже не понимала, как следует поступить. Да и вообще, что она хочет? Поддержать его, быть рядом в такой важный день? Или объявить ему ужасную новость о том, что все конечно и он вернется в пустой дом? Наверное, лучше ничего пока не говорить, чтобы не испортить ему торжественный момент. Главное, посмотреть, как он отнесется к ее появлению.

Как раз в ту минуту, когда она собиралась выйти из шкафа, раздались глухие удары по стеклу. Как будто кто-то стучался в окно.

Макер вздрогнул и повернулся к балконной двери.

– Вагнер! – заорал он, увидев на балконе своего куратора.

Она решила не показываться. Вагнер? Это еще кто такой? Макер вышел на балкон, закрыв за собой дверь, чтобы морозный воздух не проник внутрь. Поэтому она не слышала их разговор.

– Вагнер, – повторил Макер, подходя к нему. – Боже мой, как вы сюда попали? Вы до смерти напугали меня!

– Я уже тут несколько часов мерзну, ожидая, когда вы наконец сообразовали явиться, – пожаловался Вагнер вместо ответа. – Где вы пропадали?

– Я гулял, с вашего позволения.

– Нашли время дышать свежим воздухом! До объявления имени президента осталось всего ничего. Не могли бы вы объяснить мне, почему Тарногол еще жив?

– Не волнуйтесь, все под контролем! Орас и Жан-Бенедикт проголосуют за меня. Я уверен, что стану президентом.

– С чего это вдруг?

– Я заключил с ними сделку. В обмен на их голоса. Я переименую банк в Эвезнер-Хансен и через пятнадцать лет уступлю свою должность Жан-Бенедикту. Так что все в ажуре.

Вагнер скорчил недовольную мину:

– Не понимаю, зачем эти проволочки, было бы гораздо проще ликвидировать этого негодяя. Короче, делайте что хотите, главное –

заполучить президентство. Хотя мне кажется, не очень благоразумно с вашей стороны доверять свою судьбу Хансенам, ведь если Тарноголу удастся их перевербовать...

– Если Тарногол будет валять дурака, я его убью! – воскликнул Макер, нащупав в кармане пузырек с ядом.

Вагнер посмотрел на него как на полного идиота:

– Вы ужасный дилетант, Макер! Уже слишком поздно, яд же подействует только через двенадцать часов! Я вас предупреждал. Надо было отравить его вчера вечером. Хороши вы будете, если он умрет, назначив президентом Льва.

– Черт! – выругался Макер.

– Нет, вы только на него посмотрите! Вы постоянно нарушаете мои инструкции! Если бы вы следовали нашему плану с самого начала, мы бы сейчас не оказались в таком дерьме. Бывает, что выбора нет, Макер. Уж этот урок вы могли бы усвоить за двенадцать лет службы в Р-30!

– Так что же мне делать, если придется избавиться от Тарногола? – спросил Макер, внезапно растерявшись от отсутствия запасного варианта.

У Вагнера в ногах стоял бумажный пакет. Он вытащил оттуда бутылку “Белуги”.

– Это ваш последний шанс. Водка отравлена. Выпив рюмку, Тарногол умрет через пятнадцать минут. Судороги, остановка сердца – и готово. Обычно при вскрытии ничего обнаружить нельзя.

– Обычно?

– В отличие от других медленно действующих ядов наш, в принципе, можно выявить. Но маловероятно, что судмедэксперт проведет тесты на содержание данного конкретного вещества в организме. Главное, постарайтесь, чтобы никто не видел, как вы разгуливаете с этой бутылкой и вручаете ее Тарноголу прямо перед тем, как он окочурится, растянувшись на ковре. Это будет выглядеть подозрительно, если вы понимаете, о чем я.

– А вдруг начнется расследование, – запаниковал Макер, – они сделают анализы, и потом...

– Сохраняйте спокойствие, Макер. Все будет хорошо. Заставьте его выпить рюмку этой “Белуги”, и дело с концом.

– И как, по-вашему, я его заставлю?

– По моим сведениям, совет банка проведет последнее совещание в пять часов. Они зарезервировали Альпийский салон, где уже заседали вчера вечером. Члены совета просидят там до семи и направятся оттуда прямо в бальный зал, чтобы объявить имя нового президента.

Нам известно, что около половины седьмого Тарногол закажет рюмку

водки. Это его старый излюбленный ритуал – каждый день, утром и вечером, где бы он ни находился, он заказывает рюмку водки. А признает он исключительно “Белугу”.

– И что из того? Я должен лично принести ему рюмку, чтобы он выпил и немедленно сдох?

– Дайте мне закончить, Макер, и слушайте повнимательнее, черт возьми! Вы думаете, в P-30 работают любители? Заказы, сделанные из салона, не поступают в бар “Паласа”, а выполняются специальным сотрудником. Прямо рядом с Альпийским салоном, вы сами увидите, есть закуток с барной стойкой и шкафчиком из черного дерева в глубине, где стоят разные бутылки. Оттуда он и возьмет водку для Тарногола. Подмените там “Белугу”. В пакете лежат латексные перчатки, наденьте их, а то наследите. Чтобы избежать путаницы, отравленную бутылку я пометил красным крестиком на этикетке сзади. Поставьте ее в шкафчик. Вот и все, что от вас требуется.

– А если кто-нибудь еще закажет водку?

– В салоне будут только члены совета. А ни Жан-Бенедикт Хансен, ни его отец водку точно пить не будут, потому что терпеть ее не могут.

Макер тихо возразил, уставившись в пустоту:

– Я бы предпочел все устроить сам, не прибегая к таким крайним мерам... Я не убийца...

– Вы действуете на благо своей родины. Это не убийство, а патриотический жест. Швейцария вас не забудет. А теперь идите, подмените скорее бутылку в баре на втором этаже. У вас больше нет права на ошибку, надеюсь, вы это понимаете.

По-прежнему сидя в шкафу, она услышала, как открылась балконная дверь. Через щелку ей было видно, как Макер и его собеседник – наверняка тот самый Вагнер – прошли через комнату к выходу. Макер нес в руке бумажный пакет. С порога до нее донеслись слова Вагнера:

– Ваше отвращение к убийству делает вам честь, Макер. Но пора уже устранить Тарногола. Убейте его, прежде чем он испортит вам выходные и разрушит жизнь!

Дверь за ними захлопнулась. Они ушли. Она похолодела от ужаса.

Вагнер проводил Макара до лифта.

– Удачи, Макер! – сказал он, когда открылись дверцы. – Возможно, мы видимся в последний раз. Выполните свою миссию. Мне тут лучше не задерживаться. Как только вас изберут президентом, все остальное исчезнет навсегда. P-30, ваши задания, всё. Поэтому прощайте. Благодарю

вас за двенадцать лет образцовой службы.

Макер на мгновение засомневался, не рассказать ли Вагнеру о фотографиях, которые оказались в распоряжении Тарногола. Но тут же отменил эту идею – зачем подливать масла в огонь. Вагнер скрылся за служебной дверью, а Макер спустился на второй этаж и пошел в сторону частных салонов. Рядом с Альпийским салоном он действительно обнаружил нишу, которую ему подробно описал Вагнер, со стойкой и эбеновым шкафчиком с бутылками.

Убедившись, что вокруг никого нет, он надел перчатки и поставил “Белугу” с крестиком среди других крепких напитков, а стоявшую там водку той же марки поспешил вылить в ближайшей туалетной комнате. Мысль, что он оставил яд в общедоступном месте, не давала ему покоя, и, решив на всякий случай присматривать за баром, он уселся в стоящее неподалеку кресло. Это оказался идеальный наблюдательный пост: он держал в поле зрения шкафчик с бутылками и дверь Альпийского салона, где через полтора часа совет банка соберется на заключительное совещание. Теперь оставалось только ждать. Если за него проголосуют, он ликвидирует отравленную водку до того, как официант успеет налить рюмку Тарноголу. Ну а если, не дай бог, Хансены не сдержат слово, он пустит все на самотек. Тарногол погибнет от яда. Он умрет почти сразу, в страшных судорогах. Хансены поймут намек. Тут Макер сообразил, что у него не будет никакой возможности узнать результаты голосования до того, как их объявят всему банку. Тарногола лучше обезвредить прямо в салоне. Значит, ему нужен сообщник. Он схватил мобильник и позвонил Жан-Бенедикту, который сидел в своем номере четырьмя этажами выше. Макер сказал, что ждет его у дверей Альпийского салона, и Жан-Бенедикт тут же спустился.

– Все нормально? – с тревогой спросил он.

– Все нормально. Но мне понадобится твоя помощь.

– Конечно. Что от меня требуется?

– Как только ты поймешь, что они одобрили мою кандидатуру, сообщи мне эсэмэской.

– Мобильные телефоны запрещены на заседаниях совета, – возразил Жан-Бенедикт. – Такие правила.

– Ну так выйди из зала под каким-нибудь предлогом. Я останусь тут.

– Зачем сообщать? Ты будешь президентом, вот, считай, что я тебе сообщил.

– Сделай, как я прошу! – не сдавался Макер. – И не задавай мне вопросов. Просто сделай. Это очень важно.

Глава 34

Голосование

Суббота, 15 декабря, накануне убийства

В 16.30, вернувшись с прогулки, Лев поднялся на шестой этаж “Паласа”. Он шел по просторному коридору к своему номеру, как вдруг из-под плотных портьер высунулась чья-то рука и схватила его за плечо.

Он резко обернулся.

– Анастасия? – воскликнул он. – Но...

Она поцеловала его и прижалась к нему.

– Куда ты подевалась? Я чуть не умер от беспокойства! Что ты делаешь в Вербье?

– Мне пришлось приехать к Макеру. Он в большой опасности...

Лев приложил палец к ее губам, чтобы она не сболтнула лишнего, и поскорей повел ее к себе, пока их не заметили.

– Макер вот-вот совершит ужасную глупость, – сказала Анастасия, когда Лев запер за ними дверь.

– Какого рода глупость?

– Я думаю, он хочет убить Тарногола.

– Что?

– Лев, дело плохо. Макер шпионил на швейцарское правительство.

– Ты шутишь? – рассмеялся Лев.

– Увы. Он был задействован в каких-то операциях для защиты интересов швейцарского финансового центра. Судя по всему, он косвенно причастен к убийству бывшего айтишника Эвезнер-банка и его жены, которые хотели сдать имена испанских клиентов в их налоговые органы.

– В камине моего номера Альфред нашел обрывки какой-то тетради, но там ничего нельзя разобрать.

– Это исповедь Макара. Я ее сожгла, чтобы подстраховать его. Ох, Лев, если бы ты только знал...

Она не смогла закончить фразу, ей было слишком тяжело это произносить. Лев, понимая, что она вот-вот сорвется, обнял ее.

– Мне обязательно нужно поговорить с Макером, – сказала Анастасия, всхлипнув. – Я видела его из своего укрытия, но он был не один.

– Лучше не общайся с ним, – посоветовал Лев.

– Почему?

– Потому что я боюсь, что ты передумаешь и останешься при нем.

Боюсь потерять тебя, как пятнадцать лет назад.

– Нет, Лев. Мне нужен только ты. Но я не хочу, чтобы с Макером случилось несчастье. Я не желаю ему зла!

Лев, посерьезнев, взглянул на нее:

– Я сам всем займусь, обещаю тебе! Макер станет президентом. У него все будет хорошо. Доверься мне. Главное, ни при каких обстоятельствах не выходи из моего номера!

В пять с чем-то в Альпийском салоне началось заседание совета.

После смерти Абея Эвезнера председательствовал на правах старшего Орас Хансен. Он предпочел обойтись без долгих разговоров.

– Мы уже почти год обсуждаем кандидатов. Я считаю, что все давно сказано, у нас было достаточно времени, чтобы сделать свой выбор. Так что давайте перейдем непосредственно к голосованию. Я голосую за Макера Эвезнера.

Тарногол попытался скрыть свое удивление.

– Я тоже за Макера Эвезнера, – поддержал его Жан-Бенедикт.

– Два голоса за Макера, – поспешно заключил Орас, которому не терпелось покончить с этим. – Решение принято.

Но Тарногол, достав из кожаного портфеля свой ноутбук, остановил их:

– Я хочу поделиться с вами важной информацией. Час назад я получил по мейлу анонимное письмо.

18.15. Макер, изнывая от нетерпения, ждал в коридоре напротив Альпийского салона, когда его кузен подаст заветный знак. Через стенку до него доносились отголоски оживленной дискуссии, но слов было не разобрать. Внезапно дверь открылась, и появился Жан-Бенедикт. Вид у него был подавленный.

– Ну? – спросил Макер.

– Ну, ты проиграл! – выдохнул Жан-Бенедикт. – Победил Левович.

– Что?!

– Я ничего не смог поделать. Голосование состоялось. Все кончено. Левович избран президентом банка.

Глава 35

Светлая полоса

15 лет назад

В начале сентября Женева медленно окрашивалась в осенние цвета.

Ольга фон Лахт с высоко поднятой головой, в шляпе и приличествующем случаю наряде, вошла вместе с Анастасией в отель “Бо-Риваж” на набережной Монблан.

Каждое воскресенье они пили чай в этом роскошном отеле на берегу Женевского озера. Каждое воскресенье они садились в одни и те же кресла, и каждое воскресенье Ольга неизменно заказывала самовар с черным чаем и ломтик морковного торта на двоих. Она просила *samovar* для пущего шика. Анастасия отбывала чайную повинность одна – Ирину освободили от семейных обязательств, когда она вышла замуж за управляющего активами Эвезнер-банка. Теперь Ольга требовала, чтобы старшая дочь посвятила себя деторождению. “Забеременей поскорее!” – велела она.

Ольга очень расстроилась, что Анастасия порвала с Клаусом. Она не знала всех подробностей этой истории, поскольку Клаус предпочел не распространяться о том, что его избили в его собственной квартире. Они расстались официально. Ольга позвонила родителям Клауса с извинениями: “Ваш Клаус просто сокровище, и я весьма сожалею о поведении моей дочери”. Мать Клауса была настроена более философски: “Они слишком молоды, а в молодости часто ничего не получается. Хорошо, что они осознали это сейчас и избежали несчастливого брака”. Ольга не согласилась, но поостереглась возражать ей вслух.

В это воскресенье в чайном салоне “Бо-Риважа” Ольга заявила дочери:

– У тебя была возможность сыграть феерическую свадьбу, а ты закапризничала.

– Мне без него лучше, – сказала Анастасия.

Ольга передразнила ее визгливым, идиотским голосом:

– “Мне без него лучше”! Посмотри, какая молодец твоя сестра! Бери с нее пример!

– Она вышла за лысого толстяка, – отважилась Анастасия.

– Попридержи язык, доченька! Он лысый, зато богатый! И теперь она живет на вилле с бассейном! А ты вернулась на круги своя. На должность секретарши, надо же! Секретарша! Завидная партия!

– Я, по крайней мере, зарабатываю себе на жизнь, – возразила

Анастасия. – А это начало независимости.

– Говенная у тебя независимость! Дочь моя, пока я жива, ты съедешь от меня, только если выйдешь замуж, и притом удачно. И точка! Хватит препираться по пустякам.

Анастасия опустила голову, а Ольга проверила, хорошо ли заварился чай. Вдруг она услышала, как служащий отеля обратился к клиенту, севшему за столик позади них:

– Граф Романов, прошу вас.

Ольга, выпучив глаза, потихоньку обернулась: он! Ну и ну! Какое дивное стечение обстоятельств! Она наклонилась к дочери и, на всякий случай понизив голос, сказала ей на ухо:

– Сзади нас граф Романов!

– Кто? – переспросила Анастасия, делая вид, что не понимает, о ком речь.

– Ну Лев, граф Романов! Русский красавец, помнишь, мы познакомились на Большом уикенде Эвезнер-банка в Вербье!

– Ах, он! – Анастасия изобразила полное безразличие.

Ольга встала и, схватив дочь за руку, потянула за собой.

– Граф Романов! – воскликнула она. – Какой приятный сюрприз!

– Вот это встреча, дражайшая мадам фон Лахт! – вскричал в ответ Лев, почтительно поклонившись ей.

– Вы помните мою дочь Анастасию?

– Разве можно забыть такое изумительное лицо? – сказал Лев, чмокнув ей руку.

Анастасия вздрогнула. Она хотела обнять его и поцеловать в губы. Но сдержалась, чтобы мать не поняла, что они заодно.

– Какими судьбами, дорогой граф? – спросила Ольга.

– Представьте себе, я в конце концов поддался на уговоры моего друга Абея Эвезнера. Он прямо пристал с ножом к горлу, и я согласился работать у него в банке. Конечно, мой тяжелый труд рантье был мне больше по душе, – добавил Лев с усмешкой, – но что вы хотите, я не в состоянии отказать другу. Кроме того, мне наконец будет чем заняться, ведь, как известно, безделье – мать всех пороков.

– Верность в дружбе – одна из самых похвальных добродетелей, – восхитилась Ольга.

– Так что теперь я в Женеве, по крайней мере на некоторое время.

– Где вы остановились?

– Я снял люкс в “Отеле де Берг”. Мне так удобнее.

– Это самый красивый отель в Женеве! – Ольга была в восторге.

– Да, это действительно очень практично. Но я люблю заходить иногда на чай в “Бо-Риваж”... Императрица Сисси, сами понимаете!

– О да! – всхлипнула Ольга, почуяв родственную душу. – Редко встретишь молодого человека с таким изысканным чувством стиля! Если вам нужен экскурсовод по Женеве, пожалуйста, обращайтесь к Анастасии. Она будет рада показать вам город. Можете прямо сейчас назначить встречу.

– Мне бы не хотелось злоупотреблять любезностью вашей чудесной дочери, – сказал Лев.

– Что вы, что вы, злоупотребляйте, заклинаю вас!

– Понимаете, так получилось, что сегодня вечером я зван на ужин к британскому послу, и у меня нет спутницы...

– Анастасия совершенно свободна! – в приказном тоне сообщила Ольга.

– Боюсь, ей будет ужасно скучно, – предупредил Лев.

– В котором часу она должна быть готова?

В теплую сентябрьскую ночь, на острове Руссо, там, где Рона вытекает из Женевского озера, Лев и Анастасия громко хохотали, лежа в объятиях друг у друга на одеяле для пикника.

– Ужин с британским послом, не могу поверить, что она купилась! – веселился Лев.

Они смотрели на возвышавшийся перед ними роскошный фасад “Отеля де Берг”.

– Мама велела не упрямитесь, если ты пригласишь меня на ночь в свой люкс. “Такой красавец, и к тому же богатый, тут не о чем даже думать”.

– Можешь провести ночь в моей квартирке на улице О-Вив.

– С удовольствием.

– Когда-нибудь я предложу тебе жилье получше, – обещал он. – У тебя будет жизнь, о которой ты всегда мечтала.

Она страстно поцеловала его, чтобы он умолк.

– Мне плевать на люкс в “Берге”, дурачок. Я всегда мечтала о ком-то вроде тебя. Остальное не имеет значения. Кстати, почему в отеле? Звучит как-то бесприютно и неприкаянно.

– А где ты хочешь жить? – спросил Лев.

– Не знаю, но уж точно не в отеле.

– Ну все-таки должно же быть место, где ты мечтала бы поселиться.

– В Колоньи есть один дом, – призналась она, – на шоссе Байрона, откуда вроде бы открывается потрясающий вид на Женеву. Я прохожу

мимо него по дороге к Эвезнерам. Если смотреть от ворот, дом едва заметен вдалеке, но я представляю себе, что живу там и по утрам пью кофе на террасе, над самым озером.

– Давай поедem посмотрим на этот дом прямо сейчас, – предложил Лев.

– Что? Прямо сейчас? Но уже почти десять.

– Пошли. Помечтать никогда не поздно.

Они взяли такси и поехали в Колоньи. Дом стоял на вершине холма, рядом с парком Байрона, куда Лев и отвел Анастасию. Они сидели на скамейке и любовались захватывающим дух пейзажем.

– Вообрази, что мы сидим на террасе нашего особняка и этот вид принадлежит нам.

– А он и так принадлежит нам, – улыбнулась Анастасия, – даже без особняка.

Лев крепко обнял ее. Они восхищенно смотрели на мерцающее озеро и огни города, очертания которого угадывались в темноте.

– Однажды я подарю тебе этот дом, – пообещал Лев. – Когда-нибудь я смогу положить к твоим ногам самые прекрасные сокровища. Эвезнер-старший очень доволен мной и собирается повысить меня в должности до Нового года, с рождественским бонусом в придачу. Он сказал, что, если так и дальше пойдет, я скоро начну отлично зарабатывать.

– Меня не волнуют деньги, Лев, сколько раз повторять. Тебе хорошо в этом банке?

– Ну да. Почему ты спрашиваешь?

– Я была готова наняться горничной в “Палас Вербье”, чтобы быть рядом с тобой. Никогда не забывай об этом.

В Эвезнер-банке Льва определили в кабинет к Макеру и Жан-Бенедикту. В угол поставили еще один стол, чтобы выделить ему рабочее место. Оба кузена-наследника, будущие члены совета директоров, благосклонно смотрели из-за своих прекрасных столов черного дерева на новичка, снисходительно именуя его стажером. По просьбе Абея Эвезнера они должны были посвятить его во все тайны ремесла.

Анастасия работала в секретариате юридического отдела, этажом ниже. Она часто заходила к ним в перерыве выпить кофе, иногда они вместе шли обедать. В коридорах сотрудники банка оглядывались на нее. Анастасия вскружила всем головы своим умом и красотой, обоим кузенам в том числе. Чтобы особо не выделяться, она попросила Льва держать их роман в секрете. Он поначалу не мог понять, зачем им вообще скрываться.

– В любви нет ничего плохого, – говорил он.

– Дело не в нас, а в них, – отвечала Анастасия. – Думаю, нам лучше подстраховаться.

– Подстраховаться? А кто нам угрожает?

– Твои коллеги! Ты что, не понимаешь, тебе тут все завидуют.

– Да кто может завидовать обычному стажеру?

Когда он это говорил, она кидалась к нему в порыве неистовой любви. Она обхватывала его лицо руками и шептала, глядя ему прямо в глаза:

– Лев Левович, ты единственный, кто не видит то, что очевидно всем.

Анастасия поражалась, как Лев, сам того не желая, неуклонно поднимается по служебной лестнице. Всего за несколько недель он стал звездой.

Изначально предполагалось, что он будет сопровождать более опытных коллег на деловые встречи в качестве простого наблюдателя, постигая все тонкости банковского искусства, но вышло так, что язык и культуру собеседников, как правило иностранцев, он понимал гораздо лучше, чем кто бы то ни было. Более того, в “Паласе” он приобрел непринужденность в общении с самыми состоятельными клиентами, чьи невообразимые требования и экстравагантность уже не могли заставить его врасплох. Вскоре Лев уже сам вел переговоры. Рабочие беседы плавно перетекали в дискуссии на темы политики и культуры, а то и в философские рассуждения, к безграничному удивлению очередного банкира, которого он сопровождал.

Теперь в кулуарах банка только о нем и говорили. Его коллеги, директора и клиенты единодушно заключили, что этот молодой человек – настоящий клад талентов.

Разумеется, хор славословий оказался нестройным. Некоторых задело за живое появление этого выскочки, тем более что Лев, как поговаривали, до сих пор подвизался в каком-то горном отеле и банковского опыта за плечами не имел. Наконец эти пересуды дошли до совета банка. Вице-президентом был тогда Абель Эвезнер, пост президента занимал его отец, Огюст. Человек уже очень пожилой, он с трудом передвигался, но ясностью его ума и неколебимой приверженностью традициям можно было только восхищаться. Сохранив за собой титул и ореол президента, в банке он появлялся только по средам, на еженедельных заседаниях совета, переложив повседневное управление на Абеля.

– До меня доходят странные слухи, – сказал Огюст Эвезнер своему сыну Абелю на очередном заседании, которое выдалось на редкость бурным. – Все вокруг твердят о некоем неопытном юноше. Оказывается,

какой-то альпийский дурачок несколько недель назад поступил к нам на работу, и на него сразу возложили важные обязанности.

– Его зовут Лев Левович, – решил уточнить Абель. – И он далеко не дурачок. Это один из самых блестящих людей, с которыми меня сводила судьба.

– Левович? – переспросил Огюст Эвезнер. – Из какого гетто он вылез?

Это замечание очень развеселило двух других членов совета – Ораса Хансена и его отца по имени Жак-Эдуар.

– Ладно вам, – разозлился Абель, – Лев невероятно умен! И важные обязанности на него возложили именно благодаря его исключительной одаренности. Я не понимаю, в чем проблема.

– Проблема в том, что он служил посыльным в гостинице! – Орас Хансен был явно задет за живое. – Ты поручил посыльному управлять активами. У нас тут банк или балаган?

– К твоему сведению, – возразил Абель, – в июне прошлого года, когда Лев еще служил “посыльным”, как ты выражаешься, он предсказал действия Федеральной резервной системы США, а наши эксперты облажались. И в тот день все клиенты потеряли деньги.

– Чистое везение! – недовольно хмыкнул Орас, отмечая этот аргумент. – У него были шансы пятьдесят на пятьдесят. Кроме того, облажались все швейцарские банки, не только мы.

– Все, кроме него! – заметил Абель.

– В любом случае, – проворчал Орас, – я в ужасе от того, что этот Левович находится в прямом контакте с крупными клиентами!

– Клиенты сами его требуют, – напомнил Абель. – Вот увидите, скоро за Льва будут биться все наши конкуренты и вырывать его друг у друга. Если он от нас уйдет, мы потеряем часть клиентов. Что касается тебя, Орас, не понимаю, почему ты так взъелся на Левовича.

– Потому что он у нас без году неделя, а круг обязанностей у него похлеще, чем у наших детей, Макера и Жан-Бенедикта, которые уже несколько лет в деле!

– Правда, что ли? – забеспокоился Огюст Эвезнер.

– Наши сыновья бездари! – возразил Абель. – Что я могу поделать. Два сапога пара.

– Это твой сын бездарь! – возмутился Орас, оскорбившись до глубины души. – У моего прекрасные результаты.

– У него прекрасные результаты с тех пор, как он советуется со Львом, – хмыкнул Абель. – “Эй, стажер, ну-ка помоги мне”. Он буквально бегаёт за ним. Нет, надо видеть, как наши болваны каждый божий день

обжираются в ресторане, пока Лев довольствуется сэндвичем за рабочим столом, изучая их досье!

– Я запрещаю тебе называть моего сына болваном! – обиделся Орас.

– Тихо, вы! – прогремел Огюст Эвезнер. – Я президент, и мне решать! Я не хочу, чтобы ваш Лев был более востребован, чем будущие члены совета банка. Я приказываю тебе, Абель, дать соответствующие распоряжения, пусть занимается тем, чем обычно занимаются стажеры: фотокопии, кофе, корреспонденция.

– Ну что ты такое говоришь, папа! – вспыхнул Абель. – Это полный абсурд!

– Никакой не абсурд! Согласно регламенту банка, учрежденного твоим, между прочим, предком...

– О, бога ради, не цитируй мне эти дурацкие правила! Какая чушь. Больше ты против Льва ничего не имеешь?

– А теперь замолчали все! – рассердился Огюст. – Я устал от твоей наглости. По нашему уставу, банкиром становится только тот, кто приводит с собой клиентов, если это право не принадлежит ему по наследству.

– Ваше право наследования такой же бред, как и весь регламент.

– Не будь этого права, ты бы сейчас тут с нами не сидел, – напомнил Огюст сыну. За его словами последовало долгое молчание. – Как только этот мальчик приведет к нам первого крупного клиента, он станет банкиром.

– Но это безумие! – запротестовал Абель. – Как ему удастся заполучить клиента, официально не являясь банкиром? Какая-то квадратура круга!

– Я так решил! – отрезал Огюст, чтобы прекратить препирательства.

Орас Хансен и его отец Жак-Эдуар, усмехаясь, смотрели на него с довольным видом.

Абелю пришлось выполнить постановление совета, загрузив Льва рутинной административной работой. Макер и Жан-Бенедикт ни в чем себе не отказывали, используя его на полную катушку. Чтобы Льву не доставалось еще больше, Абель Эвезнер тайно вызывал его в свой кабинет в конце рабочего дня. Там он учил его тому, что Лев не прочел бы ни в одной книге: кодексам светского женеvского общества, секретам функционирования частных банков и правилам поведения в их весьма своеобразном мире.

– Рано или поздно этот банк признает тебя, мой мальчик, – сказал ему как-то Абель в тишине своего кабинета.

– У меня такое чувство, что меня тут не хотят. Я для них чужак.
– Именно потому, что ты чужак, ты добьешься признания. Тебя ждет большое будущее.

– Будущее банкира?

– Великого человека. Нашему банку как раз не хватает великого человека. Думаю, однажды ты изменишь его судьбу.

Как-то в ноябре, направляясь после обеда к отцу в кабинет, Макер замер у приоткрытой двери. Услышав голоса, он подглядел в щелку, что Левович запросто беседует с Абелем. Тот сказал ему в заключение:

– Честно говоря, Лев, я бы хотел иметь такого сына, как ты.

– Такого сына, как ты! Ну надо же! – раздраженно буркнул Макер несколько минут спустя, за столиком в кафе “Ремор”, где у него была назначена встреча с Анастасией. – Он, видимо, забыл, что у него уже есть сын!

– Я уверена, что он совсем не то имел в виду, – успокоила его Анастасия.

– Я пока что на слух не жалуюсь! Ну, Левович, я ему это припомню!

– И что ты сделал потом? – спросила Анастасия. – Отец видел тебя?

– Нет, я же не зашел в кабинет, понятное дело! Зачем беспокоить папу с сыночком! Я убрался восвояси и пришел сюда, к тебе.

Почти каждый день после работы Анастасия и Макер заходили выпить в кафе “Ремор”, в двух шагах от банка. Макер очень любил проводить с ней время наедине. Они долго болтали, она вроде бы никуда не торопилась. Он как зачарованный пожирал ее глазами. Он был безумно влюблен и тешил себя надеждой, что их вечерние посиделки были, возможно, признаком взаимных чувств.

В тот день в “Реморе” Макер спросил Анастасию:

– Кстати, как тебе Левович?

– По-моему, он милый.

– Насколько милый?

– Ну милый, и все. Не понимаю твоего вопроса.

– Когда вы вернулись из Брюсселя, мне показалось, что у вас довольно близкие отношения.

– Мы просто хорошие друзья.

– То есть у вас нет романа? Ты ничего от меня не скрываешь? Мы же все друг другу рассказываем.

Анастасия боялась, что ревнивый Макер отравит Льву жизнь в банке. Его и так несправедливо понизили. Она догадывалась, что Лев уже стал

там мальчиком для битья, и не хотела усугублять его положение. Если Макер невзлюбит его, он уговорит своего деда Огюста, который был на его стороне, выгнать Льва из банка. Она не могла потерять его снова. И решила соврать, разыграв удивление:

– Нет, у нас нет романа, – подтвердила она.

– Так я и думал, – кивнул Макер, успокоившись. – По-моему, у Льва шуры-муры с Петрой.

– С Петрой? – изумилась Анастасия. – С этой высокой брюнеткой из бухгалтерии?

– Да, точно. Она постоянно торчит в нашем офисе и строит ему глазки. Ну, в любом случае я рад, что у вас с ним ничего нет!

– Почему это?

– Да так. Я бы расстроился.

Он попытался взять ее за руку, но она поспешно отстранилась. Ей тут же захотелось признаться ему во всем, но она сдержалась, незачем все усложнять. Анастасия видела, как Макер на нее смотрит, и у нее не было ни малейшего желания разбивать ему сердце. И вообще ей не хотелось причинять ему боль. Она испытывала большую нежность к этому молодому человеку, доброму и внимательному, не умеющему соответствовать своей фамилии. Порой он был слишком многословен, но она с ним никогда не скучала.

Анастасия очень дорожила его обществом, но каждый день после работы зависала в “Реморе” только для того, чтобы дождаться в тепле, пока Лев закончит очередную тайную встречу с Абелем Эвезнером. Макер сам приходил составить ей компанию, и она вовсе не хотела, чтобы он что-то там себе навоображал. Анастасия всегда садилась лицом к дверям – выйдя из банка, Лев останавливался напротив кафе и подавал ей условный знак. Она делала вид, что ей пора уходить, и встречалась со Львом на параллельной улице. Они обменивались бесконечным головокружительным поцелуем, наверстывая долгий день, который провели в непосредственной близости, не имея возможности прикоснуться друг к другу. Потом они шли ужинать или в кино и к ночи оказывались у него в квартире. Она часто оставалась там до утра – Ольга предоставила ей полную свободу, воображая, как ее дочь обеспечивает себе будущее в номере люкс роскошного отеля.

В тот вечер, за ужином в маленьком ресторанчике в квартале О-Вив, Анастасия заметила:

– Говорят, Петра тебе строит глазки.

Лев рассмеялся:

– Если б только глазки! Еще немного, и мне придется подать жалобу.
Кто тебе донес?

– Макер. Пусть считает, что у тебя любовь с Петрой, а не со мной.

– Я думаю, ты неправа, – нахмурился Лев.

Она приняла обманчиво суровый вид:

– И держись от нее подальше!

– Если бы я мог сказать Петре, что у нас с тобой роман, она бы от меня отстала, – ответил он.

– Скажи просто, что у тебя невеста за границей.

Он закатил глаза, и она рассмеялась. Лев взял ее руку и поцеловал.

Они были так счастливы.

Они полагали, что у них вся жизнь впереди.

На самом деле они стояли на краю пропасти.

Глава 36

Банкетный менеджер

Воскресным утром 1 июля 2018 года мы со Скарлетт решили зайти наудачу в кафе рядом с почтой. Хозяйка, подав нам два черных кофе, сказала, что Бинара еще нет, но он скоро появится.

И действительно, Бинар нарисовался через полчаса.

– Дени, к тебе гости! – объявила хозяйка, мотнув головой в нашу сторону.

Он подошел, и мы встали, чтобы поздороваться с ним.

– Писатель? – спросил Бинар, когда я представился.

Я кивнул.

– А я Скарлетт Лонас, помощник писателя. Вообще-то всю работу за него делаю я.

– Обычная история, – заметил Бинар, пожимая ей руку. – Кто вам сказал, что я буду здесь?

– Замдиректора “Паласа”, – ответил я. – Простите, что мы вас перехватили вот так, без предупреждения, но нам непременно надо с вами поговорить.

– О чем?

– Об убийстве в номере 622.

Бинар очень удивился. Он сел за наш столик и заказал кофе. Мы изложили ему все, что знали, и в конце концов, судя по всему, убедили его, что настроены серьезно. Тогда он попросил его извинить и, ненадолго оставив нас, зашел к себе домой, благо он жил поблизости, и вскоре вернулся с обувной коробкой.

– Мне нравилось работать в “Паласе”, – сказал он, открывая коробку, – вот и сохранил несколько реликвий.

Он показал нам то, что оставил себе на память о тех годах, – фотографии, ресторанные меню и газетные статьи, посвященные светским мероприятиям в отеле.

Скарлетт все внимательно изучила и внезапно узнала на каком-то снимке двух мужчин.

– Это Эдмон Роз? – спросила она, вспомнив портрет в кабинете директора “Паласа”.

– Да, – подтвердил Бинар, – а рядом с ним...

– Абель Эвезнер, – воскликнула Скарлетт, прежде чем он успел

закончить фразу.

– Вот это да, – восхитился Бинар. – Месье Роз и Абель Эвезнер хорошо знали друг друга. Эвезнер был частым клиентом “Паласа”. По-видимому, именно Роз и убедил его отмечать ежегодные встречи банка в нашем отеле.

– Вы имеете в виду Большой уикенд, – уточнила Скарлетт.

Бинар улыбнулся:

– Вы прекрасно осведомлены.

Он рассказал нам о многолюдных корпоративных уикендах Эвезнер-банка, которые не только приносили большой доход отелю, но и повышали его престиж. Успехом этого мероприятия они были обязаны в основном профессионализму месье Роза, благодаря которому Абель Эвезнер стал навсегда “Паласа”.

– Почему же прервалась эта традиция?

– Банк отговорился сложностями с бюджетом, но я думаю, что дело было совсем в другом.

– Вы имеете в виду убийство?

– Да. Почему вы вдруг заинтересовались этой историей?

– Случайно. Нас заинтриговала одна мелочь. Оказывается, люкс 621-бис до убийства значился под номером 622. Вот нам и захотелось узнать почему.

– Нелепая была идея с номерами, – вздохнул Бинар.

– У кого она возникла? – спросила Скарлетт.

– У месье Роза. Однако его решение нужно рассматривать в свете тех событий. На мирном горнолыжном курорте, где никогда ничего не происходит, начался страшный переполох. Прежде всего в самом “Паласе”. В этом райском уголке клиенты всегда чувствовали себя спокойно и безмятежно, как у Христа за пазухой, образно выражаясь. Все кончилось за одну ночь. Убийство, вы только представьте! Следующие недели были для нас катастрофическими – все повально отменяли бронь. Отель опустел, да и город тоже. У нас ушел целый сезон на то, чтобы оправиться от удара. Месье Роз и слышать не хотел о номере 622. Он велел просто убрать его. Так и сказал: “Забыть этот номер!” Чтобы не заморачиваться с заменой всех табличек, он решил переименовать его не в 623-й, а в 621-бис. Мы повесили одну новую табличку, исправили соответствующую ссылку в компьютере, в общем, замели следы. И забыли.

– Кто обнаружил тело утром шестнадцатого декабря? – спросила Скарлетт.

– Наш практикант. Бедный парень. Он принес завтрак в номер 622. Заказ был сделан накануне вечером, как раз когда я уходил. Как сейчас

помню: много икры, два яйца всмятку и рюмка “Белуги”.

– Икра и водка? – удивилась Скарлетт.

– Да. Подойдя к номеру 622, он заметил, что дверь приоткрыта.

Поскольку никто не отзывался, он вошел, увидел кровь на полу и труп.

– Вы были в “Паласе”, когда нашли тело?

– Нет, я был дома. У нас в отеле выдался тот еще вечерок, и я вернулся домой поздно, наверное, около часу ночи. Меня разбудила жена. Она сказала, что в “Паласе” полно полиции.

Продолжая разбирать обувную коробку, Скарлетт достала оттуда какой-то листок.

– Это же программа последнего Большого уикенда! – воскликнула она.

– У вас глаз алмаз, – засмеялся Бинар.

Скарлетт протянула ее мне, чтобы я сам смог убедиться.

БОЛЬШОЙ КОРПОРАТИВНЫЙ УИКЕНД ЭВЕЗНЕР-БАНКА 14–16 ДЕКАБРЯ

ПРОГРАММА СУББОТНЕГО ВЕЧЕРА

15 ДЕКАБРЯ

18.00 Приветственный “Белуга-коктейль”

19.00 Официальная часть

19.30 Ужин

Закуски

Утиное фуа-гра с домашним вареньем

Равиоли с крабом

Морской окунь в соленой корочке и сезонные овощи

Торт “Сент-Оноре” с кремом “Шибубу”

Чай, кофе, сладости

22.00 Бал

– Зачем вы это храните? – спросила Скарлетт.

– После убийства, когда в “Паласе” устраивались большие приемы, месье Роз потрясал этой программкой перед служащими. “Помните, – говорил он, – даже самые безупречно организованные мероприятия могут обернуться катастрофой. То, что случилось той ночью, – страшный сон для хозяина гостиницы”.

– Но это расписание на пятнадцатое, – заметила Скарлетт. – Я думала, убийство произошло утром шестнадцатого. А что случилось вечером

пятнадцатого?

Бинар долго смотрел на нас, прежде чем ответить:

– Праздник банка обернулся стихийным бедствием.

Глава 37

Ва-банк

Суббота, 15 декабря, накануне убийства

Стоя перед Альпийским салоном, Макер ошеломленно переспросил:

– Левович – президент? Но... с чего вдруг?

– Мой отец отдал голос за него.

– Твой отец? Но мы же договорились...

Жан-Бенедикт раздраженно прервал своего кузена:

– Я прекрасно помню, о чем мы договорились! Но ты забыл нам кое-что сообщить, мерзкий предатель!

– Жан-Бен, что с тобой?

– Со мной то, что я все знаю! Ты собирался уничтожить банк, продав имена наших иностранных клиентов в налоговые органы!

•

Часом ранее в Альпийском салоне

– Я хочу поделиться с вами важной информацией, – сказал Тарногол. – Час назад я получил по мейлу анонимное письмо.

Он открыл на компьютере видеофайл и запустил его.

Съемки явно производились скрытой камерой. На экране возник Макер за столиком в пустом ресторане (в Милане, как выяснилось позже). Перед ним сидел мужчина в костюме. Из их разговора и по его акценту становилось понятно, что он является представителем итальянских налоговых органов.

– Вы по-прежнему готовы продать имена итальянских клиентов, укрывающих деньги в банках Швейцарии? – спросил собеседник Макера.

– Да, разумеется, – подтвердил тот не моргнув глазом.

– Почему вы приняли такое решение?

– Я же вам объяснил: меня отстранили от президентства. Триста лет управление нашим семейным банком передавалось по наследству от отца к сыну. Но мой отец, видите ли, всегда считал меня бездарью.

– Вы понимаете, чем рискуете? Иностранные государства могут подать в суд за нарушение налогового законодательства, наложить запрет на работу на определенных зарубежных рынках, и банк разорится на штрафах

и возмещении убытков.

Макер не дрогнул. Пристально посмотрев на своего визави, он сказал:

– В нашем филиале в Лугано полно миланских клиентов, и они каждый день пересекают границу, чтобы положить на счет наличные. Так вы заинтересованы или нет?

– Мы готовы дорого заплатить за ваш список.

– Сколько?

Мужчина написал на бумажке какое-то число и протянул ее Макеру. Цифр видно не было, но Макер кивнул – похоже, он остался доволен предложенной суммой.

– Деньги это еще не все, – добавил он. – Мне нужны гарантии. Я намерен поселиться здесь, в Милане, и прежде всего хочу убедиться, что меня не экстрадируют в случае преследования со стороны швейцарского правосудия.

На этом запись прервалась.

Тарногол закрыл компьютер.

Жан-Бенедикт и Орас Хансены замерли от ужаса.

– Вот, – сказал Тарногол, – истинное лицо человека, которого вы собираетесь избрать президентом банка.

•

– Я бы никогда не предал банк! – возмутился Макер, когда Жан-Бенедикт сообщил ему, что произошло в Альпийском салоне.

– Тогда объясни, что происходит на этом видео!

– Меня подставили. Я тебе все объясню, обещаю! Пока что ты должен мне помочь. У нас мало времени.

– Помочь? – переспросил Жан-Бенедикт в недоумении.

– Стать президентом.

– Ты вообще слышал, что я сказал? Левовича избрали! Все кончено!

– Нет, не кончено! Ни-че-го не кон-че-но!

– Голосование состоялось! Через три четверти часа совет директоров перейдет из салона в бальный зал и торжественно объявит, что Левович – новый президент банка.

– Голосование, может, и состоялось, но никто не знает результата!

– Никто, кроме моего отца и Тарногола!

– Твой отец поведет себя благородно. Что касается Тарногола, то он

не выйдет из этой комнаты живым.

Жан-Бенедикт встревоженно посмотрел на своего кузена:

– То есть? Что ты несешь? Макер, ты меня пугаешь...

– В семь часов в бальном зале будет названо мое имя, а не Левовича!

С этими словами Макер бросился к бару и открыл черный шкафчик.

– Ты отнесешь Тарноголу эту водку, – приказал он своему кузену. – Налей ему целый стакан, да и отцу своему заодно! Только сам не пей!

Макер вдруг запнулся и с тревогой посмотрел на полки. Помолчав, он воскликнул:

– Боже мой!

– Что? – спросил Жан-Бенедикт.

– Ее нет!

– Кого ее?

– Бутылки! Она стояла здесь! Вот на этом месте! Я точно знаю, я сам ее сюда принес.

Макер был потрясен. Отравленная “Белуга” бесследно исчезла. Внезапно его осенило: возвращаясь из туалета, где он вылил нормальную водку, он издали увидел официанта с ящиком бутылок.

– Что с тобой? – забеспокоился Жан-Бенедикт, вконец растерявшись.

– Пойдем скорей, – скомандовал Макер, устремляясь к служебной двери, за которой скрылся официант.

Жан-Бенедикт, даже не пытаясь вникнуть в происходящее, послушно последовал за ним. Дверь вела на продуктовый склад и кухню. Там царил невообразимый суета, все бегали туда-сюда, бесконечно отправляя очередные закуски в бальный зал, где как раз подали коктейль. Бинар, ловко дирижируя этим муравейником, заметил Макара и Жан-Бенедикта и пошел им навстречу.

– Чем могу быть полезен? – услужливо спросил он.

– “Белуга”! – промямлил Макер, впад в ступор. – Бутылка “Белуги”, в баре, рядом с Альпийским салоном!

– Вы хотите заказать бутылку “Белуги” в Альпийский салон? – попытался понять Бинар.

– Нет, там в шкафчике стояла бутылка “Белуги”. В баре рядом с салоном, – объяснил Макер, – и она исчезла!

– Если вам нужна “Белуга”, то это не проблема, – успокаивающим тоном ответил банкетный менеджер, указав на груды ящиков с бутылками.

– Вы не понимаете, – пробормотал Макер, – мне нужна именно та, что стояла в барном шкафчике! Там была бутылка “Белуги”, и кто-то ее унес!

– Наверное, мои коллеги. Я поручил им перенести сюда весь

гостиничный запас “Белуги”, чтобы она вдруг не закончилась посреди коктейля. По просьбе Тарногола приветственный коктейль приготовлен как раз на основе этой водки.

Тогда Макер вспомнил, что сказал Тарногол, когда, вернувшись из Базеля, он зашел к нему отдать конверт, и тот устроил ему роскошный прием. “«Белуга» – вкус победы!” Тарногол даже не думал избирать президентом кого-либо, кроме Левовича.

Макер отвел кузена в сторону, чтобы их никто не услышал:

– Надо обыскать ящики. Помогите мне найти бутылку с красным крестиком на задней этикетке. Он нарисован фломастером. Ты не ошибешься.

– Что такого особенного в этой бутылке? – потребовал разъяснений Жан-Бенедикт.

– Не важно.

– Если не скажешь, я тебе не помогу!

Макер был вынужден признаться.

– Она отравлена, – еле слышно проговорил он.

– Что? Ты собрался отравить Тарногола?

– Потом объясню. Все намного сложнее.

– Нет, ты всерьез планировал его убить?

– Сейчас не время читать мне мораль, Жан-Бен! Помогите найти бутылку, прежде чем случится непоправимое. Давай обыщем все ящики! Нам нужна “Белуга” с красным крестиком.

Они бросились к ящикам с водкой и на глазах изумленного Бинара принялись вытаскивать одну за другой все бутылки, внимательно осматривая их. Но их труды не увенчались успехом.

– А других бутылок нигде нет? – снова обратился Макер к Бинару.

– “Белуга” есть еще в баре бального зала, – ответил он.

Кузены бросились в бальный зал, бесцеремонно распахивая банковских служащих, смиренно стоявших в очереди у барной стойки. Среди них была и Кристина в красивом синем платье. Увидев Макара, она подняла в знак приветствия пустой бокал.

– Обязательно попробуйте этот коктейль, месье Эвезнер, – сказала она.

Макер, не удостоив ее ответом, бросился к бармену:

– У вас есть “Белуга”?

– Конечно, – удивился бармен. – Тут все просят коктейль с “Белугой”.

Вам сделать?

– Дайте мне взглянуть на ваши бутылки, – потребовал Макер.

Бармен, немного обидевшись на его грубый тон, повиновался, вручив

Макеру стоявшую перед ним бутылку “Белуги”, из которой он разливал водку. Макер схватил ее – на этикетке красовался красный крестик. Это была его бутылка! Он с ужасом убедился, что она почти пуста.

Половина гостей выпила отравленную водку.

Глава 38

Объявление результатов

Суббота, 15 декабря, накануне убийства

Без двадцати семь все еще пребывали в добром здравии. Коктейль в бальном зале “Паласа” проходил в приятной непринужденной обстановке. Макер и Жан-Бенедикт, стоя поодаль, внимательно наблюдали за собравшимися и вскоре убедились, что никто не отравился.

– Ложная тревога, – с облегчением объявил Макер. – Все в порядке.

Но Жан-Бенедикт был сам не свой.

– Все в порядке? – вскрикнул он. – Откуда такая уверенность? Возможно, яд подействует чуть позже. – Он погрозил ему пальцем. – Предупреждаю тебя, если все эти люди умрут...

– Действие яда проявляется, по идее, менее чем за четверть часа, – перебил его Макер. – Они уже давно бы сдохли! Наверное, бармен добавлял в коктейль такие крохотные дозы, что они оказались безвредны.

– Смертельный яд смертелен даже в малых дозах! Ты совсем спятил!

– Как ты не понимаешь, – защищался Макер. – Тарногол представляет угрозу для банка. Ты не в курсе и сотой доли всей этой истории.

– Единственная угроза, которую я вижу, это ты, Макер. И не вздумай впутывать меня в свои делишки. Все кончено, ты меня слышишь? Левович избран! Он президент! Что ты собираешься предпринять? Взять пистолет и убить его у всех на глазах?

С этими словами Жан-Бенедикт направился к выходу.

– Куда ты? – сухо спросил Макер.

– В Альпийский салон. Тарногол и отец, должно быть, недоумевают, куда я делся. И потом, мне совсем не хочется, чтобы все вспомнили, когда случится беда, что видели нас вместе. Ты пойдешь ко дну в гордом одиночестве. Все эти годы ты сам был своим злейшим врагом. И президентом не стал исключительно по собственной вине.

Жан-Бенедикт ушел. Макер подумал, что он абсолютно прав – ему некого винить, кроме себя. Через двадцать минут Левовича объявят президентом. А он станет всеобщим посмешищем не только в банке, но и во всей Женеве. Кроме того, его сочтут изменником, намеревавшимся сдать своих клиентов иностранным налоговым органам. Р-30 его не спасет. Более того, Р-30 сотрет его в порошок. Он погиб...

Макер, признав поражение, поднялся к себе. Вечернюю уборку уже

сделали: горничная навела порядок в ванной комнате, стерев послание Анастасии на зеркале. Интересно, куда она делась. Да что там, все конечно. Но он знал, как надо поступить. Он думал об этом с прошлой ночи.

Макер вынул из гардероба костюм, сшитый на заказ для торжественной церемонии. Облачился в него. Прицепил золотые запонки. Надел свои самые дорогие часы, специально захваченные по такому случаю. Старательно завязал галстук и застегнул элегантный жилет. На внутренней стороне пиджака он попросил вышить “М. Э., президент”. Он печально поглядел на вышивку. Посмотрелся в зеркало. Он никогда еще так себе не нравился. Он снова любовался собой. Вот таким красавцем он собирался вступить в должность президента. Вот таким красавцем он сейчас уйдет из жизни. Таким красавцем его и найдут. Завтра горничная обнаружит на ковре его бездыханное тело в луже свернувшейся крови.

Он подошел к сейфу и вынул пистолет. Зарядил его и засунул дулом в рот. Этот жест почему-то успокоил его. Через несколько мгновений все завершится. Наконец-то. С него хватит. Макер зажмурился, втиснул ствол пистолета чуть глубже и положил палец на курок. Последняя его мысль была об Анастасии.

Вдруг раздался стук. И из коридора послышался ее голос:

– Макер? Макер, ты тут?

Он открыл глаза, опомнившись, вытащил изо рта пистолет, положил его на комод и кинулся к двери.

– Анастасия! – воскликнул он. – Как же я рад тебя видеть! Спасибо, что ты здесь! Спасибо, что пришла!

Он долго обнимал ее, любуясь идеальными чертами ее лица. Она выглядела взволнованной, да и он тоже.

– Макер, – сказала она, – мы должны поговорить о том, что я прочла в твоей тетради.

Жестом приказав ей замолчать, он повел ее в комнату, чтобы их никто не услышал.

– Как такое вообще возможно? – всхлипнула Анастасия, когда Макер закрыл за ними дверь. – Как Тарногол посмел так поступить?

– Он сущий дьявол!

– То, что ты написал, это правда? Вы заключили пакт? Ты получил мою руку и сердце в обмен на свои акции?

– Прости! Прости меня! Но я был в отчаянии. Мне так хотелось жениться на тебе, а ты призналась, что любишь Льва...

– Да что ж такое... – простонала она, ничего не понимая.

Она пыталась вспомнить, что тогда произошло.

– Пятнадцать лет назад я подарил тебе обручальное кольцо с сапфиром, – сказал Макер. – Мне его дал Тарногол. Он обещал, что благодаря этому кольцу ты согласишься выйти за меня.

Что за бред! Анастасия растерялась. Может, ее муж просто спятил?

– Ты всегда говорил, что отказался от акций, чтобы мы с тобой были счастливы.

– Это правда.

– Я думала, ты хотел уйти из банка, начать другую жизнь, потому что знал, что не о жизни с банкиром я мечтаю.

– Нет, – поправил ее Макер, – свои акции я отдал Тарно голу, чтобы заполучить тебя.

Анастасия совсем запуталась. Она чувствовала, что теряет почву под ногами.

– Объявление результатов через пять минут, – сказала она. – Ты должен пойти туда. Это твой триумф.

– Меня не изберут.

– Что?

– Президентом будет Левович.

– О чем ты, Макер? Какая ерунда.

– Я проиграл, – вздохнул он.

С печальным видом, понуриив голову, он решил пойти навстречу судьбе. Спасибо Анастасии, она придала ему мужества, и теперь он готов встретить поражение достойно, а не умирать трусом.

•

Было уже около семи. Бальный зал “Паласа” бурлил. Через несколько минут объявят имя нового президента. Сотрудники банка толпились перед эстрадой в глубине зала, где с минуты на минуту должны были появиться члены совета.

Вошел Макер в костюме-тройке. Он был неотразим. Официант предложил ему шампанского. Макер взял бокал, выпил его залпом и немного успокоился. Потом нырнул в радостно гудевшую толпу. И выпил второй бокал шампанского, чтобы придать себе уверенности.

Но тут все смолкло – на эстраде стояли Синиор Тарногол, Орас Хансен и Жан-Бенедикт Хансен. Орас подошел к микрофону:

– Дамы и господа, совет Эвезнер-банка принял решение. Мы избрали нового президента и имеем честь сообщить вам...

Он умолк на полуслове, потому что в этот момент какой-то человек в зале упал в обморок, увлекая за собой скатерть и грудку посуды. Гости бросились к нему, попросив сотрудников отеля вызвать врача. В зале воцарилась тревожная тишина.

– Все в порядке? – спросил Орас в микрофон, не очень понимая, что делать.

Затем еще кто-то из гостей почувствовал недомогание и растянулся на полу. Следом за ним второй, и пошло-поехало. Они вырубались один за другим, хрипя и хватаясь за живот. Через несколько мгновений уже добрая половина зала корчилась в страшных приступах рвоты.

Глава 39

Черная полоса

15 лет назад

В начале ноября первый снег уже запорошил улицы Вербье. Морозы установились надолго.

Лев подъехал к “Паласу” и с растроганной улыбкой посмотрел на его импозантный фасад. Прошло уже три месяца с тех пор, как он переехал в Женеву. Он часто возвращался на выходные в Вербье навестить отца и месье Роза.

Лев вошел в просторный холл отеля, и Роз, завидев его, закричал:

– А, блудный сын!

Каждый раз владелец отеля встречал его как героя.

– Добрый день, месье Роз, – поздоровался Лев, немного смущенный этим всплеском эмоций.

– Следуй за мной, у меня для тебя хорошие новости. – Роз затащил Льва к себе в кабинет и приготовил ему кофе. – Держу пари, ты ни за что не догадаешься, кто приходил ко мне на той неделе. Абель Эвезнер! По поводу Большого уикенда. Ну, в общем, мы поболтали о том о сем, и он так тебя хвалил, просто дифирамбы пел!

Роз, похоже, был в восторге – ничуть при этом не удивляясь – от стремительного восхождения своего протеже. Он невольно испытывал отцовскую гордость за Льва, считая, что тоже внес вклад в его успехи.

– Я там оказался не у дел, – сразу же объявил Лев. – Думаю, на меня ополчились служащие банка, так что теперь я исполняю обязанности стажера.

– Я в курсе, – кивнул Роз. – Абель мне все рассказал. Отец Эвезнер, судя по его словам, весьма старомоден. И к тому же серьезно болен. У него отказывают почки и...

– Старик Огюст вечен, – перебил его Лев. – Он уже сто лет на ладан дышит.

– Ты дашь мне договорить? – прикрикнул на него месье Роз. – Старик Огюст при смерти. Это вопрос нескольких недель. Так сам Абель говорит! Строго между нами, разумеется. Но я знаю, что на тебя можно положиться. В следующий Большой уикенд будет избран новый президент.

– Это значит, что Макер станет вице-президентом, – заметил Лев.

– Вот! – живо воскликнул Роз. – Когда его сын войдет в совет

директоров, Абелю Эвезнеру уже не придется выбирать между ним и тобой. Он мне все рассказал! В январе ты станешь полноправным банкиром! У тебя будут свои клиенты! Понимаешь? Ты заработаешь больше, чем в самых смелых своих мечтах. Будешь вращаться среди самых крутых женеvских финансистов! В твоём-то возрасте!

Лев не мог сдержать улыбки. Это повышение откроет перед ним двери высшего общества столицы, ему можно будет не скрывать свои отношения с Анастасией, ему можно будет не скрывать свое происхождение, да и ей не придется сочинять о нем небылицы для матери. Он станет большим человеком. Победа за ним! Теперь он прославит свою фамилию. И разбогатеет! Сделает предложение Анастасии. Через год-два, когда Лев накопит немного денег, они сыграют свадьбу. Он возьмет кредит. И кто знает, если он оправдает надежды Абеля Эвезнера, то уже через несколько лет купит особняк на шоссе Байрона с террасой, выходящей на озеро. А пока что снимет великолепную квартиру в каком-нибудь шикарном районе Женевы, поблизости от банка. Ему очень нравилась, например, улица Сен-Леже, в двух шагах от Старого города, прямо напротив парка Бастионов.

Роз вернул его с небес на землю.

– Я оставил тебе прекрасный номер на эти дни, – сказал он.

– Не стоило беспокоиться, месье Роз, я могу переночевать на диване у отца. Вы и в прошлый раз... нет, это слишком.

– Да ладно, ничего не слишком. Мне это в радость. И потом, мы должны отпраздновать твой успех!

Сол в отличие от месье Роза далеко не так восторженно относился к карьере своего сына. В тот же день, когда они обедали вдвоем в ресторане, Сол укоризненно заметил Льву:

– Банк плохо на тебя влияет, сын мой. Ты не такой, как прежде.

– А какой?

– Другой, – отрезал Сол, не вдаваясь в объяснения.

Лев, желая сменить тему, с гордостью сказал, что месье Роз предоставил ему номер в отеле на весь уикенд.

– Ну и ну! Ты поселяешься в “Паласе” в качестве клиента. Вот ты и оказался “по другую сторону баррикад”. Может, поднести тебе багаж в номер?

– Ох, престань, папа, что за чушь!

– Ладно. Давай, расскажи мне о Женеве и своей роскошной жизни.

– Это не роскошная жизнь. Я пытаюсь хорошо зарекомендовать себя в банке, но они вставляют мне палки в колеса.

– Я думал, у тебя приличная должность.

– У меня ее забрали, и пока я не приведу хотя бы одного важного клиента, мне не сдвинуться с позиции стажера.

– Не беги впереди паровоза, – проворчал Сол.

– Ты вообще в чьем лагере? – разозлился Лев.

– Будет тебе, сын мой, не ругайся! А твоя симпатичная блондинка, ради которой ты переехал в Женеву, как она поживает?

– Анастасия.

– Анастасия, верно. Очаровательная девчушка!

Лев подробно рассказал об Анастасии. Он рассказал, как сильно ее любит и как счастлив с ней. Рассказал об их тайных встречах после работы и о том, что в банке никто не подозревает об их отношениях.

Сол скорчил недовольную гримасу:

– Ты говоришь, что это “настоящая любовь”, но настоящая любовь не прячется от мира!

– Как раз наоборот, – объяснил Лев, – мы хотим себя обезопасить.

– Ах обезопасить! Это она тебе такое заливает? Я лично считаю, что она стыдится.

– Стыдится? – поперхнулся Лев. – Стыдится чего?

– Тебя. Того, кто ты есть на самом деле. Посмотри на нас, Лев, мы с тобой мелкая шушера.

– Вот еще! – вскинулся Лев. – Анастасия просто считает, что так будет лучше. Иначе нам жизни не дадут. Люди ненавидят тех, кто искренне любит друг друга. Вот, например, чтобы мать от нее отстала, мы выдали меня за русского аристократа, графа Романова! И это сработало, Ольга оставила августейших особ в покое!

Но Сол рассердился, не оценив шутки:

– Граф Романов? А это еще зачем? Чем ей не угодил Левович?

– Нет, ты не понимаешь. Мы же пошутили. И потом, тебе-то уж это должно понравиться: я прекрасно сыграл этого персонажа!

– Вот видишь! – Сол аж подскочил. – Ты стал бы отличным комиком!

– Папа, я не хочу быть комиком. Я хочу быть банкиром. Выйти в люди. Заработать деньги.

– Да ну? – усмехнулся Сол. – Ты полагаешь, деньги сделают тебя лучше и приличнее? Не забывай, кто ты есть и откуда родом, Лев Левович, сын циркового артиста. Банкир, пфф! Ишь, тоже мне граф нашелся!

– Граф Романов! – воскликнула в тот же миг Ольга, обедавшая с дочерьми в “Роберто”, как всегда по субботам.

Ирина, не до конца понимая, о чем она, на всякий случай восхищенно улыбнулась. Сидевшая рядом Анастасия опустила голову.

– Я решила тебе ничего не рассказывать, – продолжала Ольга, обращаясь к Ирине, – пока не удостоверюсь, что у них все серьезно. Так вот, у твоей сестры роман с графом Романовым, и это любовь до гроба!

– Он богат? – спросила Ирина.

– Богат? Богат как Крез, что есть, то есть. Более того, он Крезу милостыню подает! Анастасия, дорогая, скажи сестре, где он живет.

– Он живет в люксе в “Отеле де Берг”, – выдавила из себя Анастасия, совсем увязнув во лжи.

– В “Отеле де Берг”! – вскричала Ольга. – На минуточку!

Ирина разозлилась, что сестра нашла себе мужа побогаче, чем ее управляющий активами. Она снова ее переплюнула.

– Знаете, – наконец сказала Анастасия, – не в деньгах счастье. Главное, что он замечательный, нежный, щедрый, ужасно умный и к тому же красив как бог...

– Опиши его номер! – перебила ее Ольга. – А то из тебя слова не вытянешь.

– У него роскошные апартаменты, – промямлила Анастасия.

– Давай поподробнее, доченька. Ты же проводишь там все свои ночи.

– Анастасия не ночует дома? – возмутилась Ирина, которой до самого замужества не позволялось уходить на ночь.

– Нет, не ночует! – с гордостью объявила ее мать. – И по уважительной причине. Итак, какие у него апартаменты?

– Просторные, классные, с потрясающим видом на озеро.

– Сплошной хрусталь и нефрит? – спросила Ольга.

– Да, сплошной.

Ольга аж вздрогнула от избытка эмоций.

– А у графа Романова профессия имеется? – спросила Ирина.

– Очень даже имеется, – ответила Ольга, – и это самое прекрасное: он правая рука Абеля Эвезнера.

– Он работает в Эвезнер-банке?

Анастасия готова была сквозь землю провалиться.

– Он там большой человек! – с ликованием сообщила Ольга. – Абель Эвезнер в сортир не ходит, не спросившись у него. Такой молодой и уже так высоко взлетел! Сидит на горе золота и понукает ленивых работников! Спроси мужа, он наверняка его знает. Вы могли бы, кстати, как-нибудь поужинать все вместе.

Анастасия запаниковала.

– Лучше об этом не распространяться, – пробормотала она, заикаясь. – Потому что... Мы со Львом не афишируем свои отношения... Я обычная секретарша... на это косо посмотрят в банке... это не принято. У него могут быть неприятности. Умоляю, Ирина, не говори ничего мужу, я бы не хотела ставить Льва в неловкое положение.

– Моя дорогая, тебе нечего бояться, – успокоила ее Ольга. – Большие начальники общаются, с кем хотят. И вообще хватит трудиться, что за бредовая идея. Бросишь свое дурацкое секретарство, как только вы обручитесь. Забота о муже – это тоже работа на полную занятость!

Выйдя из ресторана, Анастасия пошла рядом с сестрой.

– Ирина, – призналась она, – я соврала, ты должна мне помочь. Лев Левович никакой не граф Романов. Он был служащим в “Паласе Вербье”, а теперь работает в банке. И он вовсе не правая рука Абеля Эвезнера, хоть и безмерно талантлив, пока что он там просто стажирруется.

– Так ты все выдумала? Люкс в “Отеле де Берг” и все прочее?

– Выдумала, да. Это был единственный способ отделаться от мамы. Умоляю, никому не говори! Мама убьет меня, если узнает правду, и запретит видеться со Львом.

Ирина просияла. Она испытала невероятное облегчение, услышав, что сестра живет с каким-то там стажером, к тому же бывшим портье. Ее вилла с бассейном мгновенно обрела былое величие.

– Не волнуйся, – пообещала она, – я тебя не выдам.

– Спасибо, с меня причитается.

Ирина, упиваясь своим превосходством, не могла удержаться, чтобы не сделать внушение младшей сестре:

– Тебе не стоит тратить время на бессмысленную интрижку.

– Я люблю его. Я люблю его больше всех на свете. Я хочу прожить с ним всю жизнь.

– Не говори ерунды, Анастасия. Любовью сыт не будешь, подумай о своем будущем.

– Да пойми же, мне плевать на деньги! Я хочу любить и быть любимой, вот и все.

На следующее утро, в воскресенье, Лев пил кофе у стойки бара в “Паласе Вербье”. Рядом с ним кто-то сел. Он даже не обернулся, но посетитель вдруг обратился к нему по-русски:

– Не было бы счастья, так несчастье помогло.

Это оказался Тарногол. Лев удивленно взглянул на него и кивнул в знак приветствия.

– Ходят слухи, что тебя ждет головокружительная карьера в Эвезнер-банке.

– Это всего лишь слухи.

– Ты слишком скромн, юноша Левович.

Лев ничего не ответил, продолжая молча пить кофе. У него не возникло желаниа разговаривать с Тарноголом, и поскольку он уже не работал в отеле, то ничем не был ему обязан. Но Тарногол не отставал:

– Ты мой должник.

– Да ну?

– Я спас тебя. Благодаря мне ты ушел отсюда. Не будь меня, ты так бы и прозябал в этом отеле.

– Не будь вас, меня бы не выгнали поганой метлой!

– Перестань, ты прекрасно знаешь, что это неправда. Не мечтай ты сам уйти из “Паласа”, ты бы не сорвался на меня тогда в августе. Я твой благодетель.

– Ничего себе! И что же вам от меня нужно?

– Я бы хотел, чтобы ты представил меня Абелю Эвезнеру.

Вот это уже было любопытно.

– Зачем вам Эвезнер? – спросил Лев подозрительно.

– Хочу с ним поговорить. Я должен разместить свои деньги в надежном месте. Много денег. Вот я и думаю положить их на счет в Эвезнер-банке.

– Открыть счет вы можете и без моей помощи, – заметил Лев.

– Не факт. У Огюста Эвезнера твердые принципы, он считает, что у денег есть запах. А мои не пахнут, если ты понимаешь, о чем я. Если меня приведешь ты, Абель Эвезнер не станет придирааться. Я знаю, что ты его любимчик. Ты мне, я тебе. Ты помогаешь мне открыть счет, я становлюсь твоим первым крупным клиентом. Это даст толчок твоей карьере. На кону крупные суммы.

Когда в понедельник, придя в банк, Лев предложил Абелю Эвезнеру организовать встречу с Тарноголом, тот очень обрадовался. Он слышал о Тарноголе и его состоянии от Роза. Поэтому на следующий же день, во вторник, в Розовой гостиной на шестом этаже Эвезнер-банка Абель и Лев принимали Синиора Тарногола, который специально приехал в Женеву по такому случаю.

– Я верю в ваш банк, – заявил Тарногол. – Я верю в стабильность Швейцарии. Я буду рад передать вам в управление часть своих активов.

– А мы будем счастливы иметь вас среди наших клиентов, – заверил его Абель.

– Молодой человек, сидящий рядом с вами, – сказал Тарногол, указывая на Льва, – настоящее сокровище. Я бы просил назначить его моим личным консультантом.

– Банк возлагает на Льва большие надежды, – кивнул Абель. – Но, строго говоря, он еще не банкир, то есть у него пока нет своих клиентов.

– Я в курсе. Оно и лучше, он сможет полностью посвятить себя работе со мной. Кстати, месье Эвезнер, начиная с какой суммы клиент у вас считается “крупным”?

– У нас не бывает крупных и мелких клиентов, – ответил Абель Эвезнер.

– Вот сумма, которую я хотел бы положить на счет в вашем банке. Скажите, являюсь ли я крупным клиентом.

Тарногол взял со стола блок для записей и ручку и написал единицу, за которой последовала бесконечная череда нулей. Абель Эвезнер потерял дар речи.

– Скажите, что я должен подписать, – потребовал Тарногол, – и я тут же сделаю перевод.

На что Абель дипломатично заметил:

– Мы будем безмерно счастливы видеть вас в Эвезнер-банке, месье Тарногол. Но, учитывая величину вашего вклада, нам необходимо перед тем, как принять ваши активы, получить определенную информацию об их происхождении. Обычная формальность. Извините за эту волокиту, но вы сами знаете, банковский надзор не спускает с нас глаз, требуя, чтобы мы проверяли происхождение денег наших клиентов.

– Не ходите вокруг да около! – развеселился Тарногол. – Вы хотите убедиться, что я не отмываю деньги в вашем банке. Не стоит волноваться. Дайте мне все бумаги, я передам их своим адвокатам и верну их вам до конца недели.

Когда встреча закончилась, по банку сразу же поползли слухи, что Лев Левович вот-вот приведет важного клиента и это может внезапно поставить его в один ряд с их топ-менеджерами.

На следующий день эту информацию обсудили на заседании совета. Оба Хансена и Огюст Эвезнер поверить не могли, что Лев в два счета нарыл такого ценного вкладчика.

– Ты говорил, что знаешь Тарногола по Вербье? – спросил Абеля Орас, явно стараясь преуменьшить роль Льва в этой блестящей операции.

– Нет, я его не знаю. Я действительно пересекался с ним в “Паласе”, он их постоянный клиент, но именно Льва он попросил привести его к нам. К твоему сведению, он даже потребовал, чтобы Лев стал его менеджером.

– Слишком много денег для первого клиента, – проворчал Огюст. – Твоему Льву Тарногол не по зубам, если он напортачит, нам придется расхлебывать кашу.

– По зубам не по зубам, ты велел ему привести клиента, чтобы стать банкиром, вот он его и привел! – возмутился Абель.

– Этот Лев такой красавчик, – хмыкнул Орас. – Возможно, у них с Тарноголом возникло взаимопонимание по мужской части.

– От твоей болтовни уши вянут, – сказал Абель.

– Послушайте, – прервал их Огюст. – Пусть сначала Тарногол все подпишет, потом будете крик поднимать. Тогда и решим, что делать с Левовичем.

Прошло два дня, и Тарногол вернулся в Розовую гостиную. Сев напротив Льва и Абеля Эвезнера, он положил на стол из черного дерева толстый конверт со всякими банковскими формулярами.

– Вот, здесь вы найдете все ответы на ваши вопросы о моих деньгах. А также бумаги, необходимые для открытия счета. Все должным образом подписано.

– Большое спасибо за такую оперативность, – обрадовался Абель Эвезнер, потянувшись за документами.

Но Тарногол остановил его, положив руку на конверт.

– Минутку, прошу вас, – сказал он. – У вас были свои условия, у меня – свои. И их два.

Абель нахмурился:

– Слушаю вас.

– Сначала я хотел бы убедиться, что моим банкиром будет Лев.

– Я должен получить согласие совета банка, – объяснил Абель. – Но с этим проблем не возникнет. Даю вам слово. В чем состоит ваше второе требование?

– Я хочу выкупить долю в вашем банке, – объявил Тарногол с хитрой ухмылкой.

Абель Эвезнер помрачнел. Лев был ошеломлен.

– Наш банк не продается, – твердо сказал Абель.

– Мне вообще-то не отказывают, – ответил Тарногол.

– А мне вообще-то не выкручивают руки! – повысил голос Абель Эвезнер.

– Напоминаю, что благодаря сумме, которую я собираюсь внести на свой счет, вы оставите конкурентов далеко позади. Представьте себе заголовки экономических газет в конце года, объявляющие о росте активов

вашего банка.

– Я понимаю.

– Будет только справедливо, если и мне достанется лакомый кусочек.

В элегантном салоне, где обычно происходили лишь дружеские беседы, медленно накалялась атмосфера. Лев, чувствуя, что теряет контроль над ситуацией, не понимал, что предпринять. Ему следовало остерегаться Тарногола, а он снова попался на удочку. И теперь пути назад не было.

Абель Эвезнер немного разрядил обстановку, предложив Тарноголу все обдумать за выходные. Они договорились встретиться втроем в ближайший понедельник.

На третью встречу Тарногол явился, сияя от радости.

– Вы совершенно правы, – признался он Абелью Эвезнеру, – мне следовало все спокойно обдумать. Что за дурацкая идея – выкупать у вас долю в банке.

Лев вздохнул с облегчением. Абель улыбнулся:

– Очень рад это слышать.

– После долгих размышлений, – продолжал Тарногол чуть ли не игриво, – я решил купить ваш банк целиком.

Абель Эвезнер не выдержал:

– Как вы смеете разговаривать со мной в таком тоне! Я полагаю, на этом мы закончим нашу дискуссию.

– Напрасно вы меня недооцениваете! – сказал Тарногол с угрозой в голосе. – Вы даже не представляете, на что я способен!

– А вы сильно заблуждаетесь на мой счет! – отозвался Абель.

Тарногол злобно рассмеялся:

– Знаете, Абель, в чем разница между нами? В том, что мои средства безграничны. Рано или поздно я выкуплю ваш банк! Я переименую его в Тарногол-банк, и вы будете подавать мне кофе!

Вместо ответа Абель Эвезнер в ярости распахнул дверь гостиной, предлагая Тарноголу освободить помещение.

Тарногол, выходя, бросил Абелью:

– Вы еще обо мне услышите. И пожалеете о своей выходке.

Лев в отчаянии закрыл лицо руками – теперь его все поднимут на смех.

Через две недели после инцидента с Тарноголом, то есть в последнее утро ноября, Огюст Эвезнер не проснулся. Известие о его смерти чуть ли не накануне Большого уикенда не сильно взволновало персонал банка. Президентство автоматически перейдет к Абелю Эвезнеру, а его сын Макер, согласно традиции, будет назначен вице-президентом во время субботнего торжества и вступит в должность первого января.

– Я самый молодой вице-президент в истории банка, – гордо объявил Макер Анастасии, сидя за их любимым столиком в “Реморе”.

– Я так рада за тебя, – с нежностью сказала она. – Что ты чувствуешь?

– Это большое событие, – признался он. – Но мне так грустно жить в одиночестве. Ну, я надеялся, что поднимусь на эту ступень женатым человеком. Что со мной кто-то будет рядом!

– Тебе еще рано жениться, – возразила она.

– Жениться никогда не рано, если встретишь свою вторую половину.

Анастасия сразу поняла, на что он намекает, и под предлогом срочной встречи поспешила уйти.

В тот вечер Анастасия и Лев, сидя у него в квартире, впервые серьезно повздорили.

– Ты должна сказать ему про нас! – в отчаянии требовал Лев. – Он вот-вот сделает тебе предложение!

– Он ужасно расстроится! Я его этим уничтожу! Мне не хочется портить ему праздник.

– Ну так вперед, выходи за него, чтобы он не огорчился!

– Лев, умоляю, не говори глупости. Я знаю, что последнее время у тебя были сложности в банке после истории с Тарноголом, но почему я должна за это расплачиваться и терпеть твое плохое настроение.

– У меня отличное настроение! Я думаю, тебе надо сказать Макеру правду!

– И убить его наповал? Зачем причинять человеку боль без особой необходимости? Я постараюсь избегать его в течение ближайших двух недель. После Большого уикенда я во всем ему признаюсь. Нам осталось потерпеть совсем недолго, как-нибудь переживем.

– А по-моему, он тебе нравится. Иначе зачем ты проводишь с ним столько времени?

– Ой, только не говори, что ревнуешь. Мы просто друзья! Я люблю его как друга. Он милый, добрый, у него золотое сердце, он всегда меня поддерживал, он единственный никогда не причинял мне боли!

– Что? – Лев оторопел. – А как же я?

– У тебя есть я! Ну ей-богу, Лев, я твоя! Чего еще тебе не хватает?

- Наверное, тебе лучше пойти сейчас домой.
 - То есть? Ты серьезно?
 - Более чем. Мне надоело быть твоим козлом отпущения.
 - Ну так спи один, раз уж на то пошло! – ответила Анастасия. – Дашь мне знать, когда одумаешься.
- И она ушла.

Следующие три дня они не виделись, и лед между ними так и не растаял. Чтобы не пересечься с ней в просторном холле банка, Лев приходил на рассвете и уходил уже под вечер. Анастасия сидела на своем этаже, прекратив ежедневные посещения их общего с Макером офиса. После работы она старалась уйти из банка в компании коллег и сразу отправлялась домой к матери. Макер напрасно ждал ее в “Реморе”, недоумевая, почему она больше не приходит.

Анастасии никогда не было так грустно. Она тщетно ждала, что Лев подаст ей знак, сделает первый шаг к примирению. Она еле сдерживалась, ей так хотелось позвонить ему, а то и прийти к нему домой. Но он ей нагрубил, ему и извиняться.

Наконец наступила пятница. Анастасия была уверена, что он предложит ей увидеться на выходных, но он не подавал признаков жизни. Весь уикенд она провалялась дома в тоске.

- Что происходит, дорогая? – не выдержала встревоженная Ольга.
- Мы поссорились со Львом.
- Из-за чего?
- Из-за того, что я не хочу рассказывать всем в банке, что у нас роман. У него могут быть неприятности.
- Какого рода?
- Макер Эвезнер станет вице-президентом.
- Макер? Вице-президентом?
- Да. И он в меня страшно влюблен. Если он узнает про нас, он приложит все усилия, чтобы Льва уволили. Я боюсь за него.

Ольга рассмеялась:

- Ты за него боишься? Ну в крайнем случае он проживет и на свою ренту и вы отправитесь в кругосветное путешествие! Работа для него – это просто хобби.

Анастасия пожала плечами. Она подумала, что впервые они с матерью заговорили о чем-то серьезно. Ей тут же захотелось поплакаться ей в жилетку, сказать всю правду, признаться, что Лев такой же Романов, как они Габсбурги. Но она предпочла промолчать.

– Короче, мы поссорились, я ушла, и с тех пор он на меня дуется. Ведь он должен сделать первый шаг, верно?

– Ведь она должна сделать первый шаг, верно? – спросил Лев у отца, к которому приехал на два дня в Вербье. – Она даже не предложила увидеться на выходные.

– Тем лучше, – философски заметил Сол, – зато мы побудем вместе. А то ты бы торчал сейчас в Женеве, забыв старика отца.

– Я серьезно, – сказал Лев, не понимая, что отец не шутит. – Ведь Анастасии следует извиниться передо мной, ты так не считаешь? Она скрывает наш роман, и мне кажется, что она меня ни в грош не ставит. А знаешь что? Мне самому надо взять дело в свои руки и всем все рассказать. Вот.

– А смысл? – спросил Сол. – Если она не хочет ничего говорить, значит, у вас проблемы. Может, она тобой не дорожит. Может, в глубине души ей нравится этот парень, сын Эвезнера. Ты просто Левович, а он Эвезнер как-никак!

В итоге они помирились в среду, за два дня до Большого уикенда. В тот вечер Абель Эвезнер, как это было принято, организовал дома прием, чтобы отметить свое вступление в должность президента. Сливки женевского общества собрались в их особняке на роскошный фуршет. Льва туда пригласил Абель, Анастасию – Макер.

Они столкнулись в толпе гостей прямо посреди гостиной. Их взгляды встретились, и тут у них словно фейерверк взорвался внутри. С бьющимся сердцем они зачарованно уставились друг на друга. Им стоило невероятных усилий не поддаваться порыву и не обняться у всех на виду. Сказав, что выйдут покурить, и оказавшись вдали от посторонних глаз, они бросились целоваться.

– Я пришла, потому что знала, что ты тут будешь, – прошептала Анастасия, ненадолго отрываясь от его губ.

– Я тоже, – признался Лев.

Они воскликнули хором “прости меня” и расхохотались.

– Я не могу жить без тебя, – сказала Анастасия.

– Я тоже, – ответил Лев. – Кстати, мне надо кое-что тебе сообщить. Одну важную вещь. Я много думал в эти дни...

Лев замолчал, потому что она задрожала – на улице было очень холодно.

– Ну, говори, – взмолилась она.

– Ты простудишься. Встретимся в кабинете Абеля через пять минут. Это в самом конце коридора. Там тепло и пусто.

– Хорошо, – улыбнулась она.

И снова поцеловала его.

Лев первым вошел в дом, притворился, что идет к гостям, а сам отправился в кабинет ждать Анастасию.

Она последовала его примеру. Надеясь проскользнуть потихоньку, она не заметила, что Макер пошел за ней. Когда она открыла дверь кабинета, он окликнул ее:

– Ты не заблудилась?

Она вздрогнула:

– Макер? Как ты меня напугал. Я искала туалет.

– Это соседняя дверь. А тут кабинет отца. Кстати, зайди, я тебе кое-что покажу.

– Может, лучше в гостиной?

– Нет, это здесь. Ну, давай!

У Анастасии екнуло сердце, Лев сейчас попадетса ему на глаза.

Макер пропустил ее вперед. В кабинете никого не оказалось. Льва, наверное, задержали в гостиной.

Они вошли. Это была уютная комната, обшитая темным деревом. Одну стену полностью занимали полки с книгами; широкое окно напротив выходило в сад, под ним стояло большое кожаное кресло, располагающее к размышлениям. В центре красовался внушительных размеров стол черного дерева, перед которым висела огромная картина, изображающая здание Эвезнер-банка на улице Корратри. Макер подвел Анастасию к картине и сказал:

– Посмотри. Что ты видишь?

– Я вижу... банк, – ответила она.

– Мой банк, – поправил он. – В январе я стану вице-президентом. Я теперь единственный наследник. Представляешь, какое будущее нас ждет?

– Нас? – поперхнулась Анастасия.

– Я хочу взять тебя под свое крыло, я буду защищать тебя, холить и лелеять.

– Макер, нет, погоди...

Не слушая ее, он преклонил перед ней колено:

– Анастасия фон Лахт, я люблю тебя. Ты женщина моей мечты. Я хочу на тебе жениться.

Она ужасно смутилась:

– Послушай, Макер, ты знаешь, как много для меня значишь. Но я...

Он не дал ей договорить:

– Я догадываюсь, что ты скажешь: “Мы слишком молоды, это безумие”. Никакое не безумие. Ладно! Я понимаю, ты удивлена. Обдумай все спокойно. И завтра в восемь приходи ужинать в “Золотого льва” в Колоньи. Если ты придешь, это будет означать “да”.

Вот сейчас и надо повиниться.

– Макер, я должна быть честна с тобой...

Дверь в комнату распахнулась, и она умолкла. Это была мать Макера.

– А, вот вы где! – сказала она. – Макер, я тебя обыскала. Пойдем скорей, твой отец готовится произнести речь!

Они ушли. Макер выключил свет и закрыл дверь. В темноте Лев вылез из-за плотных штор, за которыми прятался все это время. Он пребывал в задумчивости: знала ли Анастасия, что он был там и все слышал?

В конце концов он присоединился к гостям. Анастасия стояла возле стола с десертами.

– Где ты был? – спросила она.

– Извини, я застрял с Абелем, – соврал Лев. – Он хотел меня с кем-то познакомить.

Он раздумывал, не признаться ли ей, что оказался свидетелем того, как Макер сделал ей предложение, но предпочел подождать, пока она сама ему все расскажет.

Она раздумывала, не признаться ли ему, что Макер сделал ей предложение и что она не успела ему отказать, но, вспомнив об их недавней ссоре, предпочла обойти этот эпизод молчанием. Завтра утром она сама во всем разберется.

Понимая, что Анастасия не собирается ничего ему говорить, Лев решил назначить ей свидание на тот же час, что и Макер.

– Знаешь, в кабинете Абеля я хотел поговорить с тобой...

– Да, о чем?

– Не здесь. Давай завтра. Встретимся в восемь вечера в ресторане на верхнем этаже “Берга”.

– В “Берге”? – удивилась Анастасия.

– Ты все поймешь. Зайдешь ко мне сегодня?

– Сегодня нет. У меня завтра встреча рано утром.

– С кем это?

– Не имеет значения. Но это очень важно.

На следующее утро, в 7 часов, Анастасия встретила с Макером в “Реморе”.

– Что-то случилось? Почему так рано? – спросил он, садясь напротив нее.

Он явно был в отличном настроении. Она отпила кофе, чтобы набраться смелости:

– Макер, ты прекрасный человек, я очень хорошо к тебе отношусь, но я не приду сегодня в “Золотого льва”. Я не хочу выходить за тебя замуж.

Он решил, что ослышался:

– Думаешь, мы поторопились?

– Нет, просто я не влюблена в тебя. Я люблю Льва, у нас роман. И я хочу прожить с ним всю жизнь.

Макер побледнел. Он был ошеломлен.

– Лев? – пробормотал он. – Ты же сказала, что между вами ничего нет.

– Я солгала. Чтобы не делать тебе больно. И чтобы ты оставил его в покое. Я знаю, что у него проблемы в банке, потому что он обошел вас с Жан-Беном.

Макер не верил своим ушам.

– А зачем тогда выпивать со мной после работы, если я тебе не нравлюсь? Что за бред?

– Ты сам приходишь сюда каждый день. Я ни о чем тебя не просила. Пойми, я тебя люблю, мне нравится проводить с тобой время. Но, по моему, я не подавала тебе никаких надежд.

– Какой смысл торчать в “Реморе”, если не для того, чтобы пообщаться со мной?

– Я ждала Льва.

На Макера было жалко смотреть. Ей казалось, он сейчас упадет в обморок.

– Прости меня, если сможешь.

– Никогда не думал, что могу испытывать такую боль.

– Я не нарочно, Макер, ты знаешь, как ты мне дорог. Давай останемся друзьями. Я не хочу потерять тебя.

На это он ничего не ответил.

– И как это твоя мать позволяет тебе жить с таким ничтожеством?

– Мама не в курсе. Она принимает Льва за богатого аристократа.

– Он не даст тебе того, о чем ты мечтаешь, – заявил Макер.

– Он сам – то, о чем я мечтаю.

– А вот тут ошибаешься! Обдумай все хорошенько!

– Я уже все обдумала, – твердо сказала она.

– Я сделаю вид, что этого разговора не было. Жду тебя в восемь в “Золотом льве”.

– Я не приду. Сегодня в восемь я ужинаю со Львом.

Лицо Макера исказилось. Не в состоянии вымолвить ни слова, он убежал, опрокинув столик. Она видела в окно, как он быстрым шагом идет по направлению к банку.

Но в то утро Макер не появился на работе. Он был слишком потрясен. Побродив немного по улицам Старого города, он решил зайти в магазин “Бонжени” пообщаться с матерью Анастасии. Он нашел ее на третьем этаже в отделе меховых курток.

Ольга, не сразу сообразив, кто перед ней, приняла его за клиента. Когда до нее дошло, что это сам Макер Эвезнер, она перепугалась и попыталась спрятать свой бейдж.

– Не волнуйтесь, я все знаю, – успокоил ее Макер. – У Анастасии нет от меня секретов. Я пришел серьезно поговорить с вами, мадам фон Лахт. Речь о вашей дочери. Она солгала вам по поводу Льва Левовича.

В полшестого Анастасия вернулась домой, чтобы переодеться на ужин. В восемь вечера в “Отеле де Берг”. Ей было интересно, что Лев собирается ей сообщить.

Она бодрым шагом вошла в квартиру. Она точно знала, какое именно платье наденет. Еще каких-то два с половиной часа, и она его увидит. Она сразу направилась в ванную привести себя в порядок. Посмотрев в зеркало, она увидела, что у нее за спиной в дверном проеме стоит Ольга.

– Привет, мамочка, – улыбнулась Анастасия.

Ольга сурово посмотрела на нее.

– Ты очень меня огорчаешь, – холодно сказала она.

– Огорчаю? Почему? – встревожилась Анастасия.

– Я все знаю: твой Левович просто помойная крыса! Я запрещаю тебе с ним встречаться!

– Ты ничего не можешь мне запретить! – возмутилась Анастасия. – Я совершеннолетняя! И делаю что хочу!

– Ты обманула меня! – крикнула Ольга. – Соврала! Как ты смеешь врать матери?

В приступе ярости Ольга с размаху влепила ей пощечину. Анастасия от неожиданности рухнула на кафельный пол.

– Ты никуда не пойдешь, – сказала Ольга и, захлопнув дверь в ванную, заперла ее на ключ.

В восемь вечера Лев с нетерпением ждал Анастасию за столиком в ресторане “Отеля де Берг”, нервно теребя обручальное кольцо своей матери, которое собирался ей подарить. Сегодня он попросит ее руки и сердца.

В четверть девятого Анастасии еще не было. Он не волновался, пунктуальность не относилась к ее достоинствам.

В девять Лев понял, что она не придет.

Он посмотрел на озеро. На другом берегу, прямо перед ним, возвышался холм Колоньи. Среди мерцающих огоньков светились и окна “Золотого льва”. Она наверняка сидит там с Макером. Она выбрала его. Он представил себе их вдвоем, счастливых, хохочущих, вкушающих первоклассные блюда и прекрасные вина.

Он положил кольцо в карман и ушел.

Все было кончено.

Глава 40

Вдвоем

В воскресенье, 1 июля 2018 года, после нашего долгого разговора с Бинаром я заперся в номере и сел писать. Теперь это дело предстало передо мной совсем в ином свете. Но Скарлетт не оставляла меня в покое больше чем на пару часов. Незадолго до полудня она явилась ко мне в походном снаряжении. Схватив со стола исписанные листы бумаги, она проверила, на чем я остановился.

– Это еще рано читать, – сказал я.

– Хватит надо мной издеваться, писатель! Мне любопытно, как вы расскажете эту историю.

– Хорошо, только не спутайте страницы, я их не пронумеровал.

– Не беспокойтесь, я отношусь к вашему творчеству с огромным пиететом.

В дверь постучали.

– А, уже готово, – объявила она.

– Что готово? – забеспокоился я.

Она пошла открывать. Офицант внес плетеную корзину, полную еды, и ушел.

– Вы планируете просидеть в моем номере несколько дней? – спросил я.

– Напротив, я планирую вытащить вас отсюда. Погода прекрасная, грех не воспользоваться. Собирайтесь, нам пора.

– Правда? И куда же?

– В горы на пикник. Пока вы одеваетесь, я переложу провизию в рюкзак.

Сначала Скарлетт отвела меня к подъемнику. Мы доехали до первой остановки и зашагали оттуда вдоль гребня гор. От окрестных пейзажей дух захватывало. Мы свернули на лесную тропинку, наслаждаясь долгожданной прохладой. По берегу речки мы вышли к лужайке. Оттуда открывался потрясающий вид на Альпы, и Скарлетт, сочтя, что это место вполне сойдет для привала, расстелила в тени дерева большое одеяло. Мы сели рядом, любуясь заснеженными горными пиками, которые вздымались прямо перед нами. Тут царил абсолютная безмятежность.

– Когда вы возвращаетесь в Лондон? – спросил я.

– Через неделю, в следующий понедельник. А вы?

– Не знаю. В Женеве меня никто не ждет. Некоторые называют это свободой, я – одиночеством.

– Меня тоже в Лондоне никто не ждет. Только работа. Ну и еще адвокат моего будущего бывшего мужа, чтобы обсудить развод.

– Тогда зачем возвращаться в Лондон?

– Так надо. Пора окунуться в реальность. А вы? От какой реальности вы сюда бежали?

Самое время исповедаться. Я решил рассказать Скарлетт историю Слоан, удивительной девушки, которую я не сумел удержать.

– То есть она вас бросила, и вместо того, чтобы биться за нее, вы сбежали, – подытожила Скарлетт.

– Вроде того, – согласился я.

– Ладно, не волнуйтесь, писатель. Если она ваш человек, вы обретете друг друга, когда книга будет закончена.

– Не уверен.

– Помяните мое слово.

Наступило молчание. Мы сели поближе друг к другу. Я почувствовал, как между нами пробежали искры. Скарлетт нежно коснулась моей руки. Потом медленно приблизила свое лицо к моему. Я остановил ее порыв за мгновение до того, как ее губы коснулись моих.

– Нельзя, Скарлетт. Простите...

Глава 41

Последние часы

Суббота, 15 декабря, накануне убийства

19.05. Объявление имени нового президента не состоялось.

На торжественном вечере царили хаос и смятение. Таинственный недуг сражал гостей одного за другим.

В бальном зале творилось что-то невообразимое – люди корчились на полу и стонали. Настоящая пандемия.

Макер, совершенно растерявшись от криков и столпотворения, решил укрыться у себя в номере. Чтобы не пришлось ждать лифта, он стал подниматься по лестнице, и тут его окликнул чей-то голос:

– Ты этот бардак устроил?

Перед ним стоял Тарногол.

Макер спустился и, подойдя к нему вплотную, посмотрел ему прямо в глаза.

– Да, я, – сказал он. – А может, и вы, Синиор. Вы так старались помешать мне стать президентом! Почему, кстати? А теперь им всем грозит смерть по вашей милости.

– Где начало, там и конец, – прошептал Тарногол.

– Прошу прощения?

– Где начало, там и конец, Макер. Сам посуди, мы с тобой в “Паласе Вербье”, на Большом уикенде банка. Тут мы впервые встретились ровно пятнадцать лет назад. И сегодня все завершится, на том же самом месте. Мне неоткуда ждать спасения, рано или поздно Р-30 меня прикончит. Скорее всего, мы видимся в последний раз.

Тарногол, казалось, смирился. Он хотел пожать Макеру руку на прощание, но тот никак не отреагировал, и Тарногол отстранился:

– Когда пробьет мой час, я скажу, что попусту прожил свою жизнь. Я так хотел заработать побольше денег, я так хотел править миром, я так стремился к власти. Я так рвался распорядиться чужой судьбой, забывая, что повлиять можно только на свою собственную. До свидания, Макер. Завтра, когда “Палас” придет в себя, в этих стенах будет звучать только одно имя – Льва Левовича. Нового президента Эвезнер-банка.

С этими словами Тарногол развернулся и пошел вниз. Сюда доносились отзвуки паники, захлестнувшей бальный зал, и сирены машин скорой помощи, мчавшихся к отелю со всего кантона.

Макер смотрел вслед опечаленному старику и думал, что не хочет кончить как он. Сегодня вечером судьба подарила ему последний чудесный шанс – отвоевать президентство. Заделать брешь, которую он сам пробил в своей судьбе пятнадцатью годами раньше, продав акции. Он молод, у него еще много лет впереди. Сейчас у него есть надежда возродиться из пепла. Слова Тарногола эхом отзывались у него голове: нельзя распорядиться чужой судьбой, но можно повлиять на свою собственную.

– Сিনিор, подождите! – крикнул Макер.

Тарногол замер и обернулся.

– Я согласен, – сказал Макер.

– Согласен на что?

Макер сбежал к нему по ступенькам.

– На обмен, Сিনিор. Отдайте мне президентство и заберите то, что вам принадлежит.

– Ты уверен?

– Да.

– Ты готов потерять Анастасию?

– В глубине души я уверен, что уже ее потерял.

Тарногол серьезно посмотрел на него.

– Во вторник, – продолжал Макер, – она получила гигантский букет белых роз. Якобы от соседки. Только вот соседка ничего не посылала, я ее спросил.

Тарногол кивнул. Как будто посочувствовал.

– Завтра ты проснешься президентом банка.

Они обменялись долгим рукопожатием, и Макер стал подниматься на шестой этаж. Тарногол окликнул его на прощание.

– Знаешь, – сказал он, – из тебя выйдет хороший президент.

Макер, не останавливаясь, улыбнулся. Он уже не сомневался, что победа за ним.

В бальном зале и вокруг него еще не улеглась тревожная сумятица, не утихали крики. Во всеобщей неразберихе санитары выносили пострадавших в холл отеля, чтобы рассортировать их, в зависимости от тяжести состояния.

В гущу этой свалки Анастасия отчаянно искала Макара и Льва. Их не было ни в холле, ни в бальном зале. Наконец, пробегая по коридору, ведущему в туалетные комнаты, она наткнулась на Льва, скорчившегося на полу. “Лев! – закричала она, бросаясь к нему. – О господи, Лев! Что с тобой?”

У него начались судороги. Говорить он не мог. Вместо слов у него

вырвался мучительный хрип. Анастасия поняла, что теряет его.

•

15 лет назад, Большой уикенд

В пятницу рано утром Лев выехал из Женевы в Вербье. Он почти не спал той ночью. Накануне, поняв, что Анастасия не придет к нему в “Берг”, он с печалью в сердце вернулся домой и позвонил отцу. И все ему рассказал. Что он убит, что его отвергли, предпочли другому. И Сол Левович проклял молодую женщину, из-за которой так страдал его сын.

– Приезжай завтра в Вербье, – предложил он.

Лев отказался:

– У меня нет ни малейшего желания участвовать в этом проклятом маскараде. Там будут все мои коллеги и Анастасия с Макером. Спасибо, не надо!

– Приезжай, и мы уедем. У тебя улучшится настроение. Можем смотаться на выходные в Церматт. Мы так давно никуда не ездили вдвоем.

Лев сам не знал, чего ему хочется. Но согласился. Он сказал отцу, что полдесятого сядет в поезд и к полудню будет в Вербье.

– Пойдем пообедаем в хорошем месте, вот увидишь, это тебе поднимет боевой дух.

Лев был еле жив. Но все равно никак не мог заснуть. В лучшем случае он закрывал глаза минут на двадцать – тридцать, задремывал, но тут же, вздрогнув, просыпался. И, возвращаясь мыслями к Анастасии, корчился от боли. Он не понимал ее. Ему необходимо было с ней поговорить. Прежде чем отправиться с отцом в Церматт, он зайдет к ней в “Палас Вербье” и потребует объяснений. Он не спускал глаз с часовой стрелки. Наконец в полпятого он встал и собрался. В пять он уже был на пути к вокзалу Корнавен.

В полшестого, первым поездом, Лев уехал в Мартиньи. Там он переседет, доедет до Ле-Шабля и затем автобусом до Вербье.

В полшестого утра, лежа на ледяном кафельном полу в ванной, где она в конце концов уснула, Анастасия открыла глаза. Она увидела, что дверь открыта.

Она незаметно скользнула в свою комнату и, наспех запихнув в сумку какие-то вещи, бросилась к выходу.

Уже в дверях она услышала, как у нее за спиной прогремел голос

матери, невидимой в темноте:

– Анастасия, если ты выйдешь за порог, у тебя больше не будет дома!

– Мама, я...

Ольга зажгла свет и окинула дочь ледяным взглядом:

– Ты позоришь свою фамилию, дрянь паршивая!

Анастасия долго смотрела на мать. Ольга поняла, что, невзирая на ее уговоры, она сейчас уйдет, и закричала:

– Давай! Вали к своему бродяге! Живи своей нищенской жизнью! Глаза б мои тебя не видели!

Анастасия убежала. Она пронеслась вниз по лестнице и выскочила на улицу, в морозное утро, с маленькой дорожной сумкой в руке. Она спешила, как могла, в надежде застать Льва. Добравшись до озера, она перешла на другой берег по мосту Монблан. В этот час кругом было пусто. Анастасия миновала Английский сад и оказалась в квартале О-Вив. Еще через несколько минут она наконец вошла в дом, где жил Лев. Бегом поднявшись по лестнице, она долго стучалась к нему в квартиру, но тщетно. Никто не отзывался. Наверное, он еще спит. В спешке Анастасия оставила дома запасные ключи, которые ей как-то дал Лев. Ей некуда было деться. Она прождала почти час, примостившись на коврике под дверью. Потом снова принялась стучать, но вскоре поняла, что его нет дома. Вероятно, он уже на пути в Вербье. Анастасия ринулась на вокзал Корнавен.

В семь утра, в расстроенных чувствах, она села в вагон второго класса поезда, идущего в Мартины. Она отыщет его и все ему объяснит.

В 7.15 Лев сошел с поезда на станции Мартины. По дороге он сказал себе, что еще не все пропало: раз Анастасия не пришла, значит, у нее на то были серьезные основания. Ее задержали, ей помешали. Он уже сожалел о своей вспышке. Зря он так поспешно уехал из Женевы. Лучше бы постоял у нее под домом. Приедет ли она в Вербье? А что, если она ждет его в Женеве? Он чуть было не пересел на обратный поезд. Потом подумал, что лучше будет зайти в “Палас”. Она обязательно там появится.

В Мартины, в ожидании первого поезда на Ле-Шабль, Лев зашел выпить кофе в тепле привокзальной гостиницы. Там было полно народу, все завтракали, и Лев, отрешившись от этой суматохи, смотрел в окно на безлюдную улицу и маленькую площадь. Расплатившись, он уже собрался уходить, как вдруг с изумлением увидел снаружи отца с большим чемоданом в руке. Что он здесь делает, к тому же с багажом? Неужели он уехал из Вербье?

Сол Левович вошел в гостиницу и смешался с толпой постояльцев. Лев, стараясь не попасться ему на глаза, потихоньку наблюдал за ним. Сол пересек вестибюль, Лев двинулся следом. Внезапно у него возникло нехорошее предчувствие. Но то, что ему открылось, превзошло самые невероятные его предположения.

Глава 42

Большие перемены

Суббота, 15 декабря, накануне убийства

“Палас Вербье”, 23.30. Тут все стихло, но это была ужасная тишина, которая обычно наступает после катастрофы. В бальном зале работники отеля пытались ликвидировать последствия хаоса, царившего здесь еще несколько часов назад.

Жизни пациентов, распределенных по больницам кантона, ничего не угрожало. Большинство из них остались там до утра, но это была простая мера предосторожности, их состояние уже не внушало опасений. Обошлось без жертв. Врачи склонялись к версии пищевого отравления. Наверняка что-то не то оказалось в поданных на закуску птифурах. Лосось? Фуа-гра? Полицейские, уведомив санитарные службы, приступили к снятию проб на кухне отеля. Месье Роз, умирая от волнения, велел опустошить все холодильные камеры и выбросить их содержимое. “Не будем рисковать!” – повторял он бригаде поваров, которые, в свою очередь, клялись устроить головомойку поставщикам. При этом никто не понимал, что могло случиться – в “Паласе” всегда использовали только свежие высококачественные продукты. В своем номере на шестом этаже Лев паковал вещи под встревоженным взглядом Анастасии.

– Ты точно в порядке? – спросила она.

Лев только что приехал из больницы Сьона. Врачи быстро привели его в чувство. Они рекомендовали ему остаться в больнице, но он предпочел немедленно вернуться в “Палас”.

– Все хорошо, – заверил он Анастасию. – Не волнуйся.

– Ты вообще в состоянии сейчас куда-то двигаться? Можем подождать до завтра.

– Хватит ждать. Мы и так затянули.

Она кивнула: он был прав. У двери валялась ее сумка, собранная уже так давно и ставшая свидетельницей нескольких осечек с отъездом. Надо скорее уносить отсюда ноги. Исчезнуть. Забыть Женеву, банк и все, что случилось за последние пятнадцать лет.

– Не знаю, в чем тут дело, – сказал Лев, – но очень сомневаюсь, что мы стали жертвами простого пищевого отравления.

– Почему? – спросила Анастасия.

– Потому что меня мутило, хотя я ничего не ел. Выпил только бокал

шампанского и сделал пару глотков коктейля с водкой, довольно отвратного на вкус, поэтому я сразу его отставил. Вряд ли все же в “Палас” попадает левый алкоголь. А самое странное, что Макер, Тарногол, Жан-Бенедикт и Орас Хансены в полном порядке.

– Ты уверен?

– Абсолютно. Я их видел. Все держались за живот, кроме них.

– И что это значит? – спросила Анастасия, вспомнив дневник Макаера, где он подробно описал свои чудовищные планы по захвату власти.

– Понятия не имею. Тут творятся странные вещи. Короче, чем раньше мы уберемся из этого проклятого “Паласа”, тем лучше я буду себя чувствовать.

Они уедут через час. Альфред предупрежден. Он заберет их у одного из запасных выходов, чтобы их не заметили, и отвезет в аэропорт Сьона. Там их будет ждать частный самолет. Лев предусмотрел все.

– Частный самолет куда? – поинтересовалась Анастасия.

– Скоро узнаешь, – улыбнулся Лев.

Анастасия улыбнулась ему в ответ. Сунув руку в карман, она нащупала обручальное кольцо, которое ей когда-то подарил Макер. Она подумала, что нельзя так подло сбегать, даже не попрощавшись с ним. Ей хотелось завершить их историю так же, как она началась, прямо здесь, в этом отеле, пятнадцать лет назад.

– Мне надо уладить кое-что напоследок, – сказала она. – Собирайся, я быстро.

Макер ликовал. Сидя в кресле у себя в номере, он взволнованно рассматривал акции на предъявителя, которые неизвестная рука просунула ему под дверь. Тарногол сдержал слово и вернул то, что причиталось Макару по праву. По прошествии пятнадцати лет Макер Эвезнер наконец займет свое законное место. Внезапно в дверь постучали. Прежде чем открыть, он убрал акции в сейф. Это оказалась Анастасия. Вид у нее был удрученный. Макер сразу все понял.

– Входи, – сказал он сухо, словно она была чужим человеком.

Она вошла, села в кресло и, вынув из кармана какой-то предмет, положила его на журнальный столик, словно ненужную мелочь. Макер сразу узнал кольцо с сапфиром, которое он подарил ей, сделав предложение. Оно уже долгие годы не попадалось ему на глаза.

– Все кончено, – прошептала она.

– Я знаю, – мягко ответил он.

Анастасия была поражена – такого ответа она не ожидала.

– Я знаю, – продолжал он, – что у тебя кто-то есть. В прошлые выходные ты не ездила к Веронике в Вева. Перед отъездом в Мадрид я собирался послать тебе туда коробку твоего любимого шоколада. Я подумал, что это доставит тебе удовольствие. Телефон Вероники я отыскал в старой записной книжке, которую ты почему-то бережно хранишь, и позвонил ей, чтобы уточнить адрес. Вероника обомлела – вы, оказывается, не виделись целую вечность. Соседка не дарила тебе цветов. У тебя роман.

Макер говорил совершенно спокойным голосом, глядя на Анастасию так пристально, что она потупилась.

– Почему ты ничего не сказал? – тихо спросила она.

– Ну, пока я не произносил это вслух, у меня теплилась надежда, что все неправда. Вернувшись из Мадрида в воскресенье вечером, я попросил Арму провести уикенд с тобой под тем предлогом, что ты боишься оставаться в одиночестве. На самом деле я просто думал приставить ее к тебе. Так хотя бы я мог не переживать, что, пока я тут, ты спишь с другим.

Они молча переглянулись. Было уже около полуночи. Макер понимал, что потерял Анастасию. Тарногол дал, Тарногол взял.

– Я был счастлив с тобой, – сказал Макер.

– Я тоже, – отозвалась она.

Поколебавшись, он спросил, сомневаясь, что хочет услышать ответ:

– Кто он?

– Не имеет значения.

– Ты права, не имеет значения. Любовь – это не столько пресловутая химия, сколько дело времени. Любовь – прежде всего труд. Я желаю тебе усердно трудиться, чтобы любить и быть любимой.

У нее навернулись слезы. Она любила Макара, но как брата, не любовника. Она улыбнулась ему, и на нее нахлынули воспоминания об их молодости. Каким хорошим был тогда Макер. Они долго еще смотрели друг на друга и разом вздрогнули от громкого стука в дверь.

Жан-Бенедикт назвал себя и крикнул угрожающим голосом из коридора:

– Макер, открой! Я знаю, что ты здесь!

Поблуднев, Макер велел Анастасии спрятаться в ванной. Затем он выпустил своего кузена, который буквально ворвался внутрь.

– Хочешь узнать последние новости? Ко мне только что приходил Тарногол. Он подал заявление об уходе и незамедлительно покидает банк! Он указывает также, что передает тебе свои акции и голосует за тебя! Таким образом, благодаря моему и его голосу ты становишься президентом. Мои поздравления, господин президент!

Макер победно улыбнулся. В ванной Анастасии все было слышно, и она тоже улыбнулась. Она была счастлива за Макара. Они начнут новую жизнь – каждый свою.

– Только президентом буду я! – вдруг заявил Жан-Бенедикт.

Макер нахмурился:

– Что ты несешь?

– Уже три столетия Эвезнеры плюют на Хансенов с высокой колокольни. Вы всегда считали себя выше нас. Но теперь с этим покончено! Потому что с первого января Эвезнер-банк станет Хансен-банком. На фасаде здания на улице Корратри будет красоваться моя фамилия. Потому что ты отдашь мне акции, которые тебе вернул Тарногол. А прибавив твои акции к нашим, мы с отцом выйдем в дамки. Отныне банк принадлежит семье Хансен.

– Ты спятил! – крикнул Макер.

Жан-Бенедикт злобно рассмеялся:

– Это ты спятил. Ты всегда был лузером. Ты собирался предать банк, ты покушался на жизнь Тарногола, а еще ты всех отравил, псих ненормальный! Я должен был бы заявить на тебя в полицию, но не заявлю, если ты немедленно передашь мне акции.

– У тебя нет никаких доказательств!

– Ты действительно готов рискнуть? Пока что все уверены, что копченый лосось оказался с душком. На этом все и закончится. Но я запросто могу рассказать полиции, в чем было дело. Следствие завершится в два счета – гостиничные камеры наверняка засняли, как ты ставишь в бар бутылку “Белуги”. Банкетный менеджер видел, как ты потом в панике пытался ее найти. Если я заговорю, все подтвердят мои слова. Представляю себе заголовки в прессе: макер эвезнер – отравитель. Ну и разумеется, я предам гласности видеофильм с тобой в главной роли, где ты впариваешь списки наших клиентов итальянским налоговикам. Вот шуму-то будет!

Макер закрыл глаза и рухнул в кресло.

– Тебе конец! – подытожил Жан-Бенедикт.

У Макара не оставалось выбора. После долгих колебаний он подошел к сейфу и вытащил конверт Тарногола. Жан-Бенедикт живо схватил его и проверил, что все бумаги на месте.

– Ты не сможешь стать президентом, – сказал Макер. – Мой отец категорически запретил членам совета занимать его пост.

– Но благодаря тебе семья Хансен становится держателем контрольного пакета акций. Именно мы будем назначать и отзывать президентов. Мы управляем банком, и нам решать его судьбу. Конечно, ты

публично санкционируешь эти реформы. И само собой, уволишься. Я даже думаю, тебе не вредно будет вообще уехать из Женевы и перебраться в другое место. Ты богатый наследник, и проблемы с деньгами тебе не грозят. Воспользуйся случаем и начни новую жизнь. Подальше отсюда. И чтобы я тебя тут больше не видел, дорогой кузен!

Макера трясло. Жан-Бенедикт снисходительно похлопал его по плечу:

– Ну вот и хорошо. Завтра утром я созову пресс-конференцию и объявлю о больших переменах в банке. Зачитаю заявление Тарногола, объясню, что ты покидаешь банк по личным обстоятельствам, передав мне бразды правления. Все заподозрят, что у тебя рак, будут тебя жалеть, а это всегда приятно. Ну, спокойной ночи, братик! Сладких тебе снов.

Он ретировался, и Анастасия, побледнев, вышла из ванной.

– Шах и мат. – Макер еле сдерживался, чтобы не разрыдаться. – Я все потерял.

Анастасия поспешила в номер Льва.

– Что с тобой? – забеспокоился он, заметив ее отчаяние.

– Лев, это катастрофа!

– Что происходит, черт возьми?

– Макер совершил ужасную глупость.

Не выдержав, она разрыдалась. Он обнял ее, утешая.

– Макер хотел убить Тарногола, отравив его водку, – сказала она, – но бутылку по ошибке использовали для приготовления коктейля.

– Поэтому все отравились?

– Да.

– Но жертв ведь нет? – спросил Лев.

– Макер считает, что в таких малых дозах яд не смертелен, к счастью!

Мы чудом избежали трагедии. Жан-Бенедикт узнал о махинациях Макаера и принялся шантажировать его, чтобы завладеть банком. Он только что вынудил беднягу уступить ему пост президента.

Анастасия на мгновение замолчала, словно обдумывая что-то.

– Есть только один человек, который может этому помешать.

– Кто?

– Тарногол. Я поговорю с ним.

– Сейчас?

– Он ушел из банка, – объяснила она. – Он знает, что его жизнь в опасности, и, должно быть, тоже пакует чемоданы. Я просто обязана увидеться с ним, прежде чем он покинет отель. Макер сказал, что он живет у тебя за стенкой.

– Тарногол – опасный человек, – предупредил Лев.

– Я в курсе.

Ее резкий тон удивил Льва.

– Позволь мне пойти с тобой.

– Нет, Лев. Пожалуйста, не вмешивайся! У меня с ним свои счеты. Он... он украл у меня часть жизни. Из-за него я приняла предложение Макера! Из-за него мы с тобой...

Она запнулась. Ей не хотелось говорить об этом.

Она вышла в коридор и постучалась в соседнюю дверь. Никто не отзывался. Тогда она наклонилась и через несколько мгновений увидела в щелку луч света, как будто в номере кто-то проснулся и зажег лампу. Анастасия подошла вплотную к двери и произнесла негромко, чтобы не всполошить весь этаж:

– Тарногол, я знаю, что вы тут, откройте!

Через пару секунд Тарногол, в халате, распахнул дверь. Она явно вытащила его из постели.

– Что случилось? – спросил он.

– Случилось то, что нам надо поговорить! – Анастасия, войдя, впилась в него взглядом разъяренной львицы.

И тут ее осенило. Она узнала эти глаза. И вспомнила, что сказала тем утром в Женеве лейтенанту Сагамору: “По глазам все видно”. Анастасия моментально обо всем догадалась и бросилась на него.

Глава 43

Лично и конфиденциально

15 лет назад, Большой уикенд

Анастасия приехала в “Палас Вербье” ближе к полудню. Вместо того чтобы присоединиться к радостной суете коллег, она обошла отель снизу доверху в поисках Льва. Она искала его в баре, в холле, у бассейна, она пробежалась по всем этажам, поднявшись до мансардного, где находились комнаты персонала. Туда он привел ее год назад. Там они впервые занялись любовью. Там поклялись друг другу никогда не расставаться. Она стучалась во все двери, но ей никто не открыл. Совсем отчаявшись, она громко звала его по имени, но ответом ей было молчание. Она спустилась в холл, опросила всех сотрудников гостиницы и банка, попадавших ей по пути, – Льва никто не видел.

Тогда Анастасия встала у входа в “Палас”, чтобы наблюдать за подъезжавшими машинами. Вдруг в одном из такси она заметила Сола Левовича. Она выбежала ему навстречу.

– Месье Левович! – воскликнула она.

Он обернулся. Он сильно похудел и побледнел с тех пор, как она видела его в последний раз, в конце лета.

– Анастасия?

Сол с негодованием посмотрел на нее. Это она привела его сына в такое состояние. Нет, она ему не нужна. Она стыдится его, сочиняет про них всякую чушь. До нее Лев даже не думал уезжать отсюда. До нее он был доволен жизнью, всегда улыбался, всегда был счастлив. А из-этой девицы уехал из Вербье и стал банкиром. Она сделала его Другим.

По взгляду Сола Анастасия поняла, что он что-то знает.

– Месье Левович, мне надо поговорить с вашим сыном.

– Вчера вечером он так убивался из-за вас.

– Произошло ужасное недоразумение. Мы должны были увидеться, но меня задержали. Это долгая история, но мне просто необходимо его найти. Где он?

– Боюсь, уже поздно, – пожал плечами Сол.

– Месье Левович, это очень важно. Я должна с ним поговорить. Скажите, где он, у меня никого не осталось, кроме него, умоляю вас!

– К сожалению, он уехал. Я не знаю куда. Он мне не докладывает.

Глаза Анастасии наполнились слезами.

– Если увидите его, умоляю, скажите, что мне надо с ним поговорить. Прошлой ночью меня заперла дома моя мать. Объясните ему, что виновата мама. Он ее знает, он все сразу поймет.

•

Вербье, тот же вечер, 22 часа

Новостей от Льва по-прежнему не было.

Анастасия просидела весь день в своих шикарных апартаментах, оплаченных банком. Она никогда не останавливалась в таких номерах. Когда-то она проводила ночи в первоклассных горных отелях с молодыми людьми из богатых семейств, за которых Ольга пыталась ее выдать. Но впервые эта роскошь оказалась в ее полном распоряжении. Но ей было не до того. Лев никак не проявлялся, и она совсем отчаялась. Все последние недели она представляла себя с ним вдвоем в этом люксе, в этой постели, в огромной мраморной ванне. Куда он подевался?

В дверь тихо постучали.

– Анастасия? Это Макер.

Она пошла открывать.

– Все хорошо? Я не видел тебя целый день.

– Все нормально.

Он заметил ее красные глаза.

– Ты плакала?

В ответ она разрыдалась. Макер вошел и обнял ее.

– Мне так больно, Макер, – простонала она.

– Тебе больно где? Хочешь, я вызову врача?

– Врач тут не поможет: у меня разбито сердце.

– Я знаю, каково это, у меня тоже разбито сердце. Вчера я так надеялся, что ты придешь в “Золотого льва”.

Они замолчали. Что тут скажешь. Во всяком случае, слов уже было недостаточно. Они сели на край кровати и долго сидели так, пока она не выплакалась, а он молча страдал, чувствуя ее так близко и так далеко от него. Наконец, уже уходя, он бросил ей:

– Анастасия, я не представляю свою жизнь без тебя.

– Макер, я...

– Скажи, что ты меня не любишь, что я тебе безразличен.

– Я тебя люблю, – возразила она, – но не так, как ты хотел бы.

Он поморщился.

– Заклинаю тебя, подумай еще, – взмолился он, не желая смириться. – Мы могли бы быть так счастливы вместе. Я сделаю тебя счастливой. Я буду оберегать тебя. Ты никогда ни в чем не будешь нуждаться. Скажи, что еще подумаешь, что еще не все потеряно.

У нее не хватило сил ответить ему.

– Завтра вечером, на балу, – продолжал Макер, – произойдет одно из самых важных событий в моей жизни. Мне необходимо, чтобы ты была там, рядом со мной. По крайней мере как друг.

– Я буду там, – еле слышно пообещала она.

Когда Макер наконец вышел, она села за письменный стол. В одном из ящичков обнаружили листы бумаги и конверты с гербом “Паласа”. Она написала два письма. Одно Льву. Другое Макеру. В сущности, только они и дороги ей в этой жизни.

Два коротких письма, в которых все было сказано.

Два письма, чтобы решить свою судьбу.

Около полуночи она вышла из номера с конвертами в руке и спустилась в лобби. Там было пусто. На другом конце холла виднелся одинокий силуэт – кто-то напряженно всматривался в ночной мрак через большую вращающуюся дверь. Это был Сол Левович, который так и стоял там, у входа, и напрасно ждал сына. Они поссорились в Мартиньи, и Лев в ярости убежал. Ему надо было с ним поговорить. Все ему рассказать. Но тут кто-то его окликнул:

– Месье Левович!

Он обернулся: это была Анастасия. Она грустно улыбнулась ему.

– Месье Левович, – сказала она, протягивая ему письмо. – Передадите Льву? Это очень важно. Речь идет о нашем будущем.

– Не премину, – пообещал Сол.

– И еще скажите ему, – добавила Анастасия, – что я собираюсь устроиться горничной в этом отеле. И что я буду ждать его столько, сколько потребуется.

Сол, не совсем понимая, о чем она, кивнул. Он заметил второй конверт в ее руке и прочитал имя адресата: *Макер*.

– Может, я и это письмо кому-нибудь передам? – невинно предложил он.

– Это... для одного из клиентов отеля, Макара Эвезнера. Я не знаю, в каком он номере.

– Я кого-нибудь пошлю к нему. Ну, если вы того пожелаете, разумеется.

- Уже поздно, – возразила Анастасия.
- Это будет сделано завтра рано утром.
- Надо отдать письмо ему лично в руки.
- Не беспокойтесь.

На мгновение она заколебалась. Ей показалось, что с ее стороны будет малодушием передать письмо Макару с чужим человеком, но она понимала, что если он прочтет его при ней, то снова замучает ее своими мольбами. У нее не осталось сил на его причитания. Она вручила конверт Солу и ушла.

Сол Левович уединился у себя в кабинете, открыл оба письма и прочел их.

Он прочел письмо Анастасии Льву. И был потрясен. Он почувствовал, как его сердце сжалось от тревоги. Потом он прочел ее письмо Макару и подумал, что надо срочно что-то предпринять.

Он взял лупу, ножницы, тюбик клея и ловко вырезал первую строку обоих посланий. Затем, тихонько проскользнув в офис администрации, засунул их в цветной копировальный аппарат последней модели. Из аппарата вышли два совершенно новых письма – результат превзошел все ожидания.

Только в лупу можно было разглядеть, что текст, изначально написанный синей шариковой ручкой, был всего лишь копией оригинала.

Когда Сол вернулся на свой наблюдательный пост у входа, к отелю подъехал его сын.

– Лев, – сказал Сол, подойдя к нему в холле, – наконец-то! Я так волновался.

Лев мрачно посмотрел на него:

– Я тут только для того, чтобы увидеть Анастасию. Мне нужно с ней поговорить.

– Подожди... нам надо кое-что обсудить.

– Что именно? – сухо спросил Лев. – Может, объяснишь, какую ты затеял игру.

– Я очень болен, Лев.

– Болен? Чем?

– У меня рак. Мне недолго осталось.

– Почему я должен тебе верить?

– Потому что это правда.

Сол видел, что сын злится на него. При мысли, что он бросит его и уедет, ему становилось жутко. Кроме сына, у него никого не было. Он не хотел умирать вдали от родного человека. Не хотел доживать последние

месяцы в одиночестве. Это страшнее всего. Всего-то несколько недель – он о многом не просит. А потом у Льва будет еще вся жизнь впереди, чтобы найти себе другую Анастасию. Женщин полно, а сын у него один.

И Сол полез в карман, решив привести свой план в исполнение. Он чувствовал себя подлецом.

– Мне жаль еще больше тебя расстраивать, – сказал он, – но сегодня вечером я видел Анастасию под руку с другим мужчиной. Она смеялась и выглядела счастливой. Она выглядела влюбленной.

– Я не верю ни единому твоему слову! – растерянно отозвался Лев.

– Некто Макер, – добавил Сол. – Ты же о нем мне рассказывал, верно? Тот, с кем она ужинала вчера в “Золотом льве”, я не ошибаюсь? Я перехватил два письма, которые Анастасия оставила на стойке, – одно тебе, другое как раз этому Макеру.

Сол показал ему два конверта.

– Дай сюда! – потребовал Лев.

– Ну, учитывая, что я видел ее с тем молодым человеком, боюсь, тебя ждут плохие новости, – предупредил Сол.

– Давай! – потребовал Лев, выхватывая послания Анастасии из рук отца.

Он поспешно распечатал их, прочел и упал на стул. Потом в бешенстве скомкал и швырнул об стену. Сол подобрал поддельные письма и сделал вид, что читает их впервые.

Дорогой Макер,

Я люблю только тебя. Давай убежим вместе. Уедем подальше от Женевы.

Меня не волнует твоя великая карьера в банке, меня не волнуют деньги.

Я просто хочу быть с тобой.

Люблю тебя навсегда.

Анастасия

Лев, дорогой мой Лев,

Мне не достало смелости сказать тебе это в лицо, и потому приходится писать: я не хочу быть с тобой. Вот почему я не пришла вчера вечером. Ты должен был сам догадаться. Вопреки тому, что ты думаешь, у нас нет общего будущего. Не сердись. Ты же знаешь, я желаю тебе только добра.

*Надеюсь, ты меня простишь.
С любовью,*

Анастасия

– Ей нужен богатый мужик, – расстроено сказал Сол. – А ты бедняк и бедняком останешься. Мне очень жаль, но ты всего-навсего Левович, сын мой.

Льва буквально шатало от боли. Он встал и нетвердым шагом, словно раненый, потащился обратно к выходу.

– Куда ты? – спросил его отец.

– Прогуляться.

– Пстой!

– Мне надо побыть одному.

Он спустился с крыльца, Сол следовал за ним по пятам.

– Пстой, Лев! – умолял он, опасаясь, как бы тот не наделал глупостей.

Но Лев убежал в ночь. Он шел, утрамбовывая свежий снег, холодный ветер хлестал его по лицу. Он кричал, пока не задохнулся. Он кричал так, как будто потерял все. Он помчался вперед, куда глаза глядят, и вскоре оказался на главной улице Вербье.

Вокруг было темно. Он закурил, сделал еще несколько шагов наугад и наткнулся на бар, который почему-то еще не закрылся. Через окно он увидел ее. В одиночестве, у стойки. С бьющимся сердцем он вошел внутрь, решив составить ей компанию. Она не сразу заметила его. Он сел рядом с ней, она резко повернулась и улыбнулась ему. Он улыбнулся ей в ответ.

– Добрый вечер, Петра, – сказал он.

– Добрый вечер, Лев, – ответила она.

Он заказал две рюмки водки и выпил первый, глядя в глаза молодой женщине, которая сгорала от желанья. Анастасии нужен Макер, так пусть подавится! Он может заполучить любую. Он найдет ей замену в мгновение ока. Он покажет ей, кто такой Лев Левович. Ему незачем стыдиться своего имени. Он наклонился к Петре и поцеловал ее. Она тут же пылко поцеловала его в ответ. И оторвалась от него, только чтобы прошептать: “Как давно я этого ждала!” Они снова поцеловались.

У них была впереди вся ночь.

Глава 44

Под покровом ночи

Воскресенье, 16 декабря, убийство

Была глубокая ночь. “Палас” спал.

В коридоре шестого этажа внезапно погас свет.

Чья-то тень осторожно скользнула в темноту, замирая на мгновение перед всеми номерами по очереди, чтобы рассмотреть таблички. Вот он. Номер 622.

Рука в перчатке вынула пистолет из кармана пальто и тихонько постучала в дверь. Не громче, чем требовалось, чтобы разбудить спящего.

Внутри послышался шум. Из-под двери брызнул луч света. Обитатель номера 622 встал с постели. Послышались шаги.

Тень положила палец на спусковой крючок. Как только дверь откроется, надо будет сразу выстрелить. И не промазать.

Смерть готовилась нанести удар.

Глава 45

Прощальный привет

15 лет назад, Большой уикенд

Без чего-то семь, в бальном зале “Паласа”.

Анастасия, в потрясающем темно-синем платье, стояла в толпе сотрудников банка. Она поджидала Льва, даже не зная, пришел ли он в конце концов в отель. Номер ему зарезервировали, но, по словам администратора, ключи он не забрал. Она подумала, что он, возможно, вернулся в Женеву. Вдруг кто-то схватил ее за руку, и она радостно обернулась, но это оказался Макер.

– Я так счастлив, что ты приехала, – сказал он, истолковав ее присутствие как знак согласия, и лучезарно улыбнулся ей.

– Макер, я... Ты получил мое письмо?

– Твое письмо? Какое письмо?

Она пристально посмотрела ему в глаза, пытаясь понять, прикидывается он или нет.

– Ты отправила мне открытку? – засмеялся он, радуясь встрече. – Зачем писать, когда мы можем поговорить друг с другом. Знаешь, здесь нет женщины прекраснее тебя, Анастасия.

– Спасибо, – глухо проговорила она.

– Ты обещаешь мне первый танец?

Она просто кивнула в ответ.

– Ладно, нам пора, – сказал Макер, – сейчас все начнется.

Он подвел ее к эстраде, пробираясь сквозь плотную толпу – тут все жаждали быть в первых рядах.

Наступила тишина, и из невидимой двери на сцену вышли члены совета банка во главе с Абелем Эвезнером.

Лев выполз наконец из номера Петры, где провел целый день.

– Давай быстрее, – нежно поторопила его она, стоя у лифта, – а то мы все пропустим.

Она улыбнулась ему. Он не отреагировал. Выглядел он подавленным и явно был не в своей тарелке. Она объясняла его состояние невероятным количеством спиртного, которое они выпили за ночь. Что им, впрочем, не помешало заниматься любовью.

– Все в порядке? – спросила она его уже в лифте. – У тебя какой-то

несчастный вид.

– Все в порядке, – заверил ее Лев.

Она снова улыбнулась и поцеловала его. Дверцы лифта открылись на втором этаже. Они пошли рука об руку в сторону бального зала.

Абель только что закончил свою первую торжественную речь на посту президента. Затем он пригласил на сцену нового вице-президента. Услышав свое имя, Макер почувствовал, как его захлестывает бесконечная гордость. Настал величайший момент его жизни. Макер поднялся к отцу, и тот возвел его на трон, вручив по традиции свои акции на предьявителя. Абель представил сотрудникам банка их нового вице-президента, и Макеру долго аплодировали.

Он был героем вечера. Окрыленный успехом, он спустился с эстрады, подошел к Анастасии, стоявшей в первом ряду, и, собравшись с духом, схватил ее в объятия, притянул к себе и поцеловал.

Она тут же высвободилась, ужасно смутившись. Оглянувшись, она увидела Льва. Он бросил на нее уничтожающий взгляд и, наклонившись к Петре, слился с ней в долгом поцелуе. Анастасия пришла в ужас, и Лев поцеловал Петру снова, довольный произведенным эффектом. Он обрадовался, что сумел задеть ее. Что хоть немного отомстил за ту боль, что она причинила ему.

До Макара, разумеется, не дошло, что происходит. Испугавшись собственной дерзости, он силился сообразить, оценила ли Анастасия его поцелуи (она не поцеловала его в ответ, но и не сбежала). Зато он испытал невероятное облегчение, увидев Льва в объятиях Петры.

– Видишь, – заметил он Анастасии, – я ж говорил, что у них роман.

Анастасия стояла ни жива ни мертва. Она еле сдерживалась, чтобы не расплакаться на глазах у всех. Пройдя сквозь толпу гостей, она бросилась прочь из бального зала. Рыдания захлестнули ее, и она поспешила подняться к себе. Она его потеряла.

Они потеряли друг друга.

Макер застыл на месте, пораженный реакцией Анастасии. Он стал совладельцем одного из крупнейших частных банков Швейцарии, но, честно говоря, ему от этого было ни горячо ни холодно. Он хотел только одного – чтобы Анастасия полюбила его. И решил подняться к ней.

Макер с трудом протиснулся к выходу. Все наперебой окликали его, поздравляли, поднимали бокалы шампанского за его здоровье. Он бы с радостью послал их всех подальше, но, будучи рабом своего хорошего

воспитания, он выбрался из зала только минут через пятнадцать. Он помчался вверх по лестнице и тут как раз и столкнулся с Синиором Тарноголом, который, наоборот, спускался в бальный зал. Макер, не узнав его, вежливо поздоровался:

– Добрый вечер, месье.

Тарногол остановился и внимательно посмотрел на него:

– Вы чем-то огорчены, мой юный друг?

– Любовные напасти, – ответил Макер, обрадовавшись, что хоть кто-то понял, что ему плохо.

– Бывает, – сказал Тарногол.

Макер уставился на своего собеседника.

– Мы знакомы? – спросил он.

– Нет, не думаю, – ответил Тарногол.

– Ну как же, – вдруг осенило Макара, – вы приходили в Эвезнер-банк несколько недель назад!

– Вы бываете в этом банке? – полюбопытствовал Тарногол.

– Бываю ли я там? – переспросил Макер, которого позабавил этот вопрос. – Меня зовут Макер Эвезнер, – представился он, протягивая руку Тарно голу. – Я новый вице-президент банка.

Они тепло пожали друг другу руки.

– Меня зовут Синиор Тарногол. Очень рад с вами познакомиться. Как досадно, что такой красивый молодой человек пребывает в расстроенных чувствах. Могу ли я что-нибудь для вас сделать?

Макер вздохнул:

– Ну, если вы можете заставить женщину, которую я люблю, ответить мне взаимностью, то да. Ее зовут Анастасия, и я бы отдал все, чтобы мы были вместе.

Глава 46

Наутро после убийства

В полседьмого утра “Палас Вербье” был погружен во тьму. Снаружи еще не рассвело и валом валил снег.

На шестом этаже открылись дверцы служебного лифта. Оттуда вышел официант с завтраком на подносе и направился к люксу 622.

Подойдя, он заметил, что дверь приоткрыта. Сквозь щелку просачивался свет. Официант объявил о своем приходе, но никто не отозвался. В конце концов он решил войти, предполагая, что дверь открыли специально для него. Заглянув внутрь, он вскрикнул от ужаса. И тут же убежал – поднять тревогу и позвать на помощь.

По мере того как страшная новость распространялась по “Паласу”, на всех этажах зажигался свет.

В номере 622 на ковре лежал труп.

Часть третья

Через четыре месяца после убийства

Апрель

Глава 47

Новый президент

В первый вторник апреля, в 12.30, Макер вошел в кабинет доктора Казана. Его окна выходили на площадь Клапареда, засаженную высокими деревьями, на которых уже неторопливо пробивались листочки. Скоро Женева оживет и зазеленеет. Весна.

– Прошло четыре месяца с тех пор, как убили моего кузена, а у полиции до сих пор нет никаких версий, – пожаловался Макер, плюхнувшись в кресло перед психоаналитиком.

– Вас это тревожит? – спросил доктор Казан.

– Убийство моего кузена или тот факт, что расследование зашло в тупик?

– И то и то.

– Понимаете, – признался Макер, – полиции я не сказал, но у нас с ним испортились отношения.

– Да что вы? – удивился Казан. – По-моему, вы неплохо ладили.

– Незадолго до его смерти мы поцапались.

– То есть?

Макер не ответил. Он смотрел в окно. Казалось, мысли его витали далеко.

– С вами все в порядке, Макер?

– Да, да. Все прекрасно. Простите, на меня сейчас столько всего навалилось. Банк и все такое. Ведь у президента дел невпроворот. Встречи, коктейли, ужины всякие.

– Может, нам снова перейти на один сеанс в неделю? Вам этого будет достаточно?

– Более чем, – согласился Макер. – Хорошо, что мы виделись дважды в неделю после папиной смерти. Но теперь я чувствую, что и сам могу справиться.

– С чем? – спросил Казан.

– Со своим одиночеством. Мне ужасно не хватает Анастасии.

– Вы скучаете по ней?

– Все время. Я постоянно вспоминаю тот субботний день нашего корпоративного уикенда, когда она приехала ко мне в Вербье и я потерял ее навсегда. По своей собственной вине.

– Вы по-прежнему считаете, что сами виноваты?

– Я же говорил вам, доктор, что заключил сделку с дьяволом! Анастасия в обмен на президентское кресло. Я потерял жену, но получил президентство.

Доктор Казан громко вздохнул, выражая таким образом свое неодобрение:

– Хватит, Макер, вам известно, что я слышать не могу ваши байки о сделке с дьяволом. Да вы и сами слишком разумный человек, чтобы в них поверить.

– Вот видите, – с сожалением возразил Макер, – поэтому все эти годы я и не рассказывал вам, по какой причине уступил Тарноголу свою долю в банке. Я не зря боялся, что вы не воспримете меня всерьез. Но ведь психоаналитик не должен судить своих пациентов.

– Ладно, – уступил Казан, решив не препираться. – Пятнадцать лет назад дьявол в обличье Тарногола предложил вам обмен – ваши акции на любовь Анастасии.

– Именно. И я согласился. Это произошло во время бала. Отец передал мне мою долю капитала, и Тарногол предложил мне за нее то, чего я жаждал больше всего на свете, – любовь Анастасии. И действительно, в ту ночь Анастасия буквально упала в мои объятия.

– А пятнадцать лет спустя, – подхватил Казан, которому не терпелось распутать эту историю, – Тарногол – то есть дьявол, фигурально выражаясь, – придумал новый пакт. Я правильно вас понял?

– Да, за два дня до выборов, в декабре прошлого года. Тарногол обещал, что сделает меня президентом, если я откажусь от Анастасии. Поначалу я отверг его идею, но потом согласился – в ту самую субботу, в “Паласе Вербье”. Теперь я президент, но остался в одиночестве. Как и предсказал Тарногол.

– Макер, – прервал его Казан, – я стараюсь помочь вам рационально смотреть на вещи. Для вашего же блага. Вы всерьез полагаете, что дьявол в образе Тарногола мог это совершить?

– Ну конечно, вы мне не верите! – рассердился Макер. – Но тогда объясните мне, почему в ту субботу, когда пост президента медленно, но верно ускользал от меня, Анастасия приехала в Вербье, чтобы оказать мне поддержку, побыть рядом в такой важный день. Она начертила помадой нежное послание на зеркале в моей ванной. По-моему, это поступок любящей женщины!

– Вы правы, – согласился Казан.

– В тот момент совет банка собирался проголосовать за Левовича. Официальному объявлению об его избрании помешало массовое

отравление, и я, полагая, что у меня еще остается шанс на президентство, принял предложение Тарногола. Не прошло и нескольких часов, как Анастасия меня бросила и я стал президентом. А теперь объясните мне, доктор Казан, что это, как не козни дьявола!

Казан медлил с ответом, и Макер продолжал:

– То, что случилось той ночью, не укладывается у меня в голове. Больше я ничего не могу вам сказать. Вы все равно только посмеетесь.

– Вы про ночь убийства? – Казан внезапно насторожился. – Что случилось той ночью? Вы всегда говорили, что крепко спали, приняв снотворное.

– Я кое-что знаю, доктор Казан. И этой информацией, видимо, не располагает даже полиция.

Помолчав, Казан мрачно спросил:

– Макер, зачем вы дали добро на эту сделку, если не хотели потерять жену?

– Я пошел на поводу у своих амбиций. Кроме того, мне тогда казалось, что я и так уже потерял ее.

– Почему?

– У меня создалось ощущение, что наша любовь угасла. Что у нас не осталось ничего общего. Я был поглощен работой в банке, она занималась непонятно чем. В последние годы мы ходили вместе только на официальные мероприятия. Всегда в толпе, всегда на виду. Только не наедине. Честно говоря, мы избегали друг друга. Мы возделывали порознь каждый свой тайный сад, но вырастить что-нибудь вместе оказались не в состоянии.

– Красивый образ, – признал Казан.

– В тот год мне и в обществе жены было одиноко. И расставаясь, мы не тосковали.

– Вот это отсутствие тоски, так сказать, губительно для супружеских отношений.

Макер кивнул:

– Странное все же изобретение “супружеская пара”, оно неминуемо оборачивается одиночеством вдвоем... Так вот, в тот проклятый субботний вечер я вдруг спросил себя, какой смысл бороться за женщину, которая мне изменяет.

Казан выпучил глаза:

– У вашей жены был роман?

– Да, доктор.

– Откуда вы знаете?

Макер уклонился от ответа:

– Не проходит и дня, чтобы я не вспоминал снова и снова тот вечер, когда променял жену на пост президента. Интересно, что бы произошло, если бы я бился за Анастасию до конца. Ну не избрали бы меня президентом, и что такого? Мы бы наверняка уехали из Женевы вместе. Я бы вернул ее, восстановил наши отношения. Но я позволил ей уйти...

– С вашего позволения, Макер, – прервал его доктор Казан, – я сыграю роль адвоката дьявола, простите за дурацкий каламбур. С чего вы взяли, что ваша жена не оставила бы вас в любом случае, раз вы считаете, что у нее был любовник?

– Я этого не исключаю. Но, по крайней мере, я бы не сдался. Я бы показал ей, что готов пожертвовать всем ради нее. Мое отречение было проявлением слабости. Знаете, доктор, я мечтал стать президентом этого чертова банка, но теперь, когда я им являюсь, мне совершенно ясно, что я мечтал только о том, чтобы меня любили. А этой цели достичь гораздо труднее.

Выйдя от Казана, Макер вернулся в банк пешком. Он пребывал в унынии, и прогулка принесла ему облегчение. По улице Жана Сенебье он дошел до парка Бастионов и зашагал по главной аллее.

Сияло солнце. Воздух был восхитительно мягким. Птицы во весь голос приветствовали приход весны. На лужайках пестрели ковры крокусов и уже пробивались тюльпаны. Народ брал штурмом освободившиеся скамейки, осаждал террасу паркового ресторана, а перед высокими воротами, ведущими на площадь Нёв, сражались местные шахматисты.

Макер, наблюдая за этой нехитрой жизнью, думал об Анастасии – уже четыре месяца от нее не было никаких вестей.

Своим друзьям, родственникам и всем тем, кто приставал к нему с расспросами, он отвечал, что Анастасия бросила его и уехала. Как правило, его собеседники смущались. В течение некоторого времени после ее исчезновения Макер был вынужден скрепя сердце давать отчет знакомым, соседям, продавцам, почтальонам:

– Передавайте привет жене, месье Эвезнер!

– Она бросила меня.

Вскоре он пришел к выводу, что друзей у него не так уж и много, потому что никто, похоже, не беспокоился о его состоянии, никто не предлагал пойти поужинать, развеяться. Некоторые вообще не задавали никаких вопросов. Если не считать нескольких любопытствующих доброжелателей, вокруг него царил удручающее безразличие.

Макер пересек площадь Нёв и свернул на улицу Корратри, которая

начиналась между музеем Рат и стенами Старого города, отсюда до Эвезнер-банка уже было рукой подать.

Там его встретили с привычным теперь почтением:

– Доброе утро, месье президент! – пробубнили клерки из службы приема.

Макер любезно кивнул им в ответ.

– Доброе утро, месье президент! – засуетились угодливые подхалимы, пересекаясь с ним в просторном холле.

– Доброе утро, месье президент! – кудахтали счастливицы, ехавшие с ним в одном лифте и взволнованные такой близостью.

На каждом этаже кто-нибудь входил или выходил из лифта с неизменным “месье президент...”. Наконец-то, уже в полном одиночестве, Макер доехал до верхнего этажа и направился к бывшему офису отца, который теперь перешел к нему.

В приемной сидела Кристина, она перебралась сюда вместе с ним и охраняла его владения. Она радостно улыбнулась ему:

– Доброе утро, месье президент.

– Кристина, – пожурил ее Макер, – когда вы прекратите называть меня президентом?

– Никогда. Президент теперь вы!

Он подмигнул ей, вошел в кабинет и закрыл за собой дверь, показывая, что просит его не беспокоить.

Он сел в кресло. Что-то он совсем растерялся. Перед его глазами стояла фотография Анастасии, которую у него так и не хватило духу убрать. Полиция не особенно заинтересовалась ее отъездом. Вскоре после убийства Жан-Бенедикта лейтенант Сагамор из женевской уголовной полиции приехал допрашивать Макара в Колоньи. Он пытался установить связь между убийством Жан-Бенедикта, повальным отравлением в “Паласе” и ограблением дома Эвезнеров.

– И какую вы тут усмотрели связь? – озадаченно спросил Макер.

– Кража, отравление и убийство произошли в течение суток, и все они так или иначе связаны с Эвезнер-банком, – ответил Сагамор. – Как поживает ваша жена?

– Не знаю, – ответил Макер. – У меня нет от нее вестей.

Полицейский нахмурился. Макер не рискнул рассказать ему о сделке с Тарноголом. Его жена пропала в ночь убийства, а он стал президентом банка. Он, разумеется, надеялся, что полиция найдет ее, хотя бы для того, чтобы убедиться, что с ней все в порядке. Он даже обратился в частное детективное агентство, но, несмотря на щедрые гонорары, сыщики не

напали на след Анастасии. Полиция наверняка добилась бы большего.

– Анастасия бросила меня, – сообщил Макер Сагамору.

– Сочувствую, – сказал лейтенант.

Он не стал ни о чем его расспрашивать.

Макер предпочел не вовлекать полицию в эту историю, потому что следователи не знали, что в ночь убийства Анастасия находилась в Вербье. Он неотвязно думал о записке, которую она ему тогда оставила. Интересно, что она натворила?

Глава 48

Полицейское расследование

Понедельник, 2 июля 2018 года

Я все утро проторчал у себя в номере, изучая материалы дела. Или, скорее, пытаюсь избежать встречи со Скарлетт после нашего неудачного поцелуя накануне. Она очаровала, восхитила, покорила меня. Но стоило мне закрыть глаза, как в моем воображении возникала Слоан. Устав ходить кругами, как лев в клетке, я позволил себе первый за день перекур. Я вышел на балкон с чашкой кофе спокойно покурить на солнце. И в то же мгновение увидел Скарлетт, которая загорала, сидя в кресле на своем балконе. Она читала “Унесенных ветром”.

– Надо же, писатель выбрался из логова.

Она встала и оперлась на парапет, разделявший наши балконы. Я предложил ей сигарету.

– Вы даже можете перешагнуть этот барьер, – предложил я. – У меня в кофеварке полно горячего кофе, хотите чашечку?

– Нет, спасибо, – мило отказалась она. – Останусь на своей стороне, от греха подальше.

Она демонстративно вцепилась в парапет и сказала со смущенной улыбкой:

– Простите за вчерашнее... За то, что я попыталась вас... ну, в общем...

Я перебил ее:

– Не извиняйтесь, Скарлетт. Я сам виноват.

Она печально улыбнулась и тут же заговорила о другом:

– Я сделала несколько звонков сегодня утром. Бинар упомянул инспектора из уголовной полиции Вале по фамилии Фавраз – он допрашивал его после убийства.

– Да, я помню.

– Я нашла его. Он все еще работает в Вале, только теперь он возглавляет там следственный отдел. Мне даже удалось с ним поговорить.

– И что? – встрепенулся я.

– А то! Он ждет нас сегодня в четыре часа в Сьоне. Если, конечно, вам это интересно.

– Разумеется, интересно!

Ровно в четыре мы со Скарлетт явились в полицейское управление Вале в Сьоне.

– Вы писатель? – спросил Фавраз, провожая нас в свой кабинет.

– Он-он, собственной персоной, – ответила за меня Скарлетт, что уже вошло у нее в привычку.

– Значит, вы пишете книгу о событиях в “Паласе Вербье”?

– Сам не ожидал, но да, пишу. Мы пытаемся разобраться в том, что там случилось.

– Ну и бардак у них творился, извините за выражение, – сказал Фавраз. – Я прекрасно помню, как мы приехали в отель. На месте уже работали коллеги из муниципальной полиции и жандармерии. “Палас” оцепили. Зеваки валили туда толпой. Представляете, такое происшествие в захолустье вроде Вербье. Добрая половина местных жителей выстроилась вдоль полицейского оцепления. “Убийство? Тут?” – недоумевали они. В холле отеля толклись встревоженные сотрудники. Директор сходил с ума, воображая, как журналисты раздуют эту историю и погубят ему сезон.

– Что вы сделали, приехав в “Палас”? – спросила Скарлетт, не упустив ни слова из его рассказа.

– Поднялся на шестой этаж. Я лично закрыл доступ в люкс 622 до приезда криминалистов, чтобы место преступления не затоптали. Затем мы обошли все номера на этаже в поисках возможных свидетелей.

– Так это вы расследовали убийство? – спросил я.

– Нет. Дело в итоге передали в уголовную полицию Женевы.

– В женевскую полицию? Почему?

– Потому что всем стало очевидно, что убийство связано с Эвезнер-банком. Преступление произошло в Вербье, но все следы вели в Женеву. Так что они затребовали дело себе, и никто не воспротивился.

– С чего вы взяли, что следы ведут в Женеву? – поинтересовался я.

Фавраз заколебался. Ответил он весьма туманно:

– Мы кое-что нашли в номере 622.

– Что именно?

– Я уже и так слишком много сказал вам, – буркнул он.

– Или слишком мало, – возразила Скарлетт.

– В то время всего несколько полицейских были в курсе. Только наши женевские коллеги имеют право разглашать эту информацию. Дело же еще не закрыто. Я бы не хотел допустить бестактность по отношению к ним.

– У вас есть кто-нибудь в женевской полиции? – спросила Скарлетт.

– Следствие вел лейтенант Филипп Сагамор. Ему было тогда под сорок, то есть он наверняка еще в строю. Свяжитесь с ним от моего имени.

Я все записал.

– Утром шестнадцатого декабря, – сказала Скарлетт, – вы допрашивали свидетелей в “Паласе”. Вы можете поделиться с нами какими-нибудь материалами?

– Знаете, на месте преступления обычно создается совершенно особая атмосфера. Несмотря на то что вокруг кишмя кишат полицейские, там всегда тихо и спокойно. Словно штиль после бури, точнее, после смерти. Но то утро стало исключением из правил. На шестом этаже “Паласа” царило невероятное оживление.

Глава 49

Наутро после убийства

В воскресенье, 16 декабря, в 7.30 утра Макера разбудил стук в дверь. Он с трудом продрал глаза. Стучали настойчиво. Он встал, надел халат. В прихожей он наступил на какую-то бумажку. Видимо, ему подсунули записку под дверь. В первую минуту Макер подумал, что это сообщение от отеля, но потом узнал почерк Анастасии. Он прочел с бьющимся сердцем несколько наспех нацарапанных строк.

Макер!

Я уезжаю навсегда.

Я не вернусь. Не пытайся меня искать.

Прости меня.

Всю жизнь я буду мучиться из-за того, что совершила.

Анастасия

В дверь снова постучали. Макер сунул записку в карман халата и открыл: перед ним стоял полицейский в форме. В коридоре творилось что-то невообразимое.

– Что стряслось? – спросил Макер.

Полицейский подозрительно посмотрел на него:

– Тут уже целый час ор стоит, и вы ничего не слышали?

– Вчера вечером я принял снотворное, – объяснил Макер, словно в забытьи.

– Этой ночью произошло убийство, – сказал полицейский.

– Что? То есть как?

Макер ничего не соображал. У него гудела голова, вокруг все кружилось и вращалось, как в страшном сне.

– Кого убили? – спросил Макер.

– Одного клиента на вашем этаже. Вы точно ничего не слышали ночью?

– Нет, ничего. Я же сказал, что принял снотворное.

Макер хотел выйти в коридор, посмотреть, что там происходит, но полицейский не пустил его.

– Гостиница оцеплена, все постояльцы на данный момент сидят по

номерам. Пожалуйста, не запирайте дверь! К вам скоро зайдет инспектор.

Выглянув, Макер заметил Льва – он тоже стоял на пороге своего номера, наблюдая за суматохой.

– Лев, что случилось? – спросил Макер.

– Жан-Бенедикт, – ответил Лев, побледнев. – Его тело обнаружили сегодня утром.

– Как? Жан-Бен умер? Что ты несешь?

– Его нашел служащий отеля. Его застрелили.

Ошеломленный Макер вернулся в номер и сел на диван. Какая прекрасная новость! Неужели это правда! Раз Жан-Бенедикт мертв, он станет президентом. То есть пророчество Тарногола сбылось? Он потерял Анастасию, но получил пост президента. Наконец-то!

На пороге возник полицейский в штатском, с виду совсем юнец, но спортивного телосложения.

– Инспектор Фавраз, уголовная полиция. – Он помахал нагрудным жетоном, который почему-то висел у него на шее. – Позвольте задать вам несколько вопросов.

Макер пригласил инспектора войти.

По его просьбе он показал ему удостоверение личности и назвал свою должность в банке. Полицейский, все скрупулезно записав в блокнот, сообщил, что Жан-Бенедикт был застрелен. Макер пришел в полное смятение.

– Вы ничего не слышали? – удивился Фавраз.

– Я спал, – ответил Макер.

– В десятке метров от вас прогремели два выстрела, а вы продолжали спать без задних ног?

– Я принимаю снотворное. В котором часу это произошло?

– Это нам еще предстоит выяснить. Мне рассказали о массовом отравлении прошлой ночью. Вы тоже пострадали?

– Нет, – ответил Макер. – Я не пил коктейль.

Он тут же прикусил язык. Полицейский посмотрел на него с подозрением:

– При чем тут коктейль? Мне доложили, что, судя по всему, это пищевое отравление.

На этом разговор прервался, потому что из коридора снова донесся какой-то шум, и Фавраз вышел посмотреть, что там такое. Макер, подойдя к двери, видел, как инспектор бросился в апартаменты Ораса Хансена и тут же выскочил оттуда, крикнув своим коллегам:

– У него сердечный приступ! Скорее врача!

После минутного замешательства наверх вызвали двух фельдшеров скорой помощи и провели их в номер Хансена, где они пробыли довольно долго. Наконец они вынесли его на носилках, неподвижного, смертельно бледного, с кислородной маской на лице. Фавраз помогал медикам, держа капельницу на вытянутой руке. Они вошли в лифт, и дверцы за ними закрылись.

В лифте Фавразу, не спускавшему глаз с Ораса Хансена, показалось, что тот что-то шепчет. Он приблизил ухо к его губам и услышал, что старик повторяет как заведенный: “Левович – президент, Левович – президент”. Инспектор, не понимая, о чем речь, записал эти загадочные слова – на всякий случай.

В Вербье медленно светало. Проблесковые маячки машин скорой помощи отбрасывали на фасад “Паласа” синие блики.

У главного входа сновали жандармы, инспекторы, кинологи и криминалисты. За ними, сгрудившись за пластиковой лентой ограждения, возбужденно галдели десятки зевак и журналистов, которым не терпелось узнать, что случилось. Поговаривали, что убит один из боссов Эвезнер-банка. Убийство в Вербье. Старожилы не припомнят!

С ужасом наблюдая в окно за этой суматохой, месть Роз обсуждал с сотрудниками неминуемые отмены бронирований. В начале лыжного сезона никто не захочет останавливаться в отеле, где произошло убийство. “Паласу” грозило банкротство.

•

Прошло четыре месяца, наступил апрель, но Макер, сидя в своем президентском кабинете, часто вспоминал то мрачное декабрьское воскресенье, когда разом погибли два поколения Хансенов. Через несколько часов после убийства Жан-Бена Орас Хансен скончался от сердечного приступа в больнице Мартиньи. Не перенес ужасной гибели сына. Что касается Синиора Тарногола, третьего члена совета, то его как ветром сдуло. В сейфе у Жан-Бенедикта обнаружили письмо Тарногола, в котором тот сообщал, что немедленно уходит из банка, уступает принадлежащие ему акции Макеру Эвезнеру, а также отдает за него свой голос.

Таким образом, в течение нескольких недель после убийства Жан-Бенедикта Макер получил акции не только Тарногола, но и своего отца:

поскольку совета банка больше не существовало, нотариус, отвечавший за реализацию завещательных распоряжений Абея Эвезнера, вынужден был констатировать, что волю последнего выполнить невозможно и, следовательно, его акции переходят к единственному наследнику.

В результате Макер стал де-факто президентом Эвезнер-банка, так как ему принадлежало теперь три четверти капитала, а заодно и одним из самых богатых и влиятельных банкиров в Женеве. Им восхищались, ему завидовали. Правда, он заработал себе весьма сомнительную репутацию, поскольку своим восхождением был обязан смерти кузена. А вдобавок еще и полицейское расследование, похоже, застопорилось, и хотя ничто и не указывало на виновность Макаера, все, кто сталкивался с ним на улице, невольно задавались вопросом, что же все-таки произошло в ту пресловутую ночь с 15 на 16 декабря в номере 622 “Паласа Вербье”. Не убил ли Макер Эвезнер своего кузена, чтобы взять под контроль семейный банк?

Макер знал об этих слухах и старался не обращать на них внимания. Тем более что все вокруг угодничали и заискивали перед ним. В городе знакомые бросались к нему с подобострастным приветствием и спешили сказать что-нибудь лестное. Понятное дело – Жан-Бенедикт был единственным ребенком в семье, сам не имел детей, так что он умер, не оставив наследников. Род Хансенов был стерт с лица земли. По уставу в подобной ситуации банку следовало выкупить и передать их доли двум новым членам совета, назначенным президентом.

Впервые за триста лет существования банка в совете не будет Хансенов. Молодым финансовым волкам предоставлялась таким образом уникальная возможность занять их место.

Макер стал самым известным человеком в Женеве. И все его усиленно обхаживали.

Макер, нелюбимый сын Абея, сделался самым могущественным из Эвезнеров.

Самым богатым из Эвезнеров.

Самым крутым из Эвезнеров.

Что он испытывал в связи с этим? Скуку. Отвращение. В сущности, ему всегда было наплевать на этот банк. Теперь, достигнув вершин, он то и дело вспоминал, почему пятнадцать лет назад расстался со своими акциями.

Он был счастлив только с Анастасией.

Без нее он утратил вкус к жизни.

Он хотел ее найти.

Он хотел вернуть ее.
Где она?

В то же самое мгновение, в полутора тысячах километров от Женевы, на греческом острове Корфу, Анастасия вышла из изумрудного моря и взяла полотенце, оставленное на пляже. Никогда еще она не чувствовала себя такой счастливой, и по ней это было заметно: она расцвела, похорошела и потрясающе выглядела, купаясь в лучах солнца и, прежде всего, в любви Льва. Она вытерлась и пошла к дому, который возвышался в прибрежных скалах, прямо над Ионическим морем.

Приехав на остров в декабре, они наконец дали волю страсти, обезумев от того, что им удалось воссоединиться и теперь они могут проводить все время вместе, ни от кого не прячась. Взявшись за руки, они гуляли по Старому городу и вдоль бескрайнего пляжа. А дом! Анастасия никогда не видела ничего подобного.

Лев хотел, чтобы все было идеально, и все было идеально.

Лев хотел, чтобы они были великолепны, и они опустошили все модные бутики в Афинах.

– Мы будем наряжаться каждый вечер! – постановил он.

Она сочла, что это прекрасная идея. За их спальней размером с большую гостиную располагались две гардеробные, ведущие в отдельные ваннные комнаты. Только тут они расставались, чтобы увидаться вновь, став еще красивее, еще благоуханнее, еще изысканнее. Глаз не оторвать.

Их приготовления превращались в бесконечный ритуал. В приятном возбуждении они предвкушали скорую встречу и специально тянули время.

Лев начинал с точечного массажа лица, потом целую вечность стоял под душем, после чего внимательно изучал каждый сантиметр своего безупречного тела. Он поправлял, приглаживал, подстригал, отслеживая малейшее несовершенство, безжалостно уничтожая любой лишний волосок.

Анастасия обожала свое ванное царство. Она подолгу нежилась в приятно обжигающей воде с шапкой ароматной пены. Расставив по бортикам свечи, неторопливо читала в тишине и покое. Затем, не спеша, причесывалась и завивала волосы. Завершив эту церемонию, придирчиво проверяла, ровно ли лежит слой лака на ногтях рук и ног. После чего приступала к выбору платья. “Главное, не повторяйся! – требовал Лев. – Когда они заканчиваются, их еще полно!” Ей постоянно доставляли подарки от него.

Лев просыпался на рассвете и уходил на пробежку по холмам острова.

Вернувшись, сел работать в небольшом кабинете на первом этаже.

Анастасия, встав и одевшись, шла к нему. В начале года они завтракали в столовой, а когда потеплело – на террасе. Они обожали пироги с сыром, греческие сладости и теплые круассаны из пекарни, которые им привозили каждое утро.

Пройдя несколько шагов по безлюдному пляжу, Анастасия поднялась к дому по высеченным в скале ступенькам.

Когда она вышла на террасу, Альфред принес ей кофе, воду и нарезанные фрукты.

– Спасибо. – Взяв чашку, она улыбнулась ему. – Вы читаете мои мысли. Когда вернется Лев?

– К концу дня, – ответил Альфред, посмотрев на часы.

Переехав на Корфу, Лев регулярно летал в Женеву по просьбе Макера, который считал, что он живет в Афинах. Лев говорил Анастасии, что не имеет права просто удариться в бег. “Это вызовет подозрение”, – сказал он. Анастасия не поняла, о каких подозрениях идет речь. Впрочем, не все ли равно, короткие отлучки Льва были восхитительно невыносимы. Он возвращался, их желание вспыхивало с новой силой, любовь и страсть казались еще необузданней, кто бы мог подумать, что такое бывает!

К тому же через пару месяцев все его мотания закончатся. Во всяком случае, так он ей обещал. Поначалу он хотел уволиться как можно быстрее, но потом опомнился, не мог же он вот так взять и бросить своих клиентов. “Это было бы не профессионально”, – говорил он. “Зачем тебе профессионализм, раз ты все равно уволишься?” – возражала она. “Вопрос принципа”, – отвечал он.

Голос Альфреда вывел ее из задумчивости:

– Что вы желаете на ужин, мадам? Мы только что получили свежую рыбу и чудесные лангусты.

– Спагетти с лангустами? – предложила Анастасия.

– По-моему, прекрасное решение.

Она смотрела на простиравшееся перед ней море. Она никак не могла до конца поверить, что они со Львом живут на этой невероятной вилле, с частной бухтой и внимательным персоналом.

Она надеялась, что так всегда и будет.

В Женеве, на верхнем этаже Эвезнер-банка, Кристина открыла дверь в кабинет Макера.

– Лев приехал, – важным тоном объявила она.

– Пусть войдет. – Макер встал поприветствовать гостя.

Лев вошел, и они обнялись.

– Привет, старик! Рад тебя видеть.

– Взаимно, господин президент! – улыбнулся Лев.

Макер рассмеялся:

– Ой, вот только без этого, ладно! И потом, я у тебя в долгу. Я помню, что ты был готов отказаться от поста президента в мою пользу.

Макер указал на кресла, и они сели.

– Выпьешь что-нибудь? Может уиски?

– Давай виски, – согласился Лев.

Макер протянул руку и взял большой хрустальный графин. Он наполнил стаканы, и они чокнулись.

– Ты хотел меня видеть? – спросил наконец Лев.

– Да, – внезапно посерьезнев, кивнул Макер. – Как у тебя дела в Афинах?

Чтобы оправдать свой отъезд из Женевы, Лев сказал, что теперь, когда Макер стал президентом, ему вроде бы и незачем здесь оставаться. Что ему хочется сменить обстановку. Начать новую жизнь, новые проекты. Чтобы Лев мог постепенно передать коллегам дела, они договорились, что он не станет сразу объявлять о своем отъезде и перейдет частично на удаленную работу, регулярно возвращаясь в банк и объясняя свои отлучки встречами с зарубежными клиентами.

– Послушай, – сказал Макер после того, как Лев кратко изложил ему свои соображения, – я долго думал о нашем разговоре, о твоём желании уйти из банка. Но, если честно, я пока не могу без тебя обойтись. Это вопрос стабильности. Ты ведешь наших самых крупных клиентов. Боюсь, они не захотят остаться, если ты нас покинешь. Банк и так с трудом оправился после убийства Жан-Бенедикта, так что новость о твоём уходе может очень нам навредить.

– Ты хочешь, чтобы я продолжал работать? – удивился Лев. – По правде говоря, я не горю желанием.

– Тебя кто-то переманил? Сколько они предлагают? Я заплачу вдвое больше! Ты мне необходим!

– Нет, я совершенно не планирую переходить в другой банк. Мне всего лишь надо проветриться. А кроме того, теперь ты президент, твой офис на седьмом этаже. Если я вернусь, мне будет слишком одиноко на шестом.

– Почему бы тебе не возглавить филиал банка в Афинах? – предложил Макер. – Ты мог бы заняться его развитием. У тебя в Греции полно клиентов, это было бы вполне логично. С остальными ты сможешь работать оттуда, и потом, из Афин ничего не стоит слетать в Женеву и, если

понадобится, в любую другую точку Европы.

– Офис в Афинах уж больно тоскливо выглядит, – возразил Лев. – Я не хочу торчать там целый день.

– Работай из дома, если хочешь, а там появляйся раз в неделю, просто проверить, что все в порядке.

Лев колебался.

– Не бросай меня! – взмолился Макер. – Ты один из столпов этого банка! Я не могу начать свое правление с потери нашего лучшего менеджера. Как я буду выглядеть? Прошу тебя...

– Хорошо, – наконец согласился Лев. – Но пока только на год.

– Год – уже неплохо, – обрадовался Макер, взглянув на него с благодарностью. – И если тебя это устроит, продолжай, пока не надоест.

Лев сдался. Они скрепили свое соглашение рукопожатием и снова чокнулись.

Когда Лев ушел, Макер самодовольно ухмыльнулся с явным чувством превосходства. Он подумал, что слабость Льва в его доброте. Ловушка скоро захлопнется.

Макер открыл верхний ящик стола и достал анонимное письмо, пришедшее на его домашний адрес несколько дней назад. Прочтя его в первый раз, он поперхнулся кофе. Письмо состояло из одного-единственного предложения:

Анастасия сбежала со Львом Левовичем.

Глава 50

В Женеве (1/5)

Благодаря Фавразу, начальнику следственного отдела уголовной полиции кантона Вале, нам удалось встретиться с лейтенантом Филиппом Сагамором. Во вторник, 3 июля 2018 года, мы со Скарлетт уехали на весь день в Женеву.

– Теперь я понимаю, почему полиция Вале передала дело женевским коллегам, – сказал я Скарлетт. – А то они убивали бы каждый раз по полтора часа на дорогу, чтобы кого-нибудь допросить!

– Вы, безусловно, самый сварливый следователь из всех, что мне попадались!

Дорога из Вербье в Женеву идет вдоль озера. Поглядывая изредка на пейзаж за окном, Скарлетт читала мне статьи об убийстве, которые ей удалось собрать.

– Я целыми днями штудирую наши записи! – вдруг разозлилась она. – У меня такое ощущение, что мы упустили что-то важное. Журналисты утверждают, что Жан-Бенедикта Хансена очень ценили. Все прекрасно о нем отзываются.

– И тем не менее, – возразил я, – нашелся по крайней мере один человек, желавший ему смерти!

– Чтобы узнать кто, нам надо понять почему.

– Надеюсь, Сагамор нам поможет. Вы молодец, что уговорили его встретиться с нами! Вы вообще весьма убедительны, Скарлетт.

– Нуу! Я тут ни при чем. Его двери нам открыло ваше имя, представьте себе. Сначала он разговаривал весьма неохотно. Спрашивал, откуда я о нем знаю. Но когда я упомянула вас, его голос сразу потеплел. Видимо, ему понравился сериал по вашему роману. Придется мне тоже его посмотреть.

Меня позабавили ее слова.

– Бернар и кино – это было что-то с чем-то, – сказал я. – Собственно, сериал сняли только благодаря ему.

– Бернар любил кино? – спросила Скарлетт.

– Обожал. Несколько десятков лет назад он был одним из самых ярких кинокритиков. Он видел все. Он знал наизусть все фильмы, всех актеров. Кстати, после успеха моего второго романа многие продюсеры пытались получить права на экранизацию. Бернар сам всем этим занимался, и

иногда, глядя на него, я просто умирал от хохота.

– Расскажите! – потребовала Скарлетт.

•

Париж, несколько лет назад

На Бернара трудно было произвести впечатление. Поэтому когда продюсеры и представители киностудий толпились у дверей его кабинета в Париже, он в отличие от меня сохранял полную невозмутимость, я же всякий раз приходил в дикий восторг, узнав имена наших собеседников и цену вопроса. Бернар вел себя намного сдержаннее. Кроме того, учитывая его невероятные познания в области кино, он у всех находил недостатки.

После каждой такой встречи он методично разносил в пух и прах всех упомянутых мною продюсеров, режиссеров и актеров, ворча, что даже самые великие снимали очень плохие фильмы. “Лучше никакого фильма, чем плохой фильм”, – назидательно говорил он.

Поначалу я терялся в догадках, почему он так к ним придирается. Но позже понял причину его осторожности – я доверил ему управление правами на экранизацию, и он боялся меня подвести.

Например, одному продюсеру, который сознательно не оставил ни цента гардеробщице в одном роскошном парижском отеле – притом что, рассчитывая произвести на нас впечатление, он только что выложил несколько сотен евро на обед, – Бернар не отдал права, потому что ему противно было работать со скупердям.

Один из самых видных на тот момент американских режиссеров, настаивавший на покупке прав, получил отказ, потому что не приехал в Париж на обед с Бернаром.

– Он наверняка страшно занят, – заметил я, – не так-то просто ему вырваться из Лос-Анджелеса, только чтобы с вами пообедать.

– Если бы он действительно так жаждал получить права, явился бы как миленький. А раз не явился, значит, не умирает от желания снимать и, скорее всего, забросит проект на полпути. И вы останетесь ни с чем. Не ведитесь на громкие имена, Жоэль!

Голливудской студии, сделавшей нам совершенно заоблачное предложение, Бернар дал от ворот поворот.

– Ну знаете, – сказал я ему, – на кону несколько миллионов долларов...

– Деньги – это еще не все, Жоэль. Где ваши амбиции! Все их последние фильмы – ужас что такое.

Вишенкой на торте стал телефонный разговор между Бернаром и одним из самых влиятельных режиссеров Голливуда. По такому случаю эмиссар парижского офиса вышеуказанного режиссера был спешно командирован в качестве переводчика к Бернару, не говорившему по-английски.

Когда беседа закончилась, ошеломленный эмиссар сказал Бернару:

– Вы вообще отдаете себе отчет, месье де Фаллуа, что вы сорок пять минут проговорили по телефону с господином Таким-то! У господина Такого-то ни на кого никогда нет времени, а вам он уделил целых сорок пять минут! Улавливаете?

Бернар скорчил недовольную гримасу:

– Нет, не улавливаю. Объясните мне, будьте так любезны. Вот если бы вы сказали, что я сорок пять минут проговорил по телефону с великим Альфредом Хичкоком, то да, я был бы очень впечатлен. Если бы вы сказали, что я сорок пять минут проговорил с великим Бастером Киттоном, то да, я был бы очень впечатлен. Если бы вы сказали, что я сорок пять минут проговорил с великим Чарли Чаплином, то да, я был бы очень впечатлен. А что касается господина Такого-то, то нет, я правда не возьму в толк, почему это должно было произвести на меня такое впечатление.

•

Скарлетт засмеялась:

– Он прямо так и сказал?

– Да.

– И чем это закончилось?

– Мы в итоге сошлись на телевизионном сериале, сочли этот формат более подходящим для экранизации романа. Поначалу Бернар сомневался. Телесериалы, хмыкал он, это какое-то “недокино”. “Куда им до седьмого искусства!” – говорил он. Но потом признал преимущество современных сериалов перед фильмами, поскольку у них большой бюджет, режиссеры, актеры, и, кроме того, они выигрывают по продолжительности.

Увидев первые кадры нашего сериала, Бернар сказал: “Да, сериал – это новое кино”.

Договорившись с Сагамором, мы со Скарлетт прибыли в Управление женевской уголовной полиции незадолго до полудня. Он встретил нас внизу, тепло поздоровался, сразу узнав меня, и мы поднялись на четвертый

этаж в его кабинет.

– Значит, вас послал Фавраз? – спросил он.

– Мы пытаемся выяснить, что произошло в номере 622 “Паласа Вербье”, – объяснила Скарлетт.

– Я тоже не прочь узнать разгадку этой истории, – сказал Сагамор. – Что именно вам известно?

Я рискнул пойти с козыря:

– Нам известно, что после убийства полиция нашла кое-что в номере 622. Что это было?

Сагамор усмехнулся:

– Какая осведомленность! Могу ли я предложить вам кофе?

Глава 51

Крот

Первый вторник апреля, через четыре месяца после убийства

В конце дня в Управлении уголовной полиции Женевы на бульваре Карла Фохта Сагамор получил взбучку от начальства.

– Ну куда это годится, лейтенант, – раздраженно пеняла ему шеф полиции Элен Ригетти. – С момента убийства прошло четыре месяца, а у вас до сих пор ничего нет?

– Это дело сложнее, чем кажется на первый взгляд, – ответил Сагамор.

– Лейтенант, вы же сами хотели, чтобы его передали нам...

– Ну, после нашей находки в номере убитого это решение напрашивалось само собой...

– И я вас поддержала, убедив полицию Вале пойти вам навстречу, – перебила его Ригетти, которой надоело препираться.

– За что я вам крайне признателен, – сказал Сагамор.

– Что ж, выразите свою признательность, поставив точку в этой эпопее, лейтенант! Потому что на данный момент я выгляжу полной дурой, да и вы не лучше!

– Я совершенно уверен, что это преступление имеет какое-то отношение к Эвезнер-банку и корни его следует искать в Женеве. Появление грабителя в доме Макера Эвезнера за день до убийства не было случайностью. Потом произошло массовое отравление в “Паласе Вербье”, что помешало объявлению имени нового президента. И той же ночью кто-то убил одного из членов совета банка. Все это связано, осталось понять, как именно.

– У вас есть подозреваемый?

– Конкретного имени нет, мадам.

Ригетти вздохнула.

– Вы произвели обыск в банке? – спросила она.

– Нет, только в офисе Жан-Бенедикта Хансена.

– Но если, как вы считаете, эти события связаны с банком, почему бы не обыскать все здание?

– Обыск нам ни к чему. У меня есть кое-что получше – крот в Эвезнер-банке.

– То есть как? – возмутилась Ригетти. – Вы запустили в банк крота, не

уведомив меня?

– Это совпадение, – объяснил Сагамор. – Наш крот там уже давно. Финансовое подразделение проводит секретную операцию при поддержке Федеральной полиции. Топ-менеджеры банка подозреваются в злоупотреблениях с использованием служебного положения.

Ригетти закатила глаза:

– Действуйте по своему усмотрению, Сагамор, но закройте мне побыстрому это дело!

С этими словами она вышла из кабинета. Сагамор остался сидеть за рабочим столом, печально рассматривая огромное панно на стене, где он вывешивал материалы следствия. Взглянув на часы, он подумал, что крот, возможно, уже вернулся из банка. Он снял трубку служебного телефона и позвонил в финансовое подразделение, этажом ниже. Крот и правда был на месте. Они договорились увидеться в его кабинете и обсудить ход расследования.

Для крота эта история началась чуть больше года назад, то есть сразу после смерти Абея Эвезнера, когда отдел по борьбе с отмыванием денег Федеральной полиции забил тревогу в связи с движением крупных сумм неизвестного происхождения в женевских банках.

В ходе следствия, проводимого совместно с финансовым подразделением женевской уголовной полиции, подозрения пали на Эвезнер-банк, а конкретнее – на Синиора Тарногола. Но как ни пытались полицейские вывести его на чистую воду, всякий раз заходили в тупик – никаких сведений о Тарноголе до того, как он пятнадцать с чем-то лет назад поселился в Женеве, в частном особняке по адресу улица Сен-Леже, 10, им откопать не удалось. То есть вообще ничего. Как будто этого человека раньше не существовало. Из документов у него оказался паспорт одной из бывших советских республик, архивы которой были частично уничтожены, так что отследить его и там не представлялось возможным. На основании этого паспорта Тарногол получил вид на жительство, подкупив работника кантонального Ведомства по вопросам населения. Поскольку он совсем недавно продлил Тарноголу указанный вид на жительство еще на десять лет, следователи быстро вышли на него и предъявили ему обвинение.

Но чиновник тоже не смог им сообщить о Тарноголе ничего определенного. Он никак не давался им в руки. Полицейские несколько месяцев продолжали слежку, но тщетно. Тарногол обладал способностью исчезать среди бела дня. Что касается круга его общения, то он оказался

крайне ограниченным, что необычно для такого богатого человека. Судя по всему, у него не было ни друзей, ни родственников, ни знакомых. Единственная ниточка вела к Макеру Эвезнеру, передавшему Тарноголу свою долю в семейном банке, и ко Льву Левовичу, который, по данным следствия, представил его Абелю Эвезнеру пятнадцать лет назад.

В начале прошлого лета, после полугода безуспешных попыток выследить Тарногола, было принято решение внедрить в Эвезнер-банк агента финансовой полиции. Их новая сотрудница идеально подходила для такого задания – получив финансовое образование, она до того, как поступить в полицию, работала в банке, и ей ничего не стоило втереться там в доверие.

Чтобы провести эту операцию, им пришлось заручиться поддержкой верхушки Эвезнер-банка.

•

Июнь прошлого года.

Главная оранжерея Ботанического сада Женевы

Там было безлюдно, если не считать одинокой фигуры на деревянном мостике над прудом. Стоящий там человек нервничал. Он не понимал, что от него нужно финансовой полиции. Да, он пару раз вполне сознательно не указал какие-то суммы в налоговой декларации. Но он же не один такой. И зачем назначать встречу в оранжерее? Облокотившись на перила, он смотрел на двух водных черепах, мирно плывущих между белыми кувшинками.

Крот и начальник финансового подразделения, сверившись с фотографией, убедились, что это именно тот, кто им нужен, вышли из-за большого цветущего куста, служившего им укрытием, и тоже поднялись на мостик.

Полиция решила обратиться за помощью к Жан-Бенедикту Хансену, сочтя его психологический профиль наиболее подходящим. В тишине оранжереи, где единственными свидетелями их разговора были разноцветные карпы и черепахи, начальник финансового подразделения, представившись, подробно объяснил Хансену, о чем речь.

– Агент под прикрытием? – удивился Жан-Бенедикт, внимательно разглядывая девушку.

Последняя, конечно, не открыла истинную цель своего задания, выдав ему заранее приготовленную легенду:

– Мы занимаемся расследованием отмывания денег, полученных от незаконного оборота наркотиков клиентами вашего банка, которых пока не удалось идентифицировать. Это совершенно секретная информация, и даже члены совета директоров не должны ничего заподозрить.

– Можете на меня положиться, – заверил их Жан-Бенедикт, внезапно обрадовавшись, что оказался в центре интриги, которая лично к нему не имела прямого отношения.

– Вы полагаете, что вам удастся найти мне какую-нибудь должность поближе к Синиору Тарноголу? – спросила девушка.

– Это сложно, ему не нужна секретарша. Он вообще весьма скрытный человек. Кроме того, он не занимается клиентами. Вам лучше работать с кем-нибудь из управляющих активами. Это не вызовет подозрений. Вот, например, у моего кузена Макера сейчас страшный аврал. После смерти отца он завален работой. Я мог бы нанять ему помощницу.

– Вы про Макера Эвезнера? – спросил начальник.

– Да. Вы его знаете?

– Понаслышке.

В тот же день, вернувшись в банк, Жан-Бенедикт зашел в кабинет к Макеру и разыграл сценку, тщательно отрепетированную с полицейскими.

– Дорогой кузен, – воскликнул он, – я откопал тебе настоящее сокровище! А именно секретаршу, которая займется твоими досье. Огромный опыт и все прочее. Благодаря ей ты сможешь забыть о проблемах с клиентами.

– О, Жан-Бен, ты мой спаситель! – поблагодарил его Макер. – У меня правда жуткая запарка.

Новая секретарша появилась в банке несколько дней спустя. Поначалу ее посадили в общем бюро, со всеми секретарями управляющих активами, но через пару дней она попросила Жан-Бенедикта перевести ее оттуда. Ей требовалось место в центре событий, но более укромное, где за ней не будут постоянно шпионить коллеги. Например, в приемной у Макера Эвезнера и Льва Левовича (единственные известные полиции контакты Синиора Тарногола). И Жан-Бенедикт, очень серьезно отнесшийся к своей миссии, отправился уговаривать кузена.

– Послушай, Макер, почему бы тебе не поставить стол для секретарши прямо перед кабинетом? Она могла бы тебе помогать незаметно, ты понимаешь, что я имею в виду. Неудобно получится, если в банке догадаются, что она делает за тебя часть работы. Сам знаешь, как быстро тут распространяются сплетни... Это может повредить твоему избранию на пост президента.

Последний аргумент подействовал на Макера. И кроту выделили рабочее место в приемной. В течение следующих нескольких месяцев она пыталась через Макера и Левовича напасть на след Тарногола. Но тщетно.

•

В тот апрельский день в кабинет лейтенанта Сагамора в Управлении уголовной полиции постучали.

Это был крот.

Это была Кристина.

Глава 52

Кристина

Кристина вошла в кабинет Сагамора. На ней был костюм, в котором она в тот день ходила в банк. Но она сняла жакет, распустила строгий пучок, и волосы упали ей на плечи. У нее на поясе висел табельный пистолет в кожаной кобуре и полицейский жетон.

– Сил моих больше нет, – сказала она Сагамору. – Я с июня играю роль образцовой секретарши. Мне кажется, я вкальваю на двух работах!

– Тебе не кажется! – расхохотался он.

– Я рада, что тебе весело, Филипп. К твоему сведению, мне хотелось бы иметь личную жизнь, познакомиться с кем-нибудь и так далее!

– Ты познакомишься с кем-нибудь, не волнуйся, к тому же тебя повысят в должности! Но только после того, как мы распутаем это дело.

– Ты для этого меня позвал?

– Да, давай еще раз пройдемся по досье.

– Ой, только не сейчас! Я иду домой, хочу принять ванну и спокойно поужинать.

– Ты спокойно поужинаешь со мной, – сказал Сагамор. – Я закажу пиццу.

Кристина смирилась. Она уже десять месяцев трудилась в Эвезнер-банке и мечтала, как и Сагамор, поскорее покончить с этим делом.

Она бросила взгляд на доску с материалами следствия.

Отцепив магнетики, она сняла одну из фотографий и внимательно изучила ее.

– Ладно, поехали, – вздохнула она. – Давай заново сложим все кусочки пазла.

Несколько часов спустя, когда в Женеве стемнело, все помещения уголовной полиции опустели, за исключением кабинета лейтенанта Сагамора. Кристина и лейтенант, примостившись у стола, наспех доедали заказанный ужин – пиццу и тирамису, глядя на большое белое панно на стене, на котором они в очередной раз выстроили всю цепочку событий, пункт за пунктом.

Кристина, от души зачерпнув тирамису, посмотрела на раздел, посвященный установленным фактам.

УБИЙСТВО: ХОД СОБЫТИЙ

Под этим заголовком они прикрепили снимки тела Жан-Бенедикта и план шестого этажа, указав под номерами комнат имена клиентов:

621 – Орас Хансен
622 – Жан-Бенедикт Хансен
623 – Сিনিор Тарногол
624 – Лев Левович
625 – Макер Эвезнер

Чуть ниже было написано:

Жан-Бенедикт Хансен убит около 4 часов утра в номере 622 “Паласа Вербье”. Две 9-миллиметровые пули выпущены почти в упор.

Труп обнаружил в 6.30 утра официант, который принес завтрак.

Лейтенант Сагамор встал, дожевывая последний кусок пиццы:

– Исходя из положения тела, убийца, скорее всего, постучал в дверь. Жан-Бенедикт Хансен встал, надел халат, пошел открывать и – бабах! У него не было никаких шансов на спасение. Преступник не собирался угрожать ему или грабить. И это не просто случайный результат ссоры – нет, его пришли убивать. Тут у меня нет сомнений. Тот, кто сделал это, хотел устранить Жан-Бенедикта Хансена.

– Или *та...* – предположила Кристина. – Это вполне могла быть женщина.

– Верно, – согласился Сагамор. – Но если верить статистике, в большинстве случаев убийства совершают мужчины.

– Но та же статистика доказывает, что если убийца – женщина, она, как правило, пользуется огнестрельным оружием!

– Очко в твою пользу, – признал Сагамор. – В любом случае нам неизвестно, убрался ли убийца сразу или зашел внутрь. Похоже, он ничего не искал, да и дверь не взламывал. Но это гостиничный номер, и там всюду полно совершенно бесполезной ДНК!

– А что говорит баллистика? – спросила Кристина.

– Нам удалось извлечь пули целиком, но этого маловато. Правда, если мы найдем оружие убийства, то сможем, по крайней мере, идентифицировать его по следам от нарезов ствола на пулях.

Кристина опустила взгляд на нижнюю, безнадежно пустую часть

доски, где сиротливо висел лист бумаги с одним-единственным словом:

СВИДЕТЕЛИ???

– У меня просто в голове не укладывается, что мы до сих пор не нашли свидетелей! – раздраженно заметила она.

Сагамор кивнул:

– Многие постояльцы были госпитализированы после отравления.

– И я в том числе! – в сердцах воскликнула Кристина, которая провела ту ночь в больнице Мартины. – Думаешь, нас отравили, чтобы очистить отель от клиентов и предоставить убийце свободу действий?

– Трудно сказать, – ответил Сагамор. – Мы знаем только, что никто из обитателей верхнего этажа ничего не слышал. До того, как у него случился сердечный приступ, Орас Хансен успел сообщить полиции, что он глух как пень, днем носит слуховой аппарат, но перед сном его снимает.

Макер Эвезнер утверждал, что принял сильное снотворное – и это подтвердил впоследствии его врач, – а Лев Левович и один из банковских директоров по персоналу заявили, что абсолютно ничего не слышали. Другой – что его разбудил какой-то звук, но поскольку следом наступила тишина, то он снова заснул, не поинтересовавшись, что происходит.

Лейтенант взглянул на план первого этажа “Паласа Вербье”.

– После десяти вечера попасть в отель можно только через главный вход. Над ним висят две камеры слежения, и, кроме того, там всегда стоит охранник. Он уверяет, что ночью никто мимо него не проходил. Записи с камер это подтверждают.

– А как насчет других выходов? – Кристина показала на плане обозначения нескольких дверей, ведущих на улицу.

– Они открыты в течение дня, но ночью запираются на ключ. Есть еще запасные аварийные выходы, но они открываются только изнутри. То есть войти в отель никто не мог.

– Если только у убийцы не было сообщника! – сказала Кристина. – Он мог открыть дверь изнутри и впустить преступника. Следовательно, у нас тогда должно быть как минимум двое подозреваемых. Но в эту версию я не верю. Убийца, скорее всего, принял решение спонтанно. Надо очень торопиться, чтобы застрелить человека из пистолета в его собственном номере. Жан-Бенедикту Хансену суждено было умереть той ночью. Похоже, убийца действовал в одиночку, сам по себе, в порыве отчаяния.

Сагамор улыбнулся:

– То есть ты согласишься с моей гипотезой, что у нас есть только один

факт, в котором мы более или менее уверены.

– А именно?

– А именно, что убийца находился внутри. Это клиент отеля, сотрудник или гость банка, и наверняка он уже был на месте.

– Получается, он сбежал через запасной выход?

– Не исключено. К сожалению, той ночью шел сильный снег, и мы не нашли никаких следов вокруг “Паласа”. Но мне кажется, что убийце незачем было скрываться. Он застрелил Хансена и преспокойно вернулся к себе в номер, разыграв на следующий день ужас и изумление. Убийца все это время находился в отеле, под носом у полиции. Точно тебе говорю.

Кристина задумалась:

– Кто последним видел Жан-Бенедикта Хансена?

– Синиор Тарногол, – ответил Сагамор. – Я это знаю, потому что в его номер в субботу вечером, за несколько часов до убийства, поднимался охранник.

Он снял с доски листок с показаниями начальника службы безопасности “Паласа”, данными им в то утро, и передал его Кристине.

В субботу 15 декабря в 23.50 мне поступил вызов в связи со скандалом в номере 623. Я незамедлительно туда поднялся, но клиент, открывший мне дверь, заверил меня, что все в порядке. Я подумал, что ошибся дверью. Но в коридоре было тихо. До меня не доносилось ни звука. Я ушел, но поставил в известность директора отеля, на случай если бы нам пришлось снова вмешаться. Вечер выдался странный, я предпочел подстраховаться. Но больше нас не вызывали. Ночь прошла спокойно, ну если так можно выразиться, – наутро в номере 622 нашли труп.

– Начальник службы безопасности утверждает, что дверь номера 623 ему открыл Жан-Бенедикт Хансен, – добавил Сагамор. – Позже он узнал его по фотографии. Притом что этот номер занимал Тарногол.

– Действительно, – согласилась Кристина. – А Жан-Бенедикт остановился в 622-м. И что из этого следует?

– А вот что, – сказал Сагамор, ткнув пальцем в следующий раздел на доске.

ПОДОЗРЕВАЕМЫЕ

Под этим заголовком, выведенным печатными буквами, висели фотографии Льва Левовича и Макера Эвезнера. К каждому снимку прилагалось краткое описание.

ЛЕВ ЛЕВОВИЧ

Был правой рукой Абея Эвезнера, считавшего его своим духовным сыном.

Совет директоров намеревался избрать его президентом банка. Жан-Бенедикт Хансен выступал, очевидно, против этого, отдавая предпочтение своему кузену Макеру Эвезнеру.

Вскоре после убийства Лев Левович решил покинуть Женеву. Он освободил люкс в “Отеле де Берг”, который занимал последние пятнадцать лет. Куда он отправился? Почему так поспешно уехал?

– Нам известно, что Левович владеет дорогостоящей недвижимостью, – заметил лейтенант Сагамор. – У него есть дом в престижном пригороде Нью-Йорка, квартира в Афинах и вилла на Корфу.

– По моим сведениям, – подхватила Кристина, – сейчас он проживает в Афинах. Говорит, что ему необходимо было сменить обстановку. Сегодня он появился в Женеве, я видела его в банке. Он прилетел на встречу с Макером, который уговорил его не увольняться и передал ему в управление филиал банка в Афинах. Со своими здешними клиентами он будет работать дистанционно. На мой взгляд, филиал в Афинах – это только предлог, Макер боится потерять лицо. Хоть он и президент, настоящей звездой всегда считался Левович. Если он уволится, банку несдобровать.

На доске под фотографией Левовича Сагамор написал фломастером: “Афины?” – и перешел к карточке, посвященной Макеру.

МАКЕР ЭВЕЗНЕР

Кража со взломом в его доме: он солгал о содержимом сейфа. Уверяет, что там хранились его личные бухгалтерские бумаги, которые он положил в безопасное место на случай пожара, но это мало похоже на правду. Вероятно, это как-то связано с гибелью его кузена.

Был замечен на кухне отеля, где вместе с Жан-Бенедиктом Хансеном они обыскивали ящики с водкой. Имеет ли это отношение к массовому отравлению, установить не удалось.

Законно владеет пистолетом калибра 9 мм, аналогичным

тому, что послужил орудием убийства. Он согласился на баллистическую экспертизу: по нарезкам ствола можно заключить, что Жан-Бенедикт Хансен был застрелен из другого оружия.

Нет никаких улик, позволяющих предъявить ему обвинение.

Из всех подозреваемых Сагамор вывесил на доске только имена Льва Левовича и Макера Эвезнера. Кристина удивилась, что там не упомянут Тарногол.

– Ты же сказал, что Тарногол был последним, кто видел Жан-Бенедикта Хансена живым. Плюс в службу безопасности “Паласа” поступил вызов по поводу “скандала” в номере, где находился Хансен. А сразу после убийства Тарногол бесследно исчез, оставив заявление об уходе без всяких объяснений. Почему Тарногола нет в твоём списке? Вряд ли это простая оплошность.

Сагамор хитро улыбнулся.

– Я тебе потом все объясню, – пообещал он, не отвлекаясь от записок на доске.

От имен двух подозреваемых, выбранных лейтенантом, стрелка вела к последнему разделу.

МОТИВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: БОРЬБА ЗА ПОСТ ПРЕЗИДЕНТА?

– Зачем убивать Хансена? – продолжал Сагамор. – По словам жены, у него не было врагов и он никогда ни от кого не получал угроз. Единственный мотив, который приходит мне на ум, связан с выборами президента банка.

– В ту субботу совет банка собирался объявить в бальном зале имя Льва Левовича, – напомнила Кристина. – У нас есть показания инспектора полиции Вале, утверждавшего, что он ясно расслышал последние слова Ораса Хансена: “Левович – президент”.

– Верно, но у него как раз перед этим случился сердечный приступ, – возразил Сагамор. – Поэтому я не уверен, что судья примет это во внимание.

Кристину его аргументы не убедили:

– Вполне вероятно, что Жан-Бенедикта убил Левович, потому что тот хотел помешать ему занять высокий пост, рассчитывая протолкнуть в президенты своего кузена Макера. Нам известно, что Жан-Бенедикт Хансен

остался в меньшинстве, поскольку Синиор Тарногол и Орас Хансен голосовали за Левовича. Таким образом, после его избрания, но до оглашения результатов Жан-Бенедикт сообщил Макеру Эвезнеру о создавшейся ситуации. Макер, понимая, что Левович представляет для него реальную угрозу, предвидел такой поворот событий и отравил водку, предназначенную для коктейля, чтобы выиграть время и не допустить торжественного объявления в бальном зале.

– К сожалению, у тебя нет никаких доказательств этой прекрасной версии, – поддел ее Сагамор.

– Макера Эвезнера и Жан-Бенедикта Хансена видели на кухне, когда они проверяли бутылки водки, – не сдавалась Кристина. – И после массового отравления Левович, выяснив, что Жан-Бенедикт по-тихому интригует против него, решился на убийство.

– И переехал в Афины? – удивился Сагамор. – Твоя гипотеза не выдерживает критики.

– У тебя есть что-нибудь получше?

– Да. Я думаю, что Хансена убил Макер Эвезнер, чтобы заполучить пост президента.

– Напротив, Жан-Бенедикт сделал все, чтобы ему помочь, – сказала Кристина.

– За два дня до убийства Анастасию Эвезнер, жену Макера, прямо перед “Отелем де Берг” сбила машина. Я расспросил врача, осматривавшего ее в больнице. Оказалось, на нее наехал Жан-Бенедикт Хансен. Он утверждал, что забыл включить фары и не заметил ее. Два дня спустя, в день выборов, Анастасия Эвезнер случайно застала дома грабителя. Это не может быть простым стечением обстоятельств.

– Ты думаешь, под маской грабителя мог скрываться Жан-Бенедикт?

– Не исключено. Желая оказать давление на Макера, он сначала чуть не задавил его жену, а потом взломал сейф в поисках компромата.

– Тебе удалось узнать что-нибудь об Анастасии Эвезнер? – спросила Кристина.

– Нет, я пытался напасть на ее след, но безрезультатно. Я опросил ее окружение, но у нее практически нет друзей. Впрочем, честно говоря, я не вижу, при чем тут она. В день ограбления она оставила мужу записку, что бросает его. Воспользовавшись отсутствием Макера, она сбежала. Их личные разборки нас, по идее, не должны интересовать.

– Я все равно не представляю, – сказала Кристина, – зачем Макеру Эвезнеру понадобилось бы убивать Жан-Бенедикта Хансена.

– Затем, что он узнал о нем всю правду.

– Правду? Какую правду?

Сагамор помрачнел:

– Кристина, одну улику я решил утаить от всех, не считая нескольких своих коллег и шефа уголовной полиции Вале. По этой причине они нам и передали дело. Возможно, это и есть главное вещественное доказательство.

– Ну же, не томи! – подстегнула его Кристина.

– Нам надо копать, начиная еще с того нашего расследования, которое мы предприняли до убийства Хансена, почти год назад, внедрив тебя в банк. По моему мнению, это звенья одной цепи.

Кристина недоверчиво поджала губы:

– Не понимаю, куда ты клонишь. Ты так и не объяснил, почему Тарногола нет на твоей доске, тем более если проблема в нем.

– Ты любишь сюрпризы? – спросил Сагамор.

– Не слишком, – нетерпеливо сказала Кристина.

– Ну этот точно тебе не понравится.

С этими словами Сагамор прикрепил к единственному свободному полю доски лист бумаги, на котором было написано:

КТО ТАКОЙ СИНИОР ТАРНОГОЛ?

– “Кто такой Синиор Тарногол?” – прочла Кристина.

Вместо ответа Сагамор подошел к металлическому шкафчику, в котором хранились папки с документами, и вынул оттуда большой пластиковый пакет.

– Утром после убийства, – начал он, – как только меня ввели в курс дела, я помчался в “Палас Вербье”.

– Знаю, – кивнула Кристина. – Мы же там встретились. Ты приехал из Женевы, а я из больницы! – хмыкнула она.

Сагамор потряс пакетом:

– Вот что я обнаружил в номере Жан-Бенедикта. Этот пакет был спрятан в шкафу.

Сагамор засунул в него руку. Содержимое пакета было досконально изучено криминалистами несколько месяцев тому назад, и теперь он мог не бояться испортить улики. Сначала Сагамор достал оттуда длинное пальто и надел его. С изнанки в разных местах в него были подшиты утолщения, так что силуэт получался довольно необычным. Кристина не сразу сообразила, в чем дело. Затем лейтенант выудил нечто вроде силиконовой маски и натянул ее на лицо. Кристина в ужасе отшатнулась. Невероятно! Филипп Сагамор исчез, перед ней стоял Синиор Тарногол.

– Тарногола никогда не существовало! Он был лишь творением Жан-Бенедикта Хансена!

•

В тот вечер в кабинете лейтенанта Сагамора Кристина долго и пристально исследовала силиконовое лицо. Она не верила своим глазам: это было изделие исключительного качества, выполненное с ювелирной точностью и мастерством. Такой искусной работы ей еще не приходилось видеть. Этот шедевр не имел ничего общего с масками из специализированных магазинов, тут чувствовалось необыкновенное внимание к деталям и уникальная технология. Шероховатости кожи казались донельзя реалистичными. Волосы и брови – не подкопаешься. Маска выглядела абсолютно живой. До жути. Тончайший силикон с потрясающей естественностью облегал лицо, повторял контуры губ и глаз, отзываясь на мимику с мягкостью натуральной кожи. Нос, все морщины и складки на лице шевелились с пугающей непринужденностью. Это было произведение редкого умельца, затмившее все, что ей попадалось до сих пор.

Кристина была потрясена. Когда она немного пришла в себя, Сагамор подробно перечислил ей доказательства двойной жизни Хансена/Тарногола, которые ему удалось собрать. Каждому пункту в его списке соответствовала отдельная карточка, и по ходу своего рассказа он методично вешал их на доску.

ФАКТ № 1

В службу безопасности “Паласа” поступает вызов в связи со скандалом в номере 623, который значит за Синиором Тарноголом. Дверь охраннику открывает Жан-Бенедикт Хансен и заверяет его, что все в полном порядке.

ФАКТ № 2

В номере Жан-Бенедикта Хансена найден пакет с одеждой и силиконовой маской Тарногола.

ФАКТ № 3

На внутренней стороне маски обнаружены волосы, принадлежащие Жан-Бенедикту Хансену.

ФАКТ № 4

Тарногол жил в частном особняке по адресу улица Сен-Леже, дом 10, купленном через подставную фирму, зарегистрированную на Виргинских островах и имеющую прямое отношение к *JVN SA*, холдинговой компании Жан-Бенедикта Хансена.

ФАКТ № 5

В ходе обыска в особняке на улице Сен-Леже обнаружены личные вещи, принадлежащие Жан-Бенедикту Хансену.

ФАКТ № 6

Из служебного расписания Хансена и Тарногола следует, что они часто уезжали в командировки одновременно.

ФАКТ № 7

По поручению совета директоров за организацию Большого уикенда отвечал Жан-Бенедикт Хансен. И якобы по чистой случайности они с Тарноголом поселились в соседних номерах. Так что, переступая с балкона на балкон, он мог спокойно мотаться туда-сюда, никому не попадаясь на глаза. Жан-Бенедикт входит в номер 622, и несколько мгновений спустя Сিনিор Тарногол выходит из 623-го.

ФАКТ № 8

Жан-Бенедикт Хансен успел заказать завтрак незадолго до того, как его убили: яйца, икру, черный чай и рюмку “Белуги”. По словам служащих “Паласа”, это обычный набор Сিনিора Тарногола.

ФАКТ № 9

Тарногол загадочным образом исчез с радаров после смерти Жан-Бенедикта Хансена.

ФАКТ № 10

Заявление об уходе, подписанное рукой Тарногола, нашли в сейфе Хансена, равно как и акции, переданные Макером Эвезнером Сিনিору Тарноголу пятнадцать лет назад. Жан-

Бенедикт, судя по всему, искал способ отделаться от своего неудобного персонажа и присвоить акции.

Кристина сидела как громом пораженная.

– Жан-Бенедикт с самого начала водил нас за нос, – проговорила она, не отрывая взгляда от доски.

– Вот почему тебе не удалось ничего узнать о Тарноголе за полгода работы в банке, – заметил Сагамор.

Кристина пришла в ярость – ее провели как последнюю дуру.

Пятнадцать лет Жан-Бенедикт Хансен всем морочил голову.

Глава 53

В Женеве (2/5)

– До апреля месяца никто не знал о нашей находке, – сказал Сагамор, – не считая нескольких человек из уголовной полиции Вале и Женевы, которые поклялись хранить тайну. Кристина была первой, кому я ее открыл. И, должен признать, она-то и помогла мне разобраться, что к чему.

Сагамор приготовил нам целую кипу документов и разложил их на столе.

– Это материалы следствия? – спросил я.

Он кивнул:

– Смотрите сколько угодно, но выносить отсюда что-либо вы не имеете права, да и вообще я вам ничего не показывал.

Среди бумаг мы обнаружили фотографии дома Эвезнеров и разбитого окна в одной из комнат.

– Снимки сделаны после ограбления, за два дня до убийства? – спросила Скарлетт.

– Да, откуда вы знаете?

– Мы говорили с их соседкой. Но давайте вернемся к вашему расследованию. Вы сказали, что к апрелю за четыре месяца, прошедших после убийства, вы так и не нашли никаких убедительных доказательств.

– Если и нашли, то крайне мало.

– А версии у вас были? Подозреваемые?

– Скорее внутреннее убеждение, что убийца догадался о двойной жизни Хансена.

– Когда вы говорите “убийца”, вы имеете в виду кого-то конкретного?

– Макера Эвезнера. Во время корпоративного уикенда он выяснил, что Жан-Бенедикт и Тарногол – это одно лицо и что он его дурачил в течение пятнадцати лет. Тогда он и сообразил, что под него копает именно кузен. И решил устранить его, убив, так сказать, двух зайцев – покончив с Жан-Бенедиктом, он избавлялся заодно и от Синиора Тарногола. Формально рассуждая, это двойное убийство полностью выводило совет банка из игры, поскольку сломить Ораса Хансена не составило бы труда. Макер Эвезнер знает, что пост президента достанется ему при условии, что он уничтожит своего кузена. Поэтому в ту печально знаменитую ночь с 15 на 16 декабря он приступает к действию. Он выходит из своего номера и стучится в 622-й. Когда ему открывают, он дважды стреляет из пистолета и возвращается к

себе. Даже если выстрелы услышат, даже если кто-нибудь на этаже проснется и выйдет в коридор посмотреть, что происходит, он к тому моменту успеет лечь в постель и принять, как обычно, снотворное. Это замечательное алиби позже подтвердит его врач. Оружие, из которого были произведены выстрелы? Наверняка он приобрел пистолет у частного лица и не задекларировал его, как часто поступают многие образцовые граждане Швейцарии. Макер, кстати, проходя, на голубом глазу, сообщил полиции, что владеет зарегистрированным пистолетом, и даже охотно согласился на экспертизу, чтобы проще было ввести нас в заблуждение. Притом что он опытный стрелок. Я выяснил, что он регулярно тренировался в тире недалеко от Женевы.

В дверь кабинета постучали. Коллега Сагамора вызвал его в коридор по какому-то срочному делу.

– Прошу извинить меня, это ненадолго, – сказал Сагамор.

Стоило ему выйти, как Скарлетт тут же схватила мобильник и принялась фотографировать разложенные на столе документы.

– Вы спятили? Нельзя это делать!

– Мы напали на золотую жилу, писатель. Сагамор же предупредил, что не даст нам копию дела. Ну-ка помогите мне! Снимайте все подряд! Поделитесь стопки!

Я подчинился. Это была уникальная возможность получить информацию, имевшую решающее значение для расследования.

Глава 54

Музыкальная шкатулка

Анастасия спала плохо. Впервые с ее приезда на Корфу она проснулась намного раньше Льва. Снаружи было еще темно. Она посмотрела на своего возлюбленного – он мирно спал – и встала. Наполнив ванну, она долго лежала в горячей воде. Ей было очень тревожно. Сегодня ей казалось, что безоблачное небо их греческого рая потемнело.

Накануне вечером она радостно встретила Льва, вернувшегося из Женевы. Они ужинали в большой гостиной, освещенной десятками свечей. Все было прекрасно. Тем не менее она чувствовала, что что-то не так.

– В Женеве все прошло хорошо? – спросила она.

– Да, – кивнул Лев.

Но по тому, как он отвел взгляд, она поняла, что он не говорит всей правды. И решила копнуть поглубже:

– Ты сказал, что у тебя была встреча в банке.

– Ну да.

– С клиентами?

– С Макером. Он хотел меня видеть.

– Макер? Зачем?

– Попросил меня не увольняться. Он говорит, что мой уход дестабилизирует работу банка. Он предложил мне заняться филиалом в Афинах и управлять активами дистанционно.

– Ты, надеюсь, отказался?

– Мне пришлось согласиться.

Это была их первая размолвка на Корфу. Анастасия кричала, что он обещал ей уйти из банка, Лев возражал, что все останется по-прежнему, он может работать из Афин.

– Мы переехали на Корфу, чтобы жить вместе, – напомнила ему Анастасия.

– А мы и живем вместе! И ничего не изменится. Раз в неделю я буду летать в Афины.

– Мне почему-то кажется, что ты не хочешь уходить из Эвезнер-банка!

– Я не хочу вызывать подозрения.

– Подозрения? Какие подозрения?

Он ответил уклончиво:

– Я хочу, чтобы нам жилось спокойно. И беззаботно.

– Если хочешь, чтобы нам жилось спокойно, увольняйся! Уж как-нибудь банк без тебя обойдется.

– Легко сказать.

– Лев, иногда у меня возникает ощущение, что ты от меня что-то скрываешь.

Он засмеялся, как будто она сморозила ужасную глупость.

– Ничего я не скрываю, скажешь тоже! Да и что мне от тебя скрывать? Просто я вынужден много работать.

– У тебя достаточно денег, чтобы вообще не работать.

– Значит, это я от тебя и скрываю. Я, наверное, куда менее богат, чем ты полагаешь.

Он подлил им вина, чтобы разрядить обстановку. Анастасия знала, что он лжет. Не в его правилах было говорить о деньгах.

– Не ты ли круглый год жил в люксе фешенебельного отеля в Женеве?

– Апартаменты в “Берге” ничто по сравнению с содержанием этого дома, прислуги и оплатой твоих нарядов...

– Лев, – перебила его она, – все это меня не волнует! Мне плевать на деньги, я всегда это говорила. Живи мы в пастушьей хижине, без гроша в кармане, я бы слова не сказала. Да и потом, если потребуется, я пойду работать. Наймусь в какой-нибудь местный бутик. И буду счастлива.

Лев громко расхохотался, сделав вид, что его страшно развеселила эта идея. Он встал из-за стола, взял Анастасию за руку и вывел на террасу. В теплой весенней ночи слышен был только плеск моря и стрекот цикад. Вдалеке мерцали городские огни. Вид был фантастический. Он обнял ее, и ей снова стало хорошо. Пока она не проснулась на рассвете.

Анастасия в задумчивости лежала в ванне. Почему Льву никак не удастся окончательно порвать с Женевой? Наверняка он ей врет. Наверняка что-то от нее скрывает.

Лейтенант Сагамор спал плохо. Он внезапно проснулся на рассвете. Сначала обрадовался, что можно пока не вставать – ему оставалось еще добрых два часа сна. Но он провалялся в постели минут пятнадцать, уставившись в потолок, и осторожно покинул супружеское ложе.

В темной кухне он сварил себе кофе и выпил его у окна, глядя на безлюдную улицу. Это дело не давало ему покоя. Он думал об их разговоре с Кристиной накануне вечером. Несмотря на все его доказательства, она сказала:

– Я не верю, что Жан-Бенедикт Хансен и Тарногол – одно лицо.

Сагамор поразился такому выводу.

– Ну почему же, сама посуди, анализ ДНК волос, оставшихся внутри силиконовой маски, указывает на Хансена, особняк Тарногола принадлежит Хансену, найденные там вещи принадлежат Хансену, завтрак из икры, яиц и водки заказал в номер Хансен. Тебе мало?

– Звучит убедительно, – согласилась Кристина, – но каким образом тогда Жан-Бенедикта видели в обществе Тарногола, если он сам в него перевоплощался?

– Ты их часто наблюдала вместе? – спросил Сагамор.

Кристина задумалась.

– Вообще-то нет, – вдруг разволновалась она, – лично я никогда их вместе не замечала... кроме того субботнего вечера во время корпоративного уикенда, в бальном зале. Они стояли на эстраде, когда Орас Хансен собирался объявить имя нового президента.

– У него был сообщник, – уверенно сказал Сагамор, который уже думал о таком раскладе. – Он переоделся в Тарногола и нацепил его силиконовое лицо, чтобы показаться рядом с Жан-Бенедиктом и тем самым отвести от него подозрения.

Кристина вспомнила, что на эстраде бального зала Тарногол и Жан-Бенедикт не произнесли ни слова, а Орас взял микрофон. Если считать, что Тарногол – вымышленный персонаж, кто угодно мог справиться с этой задачей. Однако она по-прежнему сомневалась.

– Многие сотрудники банка подтвердят, что видели Жан-Бенедикта Хансена и Тарногола вместе, уверяю тебя. Да и потом, как бы ему удавалось всех дурачить во время заседаний совета?

– В заседаниях участвовал его сообщник. Достаточно было подпустить чуть-чуть русского акцента, а главное, сидеть и помалкивать.

Но и это Кристину не убедило.

– Я не знала Абея Эвезнера, – сказала она, – но, судя по отзывам, он был стреляный воробей. Тарногол – великолепный самозванец. Тут требуется интеллект, талант, завидное присутствие духа. Я не верю, что Жан-Бенедикт достиг бы такой виртуозности.

– Разве что его гениальность в этом и проявлялась: он умело притворялся посредственностью, чтобы усыпить бдительность окружающих. Вот тебе и подтверждение его талантов – никто даже не думал его подозревать.

С этим Кристина не спорила.

– Тебе удалось выяснить, откуда взялась эта маска? – спросила она. – Ты отследил производителя?

– Я пытался, но безуспешно. Опрошенные мною специалисты говорят,

что ничего подобного в наших краях им не попадалось. Это самые передовые технологии. На уровне голливудского кинопроизводства.

Сомнения Кристины сбили Сагамора с толку. В то утро на кухне после долгих размышлений он принял решение, которому суждено было стать одним из поворотных моментов в расследовании.

Затем он приготовился к рабочему дню, накрыл завтрак для жены и двоих детей, которые еще спали, и поехал в Управление уголовной полиции на бульвар Карла Фохта.

Лейтенант Сагамор считал, что лишь очень ограниченный круг полицейских знал о существовании пакета, найденного в номере Жан-Бенедикта Хансена. Но он заблуждался.

Макер Эвезнер спал плохо. В полдевятого утра, растрепанный, в халате, он зашел на кухню, где Арма уже в третий раз поджаривала хлеб и варила яйца – хозяин опоздал на полтора часа, нарушив свое обычное расписание. Став президентом банка, Макер завтракал ровно в семь. Полностью обновив свой гардероб после назначения, он всегда появлялся в превосходном костюме-тройке. Он пил кофе, ел яйца с ломтиком цельнозернового хлеба (чтобы не потолстеть) и просматривал свежие газеты. Не позднее двадцати минут восьмого он уходил из дома в банк.

– Все в порядке, мисье? – спросила Арма, удивившись, что он встал так поздно.

– Проснулся на рассвете, снова заснул, не услышал будильник, – сварливо отчитался Макер, усаживаясь за стол.

Арма немедленно сделала ему крепкий кофе.

– Я не решалась постучать к вам, – сказала она, поставив перед ним дымящуюся чашку. – А следовало бы. Из-за меня вы опоздаете на работу.

– Не страшно, – ответил Макер, проведя рукой по лицу. Он был бледен.

– Вы заболели, мисье?

– Нет, я встревожен.

– Проблемы?

– Вроде того.

– В банке?

Макер не ответил и залпом выпил кофе. Он устал, ему необходимо было выспаться. Несмотря на снотворное, последние два месяца он каждое утро просыпался на рассвете. Он открывал глаза, охваченный непонятной тревогой, которая никак не отпускала его и не давала снова заснуть.

Арма продолжала что-то говорить, но он не слушал. Он быстро съел

яйца, ушел в будуар и заперся там. Ему надо было спокойно все обдумать, но в банке его постоянно дергали, а дома все время тормозила Арма, пытаясь ему угодить. Он сел за письменный стол. Перед ним лежали какие-то скучные банковские документы, в которых надо было разобраться, фотографии Анастасии и миниатюрная музыкальная шкатулка. Он машинально взял ее и тут же отбросил, словно она обожгла ему пальцы. Он вспомнил, что произошло как-то вечером, два месяца назад, в середине февраля. После этого у него и началась бессонница. После того, как он побывал в Опере, получив по почте билет на “Лебединое озеро” Чайковского. Взглянув тогда на приглашение, он сразу понял, что это очередная весточка от Вагнера.

•

Середина февраля, через два месяца после убийства

Антракт подходил к концу. Прозвенел звонок. Зрители Женевской оперы в спешке занимали места. Третий акт “Лебединого озера” вот-вот должен был начаться.

В опустевшем фойе на мраморной скамье сидели рядом двое мужчин.

– Я думал, что вы вывели меня из действующих агентов, – сказал Макер, – поскольку, будучи президентом, я слишком на виду.

– Все так, – кивнул Вагнер. – Я просто хотел от лица Р-30 поздравить вас с успехом вашей последней миссии. Мы наконец избавились от Тарногола, и вы стали президентом.

– Спасибо, – кратко ответил Макер, не очень понимая, при чем тут Тарногол.

Помолчав, Вагнер продолжил:

– Макер, я хотел бы задать вам один вопрос, если позволите.

– Задавайте.

– Почему вы убили Жан-Бенедикта Хансена из огнестрельного оружия? Зачем было так рисковать?

Макер опешил:

– Я не убивал Жан-Бена, вы что!

Вагнер улыбнулся:

– Ну мне-то не надо заливать... Спрашиваю из чистого любопытства. Вы же могли прикончить его тем же способом, что и Ораса. С ним у вас вышло гораздо естественнее.

– Орас Хансен умер от сердечного приступа, – напомнил Макер.

– От сердечного приступа! – повторил Вагнер, в восторге от такого остроумного ответа.

– Я не понимаю, что вы имеете в виду, – разозлился Макер.

– Не стройте из себя святую невинность! – буркнул Вагнер. – Я знаю, вы тот еще тихушник. Вы убили Ораса Хансена! Вы использовали яд из первого пузырька, который я вам дал. Сердечный приступ случается в течение двенадцати часов, и его причину совершенно невозможно обнаружить. Идеальное преступление. Я имею в виду отца. А вот с сыном вы наворотили дел.

– Да вы что, Вагнер, я тут вообще ни при чем! Если мне и захотелось бы кого-то замочить, то тогда уж Тарногола!

Вагнер усмехнулся:

– Я и об этом знаю, Макер. Не держите меня за идиота.

– О чем знаете?

– Что ваш кузен Жан-Бенедикт и был Синиором Тарноголом.

– То есть? Что вы несете?

– Да бросьте. Тарногола никогда не существовало, это плод трудов Жан-Бенедикта. Он сам перевоплощался в Тарногола!

– Что вы несете? – снова пробормотал Макер.

Заметив искреннее недоумение своего собеседника, Вагнер понял, что Макер и правда не в курсе.

– Разве полиция вам ничего не сообщила? – удивился он. – В номере Жан-Бенедикта нашли силиконовую маску Тарногола. Тарногола никогда не существовало! Одно сплошное надувательство.

Макер посмотрел на Вагнера, решив на мгновение, что тот подослан полицией, чтобы взять его на пушку и выведать, что ему известно об убийстве.

– Я не верю ни единому вашему слову. Я провел пятнадцать лет бок о бок с Тарноголом, и поверьте, он очень даже существовал. И потом, если то, что вы говорите, правда, почему полицейские ни разу не упомянули об этом?

Вагнер не стал настаивать. Он поднялся и дружески протянул руку Макеру:

– Я же не ругаться с вами пришел. Мне хотелось извиниться за то, как я обошелся с вами в декабре. Вы намного отважнее, чем я думал. Знайте, если вам почему-либо понадобится Р-30, мы всегда к вашим услугам.

С этими словами Вагнер вынул из кармана небольшой сверток и вручил его Макеру. Но поскольку тот тупо уставился на него, Вагнер добавил:

– Это подарок, откройте.

Макер послушно развернул обертку и обнаружил деревянную музыкальную шкатулку с тонкой рукояткой. На ней было выгравировано: *“Лебединое озеро”, финал первого действия.*

– Если я когда-нибудь смогу вам пригодиться, – сказал Вагнер, уходя, – просто заведите ее. И я буду тут как тут.

•

Два месяца спустя, сидя в будуаре, Макер вспоминал свой последний разговор с Вагнером. С того дня у его президентства появился горький привкус. Хмельная радость власти была непоправимо отравлена: а что, если смерть Жан-Бенедикта и Ораса Хансенов была делом рук P-30? А он, хоть и косвенно, тоже причастен к этому чудовищному преступлению? И вот теперь он восседает на кровавом троне. Он не знал, чему верить. Эта история не давала ему покоя. Он не мог больше спать сном праведника. Как будто в чем-то провинился.

Макер вернулся в спальню, переоделся и отправился в банк. Он ужасно опаздывал. Придется придумать оправдание. В 9.30 он выехал за ворота на шоссе Рют. В 9.3 °Сагамор решил, что уже прилично будет заявиться без предупреждения, и позвонил в домофон особняка на улице Гранж, в самом сердце Старого города. Когда лейтенант назвал себя, массивные деревянные ворота открылись, и он вошел во внутренний двор, держа в руке пакет, который специально захватил из своего кабинета.

В глубине двора, у парадного входа, его ожидала прислуга. Предъявив свой жетон, он повторил:

– Лейтенант Сагамор, уголовная полиция. Я хотел бы поговорить с Шарлоттой Хансен.

Горничная уважительно кивнула в ответ и предложила ему следовать за ней по длинному коридору. Пол был выложен белым мрамором, стены затянуты штофными обоями. Сагамор, хоть и бывал несколько раз у Хансенов, не уставал поражаться дорогому убранству их дома. Гостиной, где он оказался, позавидовал бы любой музей. Горничная, предложив ему чай или кофе – он вежливо отказался, – оставила его и пошла предупредить хозяйку.

Сагамор собирался открыть Шарлотте Хансен тайну ее мужа. Это решение он принял сегодня на рассвете. Он счел, что это лучший способ сдвинуть расследование с мертвой точки. Если действительно Жан-

Бенедикт в течение пятнадцати лет перевоплощался в Тарногола, вряд ли ему удавалось скрывать свою затею от жены. Может даже, она была с ним заодно. Он знал, что спонтанная реакция Шарлотты Хансен на его информацию будет очень показательна. Пора ему выложить главный козырь.

Дверь гостиной открылась, и вошла Шарлотта Хансен. Сагамор давно ее не видел, и ему показалось, что она осунулась и похудела.

– Доброе утро, лейтенант. – Она энергично пожала ему руку. – У вас есть какие-то новости о гибели моего мужа?

Они сели в кресла друг напротив друга, и, вкратце изложив ей ход расследования, Сагамор бросился в омут головой.

– Мадам Хансен, – строго сказал он, – я вот задаюсь вопросом, хорошо ли вы знали своего мужа...

– Что вы имеете в виду? – встревожилась Шарлотта.

В ответ Сагамор вынул из сумки силиконовую маску и надел ее. Как и Кристина накануне, Шарлотта пришла в полнейшее смятение.

– Тарногол, – ужаснулась она. – Что... что все это значит?

Сагамор снял маску.

– Мы нашли это в “Паласе Вербье”, в номере вашего мужа. У нас есть веские основания полагать, что он и Тарногол – это одно лицо. Он сам придумал этого персонажа и играл его долгие годы. Он дурачил всех вокруг, включая вас, судя по всему.

Шарлотта на несколько мгновений утратила дар речи. Затем, еще не оправившись от потрясения, заверила полицейского, что он ошибается. Тогда Сагамор рассказал ей об особняке на улице Сен-Леже, приобретенном через подставную фирму, зарегистрированную на имя Жан-Бенедикта. Не веря своим ушам, Шарлотта поспешила отвергнуть все его утверждения. Но в ответ Сагамор показал ей банковские документы, которые специально взял с собой, и затем выложил вещдоки в прозрачных полиэтиленовых мешочках: визитные карточки на имя Жан-Бенедикта Хансена и Синиора Тарногола, рубашку с вышитыми инициалами Ж.-Б. Х., зажигалку, сигары, флакон духов.

– Вы узнаете эти предметы?

– Ну да, – пожала плечами Шарлотта Хансен. – Мой муж пользовался этими духами, курил эти сигары, это его рубашка и его зажигалка – “Дюпон”, он очень ею дорожил. Ничего удивительного, что вы нашли все это в его гостиничном номере.

– Эти улики были изъяты в особняке по адресу улица Сен-Леже, дом 10, – сказал Сагамор. – Мадам Хансен, особняк находится в двух шагах

отсюда, да и банк недалеко. Согласитесь, это на редкость удобно. Ваш муж мог переходить с места на место, меняя обличья и ни у кого не вызывая подозрений.

Выйдя от нее, Сагамор вернулся к своей машине без опознавательных знаков, припаркованной на площади Мезель.

На пассажирском сиденье его ждала Кристина. Утром она позвонила в банк и сказалась больной, чтобы помочь лейтенанту.

– Ну что? – спросила она.

– Посмотрим, что она предпримет. – Сев за руль, лейтенант взглянул на ворота Хансенов.

Глава 55

Откровения

В тот же день, ближе к вечеру, в доме Эвезнеров в Колоньи, Арма ходила взад-вперед перед дверью будуара, делая вид, что ей срочно понадобилось помыть там пол, а сама пыталась подслушать, о чем они говорили. Но к ее огромному разочарованию, разобрать ничего было невозможно. Но она точно знала, что это как-то связано с убийством кузена мисье.

Медем Хансен пришла к ним в ужасном состоянии. Вся аж тряслась. Прямо не в себе. Мисье тут же заперся с ней в будуаре. Наверное, что-то случилось. Мисье никогда не принимал никого в будуаре.

Макер и Шарлотта шептались за плотно закрытой дверью, осознавая всю серьезность ситуации.

– Как мог Жан-Бен быть Тарноголом? – в недоумении повторял Макер. – Это нереально, я видел их вместе.

– Часто?

Этот вопрос поколебал уверенность Макара. Вообще-то за последние пятнадцать лет ему редко доводилось видеть их обоих одновременно.

– Тарногол особо не жаловал банк своим присутствием, – сказал Макер. – Он бесконечно мотался туда-сюда, что теперь вполне объяснимо. Но на заседаниях совета Жан-Бен и Тарногол сидели рядом. Как они могли быть одним и тем же человеком? Может, у него был сообщник, который надевал маску Тарногола, когда им приходилось вдвоем появляться на людях?

– Так ты правда думаешь, что Жан-Бен заварил эту кашу?

– Понятия не имею. У лейтенанта серьезные улики, и я был бы рад доказать обратное. К сожалению, не осталось в живых никого из совета банка, кто мог бы нам помочь во всем разобраться.

Наступила тревожная тишина. Потом Макер спросил:

– Ты принесла ежедневник Жан-Бена?

Шарлотта нервным жестом вытащила из сумочки блокнот в кожаном переплете. Макер открыл его на неделе Большого уикенда.

– В ночь с понедельника десятого на вторник одиннадцатое декабря мы виделись с Тарноголом, – пояснил он. – Я зашел к нему домой около трех утра, вернувшись из Базеля, куда ездил по его просьбе.

Макер указал на соответствующую строку в расписании:

– Тут написано, что Жан-Бен был в Цюрихе. Я прекрасно помню тот понедельник. Тогда-то и началась вся эта заваруха. Он уехал из банка якобы на встречу в Цюрих. И вскоре после этого Тарногол явился ко мне в кабинет, уверяя, что вообще-то он пришел к Левовичу, и попросил меня привезти ему пакет из Базеля.

– То есть Жан-Бенедикт быстренько переоделся?

– Ты говоришь, особняк на улице Сен-Леже принадлежал ему...

– Это выяснила полиция. Он никогда мне о нем не рассказывал.

– У него было достаточно времени, чтобы забежать к себе на Сен-Леже, переодеться и вернуться в банк в образе Тарногола. Туда идти минут десять пешком... Значит, в ту ночь, приехав к Тарноголу из Базеля, я на самом деле общался с Жан-Беном...

– А я думала, он в Цюрихе.

Макер был потрясен. Вновь заглянув в ежедневник Жан-Бенедикта, он перевел палец на вторник, 11 декабря, где значился “Ужин у Макера”.

– Вечером во вторник, – признался он, – мы с Жан-Беном, сидя в моей столовой, разрабатывали план по обезвреживанию Тарногола.

– По обезвреживанию Тарногола? – удивилась Шарлотта. – Что ты имеешь в виду?

– В четверг тринадцатого декабря, после ужина Ассоциации женевских банкиров, – объяснил Макер, – я собирался пройтись с Тарноголом по набережной. В это время года там вечером темно и пусто. Жан-Бен на своей машине должен был нестись прямо на нас, якобы никого не заметив, а я бы тут же среагировал и типа спас Тарногола от верной смерти, резко притянув его к себе. Тогда он был бы обязан мне жизнью и в благодарность избрал бы меня президентом.

Шарлотта встревоженно посмотрела на Макера:

– И что же произошло?

– Тарногол почему-то сбежал с ужина. Какое поразительное совпадение, не правда ли? Как будто он знал о наших планах!

– В тот вечер Жан-Бенедикт сбил Анастасию, – сообщила Шарлотта. – Мы с сестрой пошли на органнй концерт, а Жан-Бенедикт заболел.

– Он и не думал болеть. Во сколько ты ушла?

– Рано, потому что мы с сестрой договорились поужинать перед концертом.

– Как только ты уехала, Жан-Бен, переодевшись Тарноголом, отправился в “Отель де Берг”. Я столкнулся с ним на лестнице, он прошел мимо меня. Ему внезапно стало дурно, и он вместо себя послал на ужин

Левовича. Сейчас я понимаю, что это не было случайностью. Выйдя из отеля в маске Тарногола, Жан-Бен спрятался в своей машине на набережной Де Берг, принял свой обычный вид и дальше действовал по плану.

– Но зачем?

– Во-первых, чтобы я увидел его после ужина и не догадался о его тайне. Он бы с невинным видом спросил меня, где Тарногол. Но я думаю, ему пришла в голову другая идея – избавиться от Левовича.

– От Левовича?

– Вряд ли Жан-Бен, он же Тарногол, просто так попросил Левовича заменить его. Он подозревал, что тот, скорее всего, выйдет потом к озеру немного проветриться. И оказался прав. Увидев нас с Левовичем перед отелем, Жан-Бен ни секунды не колебался, он твердо решил привести свой замысел в исполнение. Ему не терпелось устранить Левовича. Это было бы идеальное убийство, без свидетелей. На случай, если бы вдруг ему стали задавать вопросы, он обеспечил себе прекрасное алиби, которое ты же и подтвердила бы: он заболел и провалялся весь вечер в постели. Мне бы он заявил, что, приняв Левовича за Тарногола, следовал сценарию, который я сочинил. Поэтому я, сам по уши в дерьме, держал бы язык за зубами. Но его идея не сработала – когда он выехал на набережную, мимо шла Анастасия, и он ее сбил.

– А зачем ему было убивать Левовича?

– Чтобы стать президентом. Жан-Бен и так уже имел неограниченную власть, будучи дважды членом совета банка, даже трижды – вместе с отцом. Он наверняка придумал, как обойти последнюю волю моего отца и официально взять банк под свой контроль. Но он не мог совершить этот переворот, имея противником Левовича. Левовича он бы не победил.

Шарлотта Хансен побледнела и долго не могла выговорить ни слова.

– У меня это не укладывается в голове, – наконец пробормотала она.

Но Макер явно собрался ее добить:

– В тот проклятый вечер тринадцатого декабря, после аварии, ты приехала в больницу, и потом мы все пришли к нам домой, помнишь?

– Да, конечно.

– Как ты добиралась в больницу?

– Я взяла машину сестры. Она поставила ее прямо у “Виктория-холла”. Я так спешила, что она отдала мне ключи, и мы договорились, что я верну ей машину на следующий день.

– То есть, когда той ночью вы ушли от меня, Жан-Бен сел в свою машину, а ты – в машину сестры. Вы ехали друг за другом?

– Не помню уже... Почему ты спрашиваешь?

– Потому что сразу после вашего отъезда у ворот моего дома появился Тарногол. Свежий как огурчик, притом что ему якобы в отеле стало плохо. Потом, за все выходные в “Паласе Вербье” я ни разу не видел Жан-Бена и Тарногола вместе, вплоть до заключительного заседания совета банка в субботу, в конце дня. То есть с самого начала всем заправлял Жан-Бен.

Уходя от Макера, Шарлотта Хансен нервничала еще больше, чем до встречи с ним. Выехав за ворота – причем ее автомобиль несколько раз глох, словно откликаясь на ее состояние, – она не заметила припаркованную на обочине полицейскую машину без опознавательных знаков, которая следовала за ней весь день.

Макер сидел в будуаре. Он был сражен. Снова и снова он прокручивал в уме свой последний разговор с Вагнером в феврале. Тот оказался прав насчет Жан-Бенедикта.

Он схватил со стола музыкальную шкатулку и уставился на нее. “Если я когда-нибудь смогу вам пригодиться, – сказал Вагнер, – просто заведите ее”.

Макер осторожно покрутил рукоятку.

Постепенно, чуть ли не в такт металлическим аккордам знаменитой мелодии из финала первого действия “Лебединого озера”, из-под зубчатого колесика шкатулки начала медленно выползать бумажка с номером телефона.

Макер подумал, что пора звать на помощь.

В то же самое время на Корфу Анастасия и Лев купались в бирюзовых водах Ионического моря, наслаждаясь лучами вечернего солнца.

Анастасия остановилась на мгновение, глядя на бухту и деревню вдалеке у скал. Она казалась задумчивой. Лев подплыл к ней и обнял ее.

– Все в порядке? – спросил он. – Что-то ты сегодня молчаливая.

– Все хорошо.

– Это из-за нашего вчерашнего разговора? Если ты действительно не хочешь, чтобы я занимался афинским филиалом, я откажусь.

– Не волнуйся, все хорошо, честное слово.

Она поцеловала его, чтобы он замолчал.

Она тревожилась из-за него. Она чувствовала, что Лев что-то скрывает. Она не могла отделаться от мысли о своем пистолете, о том самом золотом пистолете, который она положила в сумку в Женеве, но не обнаружила его, прилетев на Корфу. Сумка стояла у Льва в “Паласе”, и только он имел к ней

доступ.

Анастасия так и не осмелилась заговорить с ним об этом. В глубине души она не желала ничего знать. Потому что всякий раз, вспоминая о пистолете, она думала о том, что произошло четыре месяца назад в “Паласе Вербье”. Жан-Бенедикт пришел в номер к Макеру и потребовал уступить ему пост президента, угрожая сдать его. А потом она узнала правду о Синиоре Тарноголе.

Глава 56

Слежка

Было начало мая. В жаркий полдень Анастасия в одиночестве гуляла по историческому центру Корфу. Лев уехал на целый день. Согласившись в прошлом месяце возглавить афинский филиал Эвезнер-банка, он каждый вторник рано утром улетал с Корфу и возвращался домой к обеду. В этот раз, по просьбе Макера, он отправился к нему в Женеву, обсудить сложившуюся ситуацию.

В полутора тысячах километров оттуда Женева сияла в щедром весеннем солнце.

Макер и Лев заканчивали обед на террасе стейк-хауса “Ред Окс”, на бульваре Траншей. Кроме них тут никого не было, они пришли довольно поздно – Макер не захотел отменять еженедельный сеанс с доктором Казаном, да и ресторан этот выбрал потому, что он находился по соседству с кабинетом психоаналитика.

– Я рад, что тебе нравится в Афинах, – сказал Макер. – Приятный город, правда?

– Очень. Мне там хорошо.

– Где ты конкретно живешь?

– В районе Колонаки, у подножия Ликавита. Недалеко от центра.

Макер покивал с наигранным восхищением. Лев взглянул на часы:

– Мне пора в аэропорт, так что, если у тебя остались вопросы, давай.

– Нет, я думаю, мы все обсудили. Спасибо, что прилетел.

Они обменялись рукопожатием, и Лев ушел.

Макер тоже вышел из ресторана, но вместо того, чтобы идти в банк, направился по улице Атене к парку Бертрана, нашел нужную аллею и, следуя инструкциям Вагнера, стал ждать его на скамейке. Вагнер явился через несколько минут и подсел к нему. Они сделали вид, что не знакомы, Вагнер погрузился в чтение газеты, которую специально захватил с собой.

– Я сунул вашу коробочку ему в сумку, – сообщил Макер.

– Он не заметил?

– Он вышел в туалет.

Вагнер довольно ухмыльнулся:

– К вечеру мы точно узнаем, в Афинах ли живет Левович и с ним ли

Анастасия.

- Спасибо за помощь.
- P-30 у вас в долгу, Макер.

•

В тот вечер на Корфу, когда солнце уже садилось за горизонт, Лев и Анастасия выпили по бокалу вина на террасе, любуясь закатом. Горничная зажгла вокруг них множество свечей и собиралась подавать ужин.

Они были слишком поглощены друг другом, чтобы обратить внимание на человека, который в нескольких десятках метров от них наблюдал за ними с высоких скал, нависавших над виллой, и фотографировал их телеобъективом.

В то же время в Колоньи, в доме Эвезнеров, Арма заканчивала готовить ужин.

– Вы голодны, мисье? – спросила она Макара, который открыл бутылку вина.

Он наполнил два бокала и протянул один Арме.

– Я голоден, – ответил он, – но мне не хочется ужинать в одиночестве. Может, составите мне компанию?

Арма, удивленная этим предложением, поначалу не нашла что ответить. Потом, придя в себя и повторяя “мирси, мирси”, достала из посудного шкафа еще один прибор.

– Знаете что, Арма, – сказал Макер, – вы свое на сегодня отработали. Я приглашаю вас в ресторан. “Золотой лев” вам подойдет?

– Это слишком шикарно, – забеспокоилась Арма. – Я не одета.

– Да нет, все нормально, уверяю вас.

– Я не могу пойти в таком виде, давайте поужинаем в другой раз.

– Пойдите выберите себе что-нибудь из гардероба Анастасии. Все ее вещи остались здесь. У вас же приблизительно один размер? Берите, что хотите. И не торопитесь, время есть.

Арма послушно поднялась в спальню. Она зашла в большую семейную ванную, где все осталось на своих местах. Она накрасилась и причесалась. Потом присмотрела себе в шкафу платье, скромное и элегантное. Ей удалось к тому же откопать подходящую пару туфель на каблуках, не слишком высоких. Она боялась, что выглядит комично в таком наряде, но все-таки набралась смелости и взглянула на себя в зеркало. А

вот и нет. Очень даже *прелештно*.

– Ух ты! – воскликнул Макер, остановившись на пороге.

Она покраснела от смущения:

– Вы уверены, что так сойдет?

– Вы просто... великолепны.

Ее сердце бешено колотилось. Она взволнованно последовала за мисье, который отвез ее на своем спортивном автомобиле в ресторан в самом центре Колоньи и галантно распахнул перед ней двери.

Их посадили на террасе, откуда открывался один из самых потрясающих видов на Женеву.

– Это сюда вы часто ходили с медем? – спросила Арма, любуясь пейзажем.

– Да, – кивнул Макер.

Арма тут же пожалела, что заговорила о ней. Надо побыстрей сменить тему!

– Никогда не бывала в таком красивом месте! – Она улыбнулась Макеру, и он улыбнулся ей в ответ.

•

10 лет назад

Арма вошла в широко открытые ворота и увидела чуть поодаль огромный особняк. Ей еще не приходилось бывать в Колоньи, и уж тем более на шоссе Рют. По дороге она удивлялась размерам и элегантности домов, стоявших вдоль дороги. Она позвонила, дверь открыла восхитительная молодая женщина и улыбнулась ей. Это была Анастасия.

– Здравствуйте, медем, – пролепетала Арма. – Я по объявлению.

– Входите. Мы вас ждем.

Арму провели в гостиную. Ей было неловко сидеть на таком красивом диване. Мужчина, вошедший следом, поразил ее воображение.

– Это мой муж, Макер, – сказала Анастасия.

– Здравствуйте, мисье, – поздоровалась опешившая Арма. – Меня зовут Арма.

– Спасибо, что пришли, Арма, – обратился к ней Макер. – В агентстве по найму говорят, что вы настоящее сокровище. Мы недавно сюда переехали, и нам необходима помощница на полный рабочий день, чтобы позаботиться о доме. Вы очень молоды, но у вас прекрасные рекомендации. Готовы ли вы попробовать?

– С удовольствием, мисье, – ответила Арма.

•

Десять лет спустя Арма не могла поверить, что сидит напротив него в ресторане, о котором так часто слышала. Все тут приводило ее в бешеный восторг – блюда, вина, тележка с десертами. Она бы хотела, чтобы этот ужин длился вечно, но пришло время уходить, и Макер сказал ей:

– Спасибо, Арма.

– За этот вечер? – удивилась она.

– За все.

Он подвез ее домой, в квартал О-Вив, на угол улиц Моншуази и Волланд, и проводил до самого подъезда. Когда Арма вошла в квартиру, ее всю трясло. Макер вернулся к себе с улыбкой на лице.

Он долго сидел в своем будуаре и задумчиво курил сигару. Вдруг зазвонил домашний телефон. Кто это, интересно, так поздно. Он взял трубку и услышал мелодию, которую узнал бы среди тысяч – “Лебединое озеро”. Это был Вагнер.

Не теряя ни секунды, Макер сел за руль и поехал к телефонной будке в центре Колоньи. Он набрал номер, спрятанный в музыкальной шкатулке. Вагнер подошел мгновенно.

– Я на Корфу, – сказал он. – Я их нашел.

– На Корфу? Анастасия и Лев вместе на Корфу?

– Да. Я пришлю вам фотографии.

Макер с бьющимся сердцем повесил трубку. Автор анонимного письма не соврал – Анастасия ушла от него ко Льву. Он почувствовал, как его захлестывает ярость.

Пробил час мести.

Он точно знал, что ему надо делать.

Глава 57

В Женеве (3/5)

К тому моменту как Сагамор вернулся в офис, мы со Скарлетт успели все сфотографировать и, словно набедокурившие дети, прикидывались теперь паиньками.

– Простите, что пришлось прерваться, – сказал Сагамор, – возникло срочное дело.

– Мы все прекрасно понимаем, – заверила его Скарлетт.

– На чем мы остановились?

– Вы рассказывали, что расследование застопорилось, вас одолевали сомнения, начальство стояло над душой...

Он заметил, что мы положили сверху большую фотографию доски, по которой можно было проследить все этапы следствия.

– У меня это панно просуществовало в таком виде почти два года, – сказал Сагамор. – Я его сфотографировал перед тем, как снять со стены, чтобы не забыть, что я там вывешивал.

Мы со Скарлетт тщательно изучили фото, и, как вскоре оказалось, правильно сделали.

– Что это за кольцо? – Скарлетт показала на снимке кольцо с камнем, похожим на сапфир.

– В то время оно считалось одной из ключевых улик. Как я уже говорил, в течение четырех месяцев мы находились в полном тупике. А в середине апреля нашли это кольцо. Его обнаружила Кристина.

Глава 58

Прощай, Левович!

В то утро в банке Макер пребывал в полной безмятежности, чего давно с ним не случалось. После смерти Жан-Бенедикта, несмотря на вступление в должность президента, он не находил себе места. Уж слишком много на него навалилось: исчезновение Анастасии, анонимное письмо, сообщавшее, что она изменяет ему с Левовичем, и под конец эта история с Тарноголом, который оказался лишь выдумкой Жан-Бенедикта. Макер был так травмирован всем этим, что потерял сон и аппетит. У него возникало множество вопросов, он мысленно прокручивал события последних пятнадцати лет, пытаясь оживить свои самые давние воспоминания и понять, как такое могло приключиться.

Он строил самые фантастические предположения. Например, что Анастасия и Жан-Бенедикт были любовниками и пятнадцать лет назад вместе задумали и провернули эту омерзительную аферу – под видом Тарногола Жан-Бенедикт заставил его обменять акции на любовь Анастасии, а он и повелся, как идиот. Анастасия прекрасно сыграла свою роль, притворившись, что безумно влюблена в него, и они с Жан-Бенедиктом заполучили его долю в банке. Что ею двигало – любовь или жажда богатства? Тарногол получал колоссальные дивиденды! Банк приносил сотни миллионов франков годовой прибыли, большая часть которых распределялась потом между четырьмя членами совета. Жан-Бенедикт, видимо, обещал Анастасии поделиться с ней добычей.

Все это время Макара терзала неизвестность. Он чувствовал себя марионеткой в чужих руках. Но со вчерашнего вечера, с тех пор, как он позвонил Вагнеру, лед вроде бы тронулся, и он надеялся, что вскоре снова сможет контролировать ситуацию. Он нашел Анастасию и, что еще важнее, убедился, что она сбежала с Левовичем. Анонимный автор письма не соврал. Интересно, кто мог быть в курсе дела? И кто послал это письмо? Впрочем, какая разница. Сейчас главное отомстить. Он наконец направит свою ярость в нужное русло.

Левович его недооценивал. Принимал за идиота. Вешал лапшу на уши все эти месяцы – он уехал из Женевы вовсе не для того, чтобы взять тайм-аут, и даже не думал перебираться в Афины. Он жил на Корфу в доме на берегу моря и ворковал там целыми днями с чужой женой! Левович все спланировал с самого начала: отказался от президентства, чтобы скрыться с

Анастасией. А что, если он был заодно с Жан-Бенедиктом? Какое зверское трио. А что, если эта парочка убила его кузена?

Впрочем, Макер старался не слишком ломать себе голову над этими вопросами и сосредоточился на том, что было в его власти, – он уничтожит Левовича, запятнав его имя и репутацию.

В то утро он хладнокровно приступил к осуществлению операции, которую назвал “Прощай, Левович!”. Идея ее была предельно проста – по словам Шарлотты, полиция считала, что Жан-Бенедикт, он же Тарногол, имел в банке сообщника. Ему не удалось бы разыграть этот спектакль в одиночку хотя бы потому, что нужен был двойник на заседаниях совета. Макер решил назначить Левовича подельником Жан-Бена и так все подстроить, чтобы ему немедленно предъявили обвинение. Полицейские рванут в райские кущи Корфу, повяжут его и вывезут в наручниках на родину. Вот такой облом! И на первых полосах газет Левович будет красоваться уже не в обществе президента Франции, а на выходе из автозака у женевского Дворца правосудия. Как знать, если повезет, то на него повесят и убийство Жан-Бенедикта! Левовича приговорят к пожизненному заключению, а Анастасия, оставшись в одиночестве, приползет к нему вымаливать прощение.

Он дождался, когда Кристина выйдет из кабинета на утренний перекур. Получив свободу действий, Макер спустился этажом ниже, стараясь остаться незамеченным. Он пробрался в кабинет Левовича, где, после его отъезда в Грецию, все пока стояло на своих местах. Открыв один из ящичков письменного стола, он подложил туда две улики. Теперь Левовичу не отвертеться. В носовой платок с вышитым именем Синиора Тарногола, который Макер стащил у него, вернувшись в тот треклятый вечер из Базеля, он завернул обручальное кольцо Анастасии, то самое, что она отдала ему перед тем, как исчезнуть. Кольцо, скрепившее его пакт с Тарноголом пятнадцать лет назад. Тарногол вручил его Макеру в ту ночь, когда они встретились в “Паласе Вербье”, заверив, что девушка, которой он его подарит, полюбит его навсегда. А он так влюбился в нее и так отчаялся, что поверил ему. Макер спрятал платок между папками и поспешно вышел.

Когда Кристина вернулась, Макер говорил по телефону. Дверь его кабинета была распахнута, и она слышала весь разговор.

– Да, Лев, – сказал Макер в трубку, слушая непрерывный гудок, – я точно помню, что отдал тебе досье Стивенса. Ты уверен, что не захватил его в Афины?.. Ну ладно... Как это некстати... Хорошо, дай мне знать...

Макер нажал на отбой и тяжело вздохнул, изображая крайнюю

озабоченность.

– Что случилось? – не удержалась Кристина.

– Левович потерял досье одного нашего клиента. Ничего удивительного, учитывая, что он постоянно мотается туда-сюда. Я доверил ему очень важные бумаги, и теперь непонятно, где их искать. Он говорит, что в афинском филиале их нет.

– А тут, в его кабинете? – предположила Кристина. – Хотите, я проверю?

– О, мне это даже в голову не пришло! – обрадовался Макер. – Я с вами, так будет быстрее.

Макер и Кристина пошли на шестой этаж в свой прежний офис. Войдя в кабинет Левовича, Макер напрямик направился к шкафу. Кристина занялась ящиками стола. Внезапно она замерла. Макер, внимательно посмотрев на нее, спросил:

– Все в порядке?

– Не уверена.

Макер упивался ситуацией. Он подошел к ней:

– Вы нашли досье Стивенса?

– Нет. Я нашла носовой платок с кольцом...

– Синиор Тарногол? – прочел Макер. – Любопытно... А что это за кольцо? Почему Левович хранит у себя в столе носовой платок и кольцо Тарногола?

– Кольцо, судя по размеру, женское, – заметила Кристина. – Да и камень тоже. Похоже на сапфир. Что-то я не припомню, чтобы Тарногол носил кольцо с сапфиром.

Макер, чувствуя, что его схема не срабатывает, попытался подлить масла в огонь:

– Мне кажется, Тарногол носил его как кулон, на золотой цепочке. Ну конечно, как я мог забыть, как-то я зашел к Тарноголу и был поражен красотой этого камня. Да-да, я узнаю это кольцо.

Кристина посмотрела на своего начальника:

– Вы бывали дома у Тарногола?

Макер оцепенел, понимая, что сболтнул лишнее.

•

В конце дня, в Управлении уголовной полиции

– Спасибо, месье Эвезнер, что нашли время к нам зайти. – Лейтенант

Сагамор впустил Макера в комнату для допросов. – Простите, что принимаю вас в столь мрачной обстановке, но у нас не осталось свободных кабинетов.

– Не волнуйтесь, лейтенант. Всегда интересно посмотреть на обратную сторону декораций. Я словно в детективном сериале оказался.

Сагамор улыбнулся:

– Итак, вы нашли в кабинете Льва Левовича кольцо, принадлежащее Сিনিору Тарноголу?

– Ну вообще-то, – уточнил Макер, – его обнаружила моя секретарша. Мы искали одно досье, и она случайно его увидела. Собственно, она и посоветовала мне связаться с вами.

– Да, мы с ней уже побеседовали. Она сказала, что вы узнали это кольцо.

Макер подумал, что главное сейчас не переусердствовать, иначе он угодит в собственную ловушку.

– Ну, во-первых, должен признаться, что Шарлотта Хансен, вдова Жан-Бенедикта Хансена, некоторое время назад сообщила мне, что ее муж просто-напросто сочинил персонаж Сিনিора Тарногола и обвел всех вокруг пальца.

– Да, мы так считаем, – подтвердил Сагамор.

– Не скрою, эта новость потрясла меня. Мы же были очень близки с моим кузеном. С тех пор я бесконечно проигрываю в голове свои встречи с Тарноголом, в надежде собрать наконец этот пазл. И вот меня осенило, когда я увидел это кольцо.

– Вы узнали кольцо, потому что его носил Тарногол?

– Да.

– А где именно? – спросил Сагамор. – В банке?

Макер замешкался. Он не собирался объяснять полиции, почему вдруг оказался дома у Тарногола. Но и от своей первоначальной версии, изложенной Кристине, он отступить уже не мог – Сагамор, скорее всего, спросил ее об этом, так что их показания должны совпасть.

– Тарногол носил это кольцо на цепочке, как кулон, я обратил на него внимание, когда зашел к нему домой. Меня поразило, что он носит женское украшение словно талисман. В тот момент я подумал, что это память об утраченной любви или что-то в этом роде.

– Когда вы заходили к Тарноголу? – спросил лейтенант.

Макер ответил с равнодушным видом:

– Он меня пригласил. Сейчас уже затрудняюсь сказать, по какому поводу. Это случилось незадолго до выборов нового президента банка,

видимо, он вызывал к себе на беседу всех потенциальных кандидатов.

– Извините, но не могли бы вы описать мне подробно интервьюеры особняка Синиора Тарногола?

Макер удивился. Неужели Сагамор так проверяет, не лжет ли он. Он же наверняка провел обыск в доме у Тарногола и сам прекрасно знает, как там все устроено. Поэтому он постарался не упустить ни одной детали:

– Дело было вечером, мы ужинали. Довольно поздно. Холодные закуски. Все очень элегантно. Лосось, икра – в общем, пир горой. По высшему разряду.

– Нет, – перебил его Сагамор, – опишите мне обстановку. Мебель, комнаты.

– Войдя, я сразу увидел лифт и белую мраморную лестницу. Но побывал только в гостиной, где меня принимал Тарногол. На втором этаже. Вернее, там было по меньшей мере три салона, следовавших анфиладой друг за другом. Их разделяли съемные перегородки. Стены зала, в котором мы ужинали, были обиты дорогими тканями. Помню мягкие диваны из синего бархата. Ужин накрыли на круглом столе у окна. В стиле Людовика Шестнадцатого. Впрочем, не поручусь, какого именно Людовика, но явно антиквариат!

– Вас что-нибудь там поразило? Ну, какой-нибудь предмет, картина, произведение искусства.

Макер задумался на секунду:

– Там висело огромное полотно во всю стену с видом Санкт-Петербурга. Я хорошо его запомнил, потому что Тарногол подробно мне рассказывал о нем, объясняя, из какой семьи он родом.

Когда Макер, закончив свое повествование, ушел, Сагамор заглянул в соседнюю комнату, где Кристина следила за их разговором по видеотрансляции.

– Ну, – спросил Сагамор, – что скажешь?

– Не знаю. По-моему, он не врет. Либо он незаурядный актер. Но тем не менее я не могу отделаться от мысли, что Макер мог быть сообщником своего кузена. Вдруг он сам играл Тарногола, когда тот должен был появиться в обществе Хансена? Узнав, что Жан-Бенедикта разоблачили, Макер подкинул улики Левовичу, чтобы отвести от себя подозрение. Уж больно гладко все получается. Он просит меня порыться в ящиках его стола, и я совершенно случайно нахожу там платок и кольцо. Как-то не верится, что это простое совпадение.

Сагамор кивнул:

– Его описание особняка показалось тебе убедительным?

– Трудно сказать.

Придя с обыском в дом Тарногола после убийства, полицейские обнаружили там совершенно пустые комнаты. Мебель бесследно исчезла, как будто ее и не было. Им попалась только забытая в глубине шкафа картонная коробка с личными вещами Жан-Бенедикта Хансена. Кто-то из соседей видел, как грузчики вывезли все на нескольких машинах в четверг, за два дня до убийства. Но компанию перевозчика отследить не удалось.

Сагамор поморщился:

– Нам очень не хватает прямых улик, подтверждающих наши выкладки.

– Если бы мы только могли разговорить этот сапфир! – вздохнула Кристина, размахивая прозрачным мешочком с кольцом, найденным в ящичке Левовича.

Какая блестящая идея, подумал Сагамор.

– Я знаю, кто нам поможет! – воскликнул он. – Собирайся, поехали!

Через десять минут Сагамор остановился в квартале Паки, перед лавочкой подержанных ювелирных изделий. Несмотря на поздний час, дверь была открыта. Владелец, некто Франк, чудаковатый тип неприглядной наружности, в прошлом оказался замешан в деле о краже бриллиантов. С тех пор он остепенился и подвизался теперь в качестве осведомителя полиции, когда старые приятели пытались впарить ему краденые драгоценности.

Сагамор и Кристина вошли внутрь, других посетителей там не было.

– Лейтенант, как я рад вас видеть! – весело приветствовал его Франк. – Часики пришли прикупить?

– Мне нужна кое-какая информация. – Сагамор положил кольцо на прилавок.

– Что вас интересует?

– Можешь определить его происхождение?

Франк с сомнением покачал головой:

– На первый взгляд это сложно. Но я, конечно, попробую.

Франк взял кольцо и принялся изучать его в лупу.

– Ценности особой оно не представляет, – заключил он. – И сапфир не настоящий.

– Что еще? – спросил Сагамор.

Франк внимательно рассмотрел камень. Он сел за стол, сменил лупу, повертел кольцо в разных источниках света и вынес приговор:

– Такое впечатление, что внутри оправы есть надпись, но она скрыта под камнем.

– Ты можешь что-нибудь разобрать?

– Нет, придется его вынуть.

– Вынимай, – приказал Сагамор.

Франк вынул камень из каста и прочел надпись, выгравированную изнутри.

Ювелирный магазин Кахама, Женева – 4560953

•

Кахам оказался пожилым ювелиром, давно обосновавшимся на улице Этьена Дюмона, в центре Старого города.

Поскольку лавку он открывал, когда ему заблагорассудится, Сагамору пришлось долго топтаться под дверью. Внутри было пыльно и темно. Войдя, лейтенант подумал, что торговля старика Кахама идет не слишком бойко.

– Лейтенант Филипп Сагамор, – представился он, показав свой жетон.

– Полиция? – удивленно прищурился тот.

– Да. Уголовный розыск. Я расследую убийство.

Кахам пожал плечами – то ли не понял, то ли его это не заинтересовало. Сагамор показал ему кольцо с вынутым камнем.

– Хотите починить?

– Нет, – ответил Сагамор, – это кольцо было куплено у вас. Мне надо знать, кто его приобрел.

Как ни странно, ответ нашелся довольно быстро. Кахам, полагая, что каждое его изделие уникально, тщательно все регистрировал. Порядковый номер и фамилию покупателя он заносил в огромные гроссбухи, которых с течением лет накопилось великое множество. Кахам долго листал их, отмотав бесконечные списки на много лет назад, и наконец издал победный крик, ткнув в какую-то строчку. Вот оно.

Сагамор поспешил прочесть учетную запись:

4560953 – кольцо золотое с голубым цирконом.

Покупатель: Сол Левович.

В это время на Корфу Анастасия, припозднившись, вышла завтракать на террасу уже ближе к полудню. Сидя напротив нее, Левович читал газету. Он выглядел счастливым и беспечным.

Она не осмелилась заговорить с ним о том, что с каждым днем тревожило ее все больше. Она неотступно думала о том мгновении, когда за несколько часов до убийства обнаружила, что Тарногол был фикцией.

Глава 59

Синиор Тарногол

Пятью месяцами раньше, в субботу, 15 декабря, около полуночи, за 4 часа до убийства

Анастасия слышала, как Жан-Бенедикт шантажировал Макера, требуя уступить ему пост президента. В обмен на это он обещал молчать о том, что Макер отравил водку, использованную для приготовления коктейлей.

Затем она вернулась в номер Льва и все рассказала ему.

– Есть только один человек, который может этому помешать.

– Кто?

– Тарногол. Я поговорю с ним.

– Сейчас?

– Он ушел из банка, он знает, что его жизнь в опасности, и, должно быть, тоже пакует чемоданы. Я просто обязана увидеться с ним, прежде чем он покинет отель. Макер сказал, что он живет у тебя за стенкой.

– Тарногол – опасный человек, – предупредил Лев.

– Я в курсе.

Ее резкий тон удивил Льва.

– Позволь мне пойти с тобой.

– Нет, Лев. Пожалуйста, не вмешивайся! У меня с ним свои счета. Он... он украл у меня часть жизни. Из-за него я приняла предложение Макера! Из-за него мы с тобой...

Она запнулась. Ей не хотелось говорить об этом. Она вышла в коридор и постучалась в соседнюю дверь.

Лев остался у себя, стараясь не поддаваться панике. Впервые за пятнадцать лет, в течение которых он вел эту игру, его идеально отточенный сценарий дал сбой. Ничего не поделаешь, придется пойти и открыть ей дверь. Он бросился на балкон и, перешагнув через балюстраду, оказался у балконной двери соседнего номера, который значился за Тарноголом. Он всегда держал ее приоткрытой.

Анастасия, стоя в коридоре шестого этажа, барабанила в дверь Тарногола. Никто не отзывался. Тогда она наклонилась и через несколько мгновений увидела в щелку луч света, как будто в номере кто-то проснулся и зажег лампу.

Лев в спешке скинул одежду, чтобы надеть халат, и тут услышал голос Анастасии из коридора:

– Тарногол, я знаю, что вы тут, откройте!

Лев торопливо нацепил силиконовое лицо и, запахнув халат, скрестил руки на груди, чтобы скрыть разницу между цветом маски и кожей шеи. Все это никуда не годилось, он пренебрег элементарными правилами, которым учил его отец. Но его загнали в угол. Лев подошел к двери. В глубине души он понимал, что настал момент истины.

Дверь открылась, и перед Анастасией предстал Тарногол в халате – она явно вытащила его из постели.

– Что случилось? – спросил он.

– Случилось то, что нам надо поговорить, – сказала Анастасия.

Тарногол посторонился, пропуская ее.

Она впиалась ему в лицо взглядом разъяренной львицы. И тут ее осенило. Она узнала эти глаза. И вспомнила, что сказала тем утром в Женеве лейтенанту Сагамору: “По глазам все видно”. Анастасия моментально обо всем догадалась и бросилась на него.

В номере 622, по соседству с апартаментами Тарногола, Жан-Бенедикт Хансен праздновал победу: банк отныне принадлежал ему. Складывая в сейф акции, отобранные у Макера, он услышал шум за стеной – Тарногол с кем-то скандалил. Раздались женские крики, и, постучав им в стену, Жан-Бенедикт бросился к телефону, позвонил в службу безопасности и вышел в коридор, посмотреть, что происходит. Дверь Тарногола была открыта, оттуда доносились громкие голоса. Он подошел поближе и обомлел – такой сцены он никак не ожидал. Анастасия трясла Льва, схватив его за ворот халата. На ковре валялась маска, напоминающая лицо Тарногола.

– Что такое... – прошептал Жан-Бенедикт.

Заметив его, Анастасия отпустила Льва. Тот беспомощно смотрел, как Жан-Бенедикт подбирает с пола силиконовое лицо.

– Так это был ты? – изумился он. – Все эти годы? Тарногол – всего лишь выдумка?

Жан-Бенедикт поднес маску к лицу Льва, но тот не шелохнулся. Теперь все узнают его секрет.

– Невероятно! – сказал Жан-Бенедикт, и в его голосе прозвучало что-то похожее на восхищение. – Это просто невероятно!

Он подошел к ним поближе, и глаза его угрожающе блеснули. В эту минуту в коридоре показался амбал из службы безопасности.

– У вас все в порядке? – спросил он. – Клиенты жалуются, что вы очень шумите.

– Да, у нас все отлично, – заверил его Жан-Бенедикт с широкой улыбкой. – Мы репетировали спектакль. Наверное, слишком разорались, да? В таком случае тысяча извинений.

Жан-Бенедикт направился к охраннику, на всякий случай еще раз успокаивающе ему улыбнулся и, похлопав его по плечу, закрыл дверь у него перед носом. Затем он обернулся ко Льву и Анастасии, окинув их дьявольским взглядом. Вид у них был испуганный.

– Какой неожиданный поворот событий! – с энтузиазмом вскричал Жан-Бенедикт.

С этими словами он надел силиконовое лицо и пристально посмотрел на себя в зеркало.

– Потрясающе! Я поражен до глубины души! Лев, ты дурачил нас целых пятнадцать лет. Я хочу все знать! Я хочу знать, как тебе это удалось.

Жан-Бенедикт снял маску и пошел в гостиную.

– Садитесь, – в приказном тоне велел он Льву и Анастасии.

Им пришлось подчиниться. Они сели рядом на диван. Анастасия в ужасе схватила Льва за руку, но тут же отстранилась. Ее жест не ускользнул от Жан-Бенедикта.

– Ну привет, голубки! – развеселился он. – Все лучше и лучше! Луч-ше-и-луч-ше!

Он открыл мини-бар и достал оттуда бутылку шампанского.

– Я себе налью, ты не против? – обратился он ко Льву. – Или мне следует спросить Тарногола?

Расхотавшись, Жан-Бенедикт взмахнул маской, открыл бутылку и отпил прямо из горлышка. Отвратительно облизнув губы, он воскликнул:

– Шампанское! Шампанское для Синиора Тарногола, самого великого самозванца за всю историю человечества! А теперь, Лев, рассказывай! Я сгораю от нетерпения!

•

15 лет назад

Пятница, Большой уикенд

В то утро на рассвете Лев уехал из Женевы в Вербье. Накануне

вечером Анастасия продинамила его, не придя к нему на свидание в “Отель де Берг”.

В Мартиньи, поскольку у него еще оставалось время до пересадки на Ле-Шабль, откуда до Вербье идет автобус, Лев решил выпить кофе в тепле привокзальной гостиницы. Там было полно народу, все завтракали, и, отрешившись от этой суматохи, он смотрел в окно на безлюдную улицу. Внезапно, к своему изумлению, он заметил в рассветных сумерках отца с чемоданом в руке. Сол вошел в гостиницу и смешался с толпой. Лев, стараясь не попасться ему на глаза, потихоньку наблюдал за ним. Сол пересек вестибюль и скрылся в туалете. Лев двинулся следом. У него возникло нехорошее предчувствие. Он тоже заглянул в туалет – никого. Тут он обратил внимание, что дверь одной из кабинок заперта. Его отец находился внутри. С чемоданом. Оттуда доносилась громкая возня. Чем он, интересно, там занимается?

Лев подождал несколько минут.

Дверь кабинки распахнулась.

Лев в ужасе застыл на месте. В это невозможно было поверить. Перед ним стоял Сিনিор Тарногол.

– Папа, – обомлел Лев.

Тарногол прикоснулся пальцами к шее и осторожно снял силиконовое лицо. Эта операция заняла почти минуту: из-под маски постепенно проступало лицо Сола.

– Тарногол – это ты? – пробормотал Лев. – Все это время ты прикидывался Тарноголом?

Сол кивнул:

– Тарноголом, и не только. Поэтому месье Роз и нанял меня в “Палас”. Меня обличья, я преображался в клиентов отеля и докладывал ему о недостатках сервиса.

Так ошарашенный Лев выяснил, что некоторых постояльцев, которых он обслуживал годами, не существовало в природе. Или, скорее, все они были одним и тем же человеком – его отцом.

Сол Левович был великим артистом. Ему удалось обмануть всех вокруг. За эти годы он с пугающей достоверностью создал целое созвездие персонажей. Благодаря месье Розу он смог дать наконец волю своему гению. Сол заказывал силиконовые лица в Вене у выдающегося мастера, работавшего на самые знаменитые киностудии.

Лев взял у него маску и внимательно изучил ее. Он поразился ее реалистичности. Нос, расположение волос на голове, безукоризненное слияние силикона с кожей вокруг глаз и рта. Иллюзия удалась на славу.

Немного оправившись от потрясения, Лев вспомнил, как вел себя с ним Тарногол весь этот год, и потребовал у отца объяснений:

– Если Тарногол – это ты, зачем было стучать на меня Бинару в прошлом году на балу?

– За тобой наблюдали все сотрудники “Паласа” и очень злились на тебя. Я хотел минимизировать последствия твоей выходки. Прежде чем ты зайдешь слишком далеко и разразится скандал. Это стоило бы тебе места... А потом... Честно говоря, я диву давался, глядя, как ты смотришь на всех этих банкиров, сильных мира сего. Я чувствовал себя таким ничтожеством. Я так им завидовал. Когда я услышал, что ты рассказываешь небылицы о своем происхождении, чтобы они приняли тебя за своего, я не выдержал.

– И что дальше? – требовательно спросил Лев.

– Прошлой весной, когда Анастасия уехала в Брюссель, ты страшно убивался. С тобой невозможно было разговаривать. Я совсем растерялся. Я предлагал тебе несколько раз пойти поужинать, но ты отказывался. Помнишь?

– Помню, – кивнул Лев.

– Я тогда подумал, что Тарноголу наверняка повезет больше, чем мне. Я предпочел Тарногола другим своим персонажам, потому что, на мой взгляд, он лучше прочих олицетворял собой банковский мир. Тарногол пригласил тебя в ресторан, и ты согласился.

– Я не мог ему отказать, – огрызнулся Лев.

– Не важно. Важно то, что я прекрасно провел с тобой вечер. В маске Тарногола, как ни удивительно, я становился чутким, здравомыслящим отцом, чего у меня никогда не получалось, когда я был самим собой. Вот, например, тем летом ты сказал, что получил предложение от банка, и я пришел в ярость. Мне так не хотелось, чтобы ты уезжал отсюда, что я устроил идиотский скандал, пытаюсь отговорить тебя, и ты остался. Потом я ужасно корил себя, понимая, что твое место уже не здесь, в отеле, а в Женеве.

– Тогда ты вернулся в “Палас” в образе Тарногола и сделал все для того, чтобы меня уволили.

– Да, и Роз был со мной заодно. Я предложил, что заставлю тебя нахамить Тарноголу, и тот потребует твоего увольнения.

– Значит, вы меня разыграли? – спросил Лев.

– Ну, в общем, да. Но тут, как назло, появилась Анастасия, и вы уехали вместе. Мне было грустно, но Тарногол радовался за тебя.

– Зачем тебе понадобилось ломать комедию в банке? – спросил Лев. – К чему этот бред с открытием счета и покупкой акций?

– Месье Роз сказал, что у старика Эвезнера на тебя зуб и ты должен привести крупного клиента, чтобы стать полноценным банкиром. Я решил, что спасти нас может только Тарногол. У всех моих персонажей есть великолепные фальшивые паспорта, изготовленные в Берлине настоящим гением своего дела. Это было необходимо, чтобы забронировать номер в отеле. Я подумал, что одной встречи будет достаточно, чтобы открыть счет. Имея в кармане паспорт, это раз плюнуть, а с переводом несуществующих денег я потяну, сославшись на проблемы с моими банками. Пока суд да дело, ты бы официально стал у них банкиром, обзавелся бы реальными клиентами, и тогда уже тебя никто не посмел бы тронуть.

– Но в Эвезнер-банке все пошло не по плану.

– Ну да. Я придумал какую-то баснословную сумму, и Абель Эвезнер попросил меня подписать бумаги. Я этого не ожидал. Но отступить было некуда. На следующую встречу я заявился с пачкой чистых бланков в конверте. Я знал, что счет мне не откроют, и старался выиграть время, чтобы тебе помочь. И тут мне пришло в голову выдвинуть требование, которое Абель Эвезнер ни за что не выполнил бы, – продать Тарноголу долю в банке.

– Ты выставил меня полным идиотом! – сердито сказал Лев.

– Очень сожалею. Я хотел тебе помочь. Я все исправлю, вот увидишь. Вернусь в “Палас” под видом Тарногола – месье Роз зарезервировал мне номер рядом с Абелем Эвезнером – и скажу ему...

– Ты ничего никому не больше не скажешь! – взорвался Лев. – И вообще забудешь о существовании Тарногола!

– Я смогу убедить Абеля Эвезнера сделать тебя банкиром. Позволь мне, умоляю!

– В январе я в любом случае стану банкиром, как только Макера официально назначат вице-президентом! Я не нуждаюсь в твоей помощи, тебе ясно? Я не нуждаюсь в твоей помощи!

– В этом-то и проблема, – еле слышно проговорил Сол.

– В чем?

– В том, что ты уже не нуждаешься в моей помощи. Ты всегда во мне нуждался, ведь я твой папа. Но ты уже вылетел из гнезда. Я тебе не нужен, и с этим сложно смириться.

Лев никак не мог прийти в себя.

– У меня не укладывается в голове, что все это было идиотское фиглярство!

– Ну почему фиглярство! – запротестовал Сол.

– Называй это клоунадой, если тебе так больше нравится, – сказал Лев,

глубоко задетый его обманом. – Грош цена всем тем похвалам, что мне расточали клиенты, а я, дурак, так гордился своей работой. Ах, как, должно быть, вы веселились с месье Розом, как потешались надо мной!

– Ничего подобного, – возразил Сол. – Эти персонажи нужны были для контроля за качеством сервиса.

– Эти персонажи нужны были, чтобы удержать меня в “Паласе”!

– Нет.

Лев был в бешенстве. Он чувствовал, что его предали и унизили.

– А все твоя дурацкая одержимость актерским ремеслом! – рассвирепел он. – Маму убил не банкир, а комик! Мама ушла из-за тебя и твоих бредовых шоу! Из-за тебя она и умерла!

– Лев, не надо, прошу тебя! Прости, я хотел как лучше.

– Ты все испортил! – орал Лев. – Клоун несчастный!

– Я не клоун! – воскликнул Сол.

– А кто ж ты, как не клоун, в таком костюме?

– Я твой отец.

– Не уверен, что о таком отце я мечтал.

Сол, раненный в самое сердце, вlepил сыну пощечину.

Потрясенный жестом отца больше, чем самим ударом, Лев прижал ладонь к щеке.

– Извини... – взмолился Сол, который тут же пожалел, что сорвался.

Лев отступил к выходу.

– Постой! – крикнул ему отец. – У меня есть серьезная причина так поступать. Я никогда не говорил тебе, что...

Но Лев больше ничего не желал слушать. Он бросился прочь. Ему хотелось провалиться сквозь землю. Прежде всего, он нуждался в утешении. В Анастасии. Он должен ее найти. Он успел на ближайший поезд на Женеву. Он ехал из Мартины в Женеву, а во встречном поезде, промчавшемся мимо, Анастасия ехала из Женевы в Мартины, чтобы оттуда добраться до Вербье и разыскать Льва.

Лев весь день блуждал по городу. В квартире Ольги фон Лахт никого не оказалось. У него дома тоже. Он долго ждал Анастасию в “Реморе” – напрасно. Он обошел все ее любимые места в Женеве. Безрезультатно. Отчаявшись, он вернулся к ее матери. Там по-прежнему никто не отзывался. Он долго торчал на лестничной клетке в надежде, что кто-нибудь появится. Около семи вечера Ольга пришла с работы. Увидев ее, Лев востепенел и собрался уже в очередной раз разыграть Романова, но Ольга не дала ему и рта раскрыть.

– Как ты посмел? – заорала она. – Мерзкая скотина! Крыса помойная!

Перейдя от слов к делу, она принялась колотить Льва своей сумочкой.

– Мадам фон Лахт, – воскликнул Лев, – да перестаньте вы, наконец! Что с вами?

– Убирайся отсюда, негодяй! Паразит! Самозванец! Я все знаю!

– Мадам, – постарался перекричать ее Лев, – мне надо срочно поговорить с Анастасией. Я целый день ее ищу.

Ольга замерла с занесенной сумкой – значит, Анастасия не у него? Куда же она подевалась? Она решила воспользоваться случаем и разлучить Льва с дочерью.

– Анастасия не желает тебя больше видеть, – сказала она. – Она любит другого. Богатого! Влиятельного! А не какого-то жалкого портье! Убирайся отсюда, ты меня слышишь?

Лев ушел, не проронив больше ни слова.

В тот вечер, потрясенный событиями последних суток, после многочасового кружения по городу Лев вернулся наконец в “Палас Вербье”.

Было уже за полночь, когда он вышел из такси у ворот отеля. В пустом холле он столкнулся с отцом, который, казалось, поджидал его. И вот тогда, отчаявшись, потеряв всякую надежду удержать сына, Сол показал ему поддельные письма, чтобы Лев убедился, что Анастасия любит Макера.

Сол понимал, что поступает подло. Уж Тарногол наверняка придумал бы что-нибудь получше. Но он уже не был Тарноголом. Он был всего-навсего Солом.

И Лев, пораженный до глубины души этим, как он полагал, прощальным письмом Анастасии, забылся в объятиях Петры.

•

Пятнадцать лет спустя, в номере 623 “Паласа Вербье”, Жан-Бенедикт перебил Льва.

– Какие еще письма? – спросил он.

Анастасия повторила то, что уже объяснила Льву, когда они наконец воссоединились год назад, после похорон Абея Эвезнера.

– Я написала два письма, – сказала она. – Одно Льву, признаваясь ему в любви, второе Макеру, объясняя, что не питаю к нему нежных чувств. Но Сол, которому я отдала оба письма, подделал их.

– Он вырезал имена и поменял их местами, – пояснил Лев. – Я получил прощальный привет и заключил, что Анастасия собирается связать

свою жизнь с Макером. На следующий вечер во время большого бала я увидел, как они целуются, что подтвердило мои подозрения.

– Это Макер меня поцеловал! – запротестовала Анастасия, которая пятнадцать лет спустя все еще испытывала потребность оправдываться. – Я сама не ожидала!

– Что-то я не помню, чтобы ты так уж оскорбилась! – поддел ее Лев.

– Милые бранятся, – вмешался Жан-Бенедикт, – хватит уже! Мне не терпится услышать продолжение и, прежде всего, зачем твоему отцу понадобилось, чтобы ты усомнился в любви Анастасии.

– Потому что он был серьезно болен и не хотел умирать в одиночестве.

••

Пятнадцать лет назад, в бальном зале

Увидев, как Анастасия целуется с Макером, Лев решил ей в отместку поцеловаться с Петрой. Анастасия, в ужасе от этой сцены, бросилась вон из зала.

Лев, на котором повисла Петра, чуть не лишился чувств в гуще веселящейся толпы. Снова увидеть Анастасию, а главное, застать ее целующейся с Макером – это уже было слишком. Одно дело узнать об этом из письма, и совсем другое – лицезреть их в объятиях друг друга.

Лев тоже вышел из зала. Ему нечего было делать среди всех этих банкиров. Он подумал, что отец оказался прав – в банке он стал другим. Ему захотелось снова превратиться в служащего гостиницы. Поселиться здесь. Не вылезать из своей скорлупы. Никогда больше не покидать “Палас”. Пришлось признать, что единственным человеком, который всегда желал ему добра, был отец.

В дверях он столкнулся с месье Розом. Он, судя по всему, уже был в курсе того, что произошло между ними.

– Лев, – сказал он, – мне надо с тобой поговорить. О твоём отце.

– Я знаю, он хотел как лучше и пытался мне помочь, приняв образ Гарногола.

– Я не о том. Лев, у твоего отца рак.

Лев побледнел – на сей раз отец не соврал.

– Значит, это не очередная его выдумка, – прошептал он.

– Он умирает, – сказал месье Роз.

– Почему он это скрывал?

– Не хотел тебя расстраивать, надеялся, что все обойдется. К

сожалению, уже ничего нельзя сделать. Он умирает, и у него никого нет, кроме тебя. Ему осталось жить несколько месяцев.

Лев почувствовал острое желание найти отца и обнять его. Не тратить попусту ни секунды из того времени, что им осталось провести вместе.

В ту бальную ночь Сол должен был, по идее, находиться в “Паласе”. Но в кабинете его не оказалось, и никто из сотрудников, которых Лев спрашивал, его не видел. Он решил, что отец ушел домой. Он отправился туда, долго стучал, но ему никто не открыл. Дверь оказалась незапертой, и Лев рискнул войти. В квартире было пусто. Он позвал отца, но никто не откликнулся. Куда он мог подеваться? Лев заглянул в спальню – с тем же успехом. Но вместо того, чтобы выйти оттуда, Льву почему-то захотелось заглянуть в интимную часть жизни отца. Он открыл большой стеной шкаф напротив кровати. Каково же было его удивление, когда он обнаружил на полке целый набор силиконовых масок, насаженных на болванки. Лев узнал лица клиентов, которых обслуживал в отеле. Внизу вперемешку лежали предметы, служившие реквизитом для персонажей Сола: часы, украшения, очки, сигареты. Из этой кучи Лев выудил альбом в кожаном переплете, который отец хранил как зеницу ока, записывая в него свои идеи. Лев обнаружил на его страницах множество эскизов и заметки к каждому образу. Зарисовав придуманные лица, Сол заказывал сначала гипсовые формы, потом маски. Лев понимал, что все эти персонажи, его бывшие клиенты, существовали на самом деле – Сол Левович сочинял им биографии, изобретал языковые тики, вкусы и предпочтения, чтобы его герои оставались верны себе, когда в очередной раз переступали порог “Паласа”.

Изучая творения Сола, Лев долго вглядывался в маску Тарногола и пришел в восторг. Он взял ее и сел за туалетный столик, занимавший в комнате почетное место – тут в течение многих лет его отец преображался в других людей и так отправлялся в отель. Лев понял, что отец действительно научил его всему: он с легкостью перенимал чужие жесты, манеру держаться и умел изменять голос, придавая ему значительности. Он подумал, что весь этот год с наслаждением исполнял роль Льва Романова. В сущности, он просто применил на практике уроки отца. Он стал актером. Они и правда могли считаться актерской династией. Династией Левовичей.

Половина шкафа была отдана под костюмы персонажей. Лев тут же опознал вещи Тарногола и переоделся. В них были вшиты уплотнения из ткани и поролона, чтобы получилась грузная, сутулая фигура. Фантастическая работа.

Затем он натянул силиконовое лицо. Тонкая маска изящно облегла контуры его челюсти, повторяя изгибы губ и разрез глаз. Лев причесал густые седые волосы и пригладил брови. Результат ошеломил его – он превратился в Сিনিора Тарногола. Он попробовал поговорить и подвигаться, привыкая к новой телесной оболочке. Он понял, что ему не составит труда сыграть персонажа, созданного Солом под именем Тарногол, симитировать пластику и голос, вставляя его излюбленные словечки. Так, как учил отец. Он готовил его себе на смену. А еще он понял, что отец был не только прекрасным актером, но и великолепным драматургом, душой и гением театра. Большим художником.

Лев долго смотрелся в зеркало. Из него вышел потрясающий Тарногол. Он был горд. Он гордился тем, что он Лево-вич. Жалко, отец его не видит. Он хотел доказать ему, что они одной породы. Что он ему под стать.

Раз отца нет дома, значит, он в “Паласе”. Лев вернулся в отель. Выходя из квартиры, он захватил с собой самую драгоценную реликвию – обручальное кольцо матери, которое он со вчерашнего вечера носил в кармане брюк, рассчитывая преподнести его Анастасии в “Отеле де Берг”.

В “Паласе” Лев не замедлил убедиться, насколько реалистичным получился у него Тарногол: служащие отеля, не заподозрив подмены, почтительно раскланивались с ним. Лев не без удовольствия поглядывал на них с обычным тарногольским высокомерием. Заодно он поупражнялся с голосом и акцентом, бурча “Дай пройти” в ответ на бесконечные “Как поживаете?”. Лев предвкушал реакцию отца – то-то он изумится! Но Сола нигде не было. Побродив по холлу, Лев вышел на крыльцо покурить.

В эту минуту Макер спустился из бального зала в лобби с акциями в руках. Анастасия испарилась, и вечер был безнадежно испорчен. Он приуныл. Ему стало совсем одиноко. Он бы отдал все золото мира, чтобы вернуть ее. Ему захотелось на воздух, и он вышел на крыльцо.

Лев, увидев Макера, кинул на него разъяренный взгляд, но тут же сообразил, что тот, конечно же, не узнал его.

– Добрый вечер, месье, – вежливо поздоровался Макер, поравнявшись с ним.

Лев отметил, что вид у него невеселый. Тогда он обратился к нему, подражая интонациям и акценту Тарногола:

– Вы чем-то огорчены, мой юный друг?

Макер обернулся, обрадовавшись, что хоть кто-то понял, как ему

плохо.

– Любовные напасти, – ответил он.

– Бывает.

Макер уставился на своего собеседника.

– Мы знакомы? – спросил он.

– Нет, не думаю...

– Ну как же, вы приходили в Эвезнер-банк несколько недель назад.

– Вы бываете в этом банке? – полюбопытствовал Тарногол.

– Бываю ли я там? – переспросил Макер, которого позабавил этот вопрос. – Меня зовут Макер Эвезнер, – представился он, протягивая руку Тарно голу. – Я новый вице-президент банка.

Они тепло пожали друг другу руки.

– Меня зовут Синиор Тарногол. Очень рад с вами познакомиться. Как досадно, что такой красивый молодой человек пребывает в расстроенных чувствах. Могу я что-нибудь для вас сделать?

Макер вздохнул:

– Ну если вы можете заставить женщину, которую я люблю, ответить мне взаимностью, то да. Ее зовут Анастасия, и я бы отдал все, чтобы мы были вместе.

Тут до Льва дошло, что Макеру даже невдомек, что он является счастливым избранником. Он ведь так и не получил ее любовного письма. Анастасия хочет прожить с ним всю жизнь, а он об этом и не подозревает. А поскольку она сбежала из бального зала после их поцелуя, он, видимо, считает, что его отвергли.

Он понял, что ему представляется прекрасный случай разыграть Макара. И, не особенно задумываясь о последствиях, Лев в облике Тарно гола участливо сказал:

– Я могу помочь вам завоевать эту Анастасию.

– Как? – простонал Макер, явно готовый на все.

– Но это вам дорого будет стоить, – предупредил Тарногол. – Не знаю, хватит ли у вас средств.

Макер невозмутимо помахал перед ним конвертом, который держал в руке.

– Знаете, что это? Это акции Эвезнер-банка! Понимаете, о каких суммах идет речь, даже если брать только ежегодные дивиденды? Так что не волнуйтесь, у меня хватит средств, чтобы оплатить ваши услуги. Сколько вы хотите?

– Вы согласны заключить сделку с дьяволом? – спросил Тарногол.

Слово “дьявол” напугало Макара, но он не подал виду.

– Я согласен на все! – твердо заявил он.

И Тарногол с ходу предложил:

– Ваши акции в обмен на Анастасию.

Наступило молчание. Макера, кажется, одолевали сомнения, но он тут же встрепенулся и уверенно сказал:

– По рукам. Если вам удастся влюбить в меня Анастасию, вы получите мои акции. Мне плевать на деньги! Мне нужна только ее любовь.

•

Пятнадцать лет спустя Лев испытал облегчение, получив возможность раскрыть секрет, который хранил все эти годы.

– Мне нечего было терять, – объяснил он Жан-Бенедикту. – Сначала я думал, что просто сыграю с ним злую шутку, но потом понял, что неожиданно провернул грандиозную комбинацию. Только представьте, я мог заполучить пост вице-президента банка, оставив с носом Макера, который, как я полагал, отбил у меня Анастасию. “Если все пойдет по плану, – рассуждал я, – я стану в довольно юном возрасте сказочно богат”. В тот вечер я был убежден, что обдурил Макера. На самом деле я обдурил самого себя.

•

Пятнадцать лет назад

Макер в сопровождении Тарногола зашел в свой номер.

– Прошу вас, – сказал он, указывая ему на кресло, и сел за маленький столик. Он открыл ящик, достал бумагу и ручку и составил договор по всем правилам искусства. В нем было всего несколько строк, удостоверявших передачу его доли Синиору Тарноголу.

– Этот договор имеет силу? – забеспокоился Тарногол. – Я опасуюсь подвоха.

– Не волнуйтесь, – успокоил его Макер. – Я изучал право в университете и знаю, что делаю. Это абсолютно законное соглашение.

Он положил документ в сейф вместе с акциями.

– Если благодаря вам я и впрямь заслужу любовь Анастасии, вы заберете подписанный контракт и акции.

– Где гарантии, что вы выполните свои обязательства? – спросил

Тарногол.

– Я человек слова. Можете мне доверять.

Такую удачу нельзя было упускать. Если все получится, это будет сделка века! Лев сунул руку в карман и, дотронувшись кончиками пальцев до кольца, сказал:

– Встретимся через пятнадцать минут перед лифтами четвертого этажа.

Через четверть часа Макер стоял на четвертом этаже, неподалеку от номера Анастасии.

Внезапно открылась служебная дверь, и перед ним возник Тарногол.

– Вы сущий дьявол! – вздрогнул Макер.

– Следуйте за мной, – приказал тот, уводя Макара в коридор, известный только сотрудникам отеля.

Вдали от посторонних глаз Тарногол достал из кармана кольцо и вложил его в ладонь Макару. Лев не сразу решился с ним расстаться, но сказал себе, что, если его хитрость не сработает, он найдет способ вернуть кольцо. А если сработает, у него будет на что покупать самые крупные бриллианты хоть каждый день.

– Подарите это кольцо Анастасии, – велел он Макару. – Сделайте ей предложение. Она его примет.

Макер кинулся в номер Анастасии. Он на мгновение застыл перед ее дверью, не решаясь постучать.

Анастасия, одна, без сил рухнув в постель, отчаянно рыдала. Ее предал Лев, предпочтя ей Петру, ее отвергла мать, которая видеть ее не хочет, – все ее бросили. Когда закончится Большой уикенд, ей даже негде будет жить. Непонятно вообще, что ее ждет. Она уже подумывала, не выброситься ли из окна, чтобы разом со всем покончить.

В дверь постучали. Она с трудом встала и пошла открывать. Опустившись на колени, Макер протягивал ей кольцо с сапфиром.

– Анастасия фон Лахт, согласны ли вы выйти за меня? – спросил он.

Она почти не колебалась. И ответ ее был продиктован не велением сердца, а страхом остаться в одиночестве и, главное, потребностью в доброте, непреодолимым желанием быть любимой. Она достаточно настрадалась за эти годы, пока мать таскала ее с места на место в поисках выгодной партии, и, потерпев неудачу сначала с Клаусом, а теперь со Львом, она хотела, чтобы ее холили и лелеяли.

– Да! – воскликнула она, поднимая Макара и принося к нему. – Да!

В нескольких шагах оттуда, прячась за выступом коридора, на них

смотрел Тарногол. Под его маской плакал Лев.

•

Спустя пятнадцать лет в номере 623 “Паласа Вербье” Анастасия наконец все поняла.

– Кольцо, которое мне подарил Макер, – сказала она Льву, – ты предназначал для меня?

– Да. Оно принадлежало моей матери.

Она в отчаянии прикрыла рот руками.

– Я только что вернула его Макеру...

– Не страшно.

Анастасия расплакалась. Жан-Бенедикт был ошеломлен тем, что услышал.

– Макер сдержал обещание, – продолжал Лев. – В тот же вечер он отдал мне договор и акции. Через месяц Тарногол уже делал первые шаги в качестве члена совета банка, а Льва Левовича ничего не подозревавший Абель Эвезнер произвел в банкиры. Надо сказать, что Тарногол часто, скажем так, отлучался, а я пропадал на встречах с клиентами, будь то в Женеве, в переговорных банка или за границей. Мне было несложно лавировать между нашими графиками. Мы практически не пересекались. Выплаченные дивиденды пошли на завершение образа Тарногола – подмазав сотрудника Ведомства по вопросам населения, я получил для Тарногола на основании фальшивого паспорта одной из бывших советских республик, который в свое время сделал отец, настоящий вид на жительство, и он поселился в Женеве, в доме 10 по улице Сен-Леже. Пока что я взял особняк в аренду, но позже наверняка купил бы его. Это была чистая обманка, я обставил только переднюю, парадную лестницу и гостиные второго этажа, выходившие на улицу. Остальные комнаты пустовали, там никто никогда не жил.

Жан-Бенедикт встал и прошелся по комнате:

– Это сногсшибательно, Лев! Ты гений! Настоящий гений! Невероятно, как ты нас провел! Еще на той неделе ты напугал бедного Макера, собираясь избрать президентом Льва Левовича. Блестящий ход! Избрав тебя президентом, Тарногол преспокойно ушел бы из совета, и никто ничего не узнал бы. А ты стал бы первым не-Эвезнером, возглавившим Эвезнер-банк.

– А вот и нет, – возразил Лев. – Я пытался загнать Макера в угол,

чтобы он согласился на обратный обмен – президентство на Анастасию. Я наконец вновь обрел ее после пятнадцати лет безвременья. Я хотел, чтобы Макер от нас отстал. Если бы она просто бросила его, он устроил бы ей скандал, угрожал бы самоубийством и все бы нам испортил.

Жан-Бенедикт внимательно посмотрел на Льва:

– Макер чуть не убил тебя.

– Я знаю.

Жан-Бенедикт рассмеялся:

– Безумная история. Но главное, у меня теперь есть акции Тарногола, которые Макер любезно мне уступил. Что до тебя – Лев или Тарногол, как я должен к тебе обращаться? – ты подал мне заявление об уходе. Я счастлив, что ты собираешься избавить нас от своего присутствия. Макер тоже уйдет из банка, назначив меня президентом, и передаст мне акции Абея. После смерти отца мне достанется весь акционерский капитал! Я стану самым влиятельным банкиром Швейцарии! Значит, вот как мы поступим: завтра ты в последний раз сыграешь Тарногола. Мы созовем пресс-конференцию с участием Тарногола, Макара, моего отца и вашего покорного слуги. Мы сообщим, что Макер избран президентом, но он немедленно уйдет в отставку и передаст мне свои акции, а ты вслед за ним объявишь, что тоже увольняешься. Если журналисты будут задавать вопросы, ты что-нибудь придумаешь. Потом я тебя отпущу на все четыре стороны и надеюсь, мы больше никогда не увидимся. Я оставлю тебя в покое, живи в свое удовольствие с Анастасией, ведь ты же этого добиваешься.

– Я согласен, – сказал Лев. – Больше я ни о чем и не прошу.

Жан-Бенедикт вернулся к себе.

– И что теперь? – шепнула Анастасия Льву, когда они остались одни.

– Теперь мы должны уехать и никогда сюда не возвращаться. Не волнуйся, у меня все готово.

В три часа утра, незадолго до прибытия первых служащих “Паласа”, две тени вышли из номера 624, который занимал Лев.

Они беззвучно скользнули на лестницу, и их шаги утонули в густом ворсе ковров. Они спустились на первый этаж и прошли по служебному коридору к запасному выходу. Лев толкнул дверь: на улице шел сильный снег, и в здание ворвался поток ледяного воздуха. На заснеженной подъездной дорожке их дожидался закоченевший Альфред. За его спиной стоял с включенным двигателем большой черный автомобиль. Лев, придерживая дверь, хотел пропустить Анастасию вперед, но она сказала вдруг:

- Жди меня здесь, я должна подняться на минутку.
- Что?
- Мне необходимо кое-что сделать. Это важно!
- Анастасия, нет... Надо ехать, пока нас не засекали.
- Лев, умоляю! Это важно!

Он вздохнул:

- Тогда поторопись!

Она бросилась внутрь. Лев отпустил дверь, оставшись снаружи с Альфредом. Тут никто не мог их заметить.

Ждали они долго. Их волосы засыпало снегом, и они дрожали от холода, втянув головы в воротники пальто.

Наконец появилась Анастасия. Лев придержал дверь, чтобы не захлопнулась.

- Куда ты подевалась? – раздраженно спросил он.

Быстро взглянув на него, она ответила:

- Я не могла поступить иначе.

– Поехали! – рискнул подать голос Альфред, распахнув заднюю дверцу машины. – Нам пора.

Анастасия села в машину, но, обернувшись, поняла, что Лев так и не двинулся с места, стоя у открытой двери запасного выхода.

- Альфред, – сказал он, – вы знаете, что надо делать.

Водитель кивнул.

- Ты что, не поедешь со мной? – с тревогой спросила Анастасия.

- Я немного задержусь.

– Нет, – взмолилась она, – не вздумай даже, у тебя будут ужасные неприятности!

– Я не могу допустить, чтобы банк оказался во власти Жан-Бенедикта Хансена! Это мой долг по отношению к Абелю Эвезнеру.

Не обращая внимания на ее мольбы, он вернулся в “Палас”, захлопнув за собой дверь. Машина тронулась, увозя Анастасию, и вскоре в ночной тиши пропал “Палас”, а следом и Вербье. Они спустились с гор в Сьон и въехали прямо на взлетную полосу местного аэропорта. Их ждал частный самолет, готовый к взлету.

Еще через несколько мгновений самолет с Анастасией на борту взял курс на Корфу.

Глава 60

Санкт-Петербург

Сагамор приехал из Женевы в Вербье. Для начала он припарковался у отделения муниципальной полиции.

– Вы гоняетесь за призраком, – заявил ему начальник, пухлый мужичок с копной седых волос, напоминавших, что ему недолго осталось до пенсии.

– Почему? – спросил Сагамор.

– Сол Левович умер много лет назад.

– Я понимаю. Мне любопытно, каким он был. Вы сказали мне по телефону, что знали его.

– В нашей деревне, лейтенант, все друг друга знают. Сол Левович был милым и симпатичным человеком и пользовался всеобщим уважением. Но он давно умер. Зачем он вам понадобился?

– Я пытаюсь выяснить, имеет ли он какое-то отношение к убийству Жан-Бенедикта Хансена.

Начальник муниципальной полиции озадаченно взглянул на Сагамора.

– К убийству в “Паласе Вербье”? – спросил он.

– Да. В ходе следствия всплыло кольцо, принадлежавшее, судя по всему, Солу Левовичу.

– Солу Левовичу? Но он умер лет десять назад, не меньше.

– Четырнадцать, – поправил его Сагамор.

– Вам же известно, что его сын, какая-то шишка в Эвезнер-банке, находился в отеле в ночь убийства?

– Известно, – кивнул Сагамор. – Именно по этой причине я и приехал.

Сагамор был уверен, что кольцо, найденное в кабинете Левовича, как-то связано с этим делом.

Кристина так не считала. Накануне они долго спорили.

– В ящике письменного стола Льва Левовича нашли кольцо, принадлежавшее его отцу, это никакая не улика против него, – возражала она.

– Оно было завернуто в носовой платок Тарногола. Тарногол, как утверждает Макер Эвезнер, носил это кольцо на цепочке в виде кулона.

– А что, если Макер лжет? – спросила Кристина.

Сагамор заметил, что тем более им следует докопаться до истины. Либо Макер говорит правду, и тогда Левович замешан в преступлении,

либо он врет, и тогда подозрение падает на него самого.

Понимая, что шеф местной полиции вряд ли может быть ему полезен, Сагамор сказал, что пойдет в “Палас” допросить директора.

– Я с вами, – воскликнул шеф, обрадовавшись возможности поучаствовать хотя бы косвенно в расследовании убийства и отвлечься немного от борьбы с нарушителями правил парковки.

Месье Роз распорядился принести в его кабинет кофе для полицейских.

– Сол Левович? – переспросил он. – Я хорошо его знал. Очень ценный сотрудник. Я познакомился с ним в Базеле, когда он работал в баре отеля “Труа Руа”. Я предложил ему перейти вместе с сыном на службу в “Палас”, и они поселились в Вербье. Лев, до того как перешел в банк, тоже служил у меня. Весьма способный юноша.

– Какую должность занимал Сол Левович? – спросил Сагамор.

– Он проверял качество сервиса, – пояснил Роз. – Сол, если угодно, был моими глазами. В этом ему не было равных. Ничто от него не ускользало.

– Если я не ошибаюсь, он когда-то был актером?

– Не ошибаетесь. Сол долго пытался сделать карьеру на этом поприще, но безуспешно. Поэтому он отказался от творческих планов ради, скажем так, более стабильного заработка.

– Я связался с бывшим коллегой Сола Левовича, они общались в “Труа Руа”. Левович, по его словам, признался, что его наняли в “Палас Вербье”, чтобы он, применив на практике свои актерские таланты, придумывал разных персонажей и, изображая подставных клиентов, докладывал дирекции о проступках и небрежности персонала.

Месье Роз подавил смешок:

– Ну у вас и фантазии, лейтенант! Я владелец отеля, а не цирка.

Сагамор решил не упорствовать.

– А что за человек был Сол Левович?

Месье Роз нахмурился, явно не улавливая смысл этого вопроса.

– Он был дружелюбным, трудолюбивым и честным. Я не совсем понимаю, к чему вы клоните, лейтенант.

Сагамор показал Розу кольцо:

– Вы узнаете его?

– Нет. А должен?

– Это кольцо принадлежало Солу Левовичу.

– Где вы его нашли?

– Не важно.

Ответ его прозвучал довольно резко, и Роз понял, что тут что-то не так. Однако он не стал ничего выяснять.

– Я могу чем-нибудь еще быть вам полезен?

– Пока ничем. Вот моя визитная карточка, если что-нибудь вспомните, позвоните мне.

– Что вспомню? – спросил тот, слегка растерявшись.

– Что-нибудь о Соле Левовиче.

Сагамор и начальник местной полиции вышли из “Паласа”. Из окна своего кабинета Эдмон Роз смотрел, как они садятся в машину. Итак, то знаменитое кольцо снова всплыло на поверхность, подумал он. Из-за этого кольца Лев и Сол разругались в пух и прах и только испортили себе то недолгое время, что им еще оставалось провести вместе.

•

Пятнадцать лет назад

В конце января месяе Роз и Сол Левович сидели в отдельном зальчике ресторана “Альпина”. Вдруг дверь открылась, и вошел Тарногол. Он захлопнул ее за собой для конспирации, расстегнул рубашку, подцепил краешки силиконового лица и, скатав его, превратился в Льва.

Роз и Сол рассмеялись. Лев сел к ним за столик, и Роз налил ему шампанского.

– Что празднуем? – спросил он. – Ты сказал, у тебя прекрасные новости.

– Победу! – объявил Лев. – В среду Синиор Тарногол впервые заседал в совете банка.

Они похлопали ему. Сол буквально лопался от гордости.

– Ученик превзошел учителя! – воскликнул он.

– Никто ни о чем не догадался? – спросил Роз.

– Никто. Видели бы вы, как бесился Абель Эвезнер. Он заявил, что нанял адвокатов и будет оспаривать передачу акций.

– Будь осторожен, как бы чего не вышло! – предостерег его Сол.

– Не волнуйтесь! – успокоил их Лев. – Я просто хотел проверить, как далеко смогу зайти. Мне удалось поучаствовать в заседании совета, но шутка затянулась. Я все обдумал, я верну акции Макеру. Или перепродам задорого. Потом Тарногол исчезнет навсегда.

Его собеседники кивнули, обрадовавшись, что Лев решил положить

конец этому розыгрышу, пока его не разоблачили.

– Но все-таки я поражаюсь, – сказал Сол, восхищенно глядя на сына, – что тебе удалось выцыганить у Макера акции! Уму непостижимо. Это ли не доказательство, что ты великий актер! Как, черт возьми, у тебя это получилось? Расскажи.

– Я обменял их на кольцо, – признался Лев.

– Какое кольцо? – спросил Сол, внезапно нахмурившись.

– Мамино.

Сол побледнел:

– На кольцо твоей матери? Ты отдал мамино кольцо Макеру Эвезнеру?

– Ты всегда говорил мне, что это не настоящий сапфир и оно гроша ломаного не стоит.

– Оно дорого как воспоминание, банкир несчастный! – взорвался Сол. – В кого ты превратился! Ему цены нет, а ты просто материалист, помешанный на деньгах!

– Нет, ну папа! Ты же сам этого хотел?

Воцарилась мертвая тишина. Сол трясся от ярости. В припадке гнева он так ударил кулаками по столу, что опрокинул бокал.

– Чего я хотел, черт побери? Чтобы ты продал единственную реликвию, оставшуюся тебе от матери?

– Нет, чтобы я стал актером! Я взял на себя твою роль и даже раскрутил ее. Разве я не достиг высочайшего мастерства в этом амплуа? Воплотил идею в жизнь, так сказать!

– Ты сделал это ради денег! – негодовал Сол. – Чтобы захватить власть в банке!

– Да нет же! Чтобы доказать тебе, что мы династия, что я тоже актер.

– Замолчи! – крикнул Сол. – Слышать ничего не хочу. Сын, которого я воспитал, никогда бы так не поступил! Уходи, Лев. Ступай в свой банк! Считаю денежки! Живи презренной жизнью банкира!

•

Пока лейтенант ездил в Вербье, Кристина, взяв в банке отгул, отправилась в “Отель де Берг”.

С тех пор как в деле возникло кольцо, Сагамор, судя по всему, склонялся к мысли, что преступник – Левович.

Подойдя к администратору, она одарила его самой своей обольстительной улыбкой, предпочитая не показывать полицейское

удостоверение, чтобы не засветиться.

– Здравствуйте, месье, я секретарь Льва Левовича, он долгое время занимал люкс в вашем отеле.

Администратор кивнул, давая понять, что знает, о ком речь.

– Чем я могу вам помочь, мадам?

– Меня интересует номер, который месье Левович недавно освободил. Похоже, он забрал не все свои вещи.

– Чего не хватает?

– Папок. С разными бумагами. Скорее всего, они валяются в каком-нибудь ящике. Вы не возражаете, если я зайду проверю? Месье Левович был бы очень вам признателен.

– Это невозможно. Его номер сейчас занят. Но я спрошу у коллег. Если горничные что-то и нашли, то наверняка отложили для него. Даже странно, что мы сразу все не отослали лично месье Левовичу.

Администратор позвонил, чтобы задать вопрос старшей горничной. Кристина чертыхнулась про себя. После краткого разговора он объявил:

– В номере месье Левовича после его отъезда ничего найдено не было. Все его вещи забрали перевозчики.

О, перевозчики, подумала Кристина. Это зацепка.

– Большое спасибо, – сказала она. – Я немедленно с ними свяжусь. У вас, случайно, не сохранилось название компании? У меня вся информация в офисе, но мне не хочется туда возвращаться и терять драгоценное время.

– Спросите консьержа. Он этим занимался.

Кристина ждала в баре отеля, пока консьерж искал в компьютере свою переписку с фирмой перевозчиков. Вскоре он подошел и положил перед ней лист бумаги:

– Я вам все записал.

Кристина поблагодарила его и тут же взяла мобильник, чтобы позвонить им.

Помощница управляющего сообщила ей все имеющиеся у нее сведения. Кристина набрала тогда номер Сагамора:

– Филипп, ты где?

– Возвращаюсь из Вербье. Скоро сверну в Мартиньи.

– Так вот, держись крепче за руль! У меня хорошие новости.

Два часа спустя машина Сагамора остановилась у большого складского помещения в промышленной зоне Каружа. Сюда по указанию клиента свезли все его личные вещи из “Отеля де Берг”.

Взглянув на полицейские жетоны Сагамора и Кристины, начальник

склада отвел их в бокс, арендованный Левовичем.

В тусклом свете лампочки, свисавшей с потолка, громоздились оставленные им вещи.

– Это же мебель, – сразу заметила Кристина. – А в транспортной фирме уверяют, что перевезли из отеля только ящики.

Сагамор посветил фонариком – тут были свалены без разбору столы, лампы, ковры, а главное, синие бархатные диваны.

– Эти предметы соответствуют описанию гостиной в особняке Тарногола, составленному со слов Макера Эвезнера, – сказал Сагамор.

В углу он разглядел старые афиши в рамках с анонсами спектаклей Сола Левовича. Рядом с ними, на столике эпохи Людовика XVI, лежал большой альбом в кожаном переплете. Пролистав пожелтевшие от времени страницы, он обнаружил множество эскизов разных персонажей, которым были предпосланы подробные аннотации. Вскоре он наткнулся на образ Синиора Тарногола.

– Кажется, я кое-что нашел, – сказал он Кристине.

– Я тоже, – отозвалась она. – Посвети здесь, пожалуйста!

Сагамор подошел к Кристине и направил луч фонаря на картину, водруженную на два стула. Они сразу догадались, что это.

– Знаменитый вид Санкт-Петербурга, о котором рассказывал Макер! – ахнула Кристина.

Они поняли, что шли по ложному пути. И что на самом деле в роли Тарногола долгие годы выступал Лев Левович.

Глава 61

В Женеве (4/5)

Сагамор прервал свой рассказ и выпил воды.

– Значит, Лев Левович все это время изображал Тарногола? – спросила Скарлетт.

– Да. Интуиция не обманула Кристину. Он умело замел следы. В итоге я выяснил, что к чему. Но тогда, в течение нескольких недель, его невозможно было найти. Обнаружив этот склад, я попытался до него добраться, но ничего не вышло. Левович не давался нам в руки, скользкий как угорь. Он словно сквозь землю провалился. В афинском офисе, который проверила местная полиция, он больше не появлялся. Его тамошняя городская квартира была давно продана. Отследить его передвижения не удалось, в списках авиакомпаний он не значился, поскольку путешествовал, скорее всего, под вымышленным именем. В Женеве мы установили слежку за банком, да и Кристина была начеку. Все напрасно. В итоге я понял, что последним Левовича видел Магер Эвезнер.

Глава 62

Осложнени(е/я)

В Женеве Сагамор допрашивал Макера у него в кабинете в Эвезнер-банке.

– Как я уже говорил вам, Лев уволился месяц назад.

– Как образом он объявил вам об этом? – спросил полицейский.

– Сказал, что решил уйти, – ответил Макер, не поняв вопроса. – Он продолжал у нас работать еще какое-то время, чтобы пойти мне навстречу, но с него достаточно.

– Я хотел спросить, о своем уходе Левович объявил вам лично?

– Да.

– Он приезжал в Женеву? – удивился Сагамор.

– Ну разумеется. Почему вы спрашиваете?

– Когда это было?

– Я же сказал, приблизительно месяц назад. Я не помню точной даты.

– Он пришел прямо в банк?

– Нет, мы встретились в городе.

– Где именно?

– В ресторане, в парке О-Вив, после обеда. Выпили кофе на террасе.

Макер почувствовал, как у него забило сердце, но он изо всех сил пытался сохранить спокойствие. Не мог же он признаться полицейскому, что на самом деле произошло в тот день и каким образом Левович заставил его молчать.

•

Месяц назад

Макер вышел от доктора Казана после очередного сеанса.

У подъезда его окликнул мужчина в костюме.

– Здравствуйте, месье Эвезнер. – Макер внимательно на него посмотрел. Ему потребовалось несколько минут, чтобы узнать его.

– Вы водитель Левовича...

– Да, – кивнул Альфред. – Месье Левович хотел бы с вами поговорить.

Альфред указал на стоящий за его спиной автомобиль и открыл перед Макером заднюю дверцу. Внутри никого не было.

– А где Левович? – спросил Макер.

– Он ждет вас в другом месте.

Макер разозлился:

– Что за бандитские приемчики? Да пошел он куда подальше, ваш Левович! Пусть позвонит моему секретарю и договорится о встрече! Я президент Эвезнер-банка как-никак!

Альфред невозмутимо протянул Макеру карточку с тисненым именем Сিনিора Тарногола. Под ним было написано:

“Момент истины”.

– Что это значит? – пробормотал Макер.

– Садитесь, месье Эвезнер, – любезно предложил Альфред.

Макер неохотно подчинился.

Миновав центр города, они поехали по набережной Гюстава Адора в сторону парка О-Вив. Въехав в ворота парка, Альфред притормозил у ресторана. Дневная смена закончилась, стоянка пустовала. Вокруг не было ни души, только чуть поодаль на скамейке виднелся знакомый силуэт. Это был Си-ниор Тарногол.

Ошеломленный Макер вышел из машины и приблизился к нему. Тарногол снял силиконовое лицо, и перед ним предстал Лев.

– Так это ты! – поразился Макер. – Тарногол – это ты?

Лев кивнул.

– А полиция убеждена, что это был Жан-Бенедикт... Я... я не знаю, как тебе это удалось, но...

– Ну и отлично, – прервал его Лев. – Зато все довольны. Ты стал президентом, как и мечтал, а я наконец смог положить конец этой афере.

– Ты убил Жан-Бена?

– Я собирался задать тебе тот же вопрос.

Они долго смотрели друг на друга, не произнося ни слова. Наконец Лев сказал:

– Я увольняюсь из банка. Собственно, я пришел с тобой попрощаться.

– Прощаться? – взревел Макер. – Ты шутишь, я надеюсь? Тебе это так с рук не сойдет! Я знаю, что ты живешь с Анастасией!

Лев, казалось, смутился:

– Откуда ты знаешь?

– Не важно, – победно воскликнул Макер, – в моей колоде тоже найдется пара козырей!

– Послушай, я просто хотел тебе сообщить, что ухожу из банка. Я все уладил. Своих клиентов я передал сотрудникам афинского офиса. Я уезжаю насовсем. И не ищи меня.

Макер усмехнулся:

– Ты думаешь, я вот так, за здорово живешь, позволю тебе смыться?
Тем более с моей женой?

– Мы заключили договор, Макер. Анастасия в обмен на президентство.
Ты стал президентом.

– Я заключил договор с Тарноголом, – напомнил Макер.

– Тарногол – это я.

– Нет, ты всего-навсего Лев Левович!

Лев пожал плечами, как будто все это не слишком его занимало. Он встал, чтобы пойти к машине, но Макер удержал его:

– Мне известно, что вы живете на Корфу. На вилле у берега моря.

– Ну так заезжай в гости, раз уж ты знаешь адрес, – ответил Лев, не растерявшись.

– Вас навестит полиция, – пригрозил Макер. – И арестует тебя.

– Ты будешь молчать. Ради Анастасии.

– Ради Анастасии?

– В ночь убийства я помог ей сбежать из “Паласа”. Когда мы вышли на улицу, она вдруг решила вернуться в отель. Сказала, что “должна туда подняться”, как будто собиралась на шестой этаж. Я ждал ее у машины, но она долго не появлялась.

– По-твоему, Анастасия...

– Я ничего не знаю. Но давай не будем вмешивать полицию.

Макер, пораженный его рассказом, признался в свою очередь:

– Утром после убийства Жан-Бена я обнаружил у себя в номере записку, просунутую под дверь, на ней было всего несколько строк, написанных ее рукой, что-то вроде:

Макер,

Я уезжаю навсегда.

Я не вернусь. Не пытайся меня искать.

Прости меня.

Всю жизнь я буду мучиться из-за того, что совершила.

Анастасия

•

В разговоре с Сагамором Макер ограничился описанием их встречи со

Львом в ресторане парка О-Вив, где тот вручил ему заявление об уходе.

– У Льва что, проблемы? – спросил Макер.

– У меня ордер на арест Льва Левовича, – без улыбки сообщил Сагамор. – Если вы будете с ним говорить или встречаться, вы обязаны сразу же поставить меня в известность.

В то же время в оживленном центре Старого города Корфу, где царило вечное веселье, Анастасия сидела на террасе своей любимой кофейни. Она приходила сюда раз в неделю, ближе к полудню. Она заказывала на обед салат из помидоров, огурцов и феты, а затем греческий кофе.

Она наблюдала за прохожими, снующими по маленькой площади, утопающей в цветах. Она могла сидеть так до вечера, провожая взглядом скользящие мимо силуэты местных жителей, которые постоянно куда-то торопились, и неизменных туристов, совершающих очередной марш-бросок. Чаще всего она засматривалась на влюбленные парочки. За ними она следила с особым вниманием. Парочки гуляли, целовались, ссорились. Жили полной жизнью, одним словом.

Последние несколько недель ее не покидало неприятное ощущение, что они со Львом словно в формалине законсервировались. Она не помнила, когда точно возникло это чувство, но ловила себя на том, что воображает, как они уезжают с Корфу. Хотя Анастасия любила этот дом, любила этот остров, ей здесь очень нравилось, и она бы с удовольствием приезжала сюда в отпуск. Она, несомненно, была счастлива, но прошло уже почти полгода, теперь она и мысли не допускала, что можно остаться тут на всю жизнь. Чем они будут заниматься? Впервые она испытывала что-то похожее на скуку.

Эти полгода они старались потрясающе выглядеть с утра до вечера, вели завидную жизнь, вне времени и пространства, эти полгода Лев и целая армия прислуги, исполнявшая их малейшее желание, играли слаженно, словно оркестр, без единой фальшивой ноты. Полгода сплошного блаженства. Но и блаженство, подумала Анастасия, рано или поздно приедается.

Полгода им на завтрак подавали икру. Иногда она представляла, с легким оттенком ностальгии, как Макер, вперившись в газету, время от времени зачитывает ей вслух отрывки из статей, сопровождая их неизменным “Нет, ну сама посуди, солнышко”, и жует тост с вареньем, как всегда перепачкав пальцы. Полгода беззвучного балета вышколенных слуг. Иногда она скучала по Арме и ее веселой дерзости. Интересно, как они там. Интересно, что там вообще происходит, в Колоньи.

Она любила готовить, но тут к ним приходили повариха и кондитерша, не подпуская ее к плите. В Колоньи она немного занималась хозяйством, часто помогала Арме. На Корфу Лев этому воспротивился. “Ну зачем тебе возиться, – говорил он, – у нас столько помощников”.

Иногда она мечтала о каком-нибудь общем деле. Например, они могли бы открыть вдвоем таверну, она бы взяла на себя кухню, а он бы обслуживал клиентов. “У Льва & Анастасии”. Из них получился бы чудный тандем. Она поделилась с ним своей идеей, но Лев не воспринял ее всерьез. Он был слишком одержим сотворением для нее того, что считал раем. Но в раю с течением времени становилось нестерпимо скучно. Да ведь и Ева схавала это яблоко, чтобы наконец смыться оттуда под благовидным предлогом!

Так что раз в неделю, когда Лев отправлялся на службу в Афины, она садилась на велосипед и ехала в город. Альфред всякий раз вызывался подвезти ее, но она ничего не хотела слышать. В одиночестве она чувствовала себя свободной. Пройдясь по старым улочкам, она садилась в своей кофейне и любовалась юными парами, гадая, на чьем месте она хотела бы оказаться.

В тот день, сидя за столиком на террасе, Анастасия вынула из сумки бумагу и ручку и дописала письмо, начатое еще утром. Это желание возникло у нее спонтанно, и она решила не противиться ему. Закончив свое послание, она несколько раз перечитала его, сложила листок, сунула в конверт и пошла на почту.

– Куда письмо? – спросил ее почтовый служащий.

– В Женеву, Швейцария, – ответила она.

Глава 63

Переписка

Прошла неделя. В тот день Макер вернулся из банка довольно рано, но в плохом настроении – вечером ему еще предстоял светский коктейль, а никакого желания туда идти у него не было.

Войдя в дом, он наткнулся на Арму, полировавшую лестничные перила.

– Здравствуйте, мисье! – Она взглянула на него с обожанием.

Макер окинул ее долгим взглядом:

– Скажите, Арма, вы свободны сегодня вечером?

– Да, мисье! Хотите, чтобы я осталась подольше?

– Нет, я хочу, чтобы вы пошли со мной на коктейль.

– На коктейль? – смущенно переспросила Арма. – Куда?

– В Музей искусства и истории. На вечеринку для крупных меценатов, к которым относится и наш банк. Столы накроют во внутреннем дворе, будет очень красиво.

– Ух ты, – разволновалась Арма, – прямо шик-блеск.

– Да, есть такое дело, – согласился Макер.

– Но мне нечего надеть! Тут нужна одежда люкс!

– Пойдите порыйтесь в шкафу у Анастасии.

– Опять у меда мед брать?

– Да, *опять у меда мед брать. Мед больше нет, мед никогда не вернется.*

Помолчав, Арма спросила:

– Скажите, мисье, могу я переодеться в большой ванной? Там всякая косметика, а я...

– Пользуйтесь спальней и ванной комнатой сколько угодно. Мне все это ни к чему.

Арма не заставила себя долго упрашивать. Она бросилась наверх и приступила к осмотру огромного гардероба Анастасии. Она перевернула все платья, ощупывая изысканные ткани, восхитилась туфлями из змеиной кожи. В итоге ее выбор пал на костюм, который показался ей ужасно нарядным, но без перебора. Размер подошел. Ну ведь здорово же!

– Теперь мыться, – постановила она, решив надраить себя до блеска по такому случаю.

Она заперлась в ванной и зарылась лицом в пушистые халаты, которые

она так часто стирала, каждый раз поражаясь, какие они уютные. Потом понюхала по очереди ароматические соли и целый строй флаконов с маслами для тела. Она наполнила ванну и долго наслаждалась, сидя в ней под высокой шапкой пены и умащая себя всеми кремами и лосьонами, которые попадались под руку.

Когда пора уже было отправляться на коктейль, она наконец показалась Макеру, который аж присвистнул.

– Арма, – сказал он, – вы...

– Ужасны, – подсказала она.

– Бесподобны, – поправил он.

Она улыбнулась. И похорошела еще больше.

Во внутреннем дворе Музея искусства и истории они затерялись в шумной толпе гостей. Вокруг фонтана горели свечи.

– Это фантазмически! – выдохнула Арма. – Никогда такой красоты не видела.

Макер взял Арму под руку, и всем тут же захотелось узнать, кто же спутница президента Эвезнер-банка.

В тот вечер, впервые за долгое время, Макер не только не чувствовал себя одиноким, он даже развеселился, хотя обычно на таких вечеринках всегда все очень чопорно и тоскливо. Арма, начав с шампанского, вскоре совершенно расслабилась и жадно набросилась на еду, потрясенная разнообразием вкусов, оформления и сервировки. Она отважно перебивала Макера и, не обращая внимания на его собеседников, запихивала ему прямо в рот свою последнюю находку (“Ну-ка попробуйте это, мисье!”).

Она его рассмешила. Она осветила ему ночной мрак. Настолько, что, когда коктейль закончился, ему захотелось продлить праздник, и он повел ее пешком по мощеным улицам Старого города. Они нашли открытый бар, сели у стойки и заказали выпить. Макер не помнил, чтобы он когда-нибудь проводил так время с Анастасией. Около полуночи Арма объявила Макеру:

– Мисье...

– Хватит называть меня “мисье”. Какой я вам мисье.

Она с любопытством взглянула на него:

– Тогда кто вы?

– Я Макер.

– А! И как мне вас называть?

– Макер.

Она начала свою фразу заново:

– Макер...

– Да?

– По-моему, я перебрала.

На обратном пути она заснула в машине. Остановившись у ее дома на улице Моншуази, Макер затащил Арму в лифт, потом, отыскав ключ от квартиры в ее сумочке, донес ее до кровати и уложил. Проснувшись на следующее утро, она увидела Макаера, который спал на стуле в крайне неудобной позе.

– Макер? – тихо позвала она.

Он открыл один глаз. Она нежно посмотрела на него и протянула руку, чтобы его потрогать.

– Вы просидели со мной всю ночь? – спросила она.

– Да.

– Это было румантично?

– Нет, это было совсем не “румантично”. Я боялся, что вы задохнетесь в собственной блевотине.

Они расхохотались. Макер подумал, что уже сто лет так не смеялся. Поддавшись неожиданному порыву, он склонился над Армой и поцеловал ее.

В тот же день на Корфу.

На почте служащий в окошечке сказал Анастасии, что для нее есть письмо. Макер ответил ей до востребования, как она и просила. Она вернулась в кофейню. Сев за столик, она сделала заказ и вскрыла конверт.

Анастасия,

как я счастлив, что ты мне написала!

Все эти месяцы я постоянно спрашиваю себя, куда же ты могла подеваться. И все ли у тебя хорошо.

Все эти месяцы я задавал себе тысячи вопросов.

Почему от тебя так долго не было вестей? Зачем тебе понадобилось приезжать в Вербье на Большой уикенд, проникать тайком в мой номер, оставлять мне любовное послание, чтобы потом облить меня презрением?

Надеюсь, мы когда-нибудь еще увидимся. И обсудим все это.

Я ждал тебя, но теперь уже не жду.

Правда, один вопрос не дает мне покоя, и я хочу задать тебе его в этом письме: Анастасия, это ты убила Жан-Бена?

Надеюсь, ты мне ответишь.

Я даже не знаю, на Корфу ли ты еще. Может, теперь,

*когда Лев ушел из банка, ты уехала куда-то в другое место.
С нежностью,*

Макер

Она подняла глаза. Лев больше не служит в банке? Куда же он ездит каждую неделю под предлогом работы в Афинах?

В тот же момент в Женеве.

Лев понимал, что играет с огнем. Если полиция его арестует, ему конец. Он пребывал в задумчивости. Он недоумевал, как мог дойти до такого. И снова и снова вспоминал о том, что произошло в декабре, четырнадцать лет назад.

•

Декабрь, четырнадцать лет назад

Приближался Большой уикенд.

Прошел почти год с тех пор, как Лев потерял Анастасию, заполучив акции Макаера.

Прошел почти год с тех пор, как Лев начал жить двойной жизнью, будучи самим собой и одновременно Синиором Гарногом, членом совета банка.

Прошел почти год с тех пор, как они с отцом практически перестали разговаривать друг с другом. Сол слабел на глазах, работать уже не мог и получал паллиативное лечение в клинике Мартиньи.

Лев был чудовищно одинок. Он приезжал в банк первым и уходил последним. Его персонаж отнимал у него все время и силы. Но он приближался к цели: через месяц он купит на дивиденды дом у парка Байрона, тот самый дом с изумительным видом, о котором мечтала Анастасия. Он же обещал подарить ей его. И у него вот-вот это получится.

Этот дом изменит его жизнь. Он перевезет туда отца и устроит его со всеми удобствами. Он скажет ему: “Смотри, папа, я приобрел его благодаря своим актерским талантам”. А потом этот дом поможет ему вернуть Анастасию. Этот дом – их надежда.

Она собиралась выйти замуж за Макаера в феврале. Лев не сомневался, что она скажет ему “нет”. Она поймет свою ошибку и разорвет помолвку. Иначе и быть не может. Он не сомневался, что они будут вместе, она и он.

Они же поклялись друг другу.
Пока смерть не разлучит их.

•

Четырнадцать лет спустя у Льва по-прежнему щемило сердце, когда он думал о том времени. Они с Анастасией наконец воссоединились, но как долго должны они еще прожить вместе, чтобы стерлись прошлые страдания? А тут еще расследование дела об убийстве Жан-Бенедикта приняло неожиданный оборот.

В тот день по звонку из “Паласа Вербье” туда спешно прибыл начальник муниципальной полиции. Садовник, приводивший в порядок клумбы, заметил в земле какой-то предмет. Вокруг небольшого цветника столпились сотрудники отеля.

– Ничего не трогайте! – приказал, подбегая к ним, толстяк полицейский.

Садовник ткнул пальцем в свою находку, и шеф полиции присел, чтобы рассмотреть ее поближе.

– Черт возьми, не может быть! – пробормотал он.

Он схватил рацию и попросил немедленно прислать следователей из уголовной полиции.

Глава 64

В Женеве (5/5)

– Нас известили коллеги из полиции Вале, – сказал Сагамор, вспоминая, как все происходило. – Я сразу же поехал в Вербье. Мне хотелось увидеть это собственными глазами.

– Что нашел садовник? – не выдержала Скарлетт.

– Маленький золотой пистолет, на рукоятке которого было выгравировано “Анастасия”.

– Анастасия – в смысле Анастасия Эвезнер?

– Конечно. Как вы понимаете, это не могло быть простым совпадением! Мы немедленно отправили оружие в лабораторию в Женеву. По степени коррозии они определили, что пистолет пролежал несколько месяцев на открытом воздухе, под воздействием снега и прочих природных факторов, и это, к сожалению, воспрепятствовало проведению полноценной баллистической экспертизы. Но пистолет был калибра девять миллиметров.

– Как и орудие убийства, – сказал я.

– Как и орудие убийства, – подтвердил Сагамор.

– И что вы сделали? – спросила Скарлетт.

– Я принялся искать Анастасию. Но ее как ветром сдуло.

– А раньше ее исчезновение не казалось вам подозрительным?

Прежде чем ответить, Сагамор порылся в бумагах, выудил из стопки отчет о краже со взломом, и протянул его нам.

– Нет, я не удивился, что она пропала, потому что в день ограбления у Эвезнеров я нашел записку, в которой Анастасия объявляла мужу, что уходит от него. Этот факт подтвердила и их домработница, некая Арма, уверявшая меня, что у ее хозяйки интрижка на стороне и что она планирует сбежать с любовником. Мне показалось, что это звучит довольно убедительно.

– Вы узнали, с кем у нее был роман? – спросил я.

– В то время нет. Честно говоря, я особенно и не допытывался, потому что не видел никакой связи с делом. Но потом я выяснил, что это был Лев Левович. Какое совпадение, не правда ли? Два человека, которых я разыскивал повсюду, жили вместе. Но поскольку тогда я об этом даже не догадывался, пришлось допросить с пристрастием подозреваемого номер один.

– Макера Эвезнера, – сказала Скарлетт.

– Именно.

Глава 65

Женщина с золотым пистолетом

Сидя в комнате для допросов в Управлении уголовной полиции Женевы, Макер с тревогой смотрел на лейтенанта Сагамора. Тот положил перед ним золотой пистолет в пластиковом пакете. Макер тут же узнал его.

– Судя по выражению вашего лица, – сказал Сагамор, – это оружие вам знакомо.

Пораженный Макер кивнул в знак согласия:

– Этот пистолет принадлежит моей жене Анастасии. Где вы его нашли?

– В саду “Паласа Вербье”. В непосредственной близости от запасного выхода. Похоже, пистолет пролежал там не один месяц.

– Это орудие убийства?

– Это мы сейчас и пытаемся определить. Месье Эвезнер, почему у вашей жены было огнестрельное оружие?

– Я подарил ей этот пистолет. После того как в Колоньи произошло несколько краж со взломом. Ей было страшно, она хотела иметь возможность защищаться, особенно когда я уезжал в командировки и она оставалась дома одна.

– Он не зарегистрирован, – заметил Сагамор.

– Обычная история, если сделка заключается между частными лицами, – ответил Макер. – Законом это не запрещено. Я купил его на оружейной ярмарке в Цюрихе.

– Когда?

– Пару лет назад.

Сагамор пристально смотрел на человека, сидящего перед ним. От его молчания Макеру стало не по себе.

– Месье Эвезнер, – сказал наконец лейтенант, – у вас есть какие-то предположения, каким образом пистолет вашей жены мог оказаться в Вербье?

– Ни малейших. Я поражен так же, как и вы.

– Да ладно, согласитесь, все просто: ваша жена владеет незадекларированным оружием. Вы берете его с собой в Вербье накануне выборов. На всякий пожарный.

– Да вы что, лейтенант, – оскорбился Макер, – что за грязные намеки!

– Тогда найдите объяснение лучше!

- У меня его нет. Я не понимаю, как этот пистолет попал в Вербье.
- Ваша жена приезжала на корпоративный уикенд? – спросил Сагамор.
- Моя жена? Нет, а что?

Сагамор не ответил.

- Месье Эвезнер, где ваша жена?

Макер и бровью не повел.

– Понятия не имею, – солгал он. – Как вам известно, она меня бросила, и с декабря я не получал от нее никаких известий.

Сагамор понимал, что ничего не добьется от Макаера. Собственно, он вызвал его не столько для того, чтобы выбить из него признание, сколько чтобы посмотреть, как он поведет себя в ближайшие часы. Если Макер Эвезнер причастен к убийству, это скоро станет очевидно.

Отпустив Макаера, Сагамор немедленно позвонил Кристине:

– Макер вышел. Я приставил к нему нескольких человек, и еще один агент дежурит около его дома. А ты с него в банке глаз не спускай.

– Поняла. Есть новости по баллистике?

– Калибр девять миллиметров, что совпадает с калибром орудия убийства, но из-за коррозии ствола невозможно установить, из этого ли пистолета произвели выстрелы.

– Черт! Какие версии?

– Я думаю, убийца – либо Макер Эвезнер, либо Анастасия.

– Какой мотив мог быть у Анастасии Эвезнер?

– Ну, уверенности у меня нет, но все же это ее пистолет, и она пропала сразу после убийства. Это наводит на некоторые размышления. Я вызвал к себе мать и сестру Анастасии. Надеюсь, они мне помогут.

Сагамор повесил трубку и посмотрел на белую доску на стене, куда он прикрепил фотографию Анастасии. Пистолет обнаружили возле одного из запасных выходов. Судя по плану отеля, он находится рядом с лестницей, и если убийца спустился пешком с шестого этажа, то им и воспользовался. Дверь открывается прямо на узкую дорожку, по которой можно незаметно сбежать из “Паласа”. Сагамор считал, что убийца ушел именно таким путем. Не исключено, что он случайно обронил оружие на бегу. Или сам выбросил в сугроб, чтобы поскорее избавиться от него, будучи уверен, что пистолет найдут не раньше, чем растает снег, а к тому времени он будет уже далеко.

Лейтенант снова уставился на фотографию Анастасии. Она ли убила Жан-Бенедикта Хансена?

Ольга фон Лахт заверила Сагамора, что представления не имеет, где ее дочь.

– В любом случае я сожалею, что она ушла от мужа, – сказала Ольга. – Это никуда не годится.

– Анастасия предупредила вас о своем отъезде?

– Нет, – солгала Ольга.

– Так откуда вы знаете, что она ушла от мужа? – спросил Сагамор.

– Как откуда, мне сообщил об этом ее муж, Макер.

Ольга не поняла, зачем он это спросил. Но Сагамор задал этот вопрос не просто так – он предполагал, что Макер мог избавиться от жены. Вдруг она стала нежелательным свидетелем преступления? Но лейтенант отверг эту версию после разговора с Ириной, сестрой Анастасии.

Она сказала, что Анастасия всегда была маменькиной дочкой.

– Мама вечно ее покрывала и защищала! Только о ней и думала!

– Вы, случайно, не знаете, где может находиться ваша сестра?

– Ума не приложу, наверное, нежится со своим банкиром где-нибудь в южных краях.

– Со своим банкиром? Каким банкиром?

– Львом Левовичем. У них же был роман. Как-то за обедом Анастасия показала его подарок – золотой браслет – и призналась, что собирается с ним уехать. Я уверена, что они сейчас вместе. Я Макеру Эвезнеру так и сказала.

– Правда?

– Я написала ему анонимное письмо в самом начале весны. Мы с ним пару раз пересеклись, и он мне показался таким печальным, таким влюбленным, что я решила – он имеет право знать.

•

В тот же день на Корфу Анастасия купалась в Ионическом море. Лев влюбленно наблюдал за ней, сидя на террасе с газетой и чашкой кофе. Она тоже смотрела на него и наконец рассмеялась.

– Долго мы будем так пялиться друг на друга? – воскликнула она. – Надень плавки и иди ко мне!

– Ага, – сказал он. – Дочитаю и приду.

В то же мгновение в Колоньи Макер вбежал в дом.

– Так рано? – удивилась Арма, когда он вихрем пронесся мимо нее.

Макер не удостоил ее ответом. Он направился прямо в будуар и заперся там. Плохи его дела. Против Анастасии накапливаются серьезные улики. Она присутствовала в “Паласе” в тот уикенд, когда произошло убийство, и там нашли ее пистолет. Макер постоянно думал о том, что сообщил ему Лев в парке О-Вив: они с Анастасией вышли через запасной выход, но она внезапно вернулась. То есть поднялась, убила Жан-Бенедикта, оставила записку, покинула отель тем же путем, избавилась от пистолета и скрылась.

Макер отпер сейф, вытащил оттуда записку, просунутую ему под дверь наутро после убийства, и письма Анастасии с Корфу. Он бросил все это в металлическую корзину для мусора и поджег. Надо скорее все уничтожить. Макер с грустью смотрел на пламя. Он так сильно ее любил. Она была главной любовью его жизни. Ему невыносимо было думать, что ей грозят неприятности. Надо срочно ее предупредить. Но сам он не справится.

Макер взял с полки музыкальную шкатулку и завел ее. Дождавшись, когда из нее вылезет номер телефона, он запомнил его и выбежал из комнаты.

– Что происходит? – спросила Арма, когда он проскочил к выходу.

Макер ушел, ничего не объясняя. Сев за руль, он резко рванул с места, вырулил на шоссе Рют и помчался в центр Колоньи.

Полицейские, дежурившие у дома, немедленно двинулись за ним.

Сагамор получил их отчет, сидя в своем офисе.

– Лейтенант, Макер Эвезнер вернулся домой, пробыл там десять минут и только что укатил. Он явно торопится.

– Он пытается сбежать! – заявил Сагамор. – Проследите за ним незаметно, надо понять, куда он так стремится! Я еду к вам.

Лейтенант поспешно покинул свой кабинет и, перепрыгивая через ступеньки, спустился на подземную стоянку. Сев в машину, он водрузил на крышу мигалку и понесся по городу, включив сирену на полную мощь.

Но Макер уехал недалеко. Он припарковался возле центральной площади Колоньи и быстрым шагом пересек лужайку небольшого сквера, направляясь к телефонной будке.

Сагамор шел по улице Конфедерации, когда ему доложили о ситуации.

– В телефонной будке? – удивился он. – Срочно найдите кого-нибудь, кто сможет отследить его звонок. Нам необходимо знать, с кем он говорит.

– Вагнер, – сказал Макер своему собеседнику, – мне нужна ваша помощь, у Анастасии проблемы.

– Что такое?

– Полиция обнаружила ее пистолет возле “Паласа Вербье”.

– То есть? – изумился Вагнер. – Каким образом?

– Это длинная история. Все улики против нее. Мало того что она находилась в “Паласе” в день убийства, там еще нашли ее оружие, и она оставила мне записку, которая очень похожа на признание. Но я знаю, что она не виновата.

– Почему вы так в этом уверены?

– Она сама сказала. В смысле, прислала мне письмо с Корфу. Мы переписываемся с ней с недавнего времени, я отвечаю ей до востребования.

– Анастасия вам пишет?

– Да, что думает обо мне и надеется, что я прощу ей то, что она совершила.

– А что она совершила? Вы имеете в виду, что она *убила Жан-Бенедикта Хансена*?

– Нет, я прямо задал ей этот вопрос. Анастасия клянется, что она тут ни при чем.

– Я посмотрю, что можно сделать, – сказал Вагнер. – Я с вами свяжусь попозже.

– Он повесил трубку, – отрапортовал Сагамору инспектор, наблюдавший за этой сценой. – Мы пытаемся отследить звонок, но на это уйдет время.

Лейтенант ехал на предельной скорости по набережной Гюстава Адора.

– Задержите его, – приказал он.

В Колоньи, выскочив из засады, полицейские бросились к Макеру, выходящему из будки. Вагнер надолго задумался, сидя с телефоном в руке. Он даже не заметил, что у него за спиной стоит человек, который слышал весь разговор.

Это был Альфред.

– Что вы творите, месье Левович? Вы обещали мне, что с этим покончено.

Лев опустил голову. Он откашлялся и сказал уже своим обычным голосом:

– Я не могу поступить иначе, Альфред.

– Ну как же так, вы все испортите! Вы играете с огнем и рано или поздно обожжетесь!

– Вы не понимаете, Альфред. Я не могу остановиться...

Четырнадцать лет назад

В середине февраля, в день, когда договор купли-продажи на дом у парка Байрона был подписан, Магер и Анастасия сочетались браком в мэрии Коллонж-Бельрива.

Лев, завершив все дела с нотариусом, наблюдал из машины, как они выходят. Вид у них был счастливый.

Значит, она сказала “да”. Вот теперь все и правда кончено. Ему не суждено быть с ней рядом. Он никогда не станет ее мужем.

Лев, убитый горем, подъехал к огромному особняку, который отныне принадлежал ему. Комнаты в нем пустовали. За исключением одной спальни, где одиноко стоял маленький столик с телефоном. Он снял трубку, решив позвонить единственному близкому человеку, который остался у него в этой жизни, – своему отцу.

В центре паллиативной помощи Мартины Льву ответила медсестра, и голос у нее был строгий:

– Месье Левович, мы утром пытались связаться с вами. Вашему отцу стало хуже. Приезжайте немедленно!

Лев вскочил в машину и ринулся в Мартины, не обращая внимания на ограничения скорости. В палате отца уже сидел месье Роз. По его лицу катились слезы, и Лев понял, что Сол доживает последние мгновения. Он подошел к кровати и поцеловал его в щеку, прощаясь.

– Извини меня за мамино кольцо, – сказал Лев. – Я очень сожалею, что отдал его.

– Не жалею ни о чем, Лев, – с трудом выговорил Сол. – Я так горжусь тобой. Ты довел до совершенства образ Тарногола. Ты сделал то, на что способны немногие актеры – вдохнул жизнь в своего персонажа.

– Мы – Левовичи, – прошептал Лев. – Великая династия актеров.

– Великая династия актеров, – улыбнулся отец.

Сол прижимал к груди большой альбом с описанием всех его персонажей. Собрав остатки сил, он протянул его Льву:

– Доиграй их за меня, сын мой.

– Я обещаю тебе.

– Пусть живут вечно. Так и я навеки поселюсь в тебе.

Сол снова улыбнулся и, успокоившись, уснул навсегда.

В ту ночь, вернувшись в Женеву, Лев облил бензином из канистры

первый этаж своего нового дома и поджег. Потом, не дожидаясь пожарных, уехал в “Отель де Берг”.

– Я хотел бы снять самый большой люкс, – сказал он администратору.

– На одну ночь?

– Навсегда.

Глава 66

Ссора

Анастасия, замотавшись в полотенце, поднялась от пляжа к дому. Она недоумевала, почему Лев так и не пришел плавать. Она видела, как он уходил с террасы, наверное, чтобы переодеться, но так и не появился.

Войдя в дом, она с удивлением обнаружила, что там никого нет. Ни Льва, ни Альфреда, ни прислуги. Как будто все разом испарились. Все это было очень странно. Она крикнула в пустоту, но не получила ответа.

Тогда она поднялась в спальню и застала там Льва, сидящего на кровати. Она сразу почувствовала, что дело плохо.

– Лев, что с тобой? Почему ты не пришел на пляж?

Не говоря ни слова, он уставился на нее чуть ли не злобным взглядом. Она встревожилась:

– Что такое? Почему ты так на меня смотришь?

Он помахал перед ней письмами Макера, которые нашел в шкафу, в глубине ящика с одеждой:

– Значит, ты с ним переписываешься?

– Ты теперь роешься в моих вещах?

Он повысил голос:

– Ты все еще любишь его, да?

– Что? Да нет же!

– Так зачем же тебе понадобилось писать ему?

– Просто захотелось дать о себе знать.

– Дать о себе знать? Вот это да! С какой радости?

– Мы дружим пятнадцать лет, – сказала она.

– Он твой муж!

– Он всегда относился ко мне с уважением и нежностью, и я переживаю, что вот так бросила его.

– Ах, мадам переживает!

– Лев, не говори со мной таким презрительным тоном! Дело не в моих переживаниях, меня мучает совесть, что я причинила боль человеку, который был так добр ко мне.

– Знаешь, Анастасия, это странно, ведь прошло уже почти полгода, а ты даже не заикнулась о разводе.

– Не потому ли, что за эти полгода тебе не пришла в голову мысль позвать меня замуж! Я уже пятнадцать лет только этого и жду! Что мы

вообще делаем на Корфу? Сидим взаперти, разыгрывая с утра до вечера неземную любовь. У нас нет никаких общих планов на жизнь!

– Мы планируем любить друг друга.

– Любовь – это не план! Что мы можем построить вместе?

– А что вы построили с Макером? – отбрил ее Лев.

– Я давно ушла от Макера, к твоему сведению! Твоя проблема в том, что ты вечно сомневаешься в себе! Ты единственный человек, который тобой не восхищается!

Наступило молчание.

– Анастасия, ты убила Жан-Бенедикта Хансена?

– Я... что? – оскорбилась она. – Разумеется, нет! Что за бред!

– Полиция нашла пистолет на территории “Паласа”. На нем выгравировано твое имя!

– Мой золотой пистолет?

– Как твой пистолет оказался в Вербье?

– Я положила его в сумку, уезжая из Женевы. Не хотелось оставлять его дома. Я обнаружила пропажу уже на Корфу.

– То есть он улетучился как по волшебству? – ухмыльнулся Лев.

– Он улетучился в твоём номере в “Паласе”, если уж на то пошло. Моя сумка все время находилась у тебя. Может, его стащил Синиор Тарногол? Ой, я совсем забыла, Тарногол – это же ты!

– Ты намекаешь, что я убил Жан-Бенедикта?

– По-моему, это ты меня обвиняешь в убийстве. И тебе еще хватает наглости меня в чем-то упрекать! Когда ты собирался мне сказать, что уволился из банка?

– Кто тебе об этом сообщил? Макер?

– С каких пор у нас появились секреты друг от друга? Ты увольняешься и ни слова мне не говоришь? И куда ты едешь раз в неделю под предлогом работы в афинском филиале?

– Я работаю на себя, на нас.

– То есть?

– Управляю активами, занимаюсь инвестициями. Нашими инвестициями, я хочу сказать. Я все это делаю ради нас, чтобы мы могли спокойно жить на этом острове.

Они долго смотрели друг на друга. Анастасия погрузилась.

– У меня ощущение, что я на этом острове задыхаюсь, – призналась она. – Мне кажется, мы тут пропадем.

Она вышла из комнаты.

В Управлении уголовной полиции Сагамор жестко допрашивал Макера. Из кабины он набрал анонимный предоплаченный номер мобильного. Выяснить, кому он принадлежал, оказалось невозможно.

– Кому вы звонили? – повторил Сагамор. – Анастасии? Вы пытаетесь прикрыть ее?

– Да нет, уверяю вас! Я не знаю, где она.

– Тогда кому? Кто это был? Предупреждаю, Макер, я предъявлю вам обвинение в убийстве Жан-Бенедикта Хансена!

– Я его не убивал! Зачем бы я это сделал?

– Чтобы стать президентом Эвезнер-банка. Совет директоров выбрал Левовича. А смерть Жан-Бенедикта чудесным образом изменила ситуацию в вашу пользу.

– Я не убивал своего кузена, – твердо сказал Макер.

– Ну так признайтесь, кому вы звонили.

Макеру ничего не оставалось, как сказать правду:

– Я звонил человеку по имени Вагнер, агенту швейцарских спецслужб. Я был очень встревожен, когда вы обнаружили пистолет возле “Паласа”, и хотел помочь Анастасии, вот я и подумал, что Вагнер может мне быть полезен.

– Почему вы хотели помочь Анастасии?

– Потому что она была в Вербье в день убийства, – объяснил загнанный в угол Макер.

– Ваша жена была в “Паласе” в ночь убийства?

– Да.

Сагамор сел напротив Макера.

– Теперь вам придется сказать мне, кто такой этот Вагнер.

Макер был на пределе. У него не выдерживали нервы. Ночью он никак не мог заснуть, а когда наконец вырубился, выпив снотворное, ему снились кошмары. Пришло время облегчить свою совесть.

– Из-за меня погибли люди! – крикнул он.

– Так это вы убили Жан-Бенедикта Хансена?

– Нет! Конечно нет! Я, сам того не подозревая, оказался косвенно причастен к убийству супружеской пары пенсионеров в Мадриде.

Сагамор совсем запутался. Вернувшись через некоторое время в комнату для допросов, он бросил на Макера разочарованный взгляд:

- Можете идти.
- Seriously? – поразился Макер, вставая.
- Я разговаривал по телефону с супружеской парой пенсионеров, которых вы зверски убили. Они прекрасно себя чувствуют. И кстати, передают вам привет.

Макер был явно удивлен не меньше Сагамора, что лишь подтверждало правдивость его слов. Но что все это значит? Никто из его коллег в Федеральной полиции и спецслужбах слыхом не слыхивал о Р-30. И уж тем более об операциях по надзору за налоговыми органами иностранных государств. Он убедился лишь в том, что Макер вольно или невольно очутился в самом центре этой истории. Сагамор решил установить за ним негласное наблюдение в надежде, что тот выведет его на след. Так оно и случилось, притом в ближайший же вторник.

В тот день, около полудня, Макер ушел из банка пешком. Инспектор из группы Сагамора сопровождал его на расстоянии. По улице Корратри они двинулись к площади Нёв, пересекли насквозь парк Бастионов, и на площади Клапареда Макер наконец зашел в какой-то дом. Он поднялся на четвертый этаж и скрылся за дверью одной из квартир.

Несколько минут спустя Сагамор, оповещенный коллегами, уже стоял перед этой дверью. Это оказался кабинет психоаналитика. Он прочел на табличке его имя.

Лейтенант не сразу установил связь.

Потом внезапно его осенило.

Он был совершенно ошарашен.

Он наконец все понял.

Глава 67 “Ле Дом”

В тот вторник, 3 июля 2018 года, во второй половине дня мы со Скарлетт вернулись в Вербье. Наш разговор с Сагамором многое прояснил. В “Паласе” Скарлетт попросила администратора распечатать все материалы следствия, которые мы успели сфотографировать в кабинете лейтенанта, и мы сели в баре, чтобы повнимательнее изучить их.

– Вот за этой стойкой из черного мрамора я впервые увидел вас десять дней назад.

Она улыбнулась:

– И посмотрите, до чего мы дошли – по уши увязли в уголовном расследовании. Может, упомянете меня в своем романе?

– Не знаю, издам ли я когда-нибудь эту книгу.

– То есть как, писатель, вы просто обязаны ее издать! Я уверена, что мы вот-вот распушаем это дело.

– И выясним то, что не заметила полиция?

– Мы с вами отличные сыщики. Ваш роман будет нарасхват! Только представьте: писатель самостоятельно раскрывает преступление в роскошном отеле в Швейцарских Альпах.

– У меня больше нет издателя, как вы помните.

– Найдете, – отмахнулась Скарлетт.

– Вряд ли. После Бернара любой издатель мне покажется слишком пресным.

– Так что вы намерены делать? Сменить профессию?

– Не знаю.

Мы помолчали. Потом я встал, собираясь уходить.

– Поужинаем вместе, писатель? – предложила Скарлетт. – А до того предлагаю тут выпить, я угощаю. Скажем, в восемь? Потом пойдем в ресторан. Я мечтаю о пасте.

– Очень мило с вашей стороны, но, увы, мне надо работать.

В ее взгляде смешались грусть и разочарование.

– Всегда вы так, писатель, я предлагаю составить вам компанию, а вы меня отвергаете.

– И вы знаете, по какой причине...

– Знаю. Но мне бы хотелось, чтобы все складывалось как-то иначе.

– Если бы все складывалось иначе, я не был бы писателем.

– Ну, иногда мне хочется, чтобы вы не были писателем.

– Если бы я не был писателем, мы бы сейчас не сидели тут вместе.

Я поднялся к себе и вышел покурить на балкон.

Я думал о Бернаре.

Предпоследний раз я видел его в середине декабря в Париже. В понедельник мы пошли обедать в “Ле Дом” и, как всегда, заказали сен-пьера с бокалом вина. Разговор шел о планах на будущее.

Помню, я сказал Бернару:

– У меня есть несколько идей. В любом случае в следующей книге я напишу о вас.

Он засмеялся:

– Тогда мне придется жить еще очень долго.

Потом мы сели в его старенький “мерседес”, и он отвез меня на Лионский вокзал.

Назавтра после этого прекрасного дня ему стало дурно. В кафе “Мениль”, прямо у подъезда издательства. Там, где каждое утро он макал тосты в кофе.

Ему вызвали “скорую”, и его немедленно отвезли в больницу.

Глава 68

Шах и мат

Корфу, солнечное утро в середине июня. Анастасия и Лев завтракали у себя на террасе. Внезапно к ним с пляжа поднялась группа греческих полицейских в форме. Впереди шел человек в штатском. Анастасия и Лев встревоженно переглянулись. Полицейские остановились, а мужчина в штатском поднялся по ступенькам, ведущим к дому. Анастасия узнала его.

– Лейтенант Сагамор... – сказала она.

– Доброе утро, мадам Эвезнер, доброе утро, месье Левович.

По взгляду лейтенанта Лев понял, что он пришел за ним.

– Как вы меня нашли? – спросил он.

– Во вторник я вел вас от самой Женевы. От площади Клапареда до VIP-терминала аэропорта.

– Ты во вторник был в Женеве? – поразились Анастасия. – Ты же сказал, что летал в Лондон. Что ты делал в Женеве?

Лев не ответил. Сагамор продолжал:

– С начала года, месье Левович, вы каждый вторник летаете в Женеву. На частном самолете. Я отследил все ваши передвижения.

– Я записываюсь на прием к доктору Казану, – сказал наконец Лев.

– Ты ходишь к Казану? – удивилась Анастасия. – Почему ты никогда не говорил мне об этом?

– Месье Левович, вы не записываетесь на прием к доктору Казану, – оборвал его Сагамор. – Вы и есть доктор Казан.

Левович с высокомерным изумлением отреагировал на обвинения Сагамора. Тем не менее он заявил, что сам очень встревожен происходящим и готов всячески содействовать следствию. Он распорядился подать кофе Сагамору и греческим полицейским на пляже.

– Ведь это вы порекомендовали доктора Казана Макеру Эвезнеру, – сказал Сагамор.

– Разумеется, – подтвердил Лев, – он отличный психотерапевт.

– А где вы сами с ним познакомились?

– На вечеринке в “Паласе Вербье”. Много лет назад. Поразительный человек. Он согласился принять меня, несмотря на то что уже не брал новых пациентов.

– Назовите имена других пациентов, – потребовал Сагамор.

– Откуда мне знать? Доктор Казан хранит врачебную тайну.

– Хватит заливать, месье Левович, доктора Казана никогда не существовало!

– Не понимаю, на что вы намекаете. Его кабинет находится по адресу площадь Клапареда, дом два.

Сагамор положил на стол папку и открыл ее. Вынув оттуда три листа бумаги, лейтенант показал их Льву и Анастасии. Это были фотокопии.

– Вот страницы из альбома вашего отца, Сола Левовича. Мы нашли его на мебельном складе, арендованном на ваше имя.

На каждом листе был портрет персонажа с описанием.

На первом – Сিনিор Тарногол.

На втором – доктор Казан.

На третьем – Вагнер.

Увидев эти рисунки, Анастасия вздрогнула, что не ускользнуло от Сагамора. Лев никак на них не отреагировал.

– Да, это действительно эскизы моего отца. Он был искусным рисовальщиком и любил наблюдать за людьми.

– Объясните-ка мне, – сказал Сагамор, – кто такой Сিনিор Тарногол?

– Член совета Эвезнер-банка, – непринужденно ответил Лев. – И давний клиент “Паласа”, как вам наверняка известно.

– Не морочьте мне голову! – разозлился лейтенант. – Тарногол – персонаж, придуманный вашим отцом, актером Солом Левовичем! Это же относится к Казану и Вагнеру!

– С месье Вагнером я не знаком, – сказал Лев. – Тут написано, что он сотрудник спецслужб. Ничего удивительного. В свое время в “Паласе” останавливались богатые предприниматели из разных стран, и отель поэтому буквально кишел шпионами. Все эти люди были, судя по всему, клиентами отеля. Почему бы вам не спросить их напрямую?

– Потому что они все загадочным образом испарились, – отрезал Сагамор. – Одновременно с вами.

– Лейтенант, – с завидной безучастностью заметил Лев, – боюсь, вы на ложном пути.

Анастасия, обомлев, смотрела в одну точку. Она все поняла. Но не произнесла ни слова, чтобы не навредить ему. Впрочем, ее смертельная бледность говорила сама за себя.

– Мадам Эвезнер, – переключился на нее Сагамор, – мы нашли на месте преступления принадлежащее вам оружие.

Анастасия промолчала. Она очень испугалась.

– Я знаю, что вы были в “Паласе Вербье” в тот вечер, когда произошло убийство. Вам придется дать объяснения.

Она чувствовала, что вот-вот сломается. Ее нервы были на пределе. Она заплакала. Сагамор встал, сделал знак полицейским, и они поднялись на террасу.

– Анастасия Эвезнер и Лев Левович, вы арестованы по подозрению в убийстве Жан-Бенедикта Хансена, – произнес Сагамор.

Полицейские обступили Льва и Анастасию, надели на них наручники и увели.

Лев тоже был в ужасе, но не подавал виду. По лицу Анастасии текли слезы.

Все было кончено.

Врата греческого рая захлопнулись за ними.

Часть четвертая
Через три года после убийства
Сентябрь

Глава 69 Падение

В Женеве наступила осень.

В супермаркете в центре города Анастасия раскладывала на прилавках фрукты. К ней вскоре присоединилась ее сестра Ирина. Они обе работали в одном магазине. Ирина ее сюда устроила.

– Помоги мне, – дружелюбно сказала Ирина, – в кассах не хватает людей.

Анастасия пошла за сестрой. Ирина была очень добра к ней. После тех ужасных событий Анастасия некоторое время жила у нее, пока не сняла себе небольшую квартирку в квартале Сервет. Мало-помалу она начала привыкать к новой жизни.

Конец Корфу три года назад стал концом всему. Тогда она ушла от Льва. И развелась с Макером. Это оказалось на удивление просто: она от всего отказалась и вообще не претендовала на содержание. Ей хотелось только поскорее расторгнуть брак и подвести черту под последними пятнадцатью годами своей жизни.

Ей было ужасно одиноко. Ирина часто говорила ей: “Ты скоро кого-нибудь найдешь, не волнуйся”. Но искать *кого-нибудь* она не собиралась. Ей нужен был только он, он один. Тот прежний Лев, мечтательный юный портье из “Паласа Вербье”. Ей не нужен был ни Левович-банкир, ни доктор Казан, ни Вагнер, ни Синиор Тарногол.

•

Три года назад.

Середина июня

Сразу после ареста Льва и Анастасию увезли с Корфу в Женеву. Но предъявить им обвинение не удалось. Лев, способный дать фору самым блестящим адвокатам, методично разбил его по всем пунктам.

Никаких конкретных доказательств, чтобы инкриминировать им убийство Жан-Бенедикта, не нашлось. Да, они находились в “Паласе Вербье” той ночью, как, впрочем, и многие другие. Пистолет Анастасии нашли на месте преступления? Она утверждала, что потеряла его, да и в любом случае он так проржавел, что криминалисты не могли с уверенностью утверждать, что это и было орудие убийства.

– Я, как и вы, очень хотел бы понять, что произошло тогда в номере 622 “Паласа Вербье”, – заявил Лев лейтенанту.

– Прекратите издеваться надо мной, Левович! Жан-Бенедикт Хансен узнал, что Тарногол – это вы, не так ли?

– Что я – Тарногол? – оскорбился Лев. – Вы с завидным постоянством несете этот вздор с тех пор, как вторглись к нам на остров. Что значит “Тарногол – это вы”? Вы – это вы, а я – это я.

– Хватит паясничать! Нам все известно!

– У вас нет никаких доказательств.

– Мы нашли ваше кольцо.

– Да, вы нашли принадлежащее мне кольцо, оно досталось мне от матери и лежало в ящике моего стола в банке. Не вижу в этом ничего из ряда вон выходящего.

– Свидетель утверждает, что видел это кольцо у Тарногола.

– Ваш свидетель ошибается. Одного свидетеля, кстати, маловато. Кто знает, возможно, это заведомо ложные показания.

– В арендуемом вами складском помещении обнаружена мебель, принадлежащая Синиору Тарноголу. Грузчики транспортной компании опознали эти предметы.

– Я сдал свое хранилище Тарноголу.

– Тарногол – это вы! – упорствовал Сагамор. – Это персонаж, придуманный Солом Левовичем. Равно как и Вагнер, и доктор Казан. Их описания фигурируют в альбоме вашего отца.

– Я вам в сотый раз повторяю. Все они клиенты “Паласа”. Потрудитесь проверить файлы бронирования, и вы убедитесь, что я говорю правду. Мой отец часто набрасывал портреты постояльцев отеля. Надо сказать, я потрясен, что у Казанане было даже врачебного диплома. Надеюсь, вы поймаете этого шарлатана.

– Вы усугубляете свое положение, Левович!

– Напротив, я весьма сожалею о нашем незаконном аресте, который будет иметь ужасные последствия лично для вас, лейтенант.

Анастасия отвечала на вопросы Сагамора так же самоуверенно.

– Зачем я появилась в “Паласе” в ночь убийства? Мы со Львом решили сбежать. Мне казалось, что будет подло с моей стороны бросить мужа, отделавшись жалкой запиской, которую я оставила на кровати в нашей спальне. Я приехала к нему в Вербье, чтобы лично сообщить ему об этом.

Сагамору пришлось признать, что утверждения Анастасии соответствовали заявлениям, сделанным ранее Макером Эвезнером.

– Согласитесь, странно все же сбежать посреди ночи? – заметил

Сагамор.

– После разговора с Макером мне не хотелось больше ни на минуту задерживаться в “Паласе”. Ради чего? Чтобы он устроил скандал и умолял меня остаться? Шантажировал самоубийством? Я мечтала уехать как можно скорее.

– Почему Левович не уехал с вами в ту ночь?

– Он считал, что ему лучше дождаться завершения корпоративного уикенда. Ведь результат выборов так и не был объявлен из-за массового отравления. Кроме всего прочего, он хотел уйти из банка красиво, а не убегать, как преступник. Допросы быстро зашли в тупик, и Сагамору ничего не оставалось, как отпустить их обоих. Анастасия и Лев вместе вышли из Управления уголовной полиции Женевы на бульваре Карла Фохта. Сделали несколько шагов по улице. Оказавшись на безопасном расстоянии, Анастасия зло взглянула на Льва:

– Кто ты? Лев Левович? Доктор Казан? Синиор Тарногол? Вагнер? Вот бы узнать, с кем я разговариваю. Я понимаю, что ты солгал полиции, Лев. Но твои штучки рано или поздно не сработают! Я хочу понять, зачем тебе это надо было.

Лев посерьезнел.

– Поначалу я не рассчитывал так долго играть Тарногола, – сказал он. – Но в день смерти отца я подумал, что пусть его персонаж еще поживет. Пока жив Тарногол, рассуждал я, жив и отец в каком-то смысле. Постепенно я увлекся. В обличье Тарногола я дурил всех в нашем банке и получал от этого какое-то пьянящее удовольствие. Заседания совета неизменно вызывали у меня прилив адреналина. А затем Абель Эвезнер разозлился на Макера из-за того, что тот учудил, но, должен признаться, меня это не слишком расстроило.

– Тебе этого показалось мало, и ты включил доктора Казана!

– Макер искал психиатра. Я сообразил, что смогу воплотить в жизнь еще одного персонажа, придуманного отцом, – доктора Казана, берлинского врача и психоаналитика. У меня было при этом огромное преимущество – благодаря акциям Тарногола я мог жить на широкую ногу. В общем, я снял на чужое имя квартиру на площади Клапареда и оборудовал там медицинский кабинет. Повесил на дверь табличку, поставил телефон. Кому бы пришло в голову меня проверять?

Анастасия была поражена.

– А Вагнер? – спросила она. – Что за история со спецслужбами? Это все ты?

Лев кивнул. Упираться не имело смысла.

– Я все выдумал от начала до конца. Вагнера, Р- 30 и их якобы спецзадания. В Мадриде не было никакого двойного убийства. Этот несчастный айтишник отлично себя чувствует. За небольшую плату они с женой позволили мне инсценировать их убийство и сфотографировать трупы в луже искусственной крови. Я им что-то там наплел.

– Но зачем тебе все это понадобилось? – спросила Анастасия.

– Мне нравилось распоряжаться жизнью Макера, который отнял у меня самое дорогое – тебя. Так я проник во все его тайны, спасибо доктору Казану. Что касается Вагнера, то он посылал Макера в командировки подальше от Женевы, чтобы хотя бы ненадолго вас разлучить. После того как мы с тобой наконец встретились на похоронах Абея, я готов был покончить с этим маскарадом. Вагнер объяснил Макеру, что, вступив в должность президента, он вынужден будет отказаться от поездок.

Анастасия ошеломленно прошептала:

– Но если я так была тебе дорога, почему ты меня игнорировал все эти годы?

– Потому что я считал, что ты игнорируешь меня. Что ты не хочешь меня видеть. Пятнадцать лет недомолвок. Вот к чему это привело.

– Лев, ты убил Жан-Бенедикта, потому что он узнал твой секрет?

– Я его не убивал.

– Не понимаю, как тебе теперь верить. Ты столько всего насочинял.

– Можешь задавать мне любые вопросы.

– Что произошло за неделю до убийства? Ты правда собирался уехать со мной?

– Я только об этом и мечтал. Но я понимал, что Макер сделает нашу жизнь невыносимой. Разве что я заставлю его обменять тебя на президентское кресло.

– Как в свое время на акции?

– Да. Я знал, что он спит и видит, как бы стать президентом. И пойдет на все ради этого. Тогда бы он точно отстал от нас, лучший способ трудно было придумать. Я водил дружбу с главным редактором “Трибюн де Женев” и пообещал ему устроить интервью с президентом Франции в обмен на публикацию одной утечки в воскресном издании.

– Статьи о том, что Макер будет избран президентом?

– Да. Я хотел, чтобы он был на седьмом небе от счастья. Тем более ему будет падать, думал я. На следующий день, в понедельник, я рано утром явился в банк под видом Тарногола и позаботился о том, чтобы Кристина, наша секретарша, услышала вымышленный телефонный разговор, из которого она заключила, что Макера не изберут. У меня

оставалось пять дней до назначения нового президента.

– Но ведь в то утро мы были вместе, – заметила Анастасия.

– Ты еще спала. Закончив это представление, я сразу вернулся в “Берг”. После чего мне оставалось только ждать и дурачить Макера. Мой план отлично сработал. Тарногол довел его до ручки. В обличье Вагнера мне удалось раскрыть их заговор с Жан-Бенедиктом – им взбрело в голову инсценировать автомобильный наезд на Тарногола после вечеринки Ассоциации женевских банкиров. Поэтому Тарногол и не появился на ужине.

– Но я видела вас вместе, тебя и Тарногола, в холле отеля!

– В тот раз в костюме Тарногола облачился Альфред, – объяснил Лев.

– То есть в пятницу утром, – продолжала Анастасия, – когда мы встретились на вокзале Корнавен, чтобы вместе сбежать, и ты сказал, что Тарногол якобы ставит Макеру палки в колеса, ты на самом деле вовсе не собирался уезжать со мной?

– Макер сам ставил себе палки в колеса. Он вздумал мне сопротивляться. В пятницу утром он заявил Вагнеру, что сможет убедить Тарногола назначить его президентом. Макер явно решил не соглашаться на сделку и не менять тебя на президентское кресло. Мне надо было срочно найти способ его сломить. Поэтому пришлось отложить наш отъезд. Я занялся поиском компромата на Макера, организовав кражу со взломом.

– Что? Грабителем был тоже ты?

– Вообще-то Альфред. По моему поручению.

– Альфред?! – задохнулась Анастасия, понимая, что в тот день узнала его взгляд, но не догадалась, кто именно перед ней. – Как ты мог...

– Альфред шпионил за Макером и запомнил шифр сейфа. Я хотел забрать тетрадь Макера, чтобы шантажировать его. Я понятия не имел, что он туда записывает, но полагал, что наверняка что-то важное, раз он постоянно корпит над ней и прячет потом под замок. Мы рассчитывали, что Альфред, воспользовавшись нашим свиданием на вокзале, заберет тетрадь. Только вот ее не оказалось в сейфе. Он позвонил мне спросить, что теперь делать. Поскольку я не сомневался, что ты вернешься домой, я велел ему дожидаться тебя и напугать. Все ради того, чтобы Макер удостоверился, что спецслужбы не отстанут от него, пока он не займет пост президента.

– Как ты мог пойти на такое?

– Я сделал это ради нас.

– Ты сделал это ради себя, – возразила Анастасия.

Они молча смотрели друг на друга. Лев заметил такси и поднял руку.

– Поехали, – сказал он. – Сядем где-нибудь и все спокойно обсудим.

Но она не двинулась с места.

– Я не пойду с тобой, Лев.

– Анастасия...

– Уходи! Умоляю тебя!

Лев нехотя повиновался. Он сел в такси. Анастасия подождала, пока он отъедет подальше, и разрыдалась. Она снова осталась одна.

Анастасия шла куда глаза глядят и вскоре оказалась на площади Цирка. Она увидела перед собой кафе “Ремор”, где провела столько времени со Львом в начале их романа. Не зная уже, куда податься, она вошла внутрь и застыла на пороге, увидев за одним из столиков человека, который тоже смотрел на нее с изумлением. Это был Макер.

Она села напротив него. Они помолчали. Наконец Анастасия не выдержала:

– Я очень сожалею, что все так вышло.

– Я тоже.

– Как ты?

– Намного лучше. Я начал новую жизнь. Я влюблен.

– Рада за тебя.

Они долго проговорили в тот день. Решили побыстрее развестись. Им обоим не терпелось перевернуть эту страницу. Расставаясь, Макер спросил, понизив голос:

– Анастасия, мне необходимо знать одну вещь... Ты убила Жан-Бена?

– Нет. С чего ты взял?

– Я заключил это из записки, которую ты подсунула мне под дверь в “Паласе”.

– Когда я убегала из отеля, оставляя позади все, что у меня было, мне захотелось тебе написать. Сказать, что, несмотря ни на что, ты был мне дорог.

– Несмотря ни на что? – вскинулся Макер, задетый за живое. – Как мило.

– Я жила не той жизнью, о которой мечтала. Мне не следовало выходить за тебя. Из-за меня ты попусту потерял много лет, и я очень сожалею об этом. Время так дорого, жизнь так коротка. Ее надо посвятить настоящей любви. И любить всем сердцем.

– Значит, ты меня никогда не любила?

– Я никогда не любила тебя так, как ты хотел бы, чтобы я тебя любила.

Поэтому мне важно было попросить у тебя прощения.

Она поцеловала Макара в щеку и ушла.

Прошло три месяца.

В начале сентября, теплым осенним вечером публика спешила в Оперу на площади Нёв. Ходили слухи, что новая постановка “Набукко” Верди чудо как хороша, и на премьеру устремилась вся Женева.

В потоке зрителей рука об руку шагали сияющие Макер и Арма. Они заняли места в одной из центральных лож. В антракте Арма осталась в зале, а Макер вышел проветриться. На крыльце Оперы он наткнулся на Льва. Они расхохотались.

– Сигаретку? – предложил Лев.

– Почему бы и нет, – согласился Макер.

Они сидели на каменных ступенях, глядя на парк Бастионов.

– Спасибо, Вагнер, – сказал Макер.

Лев улыбнулся:

– За что ж спасибо?

– Благодаря тебе я был счастлив. У меня прямо душа пела, когда я отправлялся на задания. Мне казалось, что мое существование становится ярче. Даже если они были фикцией, я пережил все на самом деле.

Поколебавшись, Лев спросил:

– Значит, ты на меня не сердишься?

– Напротив! – заверил его Макер. – Знаешь, после ухода Анастасии мне было совсем плохо. Потом я понял, что это прекрасная возможность все изменить, учесть ошибки прошлого и зажить так, как мне всегда хотелось. Я обручился с Армой. Я счастлив.

– Отличные новости! – Лев пришел в восторг. – Я очень за вас рад!

– Спасибо, я тронут. Мне никогда раньше не приходилось испытывать такую любовь. Надеюсь, ты придешь на нашу свадьбу.

– Конечно, – пообещал Лев.

– Спасибо, брат. В сущности, мы и правда немного братья.

– Действительно, – кивнул Лев. – Все эти пятнадцать лет я был тебе ближе, чем кто-либо. Кстати, Тарногол тоже приглашен?

Макер рассмеялся:

– Как тебе удалось все это повернуть? Я потрясен.

– Я всему научился от отца. Но главное, это было благоприятное стечение обстоятельств. Ты не узнал меня, когда мы столкнулись на ступенях “Паласа”, и я решил проверить, как долго смогу тебя морочить. Просто все зашло гораздо дальше, чем я планировал.

– А как насчет доктора Казана? – спросил Макер. – Он тоже творение твоего отца?

– Да. Однажды ты разоткровенничался со мной, не знаю, помнишь ли

ты тот день. Ты был встревожен последствиями истории с Тарноголов – тебе казалось, что отец тебя недооценивает, и ты ужасно страдал из-за этого. Вот я и подумал, что пришло время выпустить на сцену Казана.

– И мы с ним сразу понравились друг другу, – сказал Макер.

– И это продолжалось больше десяти лет.

Макер улыбнулся:

– А Вагнер? Как тебе пришла в голову такая идея?

– Однажды ты признался Казану, что мечтаешь немного разнообразить свое существование. Вести активную жизнь, а не просиживать штаны за рабочим столом. Как-то на заседании совета, где присутствовал мой Тарногол, Абель сообщил, что Федеральная полиция обратилась за помощью к банку в рамках расследования Скотленд-Ярдом дела об отмывании денег.

– Операция “Бриллиантовая свадьба”, – вспомнил Макер.

– Именно. Совет банка откликнулся на их запрос, естественно, совершенно секретно. Тогда у меня и возникла мысль вытащить из отцовского альбома на свет божий персонаж Вагнера, агента спецслужб, который регулярно останавливался в “Паласе”, наблюдая за богатыми иностранцами. Вагнер попросил тебя передавать ему информацию, которую совет уже предоставил настоящей Федеральной полиции.

– Отсюда и статья в газете, которая укрепила мое доверие к Вагнеру.

– Конечно. Это была неожиданная удача. После чего я решил создать вокруг Вагнера целый мир и, в частности, Р- 30, так сказать, секретную оперативную группу. К тому же я мог не заморачиваться официальным существованием чего-то в этом роде.

– Но все же ты знал, что я купил пистолет, – заметил Макер.

– Ты рассказал об этом доктору Казану, то есть мне, то есть Вагнеру.

– А письмо от президента Конфедерации?

– Фальшивка. Сам сочинил.

– А мои отчеты, отправленные по почте в Федеральный совет?

– То, что Вагнер называл “отчетом”, на самом деле были обычные многословные послания, на которые администрация отвечает стандартным письмом, как и всем равнодушным гражданам, пишущим в правительство. Что касается твоих миссий, то я просто посылал тебя в разные уголки Европы за счет банка. Твои рапорты, касающиеся зданий налоговой администрации, как правило, попадали в мусорный бак Женевской оперы. Как тебе известно, в Мадриде никто никого не убивал. Что касается юристов, сводивших тебя с налоговыми чиновниками за границей, то в их роли выступали мои адвокаты в этих странах, с которыми

я договорился.

– А как же сами налоговики?

– Артисты.

– А Перес, агент спецслужб в Мадриде?

– Тоже актер.

– Черт возьми, – развеселился Макер. – Каким же я был идиотом!

– Нет, – сказал Лев, – когда ты очень хочешь поверить во что-то, то видишь только то, что хочешь видеть.

Макер кивнул:

– В общем, я не жалею ни о чем, что произошло за эти пятнадцать лет. Благодаря тебе я жил полной жизнью!

– Как хорошо, что я наконец могу все тебе рассказать.

– Тебе удалось прожить четыре жизни.

Лев усмехнулся. Они помолчали, и Макер спросил:

– А что все-таки произошло в номере 622 в ту ужасную ночь?

– Понятия не имею. Я не знаю, кто убил Жан-Бенедикта.

В фойе раздался последний звонок на второе действие.

– Прежде чем мы войдем в зал, – сказал Макер, – я задам тебе последний вопрос. Ведь о твоём пребывании на Корфу мне сообщил Вагнер. Но если Вагнер и ты – одно лицо, зачем ты это сделал?

Лев вздохнул. И печально улыбнулся.

Он с самого начала понимал, что побег с Анастасией может пагубно отразиться на их отношениях.

Он знал, что страсть, подогретая их воссоединением после долгого перерыва, запретностью их романа, новизной, обоюдной потребностью постоянно видеть друг друга и страданиями в разлуке, не выдержит совместной жизни на Корфу, вдвоем и навсегда. Он не мог не признать, что от безделья дни тянулись бесконечно. Иногда им становилось скучно. Чтобы продлить взаимную страсть, приходилось за нее бороться, разыгрывать театральные представления в изысканных декорациях, при свечах, облачаясь в роскошные наряды, беспрерывно переодеваться и чистить перышки, стараясь непременно быть на высоте. Этот вынужденный маскарад казался панацеей против обреченности любви и всепобеждающего действия рутины, которое испытывают на себе все влюбленные, когда из самостоятельных единиц превращаются в пару. Это начало великого привыкания, погружения в спячку и конец великой лжи, той самой лжи, которая некогда побуждала их быть умопомрачительными, красивыми, безупречными и благоуханными, но рано или поздно позволит им распуститься – и вот они уже носят только удобную одежду, спортивные

штаны, не обращают внимания на растущий животик, неряшливые волоски и неприятный запах изо рта. “Дорогой, будь добр, принеси мне туалетную бумагу”. По вечерам ужин на подносе перед дежурным фильмом. В конце концов они оба будут проваливаться в сон прямо на диване, под орущий телевизор, похрапывая с открытым ртом, и так далее, по полной программе. Никогда! – поклялся себе Лев. Только не с Анастасией! Лучше умереть.

Чтобы избежать такой участи, необходим был враг. Ревнивый муж должен был заявиться на Корфу и устроить скандал, тогда бы они перебрались в другое место и вновь обрели бы друг друга. Начали бы все с нуля. Вечное обновление – залог любви, думал Лев.

Макеру он сказал просто:

– Мне кажется, Корфу был обречен на провал.

Они встали.

– Без обид? – спросил Лев.

– А то! – усмехнулся Макер.

Они обменялись дружеским рукопожатием. Во взгляде Макара мелькнул огонек торжества. Он внезапно расстегнул рубашку и показал Льву микрофон, приклеенный к груди скотчем. Из темноты выступили полицейские в штатском и схватили Льва. Среди них был Сагамор.

– Что ж, благодарю за чистосердечное признание, месье Левович, – сказал он и посадил Льва в полицейскую машину без опознавательных знаков.

•

Прошло три года. Анастасия часто размышляла о тех событиях. Она, как все, узнала об аресте Льва из прессы. Она внимательно следила за процессом, не упуская ни одной детали. Когда могла, ходила на судебные слушания, хранила все репортажи, опубликованные в прессе. Очень надеялась, что Лев выкарабкается. В конце концов, ему же всегда все сходило с рук. Не будучи верующей, она с удивлением ловила себя на том, что молится за него.

Три года спустя, так ни разу и не увидев его за это время, она постоянно о нем думала. По воскресеньям она шла пешком из района Сервет к озеру по улице Шантпуле. Садилась на свободную скамейку напротив “Отеля де Берг” и долго смотрела на его элегантный фасад. Она

вглядывалась в окна комнат на пятом этаже, где Лев жил когда-то. Интересно, кто их сейчас занимает. Потом она шла дальше, по набережной Монблан к отелю “Бо-Риваж”. Заходила в салон, заказывала черный чай. И снова думала о нем. Она вспоминала, как он сидел тут, в этом самом кресле, восемнадцать лет назад, разыгрывая перед ее матерью графа Романова. Потом разворачивала статью в “Трибюн де Женев”, вышедшую в самом начала процесса, которую она постоянно носила с собой в сумочке. Там была большая фотография Льва, входящего в здание суда. Он выглядел, как всегда, великолепно. Под снимком было написано:

ПАДЕНИЕ ЗНАМЕНИТОГО БАНКИРА ЛЬВА ЛЕВОВИЧА

Женевский суд первой инстанции признал Льва Левовича виновным в мошенничестве, незаконной медицинской практике и злоупотреблении доверием.

Напомним, что банкир, в частности заседаая под чужим именем в совете Эвезнер-банка, годами обманывал Макера Эвезнера, нынешнего президента вышеупомянутого банка. Суд приговорил Левовича к четырем годам тюремного заключения с конфискацией имущества. Ему запрещено до конца жизни работать в банковской сфере.

Глава 70

Отравление

Среда, 4 июля 2018 года

Мы сидели у меня в номере. Скарлетт с головой ушла в изучение газетных вырезок. Она просмотрела все отчеты о процессе Левовича, на котором журналисты оттянулись по полной. Я чувствовал, что ей уже невмоготу – она считала, что мы близки к цели.

– Я снова прочла все с самого начала, писатель, и пришла к тому же выводу: убийца – Левович.

– Но с него сняли обвинение в убийстве.

– За отсутствием доказательств, – уточнила она.

– Не придирайтесь к словам. Если нет доказательств, нет и дела. Обвиняемый невиновен, пока не доказано обратное.

– Мне не дает покоя тот факт, что вещи Тарногола нашли в номере Жан-Бенедикта Хансена. Что знал Жан-Бенедикт? Как он был связан с Левовичем? Вот в чем загвоздка.

– И какие у вас соображения? – спросил я.

– Например, мы не знаем, по чьей вине произошло массовое отравление во время корпоративного уикенда. Нам известно, что Макер и Жан-Бенедикт проверяли ящики с водкой, но Макер Эвезнер сказал полиции, что искал бутылку из специальной серии, а Жан-Бенедикт Хансен, по понятным причинам, показания дать не мог.

Скарлетт хотела во что бы то ни стало расспросить Макера, но после того краткого разговора в банке все наши просьбы о встрече оставались без ответа.

– Очевидно одно, – продолжала она, – ни Макер Эвезнер, ни Жан-Бенедикт Хансен не пострадали. Они не фигурируют в списке гостей, госпитализированных в тот вечер.

И она помахала списком, обнаруженным в полицейском рапорте.

– А Лев Левович? – спросил я.

– Он отравился. – Скарлетт подчеркнула его фамилию.

Она снова взглянула на перечень пострадавших. И обомлела.

– Боже мой! – воскликнула она.

– Что такое?

– Боже мой! – повторила она. – Посмотрите!

Она обвела красной ручкой одно из имен и протянула мне листок.

– Арма, домработница Эвезнеров, – сказала Скарлетт. – Она значится среди жертв отравления. Арма находилась в “Паласе Вербье” в те выходные, когда произошло убийство!

Глава 71

Арма

После открытия Скарлетт нам пришлось еще раз смотаться в Женеву в четверг, 5 июля, чтобы поговорить с Армой. Мы встретились во второй половине дня на берегу Женевского озера. Было очень жарко. Мы вместе прошли до моста Де Берг и сели на скамейку в тени деревьев на острове Руссо. Летняя Женева утопала в зелени, лучи солнца играли на воде озера изумрудными бликами, и в этом тропическом мареве мой город казался еще прекраснее.

– Мы всё знаем, Арма, – сказала Скарлетт.

– Что вы знаете?

– Вы находились в “Паласе Вербье”, когда произошло убийство. Вы отравились в субботу вечером и попали в больницу. Судя по всему, эта деталь ускользнула в то время от внимания полиции и нигде в деле не упоминается.

Арма опустила голову.

– Зачем вы поехали на уикенд в Вербье? – спросил я.

– Мне хотелось посмотреть, как Макера объявят президентом. Там должно было состояться одно из главных событий в его жизни, и я не могла это пропустить. Я почти год за него переживала.

– Он знал, что вы приедете?

– Нет, конечно нет. Он, наверное, и не разрешил бы мне при этом присутствовать. Я просто думала незаметно сесть где-нибудь в уголке и насладиться его триумфом. Я заранее отпросилась. И в пятницу приехала в Вербье, забронировав небольшую комнату в хостеле. В субботу вечером я нарядно оделась и проникла на коктейльную вечеринку в бальном зале “Паласа”. Никто меня ни о чем не спросил.

– А что было дальше?

– Ну, я немного нервничала и взяла себе коктейль. Чуть позже, как раз перед самым объявлением имени нового президента, мне вдруг стало плохо. Всем стало плохо. Я оказалась в больнице. И только выйдя оттуда в понедельник утром, я услышала об убийстве.

– Значит, никто так и не узнал, что вы были в “Паласе” в тот вечер? – спросила Скарлетт.

– Никто. Кроме Макера. Поэтому он и бросил меня. Я уже говорила вам в тот раз, что из-за всех этих событий я его потеряла.

– Он бросил вас, выяснив, что вы были в Вербье?

– Нет, он бросил меня, потому что решил, что я убила Жан-Бенедикта Хансена.

Арма расплакалась. Мы со Скарлетт озадаченно уставились друг на друга.

– А почему Макер решил, что вы убили Жан-Бенедикта Хансена?

Арма не ответила. Схватив сумку, она убежала, вся в слезах.

Нам было совершенно необходимо понять, в чем дело. Но ответить на наши вопросы мог только Макер Эвезнер. Мы знали, что в банке он нас не примет.

По словам Армы, он жил теперь в квартире на набережной Генерала Гизана. Мы проторчали у подъезда его дома до конца дня, дожидаясь его возвращения. Наконец он пришел и, увидев нас, очень разозлился:

– Снова вы? Я что, неясно выразился?

– Месье Эвезнер, нам обязательно нужно с вами поговорить.

– Мне нечего вам сказать.

– Это касается Армы. Мы знаем, что она была в Вербье в те дни, когда произошло убийство.

Макеру пришлось смириться. Он привел нас в гостиную своей огромной квартиры, окна которой выходили прямо на знаменитый Женевский фонтан.

– Значит, вы продолжаете шпионить, – брезгливо поморщился Макер.

– Мы продолжаем вести расследование, – уточнила Скарлетт. – Оказывается, Арма, ваша бывшая домработница и спутница жизни, приехала в тот уикенд в “Палас Вербье”.

– Как вы узнали? – спросил Макер.

– Она значится в списке пациентов, госпитализированных после отравления. Эта деталь ускользнула от полиции. Интересно, как вы догадались, что она там была.

•

Через год после убийства.

Декабрь. Четверг, вторая половина дня,

дом Эвезнеров в Колоньи

Арма, с бриллиантовыми сережками в ушах и в костюме с леопардовым принтом, отчитывала горничную:

– Уж будьте так любезны, вымойте тут полы получше.
– Простите, медом, – простонала несчастная.
– *Простите, простите, из простите* шубу не сошьешь, надо хоть немного стараться.

Входная дверь отворилась, и появился Макер, судя по всему в отличном настроении. Арма прыгнула ему на шею с поцелуями. Каждый раз он невольно думал, что Анастасия никогда его так не встречала. Сейчас он чувствовал себя гораздо счастливее, чем с ней. Он стал новым человеком.

– Как прошел день, дорогой? – спросила Арма.
– Очень хорошо. Представь, я отменил завтрашние встречи. Мы уезжаем на все выходные. В Альпах полно снега, такое нельзя пропустить. А еще в субботу сюда придут покупатели, и я не хочу, чтобы они путались у меня под ногами. Пусть маклер сам с ними разбирается.

– И куда мы едем?
– Я вот подумываю о Вербье, – сказал Макер.
– О да, Вербье! Куда? В “Палас”?
– Сомневаюсь. Прошел всего год с тех пор, как там убили Жан-Бена.
– Пора уже забыть эту историю. Гони прочь ужасные воспоминания. Ты же не собираешься на всю жизнь отказаться от “Паласа”!

– Я не знаю...
– Ну правда, милый! Там такой люкс! Мы запремся в номере, разожжем камин и будем любоваться пламенем, сидя на диване.
– Ладно, как скажешь, – согласился Макер.

Сняв пальто, он прошел в гостиную и налил себе виски. Он пил его у окна, глядя, как снег медленно оседает на заиндевелую лужайку. Мысли его блуждали далеко. Он думал об Анастасии. Это часто с ним случалось. Интересно, где она, что делает. Счастлива ли? Он ее разлюбил, но все-таки любил, несмотря ни на что. Любовь – это навсегда.

Вероятно, по ассоциации с “Паласом Вербье” он вспомнил слова, написанные помадой на зеркале в ванной:

Котенок, я тут.

А.

Он внезапно удивился, почему просто “А”. Все свои письма с Корфу Анастасия подписывала полным именем. Равно как и записку, просунутую когда-то ему под дверь. И еще он вспомнил одну ее фразу: “Я приехала в

Вербье расстаться с тобой, а не для того, чтобы оставлять тебе нежные послания”. Тут он подумал о том, что ему сейчас сказала Арма: “Мы запремся в номере, разожжем камин и будем любоваться пламенем, сидя на диване”.

Они никогда не бывали в “Паласе” вместе. Откуда она знает, что во всех апартаментах есть камин, напротив которого стоит уютный диван? Опешив, он выпустил стакан из рук.

Арма, услышав звон разбитого стекла, бросилась в гостиную. Макер так побледнел!

– Дорогой, что случилось?

– Это ты! – сказал он. – Ты была в “Паласе” в ту ночь, когда произошло убийство! Ты прикинулась моей женой, проникла в мой номер и написала мне помадой на зеркале “Котенок”, как будто тут была Анастасия.

– Ты говорил, что тебе очень нравится этот цвет. Моя парижская кузина прислала мне точно такую помаду. Я пользовалась ею дома, чтобы ты обратил на меня внимание, но ты ничего не замечал. Дописав, я услышала, как открывается дверь спальни, и спряталась в шкафу, оставив помаду на раковине.

– Что ты забыла в “Паласе”?

– Я хотела посмотреть, как тебя объявят президентом. Я так тобой гордилась. Это был твой триумф. Поэтому я и отпросилась – я никак не могла пропустить твою коронацию. Я давно заказала себе номер в дешевой гостинице в Вербье. Потом я узнала, что Анастасия собирается тебя бросить и что ее не будет дома, когда ты вернешься. Тогда я решила признаться тебе в любви. Возле тебя должна быть любящая женщина! Придя в “Палас”, я назвалась твоей женой, и портье, не задавая никаких вопросов, выдал мне второй ключ. В номере было пусто, я написала тебе несколько слов на зеркале и спряталась, чтобы посмотреть, как тыотреагируешь. Но когда ты наконец вошел, я засомневалась. Мне стало страшно, что ты сочтешь меня идиоткой. А потом тебя кто-то позвал с балкона, и я предпочла не показываться. Я сказала себе, что лучше восхищаться тобой издали, ведь ты наверняка меня оттолкнешь. Подумаешь, домработница.

Макер был ошеломлен. Он налил себе еще стакан виски и выпил его залпом. Затем спросил с дрожью в голосе:

– Арма, ты стащила золотой пистолет Анастасии?

Она молча посмотрела на него. И расплакалась:

– Я нашла пистолет в сумке, которую она заранее сложила, собираясь бежать с Левовичем, и спрятала в шкафу. Не знаю, почему вдруг я стала

рыться в ее вещах, наверно, мне просто хотелось выяснить, куда они едут. Я надеялась найти авиабилет или какую-нибудь записку. Но обнаружила пистолет и испугалась, что Анастасия вздумала покончить с собой. В то время она была сама не своя, и я вообразила, что она намеревается совершить что-нибудь ужасное, как в “Румео и Жулетте”. Сначала я планировала избавиться от пистолета. Выбросить его в озеро или еще куда-нибудь. Но потом побоялась, что меня заметят и примут за преступницу. А вот где-нибудь в горах, в овраге, его никто не найдет. Поэтому я взяла его с собой в Вербье.

– Арма, – ужаснулся Макер, – это ты убила Жан-Бенедикта?

– Нет! Клянусь тебе, я не убивала его.

– Так что же ты сделала, черт возьми! – прикрикнул на нее Макер, понимая, что она чего-то недоговаривает.

– В субботу днем, когда я пряталась в твоём номере, я слышала, что ты говорил о Тарноголе. Я знала, что из-за него у тебя сплошные неприятности и что он может все так подстроить, что тебя не выберут. Входя в номер с балкона, ты сказал, что убьешь его. Но я не хотела, чтобы ты оказался в тюрьме. Ты бы там не выжил. Ты бы все потерял и в конце концов совершил бы самоубийство! Я не могла этого допустить. Надо было действовать. Я бы тысячу раз предпочла, чтобы меня осудили вместо тебя. Я подумала, что это знак свыше: раз я нашла пистолет и захватила его с собой, значит, мне суждено пустить его в ход. Пришло время доказать, как сильно я тебя люблю. Озарить твою жизнь своим отчаянным поступком! И тогда бы все об этом узнали! Я бы все сказала судье и присяжным, обо мне бы написали в газетах. Разве это не самое великое признание в любви? Из простой домработницы я превратилась бы в грозную влюбленную женщину! В Бонни-Мстительницу! Я чувствовала, что настал поворотный момент в моей жизни. И вот в шесть вечера, смешавшись с толпой банковских служащих, я зашла в бальный зал. Пистолет лежал в моей сумке, и я решила, что как только на сцене появится Тарногол, я в него выстрелю. Ради тебя, любовь моя! Но видно, я очень нервничала, поэтому взяла коктейль с водкой, чтобы набраться храбрости. Я выпила несколько бокалов подряд, ну а как же, я все-таки собралась убить человека. Только мне стало дурно. Вскоре после того, как члены совета вышли на эстраду, меня вырвало. Когда приехали врачи, я выползла из зала, ведь мне надо было выкинуть пистолет, прежде чем я отключусь и его у меня обнаружат. Я дотащила по коридору до окна и забросила его в заснеженные кусты. В ту минуту мне не пришло в голову, что снег рано или поздно растает. Я вообще ни о чем не думала. Отделавшись от пистолета, я потеряла

сознание. Очнулась я уже в больнице Мартиньи.

Вконец растерявшись, Макер выгнал Арму из дома и заперся в будуаре. Уставившись на визитку лейтенанта Сагамора, он схватил телефон.

•

– Но вы ведь так и не вызывали полицию, – сказала Скарлетт, сидя в гостиной Макаера. – Почему?

Прежде чем ответить, Макер встал и открыл ящик запертого на ключ комода. Он вынул оттуда папку и вручил ее нам.

– Я предпочел сам все проверить. Вот справка о госпитализации Армы в ночь убийства. А также заключение врача, который ее осматривал. Я сохранил их, полагая, что эта история может в один прекрасный день всплыть на поверхность.

Скарлетт просмотрела документы:

– Тут указано, что Арму положили в больницу в субботу, 15 декабря, в 20.15, и выписали только в понедельник утром. Отравление оказалось довольно серьезным, и она все это время пролежала под капельницей.

– В момент убийства, – продолжал Макер, – Арма находилась в больнице Мартиньи, в получасе езды от Вербье, с иглой в вене. Мне кажется, это достаточно убедительное алиби.

Скарлетт кивнула:

– Вы провели расследование постфактум. Но почему же вы сразу не вызвали полицию?

– Я подумал, что если Жан-Бенедикта убила Арма и если она его убила, чтобы защитить меня, это значит, что она меня любит так, как никто никогда не любил.

– Но, узнав, что она невиновна, вы тем не менее к ней не вернулись?

Макер смотрел в пустоту. Как будто стыдился своего ответа:

– Я понял, что сошелся с Армой не от хорошей жизни – ведь она была лишь бледной копией Анастасии. Ее призраком. Единственной женщиной, которую я когда-либо любил, была Анастасия. Тарногол оказался прав, его пророчество сбылось – я стал президентом банка и остался в одиночестве.

– Тарногола никогда не существовало, – заметил я.

– И все же, – сказал Макер, – он был.

Глава 72

Конец игры

Мы распрощались с Макером Эвезнером и уехали из Женевы, не особенно продвинувшись в расследовании. Нам так и не удалось выяснить, кто убийца. Вернувшись в Вербье, мы заперлись у меня номере, чтобы в очередной раз сложить все кусочки головоломки. Заказав в номер чизбургеры и жареную картошку, мы несколько часов корпели над материалами дела, хотя уже изучили их вдоль и поперек.

Какую-то деталь мы все же упустили, но какую?

В два часа ночи мы все еще сидели, уставившись на три листа бумаги, припиленные на стену. На них мы записали имена подозреваемых:

АНАСТАСИЯ ЛЕВ МАКЕР

Скарлетт вздохнула, посмотрев на фотографию доски лейтенанта Сагамора, где значилась та же тройца.

– Мы пришли к тому же выводу, что и полиция, – сказала она. – И застряли ровно в той же точке.

Мы совсем выдохлись. И, надо признать, немного приуныли. Но сдаваться было нельзя.

– Может, кофе? – предложил я.

– С удовольствием.

Я включил кофемашину и зарядил в нее капсулу. Скарлетт снова методично классифицировала документы с доски Сагамора, которые мы тайком сфотографировали. И еще целый час внимательно изучала все улики, в свое время подшитые лейтенантом к делу. Так, уже в сотый раз вернувшись к вызову охраны в номер 623, мы перечитали выписку из заявления, сделанного наутро после убийства неким Миланом Люка, начальником службы безопасности “Паласа”.

В субботу 15 декабря в 23.50 мне поступил вызов в связи со скандалом в номере 623. Я незамедлительно туда поднялся, но клиент, открывший мне дверь, заверил меня, что все в порядке. Я подумал, что ошибся дверью. Но в коридоре было тихо. До меня не доносилось ни звука. Я ушел, но поставил в известность директора отеля, на случай если бы нам пришлось снова

вмешаться. Вечер выдался странный, я предпочел подстраховаться. Но больше нас не вызывали. Ночь прошла спокойно, ну если так можно выразиться – наутро в номере 622 нашли труп.

Зачитав мне вслух этот отчет, Скарлетт добавила:

– Тут еще написано, что дверь начальнику охраны открыл Жан-Бенедикт Хансен, которого тот опознал по фотографии.

Она внезапно умолкла.

– Что такое? – спросил я.

– Начальник службы безопасности пишет о “скандале”.

– Да, и что?

– Это ведь подразумевает что-то вроде мордобоя, да?

– Ну, скорее, это шумная ссора.

– То есть кроме Жан-Бенедикта там находился кто-то еще. Тогда Сагамор не удивился этому, полагая, что Жан-Бенедикт – это Тарногол. Присутствие Жан-Бенедикта в номере Тарногола было вполне объяснимо. Но мы знаем, что Тарногола изображал Лев Левович. Сагамор упустил эту деталь.

– Значит, Жан-Бенедикт скандалил с Тарноголом, то есть с Левовичем! – сказал я, понимая, куда клонит Скарлетт.

Она кивнула:

– В субботу, 15 декабря, Жан-Бенедикт Хансен скандалил с Левовичем. Несколько часов спустя он был найден мертвым.

•

Милан Люка уже давно не служил в “Паласе”, но мы быстро отыскали его в интернете – теперь он управлял своей собственной фирмой “Люка Секьюрители”, офис которой находился в центре Сьона.

На следующее утро, в пятницу, 6 июля 2018 года, проспав всего пару часов, мы поехали к Милану Люка. Это оказался человек лет пятидесяти, крепкого телосложения, не особо приветливый, но, в общем, довольно симпатичный. Он любезно принял нас, хотя мы явились без предупреждения. Видно было, что он расчувствовался, вспоминая доброе старое время в “Паласе”.

– Мне там было очень хорошо, – признался он. – Я оказался в Швейцарии совсем молодым человеком, и мне повезло, что я познакомился

с месье Розом. Он умел внушить людям доверие, так что им удавалось проявить себя с лучшей стороны. Он взял меня на работу в службу безопасности, которую я позже возглавил. Я многим ему обязан.

– Почему вы ушли из “Паласа”?

– Я уволился после смерти месье Роза. Без него там все пошло наперекосяк. Если честно, я уже давно хотел открыть свою фирму. Но оставался ради месье Роза, хотя неповторимая атмосфера “Паласа” безвозвратно исчезла.

– Что вы имеете в виду? – спросила Скарлетт.

– “Палас” был особой территорией, надежным пристанищем для клиентов. Там возникало ощущение полнейшего покоя. Но после убийства оно пропало. Месье Роз очень переживал из-за этих событий, и особенно из-за того, что за ними последовало. Я имею в виду суд над Львом Левовичем и обвинительный приговор. Месье Роз буквально не находил себе места, он ведь так им гордился. Если бы вы слышали, как он о нем отзывался... Лев был его героем. Он даже думал, что тот станет президентом Эвезнер-банка. Но его герой, увы, низко пал. Месье Роз не мог с этим смириться. Это его и убило.

– То есть?

– Он покончил с собой, когда Левович сидел в тюрьме. Выстрелил себе в рот из своего армейского пистолета, просто ужас. Рядом с ним нашли газетные статьи о падении Левовича. Это было очень трудное время для меня.

– Что вам известно об убийстве в номере 622? – спросил я.

Бывший начальник службы безопасности, описав всеобщий хаос, царивший в отеле в субботний вечер после массового отравления, рассказал, как на следующее утро обнаружили тело.

– Меня оповестили одним из первых. Я немедленно сообщил о происшествии в полицию и приказал оцепить этаж, чтобы там не уничтожили возможные улики.

– Вы были в “Паласе” в то утро? – удивился я.

– Да, а что?

– Но вы ведь дежурили накануне вечером, поскольку в 23.50 приняли вызов из номера 623.

– Да, действительно, закончив смену, я должен был вернуться домой, но месье Роз так разнервничался из-за отравления, что я остался на рабочем месте. Ночью у нас обычно дежурил один человек, считалось, что этого вполне достаточно. Но в сложившейся ситуации я решил, что подкрепление ему не помешает, мало ли что.

– Где именно вы находились? – спросил я.

– Ночной охранник дежурит чаще всего за стойкой администратора и наблюдает за главным входом – единственным доступом в отель. Я спал в офисе администратора, мне надо было передохнуть после такого ужасного дня.

– То есть снаружи войти никто не мог?

– Нет, только через главный вход. Таково было правило – ночью в “Палас” другим путем не проникнуть. Нам приходилось принимать особые меры предосторожности, у нас останавливались очень богатые клиенты, с кучей драгоценностей и наличных денег.

– Но ведь, имея сообщника в отеле, преступник мог воспользоваться запасным выходом, – заметил я.

– “Имея сообщника в отеле”, – повторил бывший начальник охраны и добавил с иронией: – С тем же успехом бандиты могли посадить вертолет на крышу “Паласа”. Для такого тихого городка, как Вербье, мы и так чересчур осторожничали. К чему все эти вопросы?

– Месье Люка, – сказала Скарлетт, – мы думаем, что вы могли видеть что-то важное за несколько часов до убийства.

– В каком смысле?

Она показала ему фрагмент полицейского отчета:

– В субботу вечером, пятнадцатого декабря, вы поднимались в номер 623.

– Да. Кто-то позвонил администратору, а он, в свою очередь, вызвал нас. Там что-то случилось, кто-то кричал, по-моему.

– Кто именно позвонил администратору?

– Понятия не имею. Мне кажется, он и не назвался. В то время телефонная сеть была еще довольно допотопной, и мы не могли определить, откуда сделан звонок. Не понимаю, к чему вы клоните?

– Кто находился в номере 623?

– Месье Хансен. Я так и сказал полиции.

– Вас не удивило, что вам открыл не Тарногол? – спросил я. – Это же был его номер, а не Хансена.

– Служба безопасности не обязана точно знать, кто где живет. Нам сообщают номер комнаты, и мы проверяем, что там происходит, вот и все.

Тогда Скарлетт выложила ему наш козырь:

– Мы пришли к выводу, что там находился еще кто-то. Вы же читали прессу того времени и знаете, что Синиора Тарногола никогда не существовало, его играл Лев Левович. Поэтому мы считаем, что в номере 623 присутствовал и Лев Левович. Той ночью, когда вы поднялись по

звонку, там были Жан-Бенедикт Хансен и Лев Левович. Я права?

Бывший шеф службы безопасности тяжело вздохнул. Он встал из-за стола и подошел к окну, словно хотел избежать наших взглядов.

– Вы правы, – признался он. – Там был Лев Левович. И какая-то женщина.

– Почему вы не поставили в известность полицию? – спросила Скарлетт.

– Потому что месье Роз попросил меня промолчать. Когда я доложил ему о случившемся, он велел мне не упоминать Левовича.

Он всегда защищал его.

•

Все следы вели к Левовичу. Мы со Скарлетт снова сидели в моем номере, уставившись на стену с именами подозреваемых.

АНАСТАСИЯ ЛЕВ МАКЕР

Даже если Анастасия – а по нашим соображениям именно она и была той женщиной, которую видел Милан Люка, – находилась со Львом и Жан-Бенедиктом в номере 623, мы считали, что она тут ни при чем.

– Поскольку теперь мы знаем, что пистолет Анастасии в отель принесла Арма, ее можно исключить из списка подозреваемых, – предложила Скарлетт.

– Похоже на то, – признал я. – Кроме того, нам известно, что Арма избавилась от пистолета в момент всеобщего отравления около семи вечера. Из чего мы заключаем, что это не орудие убийства.

Скарлетт сняла со стены листок с именем Анастасии. Оставались Макер и Лев.

– Преступник имел доступ к оружию, – продолжал я. – А мы знаем, что у Макера он был.

– Да, но не стоит недооценивать Левовича, – заметила Скарлетт. – Учитывая, что пятнадцать лет он хитрил, разыгрывая всех вокруг, он в случае чего запросто достал бы пистолет.

Она была права.

– Я согласна с Сагамором. Убийца находился в отеле и остался там, совершив преступление. Полиция решила, что он сбежал, а он преспокойно сидел себе в “Паласе”.

– Или воспользовался запасным аварийным выходом, как это сделала Анастасия, – возразил я.

– Мы с вами проверили все на месте и изучили планы здания. Маршрут Анастасии – единственно возможный, только так ему удалось бы пройти незамеченным. Надо просто очень хорошо ориентироваться в пространстве.

– Вероятно, убийца все тщательно подготовил, – сказал я.

Скарлетт поморщилась:

– Давайте серьезно, писатель! Если бы преступник заранее планировал устранить Жан-Бенедикта Хансена, то вряд ли стрелял бы в него прямо в отеле. Он явно действовал импульсивно, спонтанно. Кстати, Сагамор придерживается того же мнения, и, по-моему, оно вполне обоснованно.

– И какие выводы? – спросил я.

– Если убийца сбежал через запасной выход, значит, он прекрасно изучил отель. Как может его изучить только сотрудник. Поэтому либо он не покидал “Палас” после убийства, либо неплохо там ориентировался. В общем, вывод напрашивается сам собой. Кто мог достать оружие? Кто знал “Палас” как свои пять пальцев?

– Левович, – сказал я.

– Левович, – подтвердила Скарлетт. – И его мотив очевиден: Жан-Бенедикт Хансен выяснил накануне убийства, что Левович и Тарногол – одно лицо. Левович убил его, чтобы тот не выдал его секрет.

– Звучит почти убедительно, – сказал я. – Но если Левович убил Жан-Бенедикта, потому что тот раскрыл тайну Тарногола, то почему в номере нашли улики, указывающие на Тарногола?

– Левович их подбросил, чтобы отвести от себя подозрение, – предположила Скарлетт.

– Не факт. По-моему, мы что-то упускаем.

На то, чтобы понять, что именно, у нас ушло несколько часов. Мы снова разложили по полочкам все материалы дела и действительно обнаружили нестыковку. И уже поздно ночью, утопая в море бумаг, усеявших пол моего номера, Скарлетт вскрикнула, и лицо ее внезапно просияло:

– Ну конечно! Как мы раньше не подумали об этом?

– О чем об этом? – спросил я.

– Все это время разгадка была у нас перед глазами!

Ничего не объясняя, она бросилась к компьютеру и застучала по клавиатуре. Найдя то, что искала, Скарлетт подняла глаза от экрана, гордая и ошеломленная своим открытием. Затем она вышла и бросилась к

лестнице, словно не в состоянии была дожидаться лифта. Я кинулся за ней, ничего не понимая. Мы спустились на первый этаж и пересекли безлюдный холл.

Ночной охранник отлучился, и Скарлетт, воспользовавшись его отсутствием, зашла за стойку администратора и проникла в служебный коридор. Она быстро нашла кабинет директора и, не задумываясь, толкнула дверь, полагая, что в этот поздний час там никого не будет. Но, к нашему изумлению, внутри горел свет. В кресле директора сидел мужчина.

Скарлетт ошеломленно уставилась на него. Она тут же его узнала, за эти годы он почти не изменился. Он выглядел так же, как на снимках в прессе той поры.

– Лев Левович... – пролепетала Скарлетт. – Что вы здесь делаете?

– Итак, вы обо всем догадались, – сказал он.

Глава 73

Убийца

В ту ночь Лев Левович рассказал нам со Скарлетт, что происходило в течение нескольких месяцев, предшествовавших убийству.

– После смерти Абея Эвезнера, – начал он, – мы с Анастасией наконец воссоединились. Я был счастлив. Я мечтал только об одном – покончить с актерством, распрощаться со всеми своими персонажами и спокойно жить с Анастасией. Но я чувствовал, что она не решается бросить Макера. Она не хотела причинять ему боль, боялась, что он покончит с собой. Тогда я снова выпустил на сцену Тарногола. Пятнадцать лет назад я блестяще провернул операцию века, как я считал, – забрал у Макера Эвезнера акции, толкнув Анастасию в его объятия. Я был убежден, что достаточно будет слегка надавить на Макера, чтобы он согласился променять жену на президентство. За пять дней до Большого уикенда Макер, не сомневаясь, что президентом выберут его, случайно выяснил, что Тарногол намерен отдать этот пост Левовичу. Поначалу он отреагировал так, как я и ожидал, – просто сдулся. Мне хотелось поиграть с ним, довести его до иступления, чтобы у него не оставалось иного выхода, кроме обмена Анастасии на пост президента. Но Макер не собирался отказываться ни от жены, ни от должности. Он хорошо держался, несмотря на все мои ухищрения. Тогда я переключился на запасной план – заставил совет избрать президентом Левовича, но в последний момент помешал объявлению результатов голосования. Чтобы загнать Макера в угол.

– Лучше бы вы сбежали с Анастасией! – заметила прагматичная Скарлетт.

Лев удивленно усмехнулся:

– Вы совершенно правы. Я уперся из-за какого-то своего дурацкого гонора. Мне хотелось победить Макера.

– Ваш запасной план включал массовое отравление прямо перед объявлением результатов? – спросил я.

– Ну да. Это я всех отравил. Бедняги. Но все-таки мне удалось немного поморочить Макера. За два дня до этого Вагнер передал ему пузырек с ядом, чтобы он покончил с Тарноголом, только я налил туда простой воды. Я мог спокойно предотвратить это мифическое отравление и вынудить Макера пойти на сделку с Тарноголом. Но Макер так и не предпринял никаких шагов. Тогда Вагнер под предлогом того, что яд в пузырьке

действует слишком медленно, вручил ему бутылку якобы отравленной водки, велел поставить ее в бар на втором этаже, где заседает совет банка. Улучив момент, я стащил бутылку, а Макер решил, что она пропала.

– А в бутылке правда был яд? – спросила Скарлетт.

– Ну что вы, – ответил Лев. – Я совершенно не собирался рисковать. Я все продумал заранее. Я договорился, что коктейли с “Белугой” подадут перед балом, чтобы совсем сбить Макаера с толку, если понадобится. Потом моими стараниями другая бутылка, в которую я влил довольно сильное рвотное, попала в руки бармена. Ее я пометил таким же красным крестиком, что и “Белугу” Макаера, чтобы он убедился, что сам во всем виноват. Рвотное действует довольно быстро, так что вечеринка должна была завершиться всеобщей неразберихой. Но я, видимо, просчитался с дозой. В полседьмого, понимая, что никого пока не тошнит, я попросил Альфреда смешаться с толпой гостей и за секунду до объявления имени президента упасть в обморок, производя как можно больше шума. Но он не успел выполнить мои инструкции, потому что как раз рухнул наконец первый гость, потянув за собой скатерть и все, что было на ней. Вслед за ним всем вокруг стало плохо, и они начали падать как подкошенные. Я сделал вид, что тоже отравился, чтобы отвести от себя подозрения. Мой план отлично сработал – Макер наконец-то соблаговолил отказаться от Анастасии в обмен на пост президента. Теперь нам оставалось только сбежать. Но тут вмешался Жан-Бенедикт Хансен, и все пошло прахом.

– Что вы имеете в виду? – спросил я.

– Макер, убежденный в том, что по его вине от отравленной водки могут погибнуть сотрудники банка, признался в содеянном своему кузену. И тот принялся его шантажировать. Президентство в обмен на молчание. Но ужас был в том, что Анастасия, подслушав их разговор, вздумала призвать на помощь Тарногола и в итоге догадалась, что его роль играл я. Жан-Бенедикт стал свидетелем нашей ссоры и, в свою очередь, раскрыл мой секрет.

Лев на мгновение умолк. Воцарилась тишина. Потом он повернулся к Скарлетт:

– Как вы узнали?

– Что убийца – месье Роз? Он один мог входить и выходить из “Паласа”, оставаясь незамеченным. У него был пистолет. – Она показала на его портрет в форме подполковника. – Я только что проверила в интернете: у всех старших офицеров швейцарской армии есть пистолет *Sig Sauer P210* калибра девять миллиметров, как и орудие убийства. А главное, у него имелся мотив – он хотел вас защитить. За несколько часов до убийства шеф

службы безопасности поднялся в номер 623. Очевидно, это была ложная тревога. Но он сказал в полиции, что доложил об инциденте директору, учитывая важность того вечера. Я полагаю, что, услышав про скандал в номере 623, Роз очень встревожился. Ему было известно, что этот люкс занимает Тарногол. А также что Тарногол – это вы. Из вашего дела о мошенничестве мы выяснили, что персонаж Тарногола выдумал ваш отец по просьбе Роза, предложившего ему исполнять роли подставных клиентов. После смерти Сола Левовича только Роз был в курсе, что отныне под маской Тарногола скрываетесь вы. Поэтому, узнав, что Жан-Бенедикт раскрыл вашу тайну, он решил, что вы в опасности.

•

Суббота, 15 декабря.

За несколько часов до убийства

Месье Роз ходил кругами по своему кабинету. Он явно очень волновался. Лев растерянно наблюдал за ним.

– Не беспокойтесь, месье Роз, у меня все под контролем.

– Под контролем? Я давно тебя прошу, перестань рисковать, покончи с Тарноголом. Я знал, что рано или поздно ты попадешься. Ты понимаешь, что тебе грозит тюрьма и огромный штраф! Твоей карьере придет конец! Они заберут все, что у тебя есть!

– Жан-Бенедикт обещал молчать, если завтра на пресс-конференции я в последний раз сыграю Тарногола, чтобы назначить его президентом банка. А потом я исчезну навсегда.

– И ты уверен, что правосудие тебя не догонит?

– Никто ничего не узнает.

– Ну в самом деле, Лев, – рассердился месье Роз, – с твоим-то умом, как ты можешь быть таким наивным? Ты надеешься, что Макер Эвезнер позволит своему кузену отнять у него банк при помощи идиотского шантажа? Все это плохо кончится!

После долгой паузы Лев сказал:

– Месье Роз, успокойтесь, у меня есть план.

– Ничего себе успокоил. Что ты задумал?

– Вот увидите, Жан-Бенедикт еще пожалеет о своей затее. Так ему и надо, лицемеру этому. Он давно порывался устроить в банке путч, особенно после смерти Абея Эвезнера. Поэтому я застраховал свою жизнь, скажем так... за его счет.

– Застраховал свою жизнь?

– Я знал, что моего Тарногола в конце концов разоблачат. За последнее время банковская практика очень изменилась. Пятнадцать лет назад за финансовыми потоками следили не так пристально, как сейчас. Я понимал, что органы банковского надзора рано или поздно нами займутся. Поэтому я подготовил отходные пути. Я постепенно собирал вещи, принадлежащие Жан-Бенедикту, чтобы подбросить их в особняк Тарногола. Я постарался, чтобы их рабочие графики совпадали. В тот пресловутый понедельник, отправляя вечером Макера в Базель, я знал, что Жан-Бенедикт уехал в Цюрих. Я продал Жан-Бенедикту за гроши дом на улице Сен-Леже, купив его в свое время через фирму-однодневку. Он считал, что инвестирует в недвижимость – я что-то ему наплел о фантастической прибыли, и он полностью мне доверился. Он перевел средства в подставную компанию, которую я специально создал и зарегистрировал на его имя, и в итоге, сам того не подозревая, он оказался владельцем дома в Женеве. Он никогда не задавал вопросов, тем более это приносило ему кучу денег. Но эти деньги ему выплачивал лично я, чтобы у него не возникло подозрений. Короче говоря, я замел следы на всякий случай. Мне осталось сделать последний ход.

– Какой? – спросил месье Роз.

– Спрятать маску Тарногола в номере Жан-Бенедикта.

Через несколько минут после этого разговора Лев зашел в апартаменты Жан-Бенедикта под предлогом подготовки к завтрашней пресс-конференции.

– Что ты собираешься обсуждать среди ночи? – раздраженно спросил Жан-Бенедикт. – Я уже ложился спать.

– Надо убедиться, что мы готовы к бою, – ответил Лев. – Журналисты замучают нас вопросами, и надо знать, что им ответить.

Внезапно в дверь номера постучали.

– Это еще кто? – буркнул Жан-Бенедикт. – Что за манера беспокоить людей среди ночи? – Он в ярости распахнул дверь, но тут же утих, увидев перед собой Роза.

– Простите меня, месье Хансен, – сказал Роз, – я понимаю, что уже поздно, но у нас чрезвычайные обстоятельства. Поскольку вы как член совета банка занимаетесь организацией корпоративного уикенда, я обязательно должен с вами поговорить.

– Что случилось?

Лев, пользуясь тем, что Жан-Бенедикт отвлекся, незаметно отпер

балконную дверь в спальне.

– Инспекторы санитарной полиции все еще работают у нас на кухне. Я очень прошу вас с ними пообщаться, чтобы они могли подтвердить вам, что отравление никак не связано с приготовленной в отеле едой.

Жан-Бенедикт не горел желанием спуститься на кухню, но Роз настаивал, и он наконец уступил. Они направились к лифтам, а Лев вышел из номера 622 и вернулся к себе.

Под покровом ночи, захватив пакет с силиконовым лицом Тарногола и его одеждой, он перешагнул на балкон номера 623, где якобы жил Тарногол, и оттуда пробрался к Жан-Бенедикту, в номер 622, через заблаговременно открытую балконную дверь. Сняв с расчески Жан-Бенедикта несколько волосков, он сунул их внутрь маски Тарногола и спрятал пакет на верхней полке шкафа в его гардеробной. Потом с гостиничного телефона позвонил и заказал завтрак на следующее утро, строго следуя вкусам Тарногола: яйца, икру и рюмку водки.

•

– Зачем такие сложности? – спросила Скарлетт.

– На пресс-конференции, назначенной Жан-Бенедиктом на следующий день, я бы публично обвинил его в том, что он последние пятнадцать лет играл роль Тарногола и таким образом предал свой банк. В Женеве и в Вербье все улики были разложены по местам. Я заявил бы, что в ходе собственного расследования, которое я провожу уже не первый месяц, я обнаружил, что Хансену принадлежит особняк на улице Сен-Леже, и предложил бы полиции обыскать его номер и посмотреть, что он прячет в шкафах и в сейфе, где лежали акции Макера. Вот ловушка и захлопнулась бы.

Тут я не выдержал:

– И месье Роз, зная, что вы задумали, решил, что, если он уберет Жан-Бенедикта Хансена, вы окажетесь в полной безопасности, так как все поверят, что Тарногола изображал Хансен. Поэтому поздней ночью, никем не замеченный, он двумя выстрелами убил Жан-Бенедикта. Он оберегал вас как родного сына. Это был подвиг беззаветной любви.

Лев взволнованно кивнул:

– Однажды вечером в Женеве, куда месье Роз приехал поддержать меня на суде, он наконец во всем мне признался. Он безумно страдал от сознания того, что совершил. К тому же он переживал из-за того, что, убив

Жан-Бенедикта, окончательно меня потопил. Он не мог себе этого простить. Он постоянно повторял, что по его вине я потеряю все. Вынесенный мне приговор его добил. В итоге он покончил жизнь самоубийством за день до того, как я вышел из тюрьмы, сделав меня своим единственным наследником.

– Он завещал вам “Палас”, – сказала Скарлетт. – То есть вы теперь директор этого отеля, неуловимый директор, которого мне никак не удавалось застать.

– Да. Узнав, что вы расследуете убийство в номере 622, я поначалу забеспокоился. Потом подумал, что мне наконец представляется возможность пролить свет на это дело.

– А где сейчас пистолет Роза? – спросил я.

Лев улыбнулся:

– Пистолет изъяла полиция, когда он покончил с собой. Но никто так и не связал его с убийством в “Паласе”. Поскольку я оказался его наследником, спустя некоторое время после моего освобождения со мной связался какой-то полицейский, сообщив, что теперь я могу забрать оружие Роза. Я сказал, что оно мне ни к чему. “В таком случае мы должны будем его уничтожить”. – “Уничтожайте”, – ответил я. Что они и сделали. То есть полиция уничтожила единственную улику против месье Роза. Я защитил его в свою очередь. Как далеко мы готовы зайти, спасая тех, кого любим? Это, собственно, вопрос о смысле жизни.

Глава 74

Перевернуть страницу

Понедельник, 9 июля 2018 года, в “Паласе Вербье”

В дверь моего номера постучали. Это была Скарлетт. В ее улыбке мне почудилась какая-то грусть. За ее спиной стоял служащий отеля с чемоданами.

– Уже пора? – спросил я.

– Да.

– Я провожу вас вниз, – предложил я, чтобы оттянуть немного минуту расставания.

В лифте Скарлетт сказала:

– Вы так и не договорили, что случилось с Бернаром, когда ему стало дурно у подъезда его издательства.

•

Париж, 1 января 2018 года

Бернара ненадолго положили в больницу. Потом он смог вернуться домой. Врачи посоветовали ему передохнуть. Но вскоре его самочувствие ухудшилось, и ему пришлось лечь в Американский госпиталь в Нейи.

Первого января мне сообщили, что Бернар очень плох, я утренним поездом отправился из Женевы в Париж и прямо с вокзала поехал в больницу. Я боялся, что застаю его в плачевном состоянии, в пижаме, на больничной койке. Он всегда так замечательно держался, что я не готов был увидеть его при смерти, с блуждающим взглядом. Я ужасно волновался, открывая дверь его палаты. Но Бернар оказался в отличной форме, он сидел в рубашке и галстук и улыбался мне. Я подумал даже, что он никогда так хорошо не выглядел.

– Жоэль, – сказал он, – напрасно вы примчались. Как видите, я в полном порядке.

Не понимая, почему меня так напугали, я успокоился, убедившись, что с ним все нормально. Мы немного поболтали, потом к нему зашел еще кто-то, и он посоветовал мне провести остаток дня как-нибудь поинтереснее.

– Не беспокойтесь, Жоэль, – напутствовал меня Бернар с улыбкой, которую я никогда не забуду. – Увидимся завтра.

Это была наша последняя встреча.
На следующее утро его не стало.
Он обожал цирк и сам блестяще разыграл меня напоследок.

•

Скарлетт утерла слезы.

Дверцы лифта раскрылись на первом этаже “Паласа”. Мы направились к выходу.

– Кстати, мы даже не узнали, как сложились отношения Льва с Анастасией, – заметила Скарлетт. – Они так и не воссоединились? Как грустно!

– Полагаю, у них все закончилось хорошо.

В этот момент Лев Левович вышел нам навстречу.

– Мадам Лонас, – сказал он Скарлетт, – я был рад с вами познакомиться.

– Взаимно, – ответила Скарлетт, пожимая ему руку.

Тут появился замдиректора, с которым мы виделись несколько дней назад.

– Это Альфред Агостинелли, мой заместитель, – сказал Лев.

– И бывший водитель? – спросила Скарлетт.

– Он самый, – засмеялся Лев. – И если позволите, я бы хотел представить вам мою жену, она работает вместе со мной.

К нам подошла красивая блондинка. Это была Анастасия. Мы поздоровались, но тут мальчик и девочка лет десяти, промчавшись через холл отеля, подбежали к родителям. Эдмон и Дора, дети Льва и Анастасии.

– Как вы нашли друг друга? – спросила Скарлетт.

Анастасия взяла мужа за руку и улыбнулась счастливой улыбкой.

•

Через несколько месяцев после освобождения Льва

Год только начинался. Однажды солнечным январским днем Ольга фон Лахт появилась в холле женевского отеля “Бо-Риваж”. Она села в кресло и заказала черный чай. Сидящая рядом женщина подняла глаза от газеты, услышав ее голос.

– Мама? – удивилась Анастасия.

– Привет, доченька.

Они уже очень давно не разговаривали. С тех самых пор, как Анастасия уехала ко Льву на последний Большой уикенд.

– Как ты узнала, что я буду здесь? – спросила Анастасия.

– Яблоко от яблони...

Помолчав, Ольга сказала:

– Мне надо поговорить с тобой, Анастасия. Я так хочу, чтобы ты была счастлива. Но по тебе этого не скажешь.

– Спасибо, мама. Я стараюсь.

– Плохо стараешься.

Анастасия отвела взгляд. Ее мать, как всегда, не могла удержаться от упреков.

– У тебя нет детей, – добавила Ольга, – но надеюсь, что когда-нибудь они у тебя появятся.

– От кого? – поллюбопытствовала Анастасия.

Она не выдержала и всхлипнула. Ольга обняла дочь:

– От любимого человека. Я думаю, что по-настоящему мы любим только раз в жизни. Главное – не упустить свой шанс.

Ольга обхватила ладонями лицо Анастасии, вытерла ей слезы и сказала:

– Знаешь, чего я всегда желала тебе и твоей сестре?

– Выйти замуж за богатого человека.

– Нет. Я желала вам спокойной жизни.

Через несколько дней Ольга заявила к Левовичу в “Палас Вербье”.

– Говорят, вы тут теперь директор? – спросила она.

– Как вы узнали?

– Вы меня недооцениваете, я всегда в курсе всего.

Лев не мог сдержать усмешки. Она молча смерила его взглядом и продолжила:

– Знаете, Лев, вы для меня просто крыса помойная. Но для моей дочери вы граф Романов. Разве не это самое главное? – Ольга впервые улыбнулась. – Вы созданы друг для друга. Поезжайте в Женеву, верните себе мою дочь! Вы будете здесь счастливы! Жизнь так коротка, Лев. И надо постараться, чтобы все закончилось хорошо!

Скарлетт пора было ехать. Такси уже стояло перед отелем. Мы вместе спустились с крыльца.

– Я так привязался к вам, Скарлетт, – сказал я ей.

– И я к вам, писатель. Мы обязательно еще увидимся.

Она поцеловала меня в щеку. И добавила:

– Благодаря вам мне теперь кажется, что я тоже немного знакома с Бернардом.

– Если такое же ощущение возникнет и у читателей этого романа, то я не зря написал его.

Она улыбнулась:

– Можно вопрос, писатель?

– Конечно.

– У вас разбито сердце? Поэтому вы пишете?

– Наверное. А у вас, – спросил я в свою очередь, – разбито сердце?

– Если у вас разбито, то и у меня тоже, я же персонаж вашей книги.

– Скарлетт, я хотел вам сказать...

Но меня прервал звук открывшейся двери.

– Жоэль, вы тут?

Это Дениз вернулась из отпуска. Ее не было целых две недели. А я и не заметил, как время пролетело. До меня донесся ее возглас: “Какой же у вас бардак на кухне!” Потом она появилась на пороге моего кабинета:

– Жоэль, что тут произошло? У вас вся квартира вверх дном! Такое впечатление, что вы две недели отсюда не вылезали.

Она взглянула на экран моего компьютера, на листы бумаги на столе и карточки, приколотые на стену.

– Я написал роман, – признался я. – Я погрузился в него с головой.

Она опешила:

– Вы две недели просидели взаперти?

Она схватила пачку страниц.

– Я еще не успел ничего отредактировать.

Она прочла:

ЗАГАДКА НОМЕРА 622

В субботу, 23 июня 2018 года, на рассвете, загрузив чемодан в багажник своей машины, я двинулся в сторону Вербье. На горизонте вставало солнце, окутывая пустынные женеvские улицы густо-оранжевой дымкой. Переехав Рону по мосту Монблан, я пронесся по цветущим набережным до квартала ООН и вырулил на автостраду по направлению к Вале.

Это раннее летнее утро привело меня в восхищение: небо переливалось чудесными красками, пейзажи по обе стороны шоссе виделись мне еще более буколическими, чем обычно, деревеньки, разбросанные среди виноградников над Женевским озером, так и просились на открытку. Я свернул с автострады в Мартиньи и поехал по узкой извилистой дороге, которая после Ле-Шабля вьется серпантинном вверх до самого Вербье.

– Вы представили себе, что поехали отдохнуть в горы? – спросила Дениз. – Ну и ну, Жоэль!

Взглянув в окно, она вдруг заметила на балконе переполненную окурками пепельницу.

– Сколько же вы курите, фу, какая гадость! Хоть бы выкидывали их иногда!

– Я много времени проводил на балконе.

– Это еще не повод не выкидывать окурки, – проворчала она. – И кухня у вас в ужасном состоянии.

Затем она посмотрела на карточки, развешанные на стене.

Слоан

22.6: забыть этот день

622: забыть этот номер

– 622 – это дата вашего разрыва со Слоан наоборот? – догадалась Дениз.

– Да. В моем романе очень многое связано со Слоан, – подтвердил я. – Вы поймете, когда будете читать.

Дениз посмотрела на следующую карточку:

– Надо полагать, что на образ Скарлетт Лонас из Лондона вас вдохновила ваша английская подруга.

– Браво, – сказал я. – Лонас – это анаграмма Слоан.

– А почему вы назвали ее Скарлетт?

– В честь Скарлетт О’Хара. “Унесенные ветром” – любимая книга Бернара. Он, кстати, тоже постоянно присутствует на этих страницах. Например, действие происходит в его обожаемом Вербье. А водитель Льва Альфред Агостинелли – полный тезка секретаря Пруста. О’Хара – “О” как одиночество. Одиночество, которое подстерегает меня повсюду и заставляет писать. С Бернаром мне было не так одиноко. Потом Бернар ушел, а одиночество вернулось.

Дениз отправила меня прогуляться в парк Бертрана, чтобы я подышал воздухом впервые за две недели. Под тем предлогом, что ей надо навести порядок в квартире. На самом деле ей не терпелось засесть за мой новый роман.

Я бродил по аллеям. Я знал, что, закончив книгу, я на свой манер попрощаюсь с Бернардом. Хорошо бы он возник передо мной в этом парке, и мы бы прошлись вместе в последний раз. Мне показалось, что в гомоне птиц я расслышал его голос, ответивший на вопрос, который я часто задавал себе после его смерти.

Куда уходят мертвые?

Туда, где их вспоминают. И еще – в звезды. Потому что они неизменно следуют за нами, пляшут и сияют в ночи прямо у нас над головой.

Я посмотрел вверх на голубое небо. Я был одинок, но мне стало спокойно. Вот тут я и наткнулся на Слоан, любительницу побегать, которая выскочила прямо на меня. Она остановилась, улыбнулась и вынула из ушей наушники.

– Я только что вернулась из отпуска, меня не было две недели, – сказала она. – Я все обдумала. По-моему, я совершила ужасную глупость.

– Я тоже.

У меня перехватило дыхание.

– Может, пойдем вечерком куда-нибудь выпить, – предложила она. – Ну конечно, если ты свободен... Я знаю, ты последнее время был полностью поглощен своим романом.

– Я дописал его. У меня теперь вся жизнь впереди.

Она снова улыбнулась:

– Тогда до вечера.

Слоан ушла. Я сел на скамейку и стал смотреть на зелень вокруг, постепенно включаясь в окружающий мир. Я вдруг понял, что счастлив.

Жизнь – это роман, финал которого заранее известен: в конце герой умирает. Поэтому важно не то, как закончится наша история, а то, чем заполнятся ее страницы. Потому что жизнь, как роман, должна быть приключением. А приключения – это праздники жизни.

Примечания

1

Сильнейшая зависть (*лат.*).

2

Никогда не жалуйся, никогда не объясняй (*англ.*).

Шательдонская минеральная вода в 1650 году была рекомендована Людовику XIV придворным врачом, и с тех пор ее регулярно поставляли королю в Версаль.

Пьер Лаваль (1883–1945) – французский политик, член коллаборационистского правительства маршала Петена во время Второй мировой войны; в 1933 году он приобрел минеральный источник в Шательдоне.

Последний довод (*лат.*), часто означает последнее средство для разрешения конфликта.

Иксель (Элсене) – модный район Брюсселя.

М. Пруст. Пленница. Перевод А. Франковского.